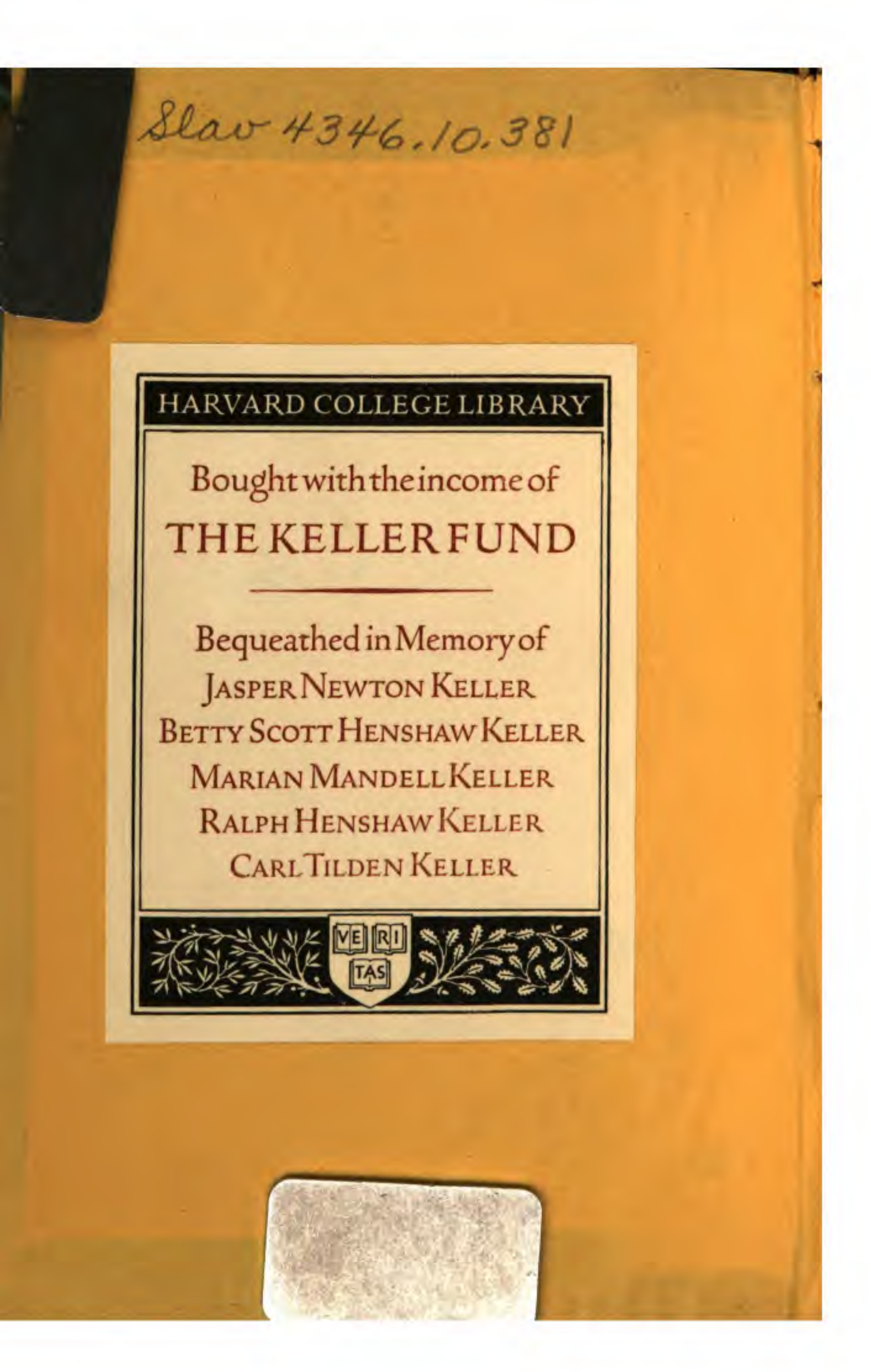
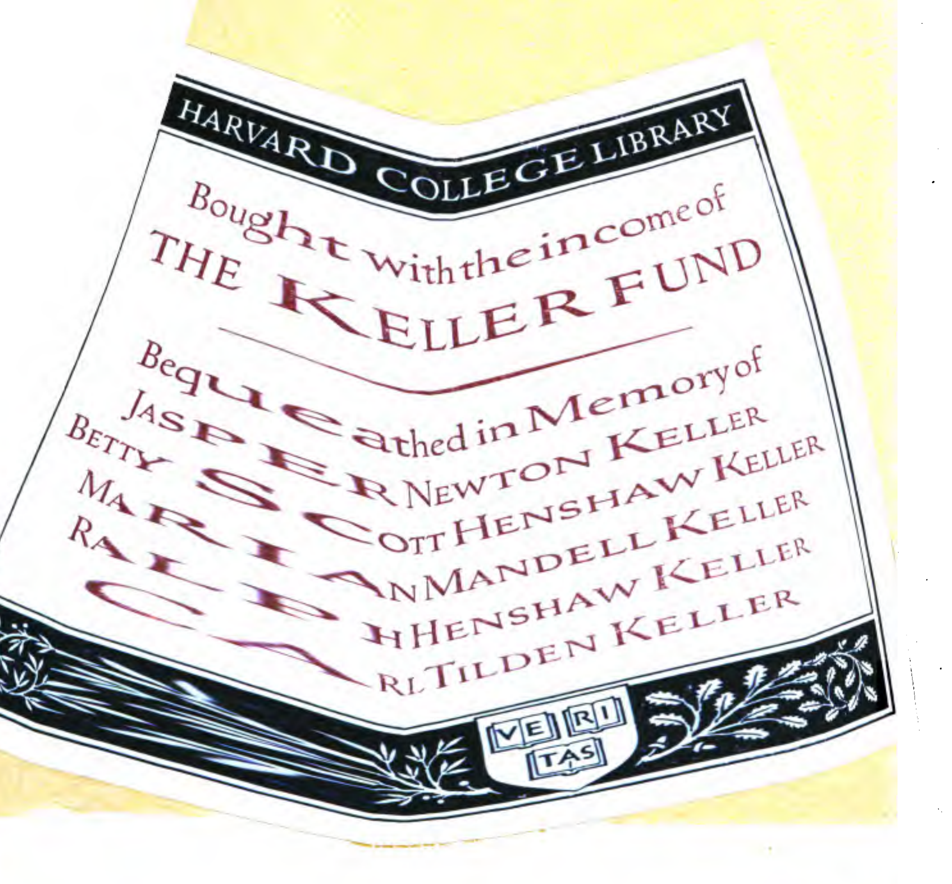

Slav 4346.10.381
HARVARD COLLEGE LIBRARY
Bought with the income of
THE KELLER FUND
Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER
VE RI TAS

HARVARD COLLEGE LIBRARY
Bought with the income of
THE KELLER FUND
Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER
VE RI TAS

Н. А. Лухмановой.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЪ СИБИРИ

I. Въ глухихъ мѣстахъ.
II. Бѣлокриницкій Архіерей Афанасій.

(Изъ личныхъ воспоминаній автора, пробывшаго 5 лѣтъ въ „глухихъ мѣстахъ").

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца М. В. ПОПОВА.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 октября 1895 г.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ.

Очерки.

I.

Артамонъ Степановичъ Круторогов и Иванъ Семеновичъ Емелькинъ.

Старый деревянный домъ Артамона Степановича стоялъ между дворомъ и садомъ. Съ той и съ другой стороны, въ длину фасада бѣжали просторныя „галдарейки" съ навѣсомъ и колонками. „Галдарейка", выходившая на дворъ, представляла собой лѣтомъ какой-то караванъ-сарай: на ней всегда что-нибудь сушилось и провѣтривалось, на перилахъ лежали перекинутыя перины, безпомощныя, недвижимыя, какъ купчихи послѣ сытнаго обѣда, пестрѣли груды подушекъ въ персидскихъ шелковыхъ наволочкахъ, болтались домотканные ковры изъ коровьей шерсти, красуясь зелеными, розовыми и голубыми собаками; тутъ-же слонялись разныя богомолки, нищія, старицы, пришедшія къ „Круторогихъ" по своимъ дѣламъ, сидѣли татары, ожидавшіе „бачку Артамона" для разсчета за кожу; тутъ-же шарикомъ каталась Митродорушка,

вся круглая, съ пышной косой и румяными щеками, старшая воспитанница Круторогових; она, побрякивая ключами, ныряла то въ ту, то въ другую кладовушку, на ходу перекидываясь съ пришедшими веселымъ смѣхомъ и шуточками.

„Галдарейка", выходившая въ садъ, лѣтомъ вся обвитая дикимъ виноградомъ и хмѣлемъ, посѣщалась только своими домашними, да близкими гостями. Тутъ, въ укромномъ уголочкѣ, стоялъ широкій, протертый диванъ, передъ нимъ столъ створчатый, накрытый синимъ столешникомъ, и шкафикъ съ висячимъ замочкомъ. Здѣсь любила сидѣть съ „милъ человѣкомъ" Настасья Петровна Круторогова. Отъ затѣйливыхъ куртинъ, расположенныхъ звѣздами и „планидами", шла пріятная духовитость. Громадныя березы кудрявились вдоль аллей, усыпанныхъ краснымъ пескомъ. Среди лужаекъ стояли три стройныхъ, темнозеленыхъ кедра, посаженныхъ Артамономъ въ честь трехъ сыновей, родившихся уже въ этомъ домѣ: Ивана, Якова и Сергѣя. Въ глубинѣ сада была круглая бесѣдка изъ самоцвѣтныхъ стеклышекъ, налѣво „теплушка", гдѣ садовникъ изъ ссыльныхъ, угрюмый Емельянъ, разводилъ всякую огородную „фрукту": огурцы, редисъ и салатъ, которыми можно было щегольнуть и среди зимы; налѣво были устроены кегли.

Настасья Петровна любила свой садъ и цѣлые часы просиживала на „галдареечкѣ", бесѣдуя то съ тою, то съ другою гостьюшкой, отворяя завѣтный шкафикъ, который Митродорушка съ ранняго утра обставляла, какъ слѣдуетъ, виномъ и закусками. На створчатомъ столѣ безсмѣнно чередовались пузатые самовары. Домъ Круторогових,

какъ и всѣ прочiе богатые дома города Т., былъ полная чаша. Въ кладовыхъ его, просторныхъ и прохладныхъ, какъ сарай, хранились посуда, хрусталь и всякая утварь, которой хватило бы на много лѣтъ и многимъ семействамъ; стояли громадные, кованные сундуки съ полотнами и матерiями для годоваго домашняго обихода; на нихъ высились нерасшитые кожанные цыбики чая, забитые гвоздями деревянные ящики съ головами сахара; по угламъ цѣлые закрома мѣшковъ и кульковъ съ орѣхами, пряниками и другими лакомствами, покрывшимися пудами; на полу, какъ гигантская пластовая пастила, лежали въ перегибъ бѣлые войлоки, груды персидскихъ ковровъ, которыми въ большiе праздники и семейныя торжества убирался весь домъ; по стѣнамъ, на громадныхъ крюкахъ, висѣли запасныя сѣдла, уздечки, сбруя. Словомъ тутъ было все, что возроставшее благосостоянiе купеческой семьи могло собрать по своимъ ежегоднымъ скитаньямъ на ярмаркахъ въ Ирбитѣ и Нижнемъ.

Въ подвалахъ и другихъ закромахъ находились туши мяса, запасы мороженной рыбы, икра бочками и вся снѣдь и выпивка. Словомъ, если-бы городу Т. надо было выдержать осаду и кругомъ былъ гладъ и моръ, семейство Крутороговыхъ долго прожило-бы сытно и привольно, пользуясь одними своими складами.

Артамонъ Степановичъ Круторогов родился шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ на тятенькиномъ огородѣ, гдѣ „манька", не расчитавъ времени, пололо гряды. До 18 лѣтъ онъ не сносилъ еще ни одной пары сапогъ и околачивался кругомъ

„кобылки“, на которой распяливали десятокъ, другой кожъ, работая на чужой заводъ. Здоровый, рослый, съ лицомъ, изрытымъ оспой, Артамонъ росъ смѣтливый, юркій, первый боецъ зимнихъ кулачныхъ боевъ на Городищѣ, гдѣ „стѣнка на стѣнку“ выходили каждое воскресенье фабричные. Молодымъ парнемъ онъ побывалъ уже въ далекихъ татарскихъ юртахъ, перезнакомился со всѣми „князьями“, устроилъ себѣ кредитъ и къ 25-ти годамъ орудовалъ уже въ собственномъ заводикѣ. 30-ти лѣтъ онъ женился, взявъ за себя невѣсту съ деньгами изъ степенной, скопидомной семьи Балушиныхъ. Настасья Петровна, выйдя за него 16-ти лѣтъ, повидала на своемъ вѣку всякіе виды и побывала во всякихъ передѣлкахъ, но умная и добрая, она, несмотря на то, что внесла въ домъ мужа основной капиталъ будущаго богатства, многіе годы работала съ нимъ наравнѣ, пріобрѣтая и откладывая грошъ за грошомъ. Дѣтей у нихъ было много, но такъ какъ въ то время и отцу и матери некогда было съ ними „возжаться“, то ихъ и отдавали на руки старухамъ бабушкамъ и тетушкамъ, которыя отъ грыжи—прикусывали имъ пупочекъ, отъ надрывистаго крика—поили маковой настоечкой, а отъ любви—закармливали медомъ, пряниками, поили сусломъ пивнымъ и домашней бражкой. При этой системѣ дѣти не загащивались подолгу на землѣ, а отправлялись „къ ангеламъ небеснымъ“, и только три сына и составляли въ настоящее время семью Круторогoвыхъ. Спившійся Ванюшка жилъ въ кухонной боковушкѣ, рыжій, золотушный Яшенька завѣдывалъ заводомъ, да младшій Сережа кончалъ курсъ „въ

Россіи". Самъ Артамонъ Степановичъ давно уже пересталъ „ногой сморкаться", громадный заводъ его исполнялъ казенные подряды, самъ онъ одѣвался по-европейски, женѣ наряды выписывалъ изъ Москвы, читалъ газеты и журналы, почти ежегодно ѣздилъ въ столицу, побывалъ даже въ Парижѣ и у себя въ домѣ завелъ такія „новшества", отъ которыхъ ахнулъ весь городъ. Двухъ сыновей, Якова и Сергѣя, отправилъ сперва въ гимназію, а затѣмъ и въ университетъ, а съ своей Настасьей Петровной сталъ жить на разныхъ половинахъ. Къ шестидесяти годамъ это былъ здоровенный старикъ громаднаго роста съ бритымъ лицомъ, какъ-бы на смѣхъ всему городу, полному старообрядцевъ, съ небольшими мигающими, но зоркими глазами, самодуръ и звѣрь, прикрытый внѣшнимъ лоскомъ наносной цивилизаціи. Заѣзжихъ важныхъ гостей онъ умѣлъ обойти не только широкимъ гостепріимствомъ, но и напускнымъ добродушіемъ и откровенностью. Въ душѣ онъ не вѣрилъ ни Богу, ни чорту, единственная религія его была нажива, но такимъ его зналъ только одинъ человѣкъ, и это была его жена, Настасья Петровна, съ которой и жилъ онъ подъ старость на разныхъ половинахъ.

Артамонъ Степановичъ обѣдалъ. Онъ только-что съѣлъ жирный пирогъ съ нельмой и потянулся запить его стаканомъ домашняго пива, какъ въ прихожей послышался шопотъ, дверь отворилась настежъ и къ столу подлетѣла странная фигура, по виду не то мужикъ, не то баба.

— Здорово Артамонъ, дай гривенничекъ, другъ!

Артамонъ, грозно сдвинувшій брови при пер-

вомъ шумѣ, распустилъ теперь лицо въ дѣланную улыбку.

— Ладно, ладно, здравствуй, братъ Емелькинъ, гривенничекъ дамъ, садись, гостемъ будешь.

На блѣдномъ, лисьемъ лицѣ Емелькина мелькнула хитрая усмѣшечка, онъ осторожно присѣлъ на край стула и конфузливо пряталъ ноги, обутыя въ дырявыя, стоптанныя валенки. Одѣтъ Емелькинъ былъ безъ всякаго признака нижняго бѣлья, въ широкій ватный халатъ, подпоясанный веревкою, отчего кругомъ его таліи образовались складки, какъ у женской юбки. Шапки у него не было ни зимой, ни лѣтомъ, и голова его, съ сѣдыми кудрявыми волосами, была всегда повязана по ушамъ пестрымъ ситцевымъ платкомъ. Когда-то Емелькинъ былъ богатымъ купцомъ и Артамонъ работалъ на него, но друзья и пріятели, во главѣ съ тѣмъ-же Артамономъ, пользуясь его слабостью къ вину и картамъ, споили и обыграли его до нищеты. Теперь онъ спустилъ все, кромѣ двухэтажнаго деревяннаго дома.

— Выпьешь?—Артамонъ налилъ ему большой стаканъ водки.

Емелькина передернуло, слюна заполнила весь его ротъ, но онъ еще не былъ пьянъ, а потому смѣкалка и ненависть къ богачу Артамону пересилили.

— Не пью, — отвѣчалъ онъ и обернулся въ уголъ.

— Что? Не пьешь?—Артамонъ подозрительно взглянулъ на него и подумалъ: „пронюхалъ, бестія".

— Ты не ломайся, а выпей, водка-то не кабацкая, а заводская.

— Не употребляю! — отвѣчалъ Емелькинъ и сплюнулъ.—Дай двугривенный, Артамонъ!

— Выросло!—бери ужъ „рупь".—Артамонъ полѣзъ въ карманъ и досталъ изъ кожаннаго бумажника аккуратно сложенную рублевку, положилъ ее на столъ и прикрылъ своею громадной ладонью.— Вотъ что, братъ Емелькинъ, замѣстъ того, чтобы намъ кругомъ да около хороводиться, будемъ мы съ тобою говорить на чистоту. Хочу я, къ примѣру сказать, домъ строить!

— Знаю. — Емелькинъ покосился на стаканъ водки и отодвинулъ свой стулъ.—Коли ты, Артамонъ, разговоры разговаривать хочешь, такъ ты водку убери, не пью я ее и видѣть больше не могу, нутро не принимаетъ!

— Ладно, перейдемъ въ горенку!

Перешли въ сосѣдній кабинетъ.

— Продай мнѣ твой домъ, Емелькинъ!

— Ой-ли!

— Вѣрно, я на его мѣстѣ каменные хоромы выведу съ зеркальными окнами на самую рѣку.

— Ой-ли, ишь какъ тебя возноситъ-то!

— Потому, я почетное гражданство получилъ, да это не въ строку; продай мнѣ, братъ, домъ, вѣдь одно мѣсто покупаю, домъ-то тлѣнъ, весь червями изъѣденъ.

— Вотъ что, Артамонушка, домикъ-то я не прочь продать, только дай мнѣ умомъ раскинуть, сколько ты за него мнѣ дать долженъ. Видѣлъ, я теперь не пью, снова съ твоихъ денегъ торговать учну, только ты, Артамонъ, дай мнѣ рупь-то; вотъ... валенки всѣ разъѣхались, будь другомъ, дай! Вечоръ мы потолкуемъ!

Артамонъ нерѣшительно отодвинулъ ладонь, Емелькинъ выхватилъ бумажку, вскочилъ со стула и вдругъ поднесъ Артамону подъ носъ кулакъ, сложенный фигой: „на, выкуси, вотъ тебѣ домъ мой!" Раньше, чѣмъ Артамонъ опомнился, Емелькинъ вылетѣлъ изъ комнаты и понесся галопомъ къ своему дому, на углу котораго былъ кабакъ.

Подъ гостепріимнымъ кровомъ кабака, въ домѣ Емелькина, какъ всегда, сидѣла и галдѣла орава оборванцевъ, на обязанности которыхъ лежало разводить и сводить зарѣчный мостъ, для пропуска барокъ.

— Славьте вашего командира и благодѣтеля, Ивана Семеновича Емелькина! Угощаю на цѣлый рупь,—онъ бросилъ на кабацкую стойку бумажку.

Оборванцы подхватили его и съ ревомъ: „слава, слава, нашему именитому купцу, отцу благодѣтелю", трижды подкинули его, и затѣмъ началась попойка.

Пьянство и тщеславіе раздирали душу несчастнаго Емелькина, богатство и надменность бывшаго друга Круторогова мучили его, и теперь, сидя за грязнымъ столикомъ и напиваясь скверной кабацкой водкой, онъ твердо клялся въ душѣ, что Артамону какъ ушей своихъ не видать его дома. „Околѣвать стану, рѣшилъ онъ, городу на богадѣльню отдамъ, а ужъ хоромамъ его не стоять на этомъ мѣстѣ ни въ жисть!"

Домъ Емелькина, которымъ рѣшилъ Артамонъ завладѣть во что-бы ни стало, стоялъ на самомъ красивомъ мѣстѣ въ Зарѣчьѣ. Однимъ угломъ онъ выходилъ на главную улицу, а другимъ глядѣлъ на безобразный Зарѣчный мостъ и на открывав-

шуюся за нимъ панораму города. Самъ Емелькинъ игралъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ Зарѣчьѣ роль рыцаря-грабителя: мимо его дома не проѣзжалъ ни одинъ богатый купецъ, чтобъ онъ не постарался сорвать съ него подати. Спускъ съ Зарѣчья на мостъ страшно крутъ и въ два поворота, заднія колеса экипажей тормозятся и привычныя лошади идутъ осторожно бокомъ, надсѣдая на хвостъ, до самой середины моста. Емелькинъ въ кабакѣ караулитъ каждый экипажъ и какъ только замѣтитъ направляющійся къ мосту, вылетаетъ на дорогу и, хватаясь за заторможенное колесо, идетъ рядомъ. Всѣ обыватели, конечно, ему извѣстны и потому, будь то старый или молодой, онъ обращается къ нему съ фамильярно-заискивающимъ голосомъ и начинаетъ:

— Здравствуй, Филимонъ (или Евлампій, Евстигнѣй и т. д.)! Какъ поживаешь?.. Дай гривенникъ на водку! Ну, не жалѣй, раскошелься для друга! Дай душу отвести! Ну, давай, не упирайся!..Ишь, пузо-то отростилъ, мошну набилъ... Да, ну-же, давай!

И почти всегда получаетъ. Если-же проѣзжій не имѣетъ съ собою мелочи или зимою не хочетъ разстегиваться и доставать, Емелькинъ не унимается никакими доводами, бѣжитъ долго рядомъ по мосту уже рысью, держась за подножку экипажа, и только при „взъемѣ“ на гору, потерявъ всякую надежду, разражается градомъ мѣстныхъ ругательствъ:

— О, будь ты проклятъ! Язви тебя... и т. д., а иногда, схвативъ комъ снѣга, пускаетъ имъ въ затылокъ проѣхавшаго.

Замѣчательно, что всѣ мысли Емелькина сосре-

доточены на двухъ пунктахъ: выпить или выкинуть какую-нибудь необыкновенную штуку. Емелькинъ подбираетъ и тащитъ на улицѣ все, что только попадетъ на глаза; нерѣдко ограбленные преслѣдуютъ его; несмотря на свои годы, Емелькинъ несется съ добычей галопомъ, и если успѣетъ вбѣжать къ себѣ во дворъ и захлопнуть на засовъ за собою калитку, то даже ограбленные (дѣло, конечно, идетъ объ какомъ-нибудь коромыслѣ, ведрѣ, подковѣ и т. п.) считаютъ дѣло конченнымъ, и, всласть наругавшись у запертыхъ воротъ, уходятъ. Если-же его поймаютъ, то, конечно, бьютъ, но не сильно, во-первыхъ, потому, что его всѣ знаютъ, а во-вторыхъ, разъ пойманный, онъ не сопротивляется, напротивъ, гордо кричитъ:

— Твое! ну такъ бери, давно-бы ты сказалъ, что твое... никогда и не тронулъ-бы...

Украденная-же благополучно вещь появляется въ продажѣ въ кабакѣ его дома или спускается въ субботу пріѣзжающимъ на торгъ крестьянамъ. Иногда неодолимая жажда заставляетъ его проникнуть и прямо въ чей-нибудь домъ; для этого онъ долго гдѣ-нибудь изъ-за угла сторожитъ, пока караульный татаринъ отлучится отъ воротъ. Тогда Емелькинъ, подобравъ полы, летитъ прямо во дворъ и какъ изъ-подъ земли выростаетъ прямо передъ хозяиномъ въ его кабинетѣ; тутъ ужъ, во избѣжаніе скандала, приходится живо дать ему просимый гривенничекъ.

Тогда онъ выходитъ гордо, степенно и если нарывается на пораженнаго караульнаго (которымъ всѣмъ строго запрещено пропускать Емелькина), то объявляетъ ему, показывая гривенникъ:

Видалъ?! Завтра опять велѣлъ приходить...

Излюбленныя забавы Емелькина тоже оригинальны. Осенью, когда рѣка покрывается саломъ, и весною, когда по ней бѣгутъ послѣднія льдинки, Емелькинъ даетъ всему Зарѣчью даровое представленіе. Онъ идетъ на крутой берегъ рѣки въ сопровожденіи своего штаба, т. е. оборванцевъ, завсегдатаевъ кабака въ его домѣ, и объявляетъ имъ: „По гривеннику на рыло, только кричать громко и качать хорошенько!“

На виду у всѣхъ прохожихъ и проѣзжихъ, передъ окнами сосѣдняго дома, Емелькинъ торжественно снимаетъ съ головы платокъ, съ плечъ халатъ и остается въ первобытномъ видѣ. Оборванцы подхватываютъ его и орутъ во все горло:— Слава, слава нашему именитому купцу, отцу благодѣтелю! Слава! Урра! — и, раскачавъ, бросаютъ его въ рѣку, съ высоты, по крайней мѣрѣ, сажени. Емелькинъ летитъ въ воду, черезъ нѣсколько секундъ надъ водою показывается его голова, и онъ выходитъ на берегъ; лицо его сине, зубы стучатъ, все его тщедушное тѣло дрожитъ и ежится, но онъ кричитъ на весь берегъ: „Еще!“ Снова летитъ, снова появляется, и такъ до трехъ разъ. Затѣмъ, часто даже не напяливая халата, а только прижимая его къ себѣ, онъ спѣшитъ обойти все собравшееся посмотрѣть на него общество (состоящее частью изъ самыхъ уважаемыхъ купцовъ города) и уже отъ всѣхъ получаетъ довольно щедрую ленту. Съ халатомъ въ объятіяхъ летитъ затѣмъ Емелькинъ къ себѣ въ домъ, въ кабакъ; за нимъ несутся славильщики, въ ожиданіи обѣщанныхъ гривенниковъ.

Такъ, на потѣху купечества, Емелькинъ ежегодно „замыкаетъ“ и „отмыкаетъ“ рѣку.

Водопроводовъ въ городѣ нѣтъ, а потому круглый годъ между 3-мя и 4-мя часами все небогатое женское населеніе отправляется съ ведрами за водою. Емелькинъ выбираетъ дождливый день, когда немощеный, крутой спускъ къ рѣкѣ особенно труденъ. Бабы и дѣвки осторожно поднимаются съ полными ведрами по скользкимъ землянымъ выбоинамъ, и едва потянутся онѣ гуськомъ по улицѣ, какъ изъ-за угла появляется Емелькинъ и вдругъ передъ изумленной бабой сбрасываетъ съ себя халатъ. Степенныя или уже привыкшія къ нему бабы плюютъ и проходятъ дальше, дѣвушки бѣгутъ, хихикая и расплескивая воду, но какая нибудь новая или задорная не выдерживаетъ, становитъ на землю ведра и вооружается коромысломъ. Емелькинъ только этого и ждетъ. Онъ моментально бросается къ ведрамъ, съ быстротою обезьяны опрокидываетъ ихъ и исчезаетъ. Случается, конечно, что баба всетаки успѣваетъ здорово огрѣть его коромысломъ, но онъ, по мѣстному выраженію, „за тычкомъ не гонится“.

II.

Свѣтъ—Иванъ Артамоновичъ Круторогов.

Сѣрыя тѣни, какъ клочки прозрачной кисеи, поднимались съ земли. Холодное, блѣдное солнце взошло и лѣниво освѣтило сѣверный зимній пейзажъ. По замерзшей лентѣ рѣки бойко скользили деревянныя сани, разрисованныя синей краской. Шибко бѣжала запряженная въ нихъ сытая рыжая лошадка. Въ саняхъ сидѣли двѣ женщины, одна потолще, сгорбленная, другая потоньше, прямая, обѣ закутанныя въ черныя „матерчатыя“ шубки на бѣличьемъ мѣху, и въ толстыхъ черныхъ платкахъ, почти закрывавшихъ лица.

Потолще и видимо постарше правила ловко по „наметкѣ“, объѣзжая дыры и проруби, въ которыхъ и зиму и лѣто мочатъ кожи ближайшіе заводы. Санки миновали татарскія юрты, пролетѣли мимо махавшихъ имъ безформенными руками поставовъ, на которыхъ толклась одубина для кожевенныхъ заводовъ богача Круторогова, оставили за собою загородный городской садъ и, наконецъ, въѣхали въ самый городъ. Передъ ними потянулись окрайные домики, низенькіе, кривобокіе, безъ крылечекъ или дверей наружу, всѣ съ двориками

и съ наглухо запертыми воротами. Каменныхъ построекъ совсѣмъ не было, но чѣмъ ближе подъѣзжали сани къ городу, тѣмъ дома становились крупнѣе, заборы выше, ворота крѣпче. Доѣхавъ до моста, правившая ударила лошадь и та рысью взяла на крутой „взъемъ". Несмотря на морозъ и толстый слой снѣга, во всемъ Зарѣчьѣ, куда направились сани, стоялъ особенный кислый запахъ. Можно было подумать, что здѣсь во всѣхъ домахъ провѣтриваются бочки изъ подъ кислой капусты. Этотъ своеобразный ароматъ шелъ со всѣхъ улицъ, густо „высоренныхъ" одубиной. Толчеи неустанно мололи дубовую кору, телѣги подвозили ее на заводы, а изъ дубильныхъ чановъ всѣ негодные отбросы вывозились прямо на улицы и „высаривались", какъ песокъ. Солнце высушивало это своеобразное мощенье, лошади и пѣшеходы притаптывали почву; за то, когда дожди растворяли всю эту благодать, то только носы зарѣченскихъ жителей могли ее переносить. Сани остановились у воротъ высокаго забора, окружавшаго цѣлую усадьбу.

— Здорова будешь,—привѣтствовалъ пріѣзжихъ татаринъ Юшка.

— Здорово, здорово, Юшенька! — отвѣчала старшая.

Юшка отперъ ворота, сани въѣхали въ широкій дворъ, окруженный сараями, конюшнями и другими хозяйственными пристройками. Рыжій дворовый мальчишка Петръ, въ нагольномъ тулупѣ и валенкахъ, сорвалъ съ своей кудрявой головы шапку и тоже подбѣжалъ къ санямъ.

— Здравствуйте, тетенька!—онъ троекратно по-

цѣловался со старшей.—Здравствуйте, Прасковья Степановна!—онъ поклонился младшей, красныя щечки которой и лукавые глазки блеснули теперь изъ-подъ платка.

— Небось, назяблись, сегодня больно студено, пожалуйте на кухню обогрѣться!

— Ладно, ладно, ты лошадку-то убери!

И обѣ пріѣхавшія, вылѣзши изъ саней, направились къ большому, отдѣльно стоявшему домику. Черезъ сѣнцы онѣ взошли въ большую свѣтлую кухню, гдѣ у русской печи возилась румяная, здоровая кухарка Матрена Сидоровна. На длинномъ столѣ, покрытомъ пестрымъ, домашняго тканья, „столешникомъ", помощница Матрены Сидоровны, толстая какъ обрубокъ, Акулина, ставила блюдо съ грудой мясныхъ пирожковъ. По краямъ кухни, на чистыхъ лавкахъ, покрытыхъ сѣрымъ рядномъ, сидѣли нищіе. У каждаго въ рукахъ былъ туесокъ и мѣшокъ за плечами. Вторая помощница кухарки, Агафья, тихая, немолодая баба, раздавала милостыню. Въ туеса накладывалось мерзлое молоко, наливался густой домашній квасъ, или одѣлялись капуста, огурцы, словомъ, по просьбѣ каждаго. Въ мѣшки опускались краюхи хлѣба, крупная сѣрая соль, завязанная въ тряпочку, куски жаренной рыбы. Въ домѣ богача Круторогова, какъ и во всѣхъ богатыхъ домахъ города, нищіе не получали денегъ, но щедро одѣлялись хлѣбомъ насущнымъ. Матрена Сидоровна поставила въ уголъ ухватъ, обтерла передникомъ сочныя губы и степенно, но ласково подошла къ пріѣзжимъ.

— Фаина Сергѣвна, здравствуйте, матушка! — она трижды поцѣловалась со старшей. — Пара-

нюшка, какъ жива будешь?—она поцѣловала молодую дѣвушку.

— Раскидайтесь, дорогія гостьи, грѣйтесь, сейчасъ чайку приготовлю. Ты небось постничаешь, Фаина Сергѣвна? Сейчасъ тебѣ груздочковъ и всякой снѣди такой Акулинушка приготовитъ. Мигомъ, мигомъ на погребъ слетаетъ!

— Ну, а нашъ-то соколъ, Ванюшка, какъ?

— Все такъ-же, и слухомъ слышать не хочетъ о большомъ домѣ; какъ перешелъ сюда къ намъ въ боковушку, такъ тутъ и поселился. Отдохни, мать, онъ никакъ теперь молится, потомъ и къ нему толкнешься!

Въ длинной боковушкѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ, по своей дикой фантазіи, жилъ старшій сынъ Круторогова, Иванъ. Это былъ когда-то статный, красивый парень, мозги котораго не вынесли отцовской ломки и жизни, полной неразрѣшимыхъ для него противорѣчій. Иванъ пилъ и юродствовалъ. Онъ далеко не былъ сумасшедшій, но и здравомыслящимъ назваться не могъ. Время отъ времени у него пухли ноги, онъ весь какъ бы наливался водой, и мать и старухи-бабушки, обожавшія Ванюшку, ждали его смерти, причитали надъ нимъ съ рыданьями и приходили по-очереди въ боковушку читать надъ нимъ отходную. Но Иванъ переставалъ пить, принималъ какія-то снадобья, приносимыя къ нему разными староверками, и снова выздоравливалъ, оправлялся до новаго запоя. Иванъ родился, когда Круторроговъ еще не нажился и работалъ самъ, какъ волъ, въ крошечномъ сарайчикѣ, изъ котораго и разросся потомъ громадный кожевенный заводъ. Ванюша

былъ мальчикъ тоненькій, стройненькій, тихій и [illegible]жковый, какъ дѣвочка; онъ росъ до десяти лѣтъ между ватными юбками старыхъ тетушекъ и бабушекъ. Его поили сладкимъ винцомъ, кормили медовыми пряниками, учили, по старымъ засаленнымъ книжкамъ настоящей, старой вѣрѣ отцовъ, таскали по разнымъ скитамъ, гдѣ его благословляли и наставляли разные старцы и „матери". Съ десяти лѣтъ мальчикъ пошелъ въ науку къ отцу и сталъ за конторку. Рука у Круторогова была тяжелая, нравъ скоропалительный, и не разъ мальчишку, из[illegible]аго въ кровь, мать укрывала въ своей моленной, гдѣ снова старухи отхаживали, отпаивали и от[illegible]тывали своего любимца. Каждый грошъ у отца былъ на отчетѣ и все-таки подроставшій мальчикъ изловчался вывернуться и на покупкѣ сырья, на продажѣ выдѣлки наживать синенькую, а и красненькую. Къ восемнадцати годамъ Ванюша вытянулся въ красиваго, женоподобнаго юношу, темнаго старовѣра, подчиненнаго мельчайшему исполненію религіозныхъ обрядовъ и толков[illegible]ній бабушекъ, тетушекъ и разныхъ „старицъ". Къ тому времени дѣла отца шли ужъ торной дорогой къ богатству. Упрямый, тяжелый, но умный Круторогов[illegible] рѣшилъ съѣздить въ Москву, въ Петербургъ, потолкаться по пріемнымъ нужныхъ людей, перехватить подряды, а затѣмъ проѣхать заграницу, людей посмотрѣть, себя показать.

Ванюшка наряду съ посѣщеніями скитовъ и бабьяго царства въ деревнѣ Пашенкѣ, объ которой у насъ еще будетъ рѣчь, съѣздилъ уже два раза въ Ирбитъ и Нижній, повидалъ цыганъ, по-

бывалъ въ такихъ вертепахъ, гдѣ сразу, какъ пѣнку со сливокъ, снимаютъ все мягкое, человѣческое съ юной души, и, наконецъ, отправился сопровождать папеньку въ Москву, Петербургъ и заграницу. Вернувшись изъ Парижа съ запасами духовъ, фиксатуара, модныхъ галстуховъ и пестрыхъ костюмовъ, Ванюшка снова побывалъ у всѣхъ бабушекъ, помолился съ лѣстовками во всѣхъ молельняхъ, „закурилъ“ на три дня въ Пашенку, за что попробовалъ снова тяжелаго отцовскаго кулака и, не выдержавъ, свихнулся: запилъ и на какомъ-то „стояніи“ въ чужой молельнѣ пустился въ плясъ, приговаривая:

Стану плавать я въ духахъ,
Со флаконами въ рукахъ!..

Къ этому времени у Круторогова подросъ второй сынъ, смирный, золотушный Яша, и старикъ махнулъ рукой на старшаго. Иванъ перебрался въ боковушку большой кухни и сталъ дурить тамъ во всю свою распатанную, изнѣженную и испорченную натуру.

Мать Фаина съ крестницей Параней пріѣхали приглашать Ванюшку въ гости, въ Пашенку, гдѣ приготовлялся годовой праздникъ. Боковушка была длинная комната, сплошь устланная бѣлой кошмой. Единственное окно ея въ глубинѣ было затянуто краснымъ коленкоромъ; передъ окномъ въ ширину всей комнаты стоялъ большой бѣлый столъ, накрытый до полу толстымъ сукномъ, заставленный образами. Потемнѣлые лики святыхъ съ суровыми очами выглядывали изъ золотыхъ ризъ, за-

шитыхъ драгоцѣнными камнями и занизанныхъ жемчугомъ. Передъ иконами горѣли цвѣтныя лампады, бросавшія кругомъ колеблющіяся свѣтлыя пятна. На отдѣльномъ столикѣ, сбоку, лежали св. книги, лѣстовки и другія принадлежности старообрядческой молельни. Справа, у стѣны стояла узенькая желѣзная кровать съ простымъ тюфякомъ, бѣлыми простынями, вышитыми по краямъ краснымъ кумачомъ, и тяжелымъ одѣяломъ на овечьей шкурѣ. Надъ кроватью висѣла грубо размалеванная, громадная картина страшнаго суда.

Зеленые, красные и синіе черти ловко поддѣвали на вилы грѣшниковъ и съ выраженіемъ неистоваго удовольствія поджаривали ихъ на огнѣ. Грѣшники стояли по разрядамъ; они лизали горячія сковороды, другимъ черти лили въ глотку расплавленное золото, третьи ѣли пуды печатной бумаги, за приверженность къ свѣтскому сочинительству. Много любившіе женскій полъ страдали еще ужаснѣе; пьяницы ловили зеленыхъ чертей, которые десятками облѣпляли ихъ, обвивали хвостами, дразнили длинными кровавыми языками; въ открытомъ брюхѣ чревоугодника красненькій чортъ игралъ на скрипкѣ.

Направо цѣлый уголъ полотна былъ залитъ розовымъ свѣтомъ, изображавшимъ входъ въ рай; тамъ по бокамъ стояли старцы сѣдобородые и привѣтливымъ мановеніемъ руки пропускали вереницу такихъ же, какъ они, бородатыхъ старцевъ и старицъ въ черныхъ платкахъ на головахъ; съ ними шли и нѣсколько генераловъ.

Свѣтъ Иванъ Артамоновичъ, высокій, худой, со впалыми карими глазами, съ пріятнымъ, но утом-

леннымъ и какъ бы растеряннымъ видомъ, стоялъ передъ иконами и билъ поклоны, перебирая лѣстовку. Дрожащими руками онъ время отъ времени, то передъ однимъ, то передъ другимъ угодникомъ, зажигалъ свѣчи темно-желтаго воску, неровныя, корявыя, собственноручной работы знакомыхъ старцевъ. Отбивъ условленное число поклоновъ, онъ остановился, осмотрѣлся кругомъ, нагнулъ голову вправо къ дверямъ и, не услыхавъ ничего подозрительнаго, подошелъ къ столу, нагнулся и изъ-подъ темнаго сукна, закрывавшаго его до полу, досталъ бутылку перцовки; живо схвативъ лѣвой рукой большую пустую лампаду, онъ налилъ ее полную и выпилъ, затѣмъ водворилъ на мѣсто бутылку и снова опустилъ суконную скатерть.

Иванъ Артамоновичъ былъ одѣтъ въ черный подрясникъ на лисьемъ мѣху и подпоясанъ веревкой; подъ низомъ у него было только бѣлье да высокія валенки. Похлопывая себя по бедрамъ, онъ прошелся по комнатѣ, затѣмъ щелкнулъ языкомъ, нагнулся еще разъ, досталъ бутылку рябиновки, налилъ въ ту же лампаду, отбилъ десять поклоновъ и снова выпилъ.

Когда всѣ бутылки были поочереди имъ перепробованы, Ванюшка былъ пьянъ окончательно и, приплясывая, хихикая и присѣдая, вышелъ въ большую комнату.

Фаина Сергѣевна и Прасковья встали при его появленіи; но Иванъ Артамоновичъ вдругъ взвизгнулъ и побѣжалъ къ себѣ обратно. Полы его подрясника развѣвались, какъ крылья, и, зацѣпляя за полки, роняя рѣшета и банки, онъ скрылся за

дверью. Параня хладнокровно осталась допивать чай съ блюдечка, но Фаина Сергѣевна степенно поднялась и направилась въ боковушку. Свѣтъ Иванъ Артамоновичъ стоялъ передъ картиною страшнаго суда и скорбно рыдалъ, глядя на человѣка, ловившаго зеленыхъ чертей...

III.

Овечкинъ-сынъ.

Евменій Федоровичъ Овечкинъ-сынъ проснулся съ первымъ проблескомъ блѣднаго зимняго утра. Его жилистыя ноги, обросшія длинными черными волосами, спустились съ кровати, нащупали войлочныя туфли и обулись автоматично, безъ всякаго вѣдома хозяина. Овечкинъ запустилъ пятерню въ свои густые, курчавые волосы и водилъ рукою по головѣ, точно разгоняя въ ней послѣдніе слѣды вчерашняго пьянаго угара. Повернувъ голову немного въ бокъ, онъ взглянулъ на спавшую рядомъ жену, и его татарскіе, чуть-чуть раскосые глаза вдругъ широко открылись: послѣдняя картина вчерашняго вечера ментально встала передъ нимъ такъ ясно, какъ если бы она фотографически отпечаталась въ его зрачкахъ.

Фелисата Григорьевна лежала на спинѣ, вся пышная, розовая; густая бахрома рѣсницъ бросала синеватую тѣнь на щеки; волнистыя, тяжелыя пряди черныхъ волосъ спустились на лобъ; она, казалось, не спала, а оцѣпенѣла въ сладостной истомѣ. Овечкинъ вдругъ обернулся всѣмъ тѣломъ, лѣвой рукой сгребъ ея черную косу, а правой съ размаху ударилъ ее по щекѣ. Съ безобразнымъ

испуганнымъ крикомъ молодая женщина рванулась было и снова припала головой къ подушкѣ, глядя въ упоръ на исковерканное злобой лицо мужа.

— А, подлая! — прошипѣлъ Евменій Федоровичъ и сбросилъ жену съ кровати на пушистую медвѣжью шкуру, разостланную на полу.

— Ты думаешь, я пьянъ былъ вчера, не помню? Нѣ-ѣтъ, все помню! Все видѣлъ!.. Винись! — и онъ толкнулъ ее ногою въ грудь.

— Виновата! — простонала она и, закрывъ голову руками, зарыдала.

Евменій Федоровичъ стиснулъ зубы и взмахнулъ кулакомъ. Но громадный кулакъ безсильно упалъ, а взглядъ уперся на вздрагивавшія голыя плечи жены, гладкія и мягкія, какъ бархатъ, на нѣжную спину, по ложбинѣ которой спускалась трубой густая коса. Сердце его переполнилось жалостливымъ презрѣніемъ къ этой „бабьей слабости“. Долго ли тутъ искалѣчить, ну, а дальше? думалъ онъ. Кто-жъ на такую бабу не позарится? А гдѣ такой „мягкой бабѣ“ устоять противу ласки мужской? Выходитъ, самъ виноватъ, — не укаралилъ свое добро, на расхищеніе отдалъ! Ну, а ты, баринъ, красавчикъ, мнѣ поплатишься! И Овечкинъ, снова сжавъ кулакъ, погрозилъ имъ въ пространство.

— Вставай! — прохрипѣлъ онъ женѣ и отошелъ къ умывальному тазу, около котораго стояли наготовѣ кувшинъ и два ведра съ водой. Онъ налилъ полный тазъ и сталъ мочить голову. Фелисата Григорьевна встала безъ слезинки, обулась, подвязала юбки и, взявъ въ руки бумазейный голубой капотъ, направилась къ двери.

— Назадъ!—не оглядываясь, прохрипѣлъ Овечкинъ, И молодая женщина подалась, какъ если бы ее кто толкнулъ отъ двери, и покорно присѣла на край кровати.

Евменій Федоровичъ вымылся, одѣлся, расчесалъ свою рыжеватую бороду, помолился привычной „пустой“ молитвой передъ родительскимъ благословеніемъ, затѣмъ надѣлъ валенки, шубку на лисьемъ мѣху, шапку тобольскую съ ушами, снялъ со стѣны ружье, зарядилъ его и надѣлъ ягташъ. Дойдя до двери, онъ обратился къ женѣ:

— Я, Фелисата Григорьевна, только потому не бью васъ, что убивать не намѣренъ, а коли я да разъ опущу кулакъ тебѣ на голову, то ужъ такъ и дотюкаю,—потому я свой характеръ знаю! И судовъ я этихъ и полиціи этой, ничего такаго я у себя на заводѣ не боюсь! Искалѣчу я тебя всласть, да ночью и выволоку на дворъ, такъ псы то наши по кусочкамъ всю тебя разнесутъ, и суди потомъ, зачѣмъ, молъ, ты, по своей бабской дурости, ночью на дворъ сунулась? А я, поплакавши примѣрно, похороню косточки ваши. Поминъ душѣ вашей справлю, да черезъ годикъ и другую жену за себя возьму. Только не затѣмъ мы, Фелисата Григорьевна, васъ за себя брали, вашей красотой любовались, васъ, нищую сироту, въ шелки да въ бархаты одѣвали, чтобъ своимъ собачкамъ искормить. А только такъ какъ вы оказались очень ужъ слабы на счетъ вашего естества, такъ теперь не взыщите: жисть ваша перемѣнится, будете вы теперь здѣсь на заводѣ, на манеръ какъ бы въ крѣпости и въ послушаніи, какъ бы въ монастырѣ. Выпишу я сюда свою маменьку и скрутимъ мы тебя по своему. Слыхала?

— Слыхала,—прошептала побѣлѣвшими губами Фелисата Григорьевна, не подымая глазъ на мужа.

— Такъ и знай, что вся ты у меня въ моей супружеской власти. Хочу—прощу, пуще прежняго разодѣну, въ золото закую. Хочу—псамъ скормлю, а ужъ только никому не отдамъ! Такъ и помните—коли еще что!..

Онъ двинулся къ женѣ съ исковерканнымъ побѣлѣлымъ лицомъ и снова поднялъ надъ нею кулакъ.

Фелисата Григорьевна тихо ахнула и, закрывъ лицо руками, скользнула съ кровати и такъ и осѣла на полу, какъ узелъ бѣлья.

— Такъ и помните!—прошепталъ Овечкинъ, вышелъ изъ комнаты и, заперевъ ее снаружи, опустилъ ключъ въ карманъ.

Въ спальнѣ было тихо, какъ въ могилѣ.

Во флигелечкѣ у приказчика, въ просторной комнатѣ, на густо настланномъ сѣнѣ, прикрытомъ бѣлой кошмой, въ повалку, полу-раздѣвшись, спали пять инженеровъ, съѣхавшихся къ Овечкину на охоту.

Стукъ въ двери заставилъ и ихъ проснуться спозаранку.

— Смерть спать хочется,—проговорилъ Козловъ, вставая, однако, на ноги.—Эй, Вязьминъ, Александръ Павловичъ, очнись.

Но Вязьминъ не спалъ, онъ давно уже проснулся. Его прекрасные синіе глаза глядѣли въ пространство, онъ думалъ о чемъ-то веселомъ, по-

тому что улыбка такъ и раздвигала его полныя красныя губы.

— Александръ Павловичъ,—заговорилъ сосѣдъ его съ лѣвой стороны, худощавый полякъ Бржезовскій,—я бы не хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ.

— Вчера?—засмѣялся Вязьминъ.

— Да и вчера! Если бы вы видѣли лицо Овечкина.

— Какое тамъ лицо у этого Ирода, вѣдь онъ былъ въ лоскъ пьянъ,—и Вязьминъ снова захохоталъ.

— Пьянъ, страшно пьянъ, ногами и языкомъ, но не памятью! Когда вы начали цѣловать *его* жену, я какъ ни былъ самъ пьянъ, а всетаки взглянулъ на мужа: онъ головы не могъ поднять отъ стола, но только повернулъ ее въ сторону и глядѣлъ на васъ такими налитыми кровью глазами, что, ей-Богу, у меня сердце захолонуло.

— Глупости!—Вязьминъ махнулъ рукою.—Во-первыхъ, не женись на такой непомѣрно-красивой и глупой женщинѣ, а во-вторыхъ, не допускай ее въ пьяную мужскую компанію... Зачѣмъ онъ ее пригласилъ къ столу?..

— Позволь,—перебилъ его Козловъ,—да вѣдь мы пріѣхали къ нимъ какъ гости и честь-честью сѣли за семейный, такъ сказать, ужинъ, вѣдь это ты же привезъ коньячищу и накатилъ его...

— Да, Вязьминъ, вы вчера того...—подалъ свой голосъ и Павловъ, вставая и расчесывая свою густую бороду.—Ужъ когда нибудь снесете вы свою буйную головушку за это самое бабское пристрастіе.

— Эхъ, Павловъ, да вѣдь это сама красота!

...е третьяго дня, какъ Овечкинъ въ... клубъ пріѣхалъ звать насъ на ох... наделалъ глупостей, какъ увидѣлъ... шелъ я съ нею танцовать, какъ увид... го лица ея глаза съ поволокой, соч... раскрытыми губами, такъ, вѣрите, ... расцѣловалъ тутъ же, при всѣхъ въ з... знаетъ, что со мной сталось.

...у-съ, готовы? — раздался въ дверяхъ... Овечкина, и онъ вошелъ въ комнату... холодные глаза обвели подозрительно... лицъ инженеровъ, онъ пожалъ имъ ру... торопить идти пить чай внизъ къ пр...

— Ужъ молодую хозяйку не обезсудьте... дыхаетъ! — сказалъ онъ и вышелъ.

Стеклянный заводъ Овечкина-сына стоялъ... верстахъ отъ ближайшаго города, окруженный... зомъ, обнесенный высокимъ заборомъ съ гвоз... и битымъ стекломъ наверху, не такъ отъ ли... человѣка, какъ отъ толстолапаго сѣраго медв... котораго „блазнилъ" мелкій скотъ, гулявшій... заводскому лугу, да отъ лѣснаго разбойник... волка, всегда готоваго шарахнуть черезъ забо... за добычей. На ночь заводскіе ворота замыкал... на запоръ, а старый сторожъ, Николай, откры... засовъ желѣзныхъ рѣшетокъ у темныхъ ящико... выпускалъ на дворъ сторожевыхъ собакъ. Пры... ками вылетали рыжія „лайки", встряхивали св... желтые „воротники", вытягивали крѣпкія лап... онѣмѣвшія за цѣлый день лежанья, и неслис... играя, кувыркаясь, по двору, оглашая окрестны... лѣсъ своимъ радостнымъ, злобнымъ лаемъ. Собак...

знали только своихъ и безпощадно разорвали бы каждаго чужаго, появившагося на дворѣ безъ провожатаго. На утро Николай звонилъ въ колоколъ и вывѣшивалъ на шестъ битую зайчину или оковалокъ мяса; всѣ собаки собирались къ нему, онъ одѣлялъ каждую и та съ злобнымъ рычаніемъ уходила съ добычею обратно въ свой темный ящикъ.

Рабочіе на заводѣ были большею частью „варнаки“, у которыхъ паспортъ на рожѣ прописанъ, все „Иваны Непомнящіе“, и свидѣтельство имъ выдавалось „для правильности“, съ ихъ же словъ, въ заводской конторѣ, потому „держать безпаспортнаго нельзя“. Настоящій мастеръ былъ на заводѣ одинъ, да два—три человѣка, дѣйствительно кой-что смыслившихъ въ стеклянномъ производствѣ, а все остальное такъ, сбродъ. Поступитъ, посмотритъ, да и присноровится, кто горнъ шуровать, кто варю мѣшать, а кто половчѣй и халяву выдувать начнетъ. Дѣло на заводѣ было не мудреное: стекло выдѣлывалось только простое, оконное, небольшихъ размѣровъ, „съ пузырькомъ и зеленцой“, а сбытъ былъ хорошій, зимой не успѣвали нагружать ящики, да разсылать.

На заводѣ Овечкина-сына каждый рабочій былъ страстный охотникъ. Отъ сторожа у воротъ, черномазаго татарина Пашки, до пастушенка Сосипатра, у всѣхъ было свое ружьишко и каждый въ свободную минуту только и наровилъ удрать въ лѣсъ. Лѣсъ былъ настоящій отчій домъ для всего сброда. Тамъ, въ густой тайгѣ, чуть не у каждаго была припасена своя нора „про всякій случай“. Ружье, порохъ, рубленный свинецъ, запасъ муки да соли,—вотъ основное богатство вар-

нава, все остальное дастъ лѣсъ. Дичины всякой вволю, толстый рябчикъ-кедровикъ, красноглазый тетеръ, токующій до одури по зарямъ, куропаточка пестрая, зайчина трусливая, богатый приѣдокъ въ видѣ груздя сухаго, рыжика, княженики, морошки, клюквы, ,,сибирскаго разговорца'', — шишекъ кедровыхъ, — уйма не початая. Тамъ, въ тайгѣ, бѣгутъ ручьи студеные, а въ нихъ моксунъ да сазанъ полощутся, ,,нырокъ'' кувыркается. Тамъ мохъ, что твоя перина пуховая, а ужъ птичьихъ пѣсенъ, звѣздныхъ ночей, зорекъ розовыхъ, грозъ громовыхъ, этого языкомъ не передать. Сибирскому бродягѣ, а только все это лелѣетъ его душу и неудержимо тянетъ къ себѣ. На заводѣ были такіе рабочіе, что только и выдерживали зиму, а какъ стаетъ снѣгъ, выползетъ травка зеленая, ручей шевельнется, какъ покажется въ небѣ первый треугольникъ возвращающихся журавлей, такъ силъ его больше не хватаетъ: отпустятъ — уйдетъ, задерживать станутъ — сбѣжитъ, айда, прямо въ тайгу, снова до лютаго зим[illegible]го холода. Овечкинъ умѣлъ ладить со своимъ [illegible]домъ, взглядъ у него бѣлъ тяжелый, силища [illegible]обыкновенная, характеромъ прижимистъ, но [illegible]ведливъ.

[illegible]енившись противъ отцовской воли на сиротѣ, [illegible]станной Крутороговымъ, онъ не взялъ за нею [illegible]таго приданаго, отдѣлился отъ семьи и пере[illegible] изъ города, съ отцовскаго большого кожевеннаго завода, въ лѣсъ. Онъ мечталъ расширить [illegible]стеклянный заводъ, начать выдувать бутыл[illegible] могло-бы дать хорошую прибыль; время [illegible]ремени отъѣзжалъ съ женою въ городъ, по-

казывалъ се въ нарядахъ и дорогихъ каменьяхъ въ клубѣ, чтобы не говорили люди, что онъ заперъ жену изъ ревности.

Въ послѣдній разъ онъ въ клубѣ познакомился съ инженерами и пригласилъ ихъ къ себѣ на заводъ, на охоту за зайцами.

Въ романовскихъ полушубкахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, въ мѣховыхъ тобольскихъ шапкахъ, въ высокихъ валенкахъ, гости, вслѣдъ за хозяиномъ, двинулись на охоту. Ворота имъ отперъ Пашка, и вся его темно-коричневая морда освѣтилась оскаленными бѣлыми широкими зубами.

— И я на охоту за вами,—объяснилъ онъ, помахивая старенькимъ одноствольнымъ ружьемъ.

— А у воротъ кто?—спросилъ Овечкинъ.

— Смѣнялся, смѣнялся, и у воротъ караулить будутъ, и я на охоту пойду, — отвѣчалъ Пашка веселымъ своеобразнымъ говоркомъ. Мѣховыя уши его треуха, не завязанныя, болтались по обѣ стороны головы, все лицо его то изрѣзывалось глубокими круглыми складками и походило на рожу старой обезьяны, то разглаживалось и молодѣло сразу.

Пашку всѣ знали и всѣ любили, онъ уже лѣтъ десять тому назадъ пришелъ на заводъ откуда-то съ дальняго татарскаго кочевья, да такъ и остался караульнымъ у воротъ; веселый, услужливый, онъ не любилъ только говорить, откуда онъ и зачѣмъ пришелъ.

— Ладно, ступай, — разрѣшилъ Овечкинъ. — Бѣги впередъ, пусть загонщики готовятся.

Дашка подхватилъ полы своего мѣхового халата и замелькалъ новенькими бѣлыми валенками.

Гости и хозяинъ, перейдя мостикъ, перекинутый черезъ глубокій ровъ, вступили въ лѣсъ. Утро было морозное, ясное, безъ малѣйшаго вѣтерка. На широкихъ лапахъ кедра снѣгъ лежалъ пышно, какъ вата; у стройныхъ елей всѣ пальцы были обернуты искрящимся инеемъ. Безлистые кусты облипихи стояли шатрами ажурнаго серебра. Подъ ногами скрипѣлъ и хрустѣлъ снѣгъ, пригвожденный морозомъ. Загонщики, мальчишки и бабы изъ двухъ сосѣднихъ заимокъ, давно обложили часть лѣса, но не двигались съ мѣста, пока господа не дадутъ знака.

Дойдя до широкой поляны, Овечкинъ остановился; инженеры выбрали имъ мѣста. „На насъ гнать будутъ", — пояснилъ онъ. Вязьминъ распустилъ [illegible] уши [illegible] высокой березѣ. Хо- [illegible] у Овечкина [illegible] радост- [illegible] было [illegible] пра- [illegible] время [illegible] прежде [illegible] черезъ [illegible] — О, [illegible] ругался [illegible] тутъ [illegible] Гладкій чортъ! [illegible] по тому же адресу.

бабѣ устоять? Чортовъ прихвостень! Язви тебя! Да погоди, погоди, будешь Фелицату мужнюю жену помнить! Вѣкъ свой будешь помнить!“

Лѣсъ вдругъ словно дрогнулъ и ожилъ, послышались крики, щелканье трещетокъ, улюканье, свистъ, и на поляну, разстилаясь по снѣгу, прижавъ уши къ спинѣ, вылетѣло съ десятокъ зайцевъ-бѣляковъ.

„Трахъ, трахъ“, сухо раскатились выстрѣлы. Нѣсколько зайцевъ перекувырнулось, одинъ, раненный, присѣлъ у самыхъ ногъ Вязьмина и завизжалъ, заувякалъ громко, надрывисто, какъ зашибленный младенецъ.

— Пашка, добей его!—нервно крикнулъ Вязьминъ.

Въ это время лѣсъ снова огласился гиканьемъ, крикомъ, снова на поляну вылетѣли обезумѣвшіе зайцы, грянулъ перекрестный ружейный залпъ, и вдругъ, заглушая все, по лѣсу пронесся отчаянный человѣческій вопль. Подъ березою, на томъ мѣстѣ, съ котораго только-что нервно рванулся Вязьминъ, въ корчахъ валялся Пашка; его темное лицо, все сведенное судорогой, билось о землю, изо рта бѣжала кровь и снѣгъ „курился“, всасывая горячую, алую струйку. Овечкинъ, съ трясущейся нижней губой, бросился впередъ и уперся обезумѣвшими глазами на Пашку...

„Несчастный случай“ прекратилъ охоту. Кто всадилъ бѣдному Пашкѣ, нагнувшемуся добивать зайца, полный зарядъ крупной дроби прямо въ горло и въ голову, разыскивать не стали.—Мало-ли такихъ оказій случается на охотѣ!

И инженеры, поблагодаривъ хозяина за радушный

пріемъ, уѣхали съ завода, не пообѣдавъ и не повидавъ больше красавицы-хозяйки. Когда кошева, запряженная лихой тройкой, отхватила ихъ уже на полъ-дороги отъ стекляннаго завода Овечкина-сына, Павловъ обернулся къ Вязьмину:

— Я-бы совѣтовалъ вамъ, Александръ Павловичъ, поставить здоровую свѣчу вашему святому за сохраненіе вашихъ ногъ!

И Павлову показалось, что Вязьминъ не смѣялся: хотя его бѣлые зубы блестѣли между усовъ, губы его дрожали. Очевидно онъ простудился на охотѣ и его била лихорадка.

Со дня невольнаго убійства Пашки Овечкинъ закутилъ. Заводъ шелъ по прежнему ни шатко ни валко, подъ управленіемъ старшаго мастера Ефрема. Выть по Пашкѣ было некому, схоронили его, поставили крестъ, на всякій случай, хотя никто не зналъ, къ какой религіи могъ принадлежать черномазый Пашка. Фелицата Григорьевна, узнавъ обо всѣхъ этихъ „страстяхъ“, перетрусила не на шутку. Мужъ не только не билъ ее, но ни словечкомъ не поминалъ ни объ уѣхавшихъ инженерахъ, ни обо всемъ прочемъ. Онъ не мылся, не одѣвался, ходилъ въ тулупчикѣ на лисьемъ мѣху, обрюзгшій, одутловатый, изрѣдка пѣлъ какіе-то жалобные романсы, ѣлъ мало, пилъ много и почти переселился во флигелекъ къ приказчику.

Фелицата Григорьевна присѣла къ столу и написала большими крупными каракулями письмо къ свекрови, прося ее пріѣхать. Какъ ни далеко стоялъ заводъ отъ города, какъ ни густо былъ окруженъ онъ дремучимъ лѣсомъ, а сорока на хвостѣ

принесла таки свекрови помимо письма вѣсточку о томъ, какъ покутили инженеры на стеклянномъ заводѣ ея сына.

Минодора Федоровна Овечкина была женщина высокая, костлявая, нрава строгаго, толку старообрядческаго. Она прежде всего поѣхала къ купцу Круторогову, пріемному отцу и воспитателю своей невѣстки Фелицаты. Домъ Крутороговыхъ считался чуть-ли не самымъ богатымъ въ городѣ. Старикъ Артамонъ Степановичъ принялъ ее не въ парадныхъ комнатахъ, убранныхъ персидскими коврами, а въ своемъ собственномъ кабинетикѣ, тепломъ, какъ баня, заставленномъ старой кожаной мебелью, сундуками съ разнымъ добромъ (а какъ многіе говорили, и съ деньгами), да громадною конторкой, за которою онъ самъ сводилъ счеты своихъ кожевенныхъ заводовъ. Долгая и интимная бесѣда стариковъ привела къ такимъ результатамъ: соблазновъ разводить на заводѣ не къ чему; коли самъ хозяинъ запилъ, то ужъ проку отъ его распорядковъ не жди. Очевидно, что ему надо избыть свою надсаду; на заводѣ Ефремъ пока и одинъ справится съ работами, а потому, пускай старуха съ Фелицатой съѣздитъ на богомолье въ Ивановскій монастырь, а за ея сыномъ Евменьемъ старикъ зашлетъ. Старшій сынъ Круторогова, Иванъ, какъ разъ собирается денька на три въ „Пашенку“. Пускай лучше ѣдутъ они вмѣстѣ, тамъ на просторѣ они свой хмѣль вывѣтрятъ. На томъ старики и порѣшили.

IV.

Ивановскій монастырь.

Въ 80 верстахъ отъ Тобольска, среди громад-
наго лѣса вѣковыхъ кедровъ и лиственницъ, стоитъ
женскій Ивановскій монастырь съ чудотворной ико-
ной Божьей Матери. Кругомъ монастыря людская
жизнь какъ-бы замерла. На далекое пространство
ли селенья, ни деревни, одинъ суровый, вѣчно зе-
леный лѣсъ и его таинственная жизнь берлогъ,
норъ и логовищъ. Весной въ лѣсу раздаются вы-
стрѣлы дешевыхъ пищалей, нерѣдко перевязан-
ныхъ лыкомъ или веревкою, и на земь падаютъ
толстые рябчики и кедровики, съ вѣтвей срыва-
ются красноглазые глухари, затоковавшіеся до одури
про любовь, падаютъ, распластавъ крылья, пест-
рыя куропатки и голубыя сойки. Подъ осень лѣсъ
оживаетъ и голоситъ нагрянувшими въ него го-
стями. Мужчины и женщины наполняютъ громад-
ные мѣшки кедровыми шишками, корзины—клюк-
вой, морошкой, брусникой и поляникой. Маль-
чишки и дѣвчонки копаютъ верхній слой земли, и
изъ-подъ него высыпаетъ несмѣтная армія ,,су-
хихъ" груздей, большихъ и малыхъ, крѣпкихъ,
гладкихъ и желтоватыхъ, какъ слоновая кость.
Мелкіе рыжики сыплятся золотымъ дождемъ въ

короба и плетушки. Съ первыми заморозками, надъ стройными кедрами тянутся птицы въ отлетъ, съ прощальнымъ крикомъ летятъ треугольникомъ журавли. Зимой, когда все цѣпенѣетъ и замираетъ въ природѣ, по лѣсу, не слышно скользя, несется на лыжахъ безстрашный сибирскій охотникъ и вызываетъ на единоборство громаднаго сѣраго медвѣдя, гоняется за голубою лисой, бьетъ пушистую бѣлку, сотнями губитъ зайца-бѣляка. А за лѣсомъ, въ недоступной тайгѣ, куда не залетаетъ ни звонъ монастырскихъ колоколовъ, ни ружейный выстрѣлъ охотника, гдѣ топь, да болото загородили путь ногѣ человѣческой, гоститъ временами самый опасный гость лѣса—бѣглый каторжникъ.

И вся эта жизнь лѣса съ его тайнами, съ влюбленными трелями птицъ, воемъ голодной волчицы, ароматомъ высокихъ травъ, нерѣдко опутавшихъ трупъ убитаго молодца, все это идетъ помимо тихаго Ивановскаго монастыря; вся эта жизнь кипитъ и рвется кругомъ мирнаго убѣжища, не нарушая ни на іоту монотоннаго прозябанія пріютившихся въ немъ женщинъ.

Всѣ монастырскія строенія обнесены высокою деревянною оградою съ крѣпкими воротами.

Внутренній широкій дворъ, по сибирскому обычаю весь замощенъ досками. Цвѣточный садъ и пчельникъ окружаютъ монастырь съ одной стороны, съ другой тянется мирное кладбище съ простыми безъимянными крестами на зеленыхъ холмахъ, подъ которыми, скрестивъ на груди изсохшія руки, въ черныхъ клобукахъ и мантіяхъ, лежатъ, какъ и при жизни, безмолвныя и покорныя монахини.

Въ главной церкви стоитъ стариннаго письма

большой образъ чудотворной иконы Божьей Матери. Потемнѣлый ликъ глядитъ сурово изъ богатаго золотаго вѣнца, украшеннаго жемчугомъ и каменьями. Узкія тонкія руки, обнимающія младенца, видны сквозь прорѣзы золотой массивной ризы. Слава о чудотворной иконѣ, разрѣшающей самые тяжкіе грѣхи человѣка, расходится далеко. Изъ Тюмени, Тобольска, Иркутска стекаются богомольцы, говѣютъ, исповѣдываются или просто съ нѣмой мольбой приносятъ покаяніе и всѣ получаютъ душѣ своей успокоеніе, мыслямъ просвѣтленіе.

Игуменья, мать Досифея, еще не старая женщина, съ строгимъ и блѣднымъ лицомъ, встрѣчаетъ одинаково и бѣднаго, и богатаго посѣтителя, съ той-же молитвой и благодарностью принимаетъ и тысячные дары, и простую ленту или пару серебряныхъ серегъ, принесенныхъ въ даръ Богородицѣ простою крестьянкою. Ласковыя сестры съ удовольствіемъ водятъ посѣтителей по своимъ чистымъ просторнымъ мастерскимъ.

Дѣтскія личики, робкія и любопытныя, встрѣчаются всюду: это сиротки, воспитывающіяся при монастырѣ. Онѣ учатся въ школѣ женскимъ работамъ, поютъ на клиросѣ, помогаютъ въ работѣ по саду и огороду. Дѣвочки-подростки сидятъ въ большихъ рабочихъ залахъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ роскошные пелены и покровы.

Въ этотъ-то Ивановскій женскій монастырь и рѣшилась старуха Овечкина скрыть на время изъ толковъ и пересудовъ свою провинившуюся [illegible]тку Фелицату.

V.

Овечиха-мать.

Звонко заливался колокольчикъ, когда къ стеклянному заводу подкатили парныя пошевни, въ которыхъ среди подушекъ и мѣшковъ, прямо, какъ костыль, сидѣла старуха Овечкина.

У воротъ ее встрѣтилъ караульный. Онъ ударилъ въ висѣвшій на шестѣ колоколъ и тѣмъ далъ знать въ контору о пріѣздѣ старой „Овечихи". Ямщикъ осадилъ своихъ мохнатыхъ лошаденокъ и сидѣлъ равнодушно, не обертываясь и не слѣзая съ козелъ. Старуха сидѣла тоже молча и глядѣла на прибитую къ воротамъ громадную черную ворону, какъ будто ожидая, что пугало сдвинется съ мѣста и высадитъ ее изъ кошевы.

Изъ конторы черезъ дворъ бѣжалъ приказчикъ Ефремъ, а за нимъ и увѣдомленная кѣмъ-то Фелицата Григорьевна. Изъ-подъ большого ковроваго платка, накинутаго второпяхъ, выглядывало блѣдное лицо и тревожные черные глаза молодой женщины. За ними въ припрыжку бѣжалъ какой-то рабочій. Всѣ трое кинулись высаживать суровую гостью.

— Здорово, невѣстушка!.. Какъ живете, можете... какъ Богъ носитъ?..—привѣтствовала старуха.

— Здравствуйте, маменька!.. Ужъ я по васъ стосковалась, думала, не пріѣдете...

— Ой-ли... А ты-бы, невѣстушка, меня загодя пригласила, тогда, какъ гости-то у васъ тутъ наѣзжали...

Женщины поцѣловались. Старуха вылѣзла изъ кошевы и направилась во дворъ, а приказчикъ съ рабочимъ и караульнымъ начали выгружать захваченные съ собой Овечкиной пожитки.

Послѣднія слова свекрови вызвали внезапную густую краску на лицѣ Фелицаты Григорьевны.

— Я, маменька, не вольна была позвать или не позвать васъ. Меня Евменій Федоровичъ не упредили, когда съ гостьми наѣхали...

— Такъ... Ну да объ этомъ съ тобой разговоръ послѣ. За Пашкину душу-то молишься?.. Она быть можетъ и поганая... а все-таки про всякій случай не мѣшало-бы...

Фелицата Григорьевна молчала и только дрожащими пальцами перебирала у подбородка платокъ.

— Ну, а мужъ гдѣ?

— Къ конторѣ... у Ефрема все обрѣтаются...

— Такъ.

Старуха, грузно стуча намерзлыми валенками, вошла въ теплую прихожую, сѣла на сундукъ и стала „раскидаться". Оставшись въ одномъ бумазейномъ капотѣ, въ черномъ шелковомъ платочкѣ на головѣ и большомъ красномъ вязаномъ, надѣтомъ на плечи, она сняла валенки, обулась въ „коты" съ лисьей опушкой и направилась съ невѣсткой во внутреннія комнаты.

— Ну-ко-сь, спосылай за Евменьемъ... вели сказать: мать пріѣхала... да давай чай пить...

Фелицата Григорьевна сняла съ головы платокъ, выбѣжала въ кухню, распорядилась, чтобъ позвали мужа, и вернулась въ комнату собирать закуску и чай.

Свекровь слѣдила за всѣми ея движеніями и тутъ только замѣтила, что молодая женщина похудѣла и что глаза ея, окруженные темными кругами, выглядѣли печально и покорно. „Значитъ, еще есть совѣсть“, подумала она.

Въ прихожей послышалась торопливая возня, и, споткнувшись въ сосѣдней комнатѣ на какіе-то встрѣчные стулья, въ дверяхъ столовой, гдѣ сидѣла „Овечиха“, появился сынъ ея Евменій Феодоровичъ. Лисій тулупчикъ его, застегнутый и подпоясанный синимъ кушакомъ, отъ вѣчнаго лежанья мѣстами лоснилъ, какъ напомаженный. Лицо Овечкина было одутловато, блѣдно; глаза заплыли; взъерошенные, какъ рыжій войлокъ, волосы лѣзли на лобъ и торчали вихрами изъ-за ушей.

Мать, молча, не сводила съ него глазъ.

Онъ подошелъ, поклонился ей въ ноги и остался на колѣняхъ.

— Маменька, маменька и родительница моя!.. Ужъ очeнно я обиженъ...

Онъ взглянулъ въ сторону, гдѣ стояла жена, и глаза его снова загорѣлись бѣшенной злобой.

— Вѣдь избѣгалъ я, маменька, видѣть ее окаянную, за себя не ручаюсь... вотъ такъ все у Ефрема и валандался...

— Встань!.. — сказала старуха тихо, но такъ внушительно, что Евменій Феодоровичъ сразу поднялся.—Подойди-ка сюда, Фелицата...

Невѣстка подошла, не поднимая глазъ.

— Поцѣлуйтесь!..

— Маменька!..—Овечкинъ шарахнулся въ сторону.

У Фелицаты Григорьевны задрожали губы.

— Тебѣ что, Евменій, материнское-то благословеніе не нужно, что-ли?.. Безъ него нонче прожить можно?.. Ой, Евменій, покорись... не то ноги моей здѣсь не будетъ больше... ямщику-то я и отъѣзжать отъ воротъ не велѣла...

— Маменька!..—Евменій Феодоровичъ снова упалъ передъ ней на колѣни, и пьяный хмѣль съ горькой обидой полился изъ глазъ его крупными слезами.

— А у тебя что, невѣстушка, спина не поклончива... ноги не сгибчаты?.. Не знаешь своего дѣла?.. Проси у мужа прощенія... Встань, Евменій, не твое мѣсто на полу при женѣ валяться!..

Фелицата Григорьевна повалилась въ ноги мужу. Плечи ея вздрагивали, но изъ сухихъ воспаленныхъ глазъ не текло ни слезинки.

— Подними жену, да поцѣлуйтесь!.. Будетъ вамъ народъ православный мутить, да свое нутро на показъ выставлять, ну!..

Овечкинъ поглядѣлъ на мать и не вынесъ ея властнаго, суроваго взгляда; онъ протянулъ руку къ женѣ и тронулъ ее за плечо.

Фелицата Григорьевна не вставала, а еще ниже пригнулась къ полу и глухо зарыдала.

— Ну, ладно, ладно, вытьемъ дѣла не поправишь, теперь надо, чтобы былье быльемъ поросло... люди молодые, вамъ жисть вся впереди... нечего оглядываться... Эй, говорю, не вой, Фелицата... вставай!..

Невѣстка покорно поднялась, и старуха толк-

нула ее къ мужу. Мужъ и жена молча обнялись.

— Инъ ладно!.. Давай, Фелицата, чаю, садись Евменій, говорить будемъ...

Когда невѣстка вышла, Овечкина ближе придвинулась къ сыну.

— Ты это что-же, сынокъ, послѣдняго ума рѣшился, что-ли?.. Ты чего это съ женой-то по клубамъ треплешься, да къ себѣ этихъ инженеришковъ, чтобъ имъ пусто было, прикармливаешь, да самъ съ ними напиваешься до безчувствія... Ты что-же это, отцовскій законъ вовсе забылъ?.. Бѣсовъ потѣшаешь, у себя гульбища да игрища устраиваешь?.. Чего человѣка жизни рѣшили?.. А?.. Все знаю, сынокъ, все знаю, а Фелицату вмѣсто того, чтобы за косу оттаскать, да ременной плеткой вытянуть, ты что комедь-то разыгрываешь?.. Жена въ домѣ, а ты во флигерѣ, что-же это порядокъ... что-ли?.. Э-э-эхъ, Евменій, рано отецъ умеръ, мало погуляла его плетка по твоимъ плечамъ, умнѣй-бы былъ... Я здѣсь прогощу у васъ три дня. Больше во флигерь ты ни ногой и винища-же этого чтобы ни-ни,—будетъ!.. Съ сегодняшней-же ночи ложись спать въ своей спальнѣ, а Фелицата будетъ со мною... Затѣмъ, ты поѣдешь въ городъ къ Крутороговымъ. Ванюшка Крутороговъ въ „Пашенку" собирается, тебя зоветъ. Съѣзди, уходи твое сердце тамъ на свободѣ, а я поѣду съ Фелицатой въ Ивановскій монастырь... тамъ мы погостимъ... мать Досифея-то все ея нутро насквозь выскребетъ и дурь-то всю изъ головы выбьетъ... а вернемся мы и все снова. У насъ по божески пой-

деть... Ефремъ и одинъ здѣсь на заводѣ управится. Не впервой!..

Овечкинъ слушалъ, поваливишись на столъ грудью и подперевъ голову руками; хмѣль его проходилъ, и суровый, властный голосъ матери, которому онъ привыкъ покоряться съ дѣтства, и теперь успокаивалъ его и во всякомъ случаѣ „разрѣшалъ" мучившій его вопросъ. Материно рѣшеніе было „отпускъ". Онъ глубоко вздохнулъ и поднялъ голову.

— Инъ быть по вашему, маменька. Пойду умоюсь, приведу свой образъ въ порядокъ...

И Овечкинъ, въ первый разъ со времени катастрофы, перешагнулъ порогъ своей спальни.

VI.

Мужняя жена Фелицата Григорьевна.

Почти двое сутокъ, считая съ остановкой въ Тобольскѣ, ѣхала старуха Овечиха съ своею невѣсткою Фелицатою въ Ивановскій монастырь.

Громадная кошева съ широчайшими отводами ныряла на выбоинахъ, накренялась на косогорахъ, и двѣ женщины, укутанныя въ шубы и одѣяла на медвѣжьемъ мѣху, то лежали, то сидѣли, и неперекатывались только благодаря тому, что были крѣпко укупорены середи всякой поклажи. Лица ихъ, почти сплошь закрытыя платками и капорами, поприпухли и потемнѣли отъ встрѣчнаго вѣтра, а все-таки Фелицата была довольна, что старуха храбро ѣхала въ открытыхъ саняхъ, не желая запереться въ возокъ, душный и тѣсный, какъ курятникъ. Всю дорогу свекровь и невѣстка избѣгали разговора, перекидываясь только нужными словами на остановкахъ и ночевкахъ.

— Молчать-то лучше,—высказалась старуха въ самомъ началѣ пути,—зубы не простудишь, да и я на своемъ вѣку ужъ наговорилась, а тебѣ растарабарывать еще рано...

А Фелицатѣ было и не до разговоровъ; такъ смутно было у нея на сердцѣ, что хоть ложись

да помирай. Ея думушку завѣтную разговорить было некому, ни у нея родной матушки, ни сестрицы старшей, какъ есть сирота круглая. Вскормили, вспоили въ чужомъ дому, не дали дѣвичьей красѣ разцвѣсть, не дали съ подруженьками по секрету себѣ милаго выглядѣть, приказали къ вѣнцу собираться и за постылаго да богатаго замужъ выдали. И всѣмъ-то она и теперь, чужая, живутъ-то они, какъ волкъ съ волчихой, на заводѣ средь лѣса, а вывезетъ онъ ее куда—въ городъ, уберетъ ее въ шелкъ да каменья, да потомъ и изведетъ ревностью да попреками... А теперь... накось, какой грѣхъ случился... И снова при одномъ воспоминаніи кровь полымемъ залила ея лицо, тѣло въ жаръ ударило и колыхнулась грудь. Вспомнилось ей красивое, веселое лицо, глаза лучистые, губы красныя, вспомнились ей слова ласковыя, какихъ въ жизнь свою она не слыхала. Весь разговоръ съ мужемъ въ утро охоты, смерть Пашки, отъѣздъ гостей и пьянство мужа, все, вплоть до пріѣзда свекрови, у нея какъ туманомъ покрыто, все какъ во снѣ пережито; за то съ мельчайшими подробностями она помнила вечеръ въ клубѣ, какъ она съ „нимъ“ танцовала, какъ „онъ“ за ея стуломъ стоялъ, да ей такія срамныя и сладкія рѣчи шепталъ прямо въ затылокъ, такъ что волосы ея шевелились и уши рдѣли, да потомъ когда къ нимъ на заводъ пріѣхали... да потомъ... А-а-ахъ!— сжалась острою болью грудь у Фелицаты и заметалась она по кошевѣ такъ, что старуха спросила:

— Ты чего?

— Ничего, маменька, такъ... маятно стало отъ пути, больно здѣсь раскаты велики.

— А ты не все лежи, присядь, будетъ легче...

Фелицата приподнялась и присѣла, а неотвязныя думы опять за ней.

— Ну хоть глазкомъ взглянуть мнѣ на моего погубителя, хоть бы еще послушать его... А что, вѣдь бываетъ же и такъ, что вотъ эдакій молодецъ возьметъ да и выкрадетъ мужнюю жену и увезетъ на свою сторону... да еще и повѣнчается съ нею... Тьфу, тьфу... — мысленно отплюнулась она. — Въ какое святое мѣсто ѣду и какія думы думаю... Навожденіе, чисто навожденіе на меня... забыть все надо... покаяться, очиститься и вернуться къ мужу, какъ примѣрная жена...

А что теперь, небось, говорятъ-то про меня... что звону-то по городу!.. Развѣ что вотъ маменька не выдастъ, отгрызется... Охъ, спасибо ей, она и Евменья-то живо отверезила... А ужъ и постылъ же онъ мнѣ!.. Теперь закатится въ „Пашенку", знаю я это гнѣздо благочестивое, слыхала объ честномъ житьѣ вѣковушъ-то этихъ... и все ему ничего, — поѣзжай... на тебя ни грѣха, ни стыда не ляжетъ... Эхъ, Александръ ты мой Павловичъ, думаешь ли ты обо мнѣ, соколъ мой ясный?..

И снова думы ея, подхваченныя волной воспоминаній, унеслись къ тому, кто такъ мимоходно, какъ путникъ срываетъ красивый цвѣтокъ, пришелъ, да и взялъ ея душу...

Не успѣла мать привратница отворить ворота и съ благословеніемъ пропустить мимо себя кошеву, въ которой пріѣхали „пріятныя" гости, какъ кругленькая веселая послушница Аглая, пробѣгавшая по двору въ кладовую, повернула назадъ и стремглавъ понеслась докладывать матери игуменьѣ, что

„пріѣхали гостьи купеческія, должно издалека, судя по поклажѣ“.

Овечиху съ Фелицатою проводили во флигелекъ для гостей и отвели имъ свѣтлую, уютную комнату съ двумя кроватями, ковромъ сибирскаго тканья, комодомъ, столомъ и стульями.

— Хорошо у нихъ тутъ... — сказала старуха, глядя на бѣлую штору, герань и бальзамины на окнѣ.

— Хорошо!..—подтвердила Фелицата, на которую тоже сразу благодатно подѣйствовала послѣ дороги тишина и чистота помѣщенія.

Помывшись, прибравшись съ дороги, Овечкина отправилась къ матери игуменьѣ, а Фелицата Григорьевна прилегла на кровать и первый разъ со времени катастрофы забылась спокойнымъ и крѣпкимъ сномъ.

Келья игуменьи была большая, свѣтлая комната, единственную роскошь которой составляли цвѣты. Громадные олеандры цвѣли душистыми пунсовыми и бѣлыми гроздьями, большія блѣдныя и яркокрасныя розы, раскинувшія, какъ въ истомѣ, широкіе лепестки, занимали у оконъ цѣлую скамейку, резеда, гіацинты, левкои тѣснились всюду на подоконникахъ и столахъ. Въ углахъ, въ огромныхъ ка[...]кахъ росли цѣлыя деревья китайскихъ розъ, на н[...], казалось, было больше цвѣтовъ, чѣмъ листьевъ. С[...]дкій, пріятный ароматъ могъ непривычнаго человѣка довести до одури. Громадное распятіе слоновой кости на крестѣ изъ чернаго дерева стояло въ [у]глу, окруженное перистыми туями; [на]дъ нимъ [...] образъ Аболакской Богоматери и передъ [...] цѣлыми рядами звѣздъ горѣли неугасимыя

лампады; сквозь грань ихъ хрусталей всюду кругомъ искрились и играли свѣтящіяся пятна. На окнахъ висѣли бѣлоснѣжныя пышныя занавѣси, сквозь нихъ виднѣлось безоблачное небо, казавшееся далекимъ и холоднымъ голубымъ пологомъ. Простая мебель, вся покрытая бѣлыми чехлами, бѣлыя вязанныя скатерти на столахъ и узенькая кровать за бѣлымъ же пологомъ дополняли скромное убранство комнаты.

Суровость и бѣдность монастырской обстановки скрадывались цвѣтами, и чувство покоя, благоговѣнія и надежды на что-то лучшее охватывало каждаго, кто переступалъ порогъ этой горницы.

Игуменья, знавшая уже давно „Овечиху", встрѣтила ее ласково; обѣихъ женщинъ связывали строгость жизни и общность ихъ несложныхъ, простыхъ взглядовъ.

Молодая послушница Аглая, постучавъ съ молитвою въ дверь и услышавъ „аминь" отъ игуменьи, вошла въ келью, стараясь держать внизъ свои лукавые черные глаза, неся подносъ передъ своею пышной грудью; она поставила его на столъ, сбѣгала за самоваромъ, быстро разсовала по всему столу тарелочки съ медомъ, грибами, пышками, засахаренными орѣхами и другою снѣдью, и вышла, плотно затворивъ за собою дверь.

— Не ждала я тебя, Минодора Феодоровна, нонче къ себѣ въ гости, думала лѣтомъ, авось, въ Петровки свидимся, а ужъ теперь, зимнимъ путемъ, и въ умѣ не было...

— Не думала и я, мать Досифея, этакую путину въ зимнюю стужу осилить, да видно „человѣкъ-то молчкомъ, а нужда-то его толчкомъ". Не

поѣхала бы и я, кабы нужда не вызвала... Наши дѣла-то до твоей святой обители не дошли еще?..

— Ничегохонько я не слыхала. Всѣ ли вы тамъ въ добромъ здоровьѣ?.. Круторогова, Ситкины, Бровкины?..

— Всѣ, всѣ въ вожделѣнномъ здравіи, тебѣ поклоны съ гостинцами прислали. Ужо зашли Аглаю къ намъ, чтобъ обобрала все, да къ тебѣ предоставила.

— Спаси тя Христосъ. Не забываютъ меня добрые люди...—Игуменья взглянула на образъ и перекрестилась.—Ну, а сынокъ твой какъ съ своей красавицей Фелицатой поживаетъ?..

— О-охъ, стряслась надъ нами бѣда неминучая, привезла я къ тебѣ Фелицату... что, говорить-то здѣсь можно?..—Овечиха опасливо взглянула на дверь.

Игуменья встала и сама еще разъ плотно заперла тяжелую дубовую дверь.

— Любопытны онѣ, правда, да только теперь ужъ не услышатъ. Ты пересядь-ко сюда...—И игуменья съ гостьей, пересѣвъ въ самый уголъ комнаты, близь кровати, повели тихую, душевную бесѣду. Все высказала Овечкина, и обиду свою на Круторогов[illegible]ыхъ, которые съумѣли обойти ея сына и женить его на своей безприданной воспитанницѣ, и недовѣріе свое къ невѣсткѣ, которая, даромъ, что [illegible] тихоня, „а вонъ какихъ дѣловъ-то теперь на[illegible]ла". Она разсказала всѣ слухи, всѣ сплетни и собственныя догадки насчетъ инженера, охоты, кра[illegible]ства Пашки, въ которомъ она, впрочемъ, видѣла только пьяный промахъ своего сына.

— Кабы не я,—закончила она,—тутъ и конца не нашли бы... вся теперь моя надежда на

тебя, мать Досифея... Поговори ты съ ней, вразуми ты ее, мужнюю жену, что отъ этаго бѣсовскаго навожденія одна погибель бываетъ, выспроси ты ее, что, да какъ, заставь покаяться и эпитемью наложи, верни ты ее снова въ разумъ и покорность... И что намъ съ этими чужими людьми возжаться? а не повѣришь, мать, всѣ наши бабы и дѣвки въ городѣ голову потеряли... плясы да игры, изъ клуба не выходятъ... Вонъ ужъ, жена пароходчика Натарова, да начальница гимназіи Звѣрева, да учительница ея какая-то, верхами на лошадяхъ стали ѣздить; чего отъ роду въ городѣ не было и того теперь насмотришься... Бѣса они намъ съ чугункой своей провели, прости Господи!..

Долго бесѣдовали обѣ женщины. Мать Досифея обстоятельно выспросила обо всѣхъ знакомыхъ и пообѣщала Овечкиной навести на путь истинный невѣстку ея Фелицату.

А Фелицата спала, раскинувшись, и видѣла странный, диковинный сонъ. Стоитъ длинная галлерея съ колонками, „должно это Крутороговская“, думаетъ во снѣ Фелицата, и много на ней народа ходитъ, говорятъ, а на ступенькахъ, на самомъ вотъ юру, гдѣ проходить надо, усѣлся старикъ, странникъ: борода, что ленъ, бѣлая, а глаза синіе, какъ небо, и благостные такіе, и смотритъ онъ на нее, Фелицату, а она по-прежнему, по-дѣвичьи, косы распустивъ, тутъ-же съ ключами бѣгаетъ, то въ амбаръ, то въ кладовую.

— И чего ты, дѣвонька, суетишься только, чего мечешься?

— А какъ-же,—говоритъ она,—дѣдушка, вѣдь всякому что-нибудь требуется, а я про всѣхъ одна...

— Полно, дѣвонька, ты посмотри, что ты несешь-то!

А она глядитъ: въ рукахъ ея чашка большая, да вся полная крови. Куда ей кровь эту дѣвать, куда спрятать, чтобы люди не видали, что кровь она въ чашкѣ несетъ... Бѣжитъ она къ дверямъ, а онѣ открылись и изъ нихъ ея мужъ выходитъ.

— Вотъ, — говоритъ, — спасибо, жена, а я-то измаялся, пить хочу...— и припалъ онъ губами къ чашкѣ и пьетъ, пьетъ онъ кровь, а у нея руки трясутся, въ умѣ мутится, въ груди ноетъ-ноетъ, точно пьетъ онъ кровь не изъ чашки, а изъ самой ея молодой груди. Напился онъ, поднялъ голову, уста-то у него кровавыя, а онъ смѣется, усы рукою утираетъ: — „вотъ теперь, говоритъ, хорошо, ублаготворила ты меня, женушка".

Смотритъ Фелицата на старца, а у того изъ глазъ слезы капаютъ.

— Жаль мнѣ тебя, молодка, — говоритъ онъ, не зналъ я, что ты замужемъ, не зналъ я, что и грѣхъ на тебѣ такой лежитъ, что только съ послѣдней капелькой крови и выдти то изъ тебя можетъ. Ну, что, легче-ль тебѣ?..

А у Фелицаты и руки, и ноги, что стебель сухой у цвѣтка скошеннаго, ни жизни, ни силы, и чувствуетъ она, легче-легче стала, вотъ совсѣмъ какъ перо, поднялась на воздухъ и летитъ-летитъ куда-то, а за ней вдругъ крылья шумятъ, голоса кругомъ раздаются, а въ глазахъ свѣтло-свѣтло, точно солнце лѣтнее все озарило, и слышитъ она: „весь грѣхъ въ крови, весь грѣхъ въ крови, отдала всю кровь свою и грѣхъ свой смыла".

Пришла Овечиха въ комнату и ахнула: лежитъ Фелицата на кровати, лицо блѣдное, что платъ, дышетъ тяжело, со стономъ, и слезы, что дождь, и текутъ, и текутъ изъ закрытыхъ очей. Еле добудилась она ее, а какъ очнулась молодуха, залилась слезами.

— Маменька, весь грѣхъ въ крови, только съ кровью съ моей и грѣхъ мой изведешь,—повторяла она,—смерть за мною, маменька, приходила и не долго мнѣ больше землю топтать...

Едва успокоила ее старуха, едва въ себя привела, водой святой отпоила и велѣла ей умыться, одѣться и идти къ игуменьѣ...

Фелицата Григорьевна вошла въ келью игуменьи и остановилась, переступивъ порогъ, въ комнатѣ никого не было.

— Матушка игуменья вышла въ мастерскую,—доложила ей послушница Аглая,—а васъ просила обождать. Милости просимъ войти.

Молодая женщина вошла и опустилась въ ближайшее кресло; ароматъ цвѣтовъ дѣйствовалъ опьяняющее на ея возбужденные нервы. Она закрыла глаза и ею овладѣла сладкая истома. Съ дѣтства незнавшая любви и ласки, она познакомилась со страстью только въ той грубой, чувственной формѣ, которая была доступна ея мужу. Первыя слова любви, первую нѣгу поцѣлуя она узнала изъ мимолетнаго сближенія съ Александромъ Павловичемъ. Красавцемъ инженеромъ безспорно руководила та же чувственность, но облеченная въ утонченныя манеры, прикрытая свѣтскимъ лоскомъ, та же низменная страсть явилась передъ нею въ такой изящной, незнакомой ей формѣ, говорила ей такимъ

сладкимъ гармоничнымъ языкомъ. что сердце бѣдной женщины проснулось, откликнулось и переполнилось неизвѣданнымъ ею счастьемъ.

Теперь, когда она знала, что между нею и мужемъ легло большое разстояніе, ужасъ и холодъ, которые онъ внушалъ ей, разсѣялись, сердце ея оттаяло и снова съ непобѣдимою силою требовало любви.

О, Господи! кажется босикомъ прошла бы она весь этотъ обратный путь, если бы только знала, что увидитъ синіе глаза, услышитъ его ласковый голосъ. Она вспомнила его слова за ужиномъ:—

Вотъ возьму я тебя на руки, унесу въ кошеву, ударю по лошадямъ, только тебя и видѣли здѣсь на заводѣ... Спрячу, что никто въ мірѣ тебя у меня не отниметъ...

И зачѣмъ она тогда не сказала „ему“, что согласна, что весь свѣтъ ей теперь безъ „него“ опостылѣетъ?

Что-то теперь „онъ“ подѣлываетъ?.. А кабы Евменій да убилъ его?.. Вѣдь она хорошо поняла, изъ вырвавшихся у мужа словъ, въ кого онъ мѣтилъ, кого хотѣлъ проучить и какъ, только случайнымъ образомъ, зарядъ попалъ въ Пашку. Не попустилъ Господь Милостивый!

А только еслибы онъ „его“ убилъ, и она бы не стала жить на свѣтѣ. Кровопивецъ онъ, вотъ и ея сонъ... Да и ея кровь выпьетъ онъ, потому изведетъ онъ ее своими попреками и ревностью!..

А-а-ахъ житье мое горькое!..

— Чего, размечталась, Фелицата Григорьевна, иль заскучала по мужу, родная?..—раздался около нее ласковый голосъ матери Досифеи.

Фелицата вздрогнула и вскочила съ мѣста. Только теперь, когда она очнулась, ей бросились въ глаза большое распятіе и рядъ хрустальныхъ лампадъ передъ потемнѣлымъ ликомъ Аболакской Божьей Матери. И въ эдакомъ-то святомъ мѣстѣ она предалась такимъ мечтаніямъ!

— Грѣшница, окаянная я грѣшница, — вырвалось у нее изъ груди и она, рыдая, упала на колѣни передъ игуменьей.

Мать Досифея вдругъ выпрямилась и приняла суровый видъ. Она подняла за руку Фелицату и подвела ее къ распятію.

— Не мнѣ кланяйся, не я разрѣшать буду... Вотъ, гляди на страданія Христовы, гляди на плоть распятую, на Того, кто смерть предпочелъ грѣхамъ и соблазнамъ! Вотъ, — она крѣпко сжала плечо рыдавшей Фелицаты и нагнула ее къ полу, — вотъ, вспомни, какъ въ пустынѣ голоднаго и безпріютнаго Христа смущалъ дьяволъ, предлагая всѣ камни превратить въ хлѣбъ, вспомни, какъ на горѣ Елеонской молился и страдалъ Христосъ, до пота кроваваго... гляди, какъ Его распяли, какъ гвозди вонзали въ руки и ноги... какъ кровь изъ подъ терноваго вѣнца падаетъ на Его очи... какъ бокъ прободали ему копьемъ... гляди и кайся. Что сдѣлала ты, чтобъ быть достойной такихъ страданій за тебя, за ны, за весь міръ... ты боролась-ли?.. молилась-ли?.. страдала-ли?..

Голосъ игуменьи былъ низкій, хриплый, и Фелицатѣ казалось, что это снова сонъ, что она снова несется вверхъ, что ее настигаютъ шумящія крылья, и страшные голоса ангеловъ, созывающихъ на судъ живыхъ и мертвыхъ, кричатъ ей всѣ эти вопросы.

...и съ рыданіями вырвалась
...въ головѣ ея помутилось, им...
Павловича, мужа и Пашки сры...
...а безсвязно разсказывала всю
грѣха, она рыдала, что нѣтъ у не...
, ни маменьки. И вдругъ и сонъ, и
...сть, и всѣ напряженія послѣднихъ
...ть, и простуда, схваченная ею въ
...разу охватило ея пошатнувшійся
...измъ, и съ страшнымъ крикомъ ф...
...лась по полу въ истерическом...
...ѣ.

Игуменья схватила икону и стала над...
...о читая молитвы.

...верь кельи отворилась, въ нее высуну...
...ы старыхъ монахинь и молодыхъ посл...
...ъ широко-открытыми глазами слѣдили за...
...ми матери Досифеи и побѣлѣвшими уста...
...ли за нею молитву.

По корридору бѣжала, переваливаясь, ...
...юшка, толстая мать ризничая, за нею е...
...ѣвала мать экономка, ихъ перегнала ...
...елтая клирошанка сопранная.

— Что, кончила, выгнала?..—спраши...
...а ходу, отмѣривая громадные шаги.

— Еще выгоняетъ... выгоняетъ бѣсовъ—т...
...ала ризничая, до которой долетѣли не...
...окіе звуки голоса матери Досифея.

— Слава Тѣ, Господи, застали еще, за...
...шептала экономка, поддавая ходу.

Мать Досифея, отступивъ отъ Фелиц...
прямляясь, толкнула нечаянно голово...
висѣвшихъ лампадъ и весь рядъ зака...

дыхался и въ почти темной уже комнатѣ побѣжали, запрыгали цвѣтныя, огненныя пятна.

Смотрѣвшія въ двери монахини шарахнулись, первые ряды наступили на послѣдніе, Аглая толкнула въ бокъ набѣжавшую на нее сопранную клирошанку, та осѣлась на мать ризничую, которая громко вскрикнула и повалилась на мать экономку.

— Что, что... что, видѣли?...—спрашивали однѣ.

— Пролетѣлъ, пролетѣлъ,—лепетали другія,— сами видѣли, какъ бѣсъ изъ нее вылетѣлъ... те-е-емный, да стра-ашный... объ лампадку ударился... отпрянулъ, да въ трубу... да какъ завоетъ, заво-о-оетъ...

— А-ахъ!.. Молодыя заплакали, а старухи, закрывъ лицо руками, тихо стонали и шептали молитвы. Игуменья подняла обезсилѣвшую Фелицату и почти перенесла ее къ себѣ на диванъ, подложила ей подъ голову подушку и заперла снова свои двери.

Прошло три дня. Въ монастырѣ всѣмъ было извѣстно, что Овечиха привезла свою невѣстку къ матери Досифеѣ, чтобы выгнать изъ нее бѣса. Бѣсъ оказался упрямый и игуменьѣ пришлось долго бороться съ нимъ и только съ помощью трехъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, удалось ей его выгнать, только теперь молодая женщина ослабѣла и стала какъ бы не въ себѣ. И точно, Фелицата была не въ себѣ; ее угнеталъ страхъ за содѣянный грѣхъ, тоска по своему погубителю, красивое лицо котораго день и ночь стояло передъ ея во-

ображеніемъ. Холодный ужасъ охватывалъ
одной мысли снова вернуться къ постылому
мужу.

Фелицата почти ничего не ѣла, ходила
службы въ церковь и ночью по-долгу прост...
на колѣняхъ и безъ словъ, безъ мыслей, со...
ной мольбой смотрѣла на ликъ Богоматери...
Овечиха молчала и, не понимая душевна...
стоянія невѣстки, радовалась видимымъ и...
камъ ея раскаянія и то тѣмъ, то другимъ
кимъ словомъ старалась подчеркнуть и у...
ей ея вину передъ мужемъ. Прошло еще тр...
Овечиха полагала, что достаточно натости...
стала собираться домой. Теперь она рѣши...
невѣсткѣ довольно каяться, что она о свое...
намолилась, пора и о тѣлѣ подумать.

— Мы, Фелицатушка, еще недѣльку по...
и домой пора... ты, — старуха положила...
и исхудалое плечо молодой женщины,—тое...
отбрось, будетъ, теперь ѣшь хорошенько...
воздухъ выходи, нагуляй тѣла-то себѣ, а т...
въ гробъ кладутъ... Какъ мужъ-то лас...
нетъ, что, спроситъ, съ моей кралею и...
гдѣ ея грудь пышная, гдѣ щеки румяны...

Въ строгомъ и несложномъ умѣ ста...
складывалось ясно:—согрѣшила, покаяла...
молилась и забыла. На всякій грѣхъ ест...
щеніе. Все своимъ порядкомъ и въ свое...

Фелицата густо покраснѣла и снова н...
отъ словъ свекрови. Въ ея душѣ процесс...
вленія еще не наступалъ; она переживал...
тивъ, самое острое чувство тоски. Е...
смѣла кинуться въ ноги свекрови и...

оставить ее здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ, можетъ быть покой и вернулся бы къ ней. Тишина, молитва, суровая обстановка и величественная картина окружающаго лѣса залечили бы, можетъ, больную душу, изгнали бы тревожные образы ея сердца, и молодость вмѣстѣ съ возстановленнымъ здоровьемъ уравновѣсили бы снова поколебленную и истомленную душу молодой женщины.

Ѣхать теперь назадъ, опять на заводъ, къ мужу—Фелицатѣ казалось ужаснымъ.

— Какъ встрѣтиться, какъ говорить?.. И онъ вздумаетъ для того, чтобы прекратить сплетни, въ городъ съ нею пріѣхать... въ клубъ... а какъ тамъ „его“ встрѣтишь?—задрожала вся Фелицата и сжала руками голову.

— Нѣтъ, не вынесетъ она этого... не въ силахъ она будетъ на „него“ глядѣть и съ „нимъ“ говорить... Увидитъ она „его“ и помретъ со стыда, съ радости, съ горя... съ чего тамъ, все равно... а только разорвется сердце ея... не вынесетъ...

Черезъ два дня старая Овечиха назначила отъѣздъ. Фелицата покорно выслушала приказъ собираться въ обратный путь; въ послѣдній разъ она рѣшила выйти за ограду монастыря и подышать на просторѣ вольнымъ воздухомъ.

Поверхъ своей мѣховой шубки, одѣтой въ накидку, Фелицата набросила на голову большой, сѣрый пуховый платокъ и, привѣтливо поздоровавшись съ матерью привратницей, вышла за ограду.

Монастырь лежалъ на узкой равнинѣ, отрѣзанной какъ ломоть отъ окружающаго его лѣса. На-

право шла скованная морозомъ широкая лента рѣки, а влѣво, совсѣмъ близко, начинался лѣсъ; передовыя громадныя сосны, одиноко, отчетливо вырѣзываясь на ясномъ фонѣ зимняго дня, протягивали къ монастырю, какъ объятія, свои широкія лапы съ тяжелой пеленою снѣга, за ними стоялъ сплошной стѣною вѣчно-зеленый лѣсъ пихтъ, елей и сосенъ, а за лѣсомъ шла глухая тайга, и когда сильный вѣтеръ бушевалъ въ ней, она колотилась своими обледенѣлыми иглами и выла протяжно, долго, какъ стая голодныхъ волковъ. Прямо передъ монастыремъ равнина замыкалась перелѣскомъ съ „колками“, въ которыхъ крестьяне изъ ближайшихъ „заимокъ“ засѣвали пшеницу; дальше тянулись высокія „гривы“, длинныя, узкія, покрытыя блестящимъ снѣгомъ.

Холодное зимнее солнце безстрастно стояло надъ всею этой картиной, золотя верхушки лѣса, скользя румяной полосой по „гривамъ“, раздвигая окрестность, какъ волшебную панораму.

— Словно сказка, — подумала Фелицата, — безмолвно, тихо все кругомъ... ни человѣчьяго голоса, ни крика звѣринаго...

Она пошла дальше, миновала сторожевыхъ великановъ и вошла въ самый лѣсъ; надъ ея головой съ ели снялась громадная ворона и, помахавъ тяжелыми крыльями, понеслась надъ лѣсомъ съ пронзительнымъ громкимъ карканьемъ.

— Смерть предвѣщаетъ...—мелькнуло обычное суевѣріе въ душѣ Фелицаты.

Она пошла лѣсомъ, крѣпкій снѣгъ хорошо выдерживалъ ея шаги и она незамѣтно углубилась въ чащу.

— Должно по этой дорогѣ въ монастырь дрова возятъ,—подумала она,—полозья видны... а это въ сторонѣ заячій слѣдъ, ишь крестовъ-то, крестовъ поотпечаталъ... кружилъ, косоглазый, видно!..

Долго Фелицата шла все впередъ, безсознательно поворачивая то направо, то налѣво, двигаясь какъ въ забытьи.

Лѣсъ впереди ея разступался, а позади смыкался, словно отрѣзалъ ее понемногу отъ міра скорбей, изъ котораго она уходила. Подъ вліяніемъ величественнаго покоя природы, утихало ея наболѣвшее сердце, и ослабѣвшій умъ не вызывалъ больше ни манящихъ, ни пугающихъ призраковъ. Сухіе тревожные глаза ея теперь снова приняли свое прежнее прекрасное выраженіе доброты и нѣжности, на истомленномъ лицѣ ея появилась улыбка, и чувство тихаго, счастливаго покоя туманило ея голову.

Однако холодъ пробирался подъ шубку и платокъ и пронизывалъ ее, она инстинктивно куталась плотнѣе и шла быстро, постукивая замерзавшими ногами. Рѣсницы ея побѣлѣли, брови легли сѣдою полосой, дыханіе перехватывало въ груди. Кутаясь, вздрагивая, она смутно чувствовала, что надо вернуться; остановилась, оглядѣлась кругомъ и, увидя плотный сугробъ подъ громаднымъ кедромъ, раскинувшимся, какъ шатеръ, подошла къ нему и опустилась, невольно повинуясь страшной усталости и холоду, сковывавшему ея тѣло.

Присѣвъ на сугробъ, Фелицата оперла голову о стволъ кедра и сквозь спустившіяся вѣтви стала глядѣть вверхъ на клочекъ голубого неба.

— Хорошо... тихо, какъ въ пу[...] совсѣмъ не холодно, не холодно... вотъ теперь, какъ теперь вотъ по этой дорожкѣ... — она слипающимися глазами стала глядѣть впередъ себя. — Да и дорожки-то нѣтъ никакой... какъ это я только шла-то?.. — ей стало смѣшно, она тихо, по дѣтски, разсмѣялась. — Ровно меня кто за руку ведетъ... И что, какъ по этой дорожкѣ, да придетъ сейчасъ... сюда, Александръ Павловичъ... да возьметъ меня на руки да обниметъ, подыметъ и унесетъ... Куда унесетъ?.. А туда, далеко-далеко... гдѣ никто насъ не найдетъ... Александръ... Павловичъ... Александръ...— Ей показалось, что красивое лицо инженера нагибается къ ней, что синіе ласковые глаза смотрятъ близко-близко, вотъ румяныя уста коснулись жарко ея устъ...

Затрепетала она вся, руки разомкнулись, платокъ упалъ съ головы, черныя пышныя косы скользнули, что двѣ змѣи, и легли на снѣгъ бѣлый, распахнулась шубка и истома блаженства охватила всю грудь.

— Милый... милый... — шепчутъ побѣлѣвшія губы.

— Ахъ, что-же это?.. — судорожно метнулась она, — милаго нѣтъ... — исчезъ. И вдругъ слышитъ она шумъ, стукъ, словно въ ушахъ, въ головѣ у нее колеса какія-то вертятся, и видитъ она по дорожкѣ, прямо на нее бѣжитъ Евменій, лицо страшное, бѣлое, вихры рыжіе торчатъ за ушами, а глаза раскосые, — моя, говоритъ, жена Фелицата, не отдамъ, никто не смѣй трогать мужнюю жену... собакамъ скормлю, а „ему“ не отдамъ... — и ки-

нулся къ ней, а кедръ, старый громадный кедръ, у пня котораго она сидѣла, спустилъ вдругъ вѣтви и заплелъ ее, закрылъ, что стѣною, и ужъ только глухо-глухо слышитъ она, какъ шумитъ и рвется мужъ ея, и все тише, тише кругомъ, ничего не видно, только... ахъ!..—Сквозь вѣтви сіяютъ звѣзды, синія, красныя, нѣтъ, то не звѣзды—это неугасимыя лампады, а вотъ изъ-за нихъ видны чьи-то благостныя очи, глядятъ... глядятъ... и ровно солнечные лучи изъ нихъ исходятъ, свѣтло кругомъ стало и тепло-тепло, что лѣтомъ на припекѣ, и вотъ пальцемъ не шевельнуть, губы не размыкаются, совсѣмъ разомлѣла Фелицата подъ жаркими лучами синихъ очей. Чу!.. звонъ тихій... далекій, словно музыка, нѣтъ, это не звонъ и не музыка, это—„его“ голосъ, зоветъ... Иду... иду... и...ду...

Фелицата замолкла. Кругомъ нее стоялъ суровый лѣсъ, и деревья, поникнувъ вѣтвями, словно приглядывались къ своей нежданной гостьѣ, словно прислушивались къ ея лепету. Страшно, тихо въ лѣсу, только изрѣдка прыгнетъ бѣлка и съ гибкой верхушки посыпятся иглы снѣга, щелкнетъ гдѣ вѣтка сухая и снова все тихо-тихо и только изрѣдка далекой музыкальной волной пронесется звукъ монастырскаго колокола, нѣжно, протяжно ударитъ и замретъ, и снова ударитъ и снова замретъ, какъ робкій и нѣжный призывъ, не получившій отвѣта...

VII.

Пашенька.

Неподалеку отъ города Т., верстахъ въ 7...
то въ 10, тянется невеликій поселокъ, та...
мовъ пятнадцать, всѣ тесомъ шитые, всѣ с...
кам..., крышами въ два ската, и всѣ глухо...
ро...ой на дорогу смотрятъ, а окнами во ...
да... на широкія божьи поля. Странный то...
ло...ъ: ни сѣютъ въ немъ, ни жнутъ, ни ...
н... сохи тамъ ни въ одномъ домѣ не най...
в... поляхъ привольныхъ ходятъ кони сыт...
л...осные, за изгородями пасутся круторогія
го...рскія коровы, а въ амбарахъ и закромахъ т...
трещатъ отъ насыпнаго хлѣба, въ клѣтяхъ...
на...хъ, что сѣмена въ огурцѣ, стоятъ мѣ...
...ку съ крупчаткой, съ крупами разн...
...овъ. Въ ледникахъ пересѣки надѣланы ...
...амъ осетры да бѣлуги, а кругомъ н...
...ѣтки малыя, ютятся максуны, нельма, ...
...ые золотые караси. Въ сухихъ кладовы...
...жирные донскіе балыки, вязига, вялен...
...лещи да сазаны, такъ и мотаются б...
а въ половушахъ и пряники медовые ...
урюкъ, и медъ пчелиный, и вареные м...
га, и квасъ сыченый; все на своемъ мѣ...

и круглый годъ не переводится. Въ боковушахъ стоятъ ящики съ катанными свѣчами желтаго воску, бочки дубовыя съ лампаднымъ масломъ чистымъ, какъ слеза праведника, лежатъ тамъ и мѣшечки ладона роснаго, висятъ запасныя лѣстовки, расшитыя шелкомъ и бисеромъ.

Урожай ли Господь пошлетъ на окрестную страну, или гнѣвъ Его голодомъ разразится, въ Пашенкѣ ни думушки, ни заботы. Никому изъ ея обитателей не надо будетъ печалиться какъ концы съ концами свести: была ночь, будетъ день, были полны закрома и впредь будутъ; и съ юга, и съ запада, и съ востока, и съ сѣвера пришлютъ друзья вѣсточку, а въ той вѣсточкѣ и капиталецъ будетъ завернутъ. Къ каждому празднику придутъ возы на околицу, и косой, хромоногій пастухъ Филимонъ заковыляетъ къ угловой избѣ, ударитъ въ било деревянное, и побѣгутъ изъ домовъ женщины въ черныхъ сарафанахъ съ бѣлыми рукавами, въ черныхъ платкахъ на головахъ. Станутъ онѣ встрѣчать возы, отбирать грамотки и благодарить христіанъ благодѣтелей, никогда, ни къ какому празднику не забывающихъ своими дарами тихую Пашенку.

Мужчинъ, кромѣ стараго Филимона, нѣтъ въ Пашенкѣ. Это старообрядческое женское общежитіе, гдѣ только вдовы да дѣвушки, есть и дѣти, сироты—при общежитіи воспитываются. Дѣвочекъ ростятъ, учатъ пѣнію, уставу, разнымъ бѣлоручнымъ работамъ, а затѣмъ—какая хочетъ при общежитіи останется, какая бѣличкой куда въ какую другую обитель уйдетъ, у иной голосъ объявится и пойдетъ она въ „головщицы“ на кли-

въ какой нибудь богатый скитъ. Ин...
йдетъ, и грамота дастся ей, такую ...
городъ пошлютъ къ богатымъ старо...
стоять „негасимую свѣчу“ *), да гр...
малолѣтнихъ дѣтокъ.
...отъ мальчиковъ въ Пашенкѣ не дер...
...е 5—7-лѣтняго возраста, ихъ охотн...
ближніе и дальніе купцы сибирскіе в...
...ники, и надо правду сказать, что въ ...
...яхъ воспитанника мало чѣмъ отличают...
...хъ дѣтей, а коли хорошъ выйдетъ, так...
...ѣдствѣ стоитъ на правахъ роднаго сын...
Образовалась Пашенка уже полвѣка то...
и разрослась она вся отъ одной избы...
...ту пору жило въ городѣ Т. семейство ...
...стіанъ Телятниковыхъ. Сыновей имъ Б...
...ть, а одна дочь Глафира росла и восп...
...сь въ истинной вѣрѣ, только лицомъ ...
...шла, да и вся какъ бы съ изъянцомъ...
здоровья плохаго и лѣтъ 16-ти порѣшила...
родительскаго согласія въ „вѣковушахъ“ о...
Прожили старики годовъ до шестидесят...
...шили промежъ себя, что пора оставить м...
...вный, очистить тѣла свои послѣдним...
смертнымъ и предстать предъ Господомъ...
...ми, какъ сосудъ елейный.
Даромъ что Парамонъ Степановичъ ...
сячникъ, имѣлъ свои крупчатые постав...
ный промыселъ, онъ не пожалѣлъ ни...
вить, распредѣлилъ все свои „богачеств...

*) Стоять «негасимую свѣчу»—читать заупок...
гія молитвы.

нымъ дѣламъ богоугоднымъ, обезпечилъ свою Глафиру, купилъ ей по ея собственному желанію небольшую землицу съ пашнями, лугами и лѣскомъ прилежащимъ, выстроилъ ей двѣ большія, бревенчатыя избы, отдѣленныя одна отъ другой тесовыми холодными сѣнями и крытыми переходами. Обѣ избы съ чуланами, съ каморками, тайниками, а внизу, въ теплой половушѣ съ толстыми глухими стѣнами, устроилъ ей скрытую часовню, иконостасъ въ два „тябла" съ иконами въ дорогихъ золото-серебряныхъ ризахъ съ неугасимыми лампадами.

Порѣшила Глафира жить въ этой избѣ послѣ смерти родителей и принимать къ себѣ туда такихъ же дѣвицъ, голубицъ чистыхъ, какъ она сама, или брать дѣтей-сиротъ на воспитаніе и обученіе. Назвала она свое убѣжище Пашенкой.

Между тѣмъ родитель ея, Парамонъ Степановичъ, наложилъ на себя сорокадневный постъ, въ теченіе котораго онъ ежедневно послѣ „часовъ" и долгаго „метанія" передъ иконами, ѣздилъ въ лѣсъ, рубилъ собственноручно намѣченныя заранѣе сосны, обдиралъ ихъ, обтесывалъ бревна и клалъ у себя во дворѣ въ сушильню. Когда все было готово, онъ самъ, безъ всякой помощи, на заднемъ огородѣ, сложилъ себѣ срубъ небольшой „безъоконный", а затѣмъ въ одинъ зимній день, хорошій да тихій, когда солнышко ясно, словно божье око, глядѣло на землю, простились старики, и мужъ, и жена, съ своей милой дочерью Глафирой, расчистили снѣгъ кругомъ новаго сруба, обложили его весь соломой сухой, взошли туда въ бѣлыхъ домотканныхъ рубашкахъ и заперли

за собою низенькую дверь, а срубъ внутри по колѣно или больше былъ полонъ всѣми стружками, что отъ работы накопились. Долго молились тамъ старики, затѣмъ открылась тихонечко дверь, поджегъ Парамонъ Степановичъ „смолянкой“ *) солому кругомъ сруба, снова заперъ за собою наглухо дверь, поджегъ и стружки внутри и запѣлъ онъ съ женою источнымъ голосомъ канонъ пустыннику Парамону.

Набѣжали сосѣди и Глафира тутъ же стоитъ среди всѣхъ; поснимали всѣ шапки, двуперстнымъ знаменіемъ крестятся и громко воздаютъ хвалу Создателю за христіанскую кончину Парамона и супруги его Евпраксіи.

Такъ и сгорѣли Глафирины родители и, хоть это было давно, полвѣка тому назадъ, а до сихъ поръ помнятъ въ городѣ Т. смерть этихъ, какъ оказалось, послѣднихъ самосожигателей.

Слава о Глафирѣ, какъ объ начетчицѣ и дѣвицѣ самаго чистаго житья, разнеслась далеко. Скрытая молельня ея, не имѣвшая тогда и „била“, стала служить мѣстомъ сборища для многихъ „вѣрныхъ“. Умиралъ ли кто, болѣлъ ли кто тяжко, всѣ посылали за Глафирой и получали большую усладу и помощь отъ ея тихаго ровнаго чтенія, отъ ея поучительныхъ бесѣдъ.

Были и такіе случаи, что доставалось ей и выморочное наслѣдство, и возлѣ ея первыхъ избъ стали строиться и другія.

Уже давно померла Глафира, изъ Пашенки выстроился цѣлый поселокъ; въ большихъ, простор-

*) „Смолянка“ — скатанная береста, пропитанная смолой.

ныхъ домахъ и въ высокихъ свѣтлицахъ живутъ вдовы, вѣковуши и дѣвицы сироты, молельня разрослась. Сзывая всѣхъ на моленье, громко бьетъ въ деревянное „било“ старица Софья. Всякіе дары въ избыткѣ стекаются въ Пашенку, два раза въ годъ съѣзжаются туда и гости, все купцы, молодые и старые, изъ близка и изъ далека, слушаютъ службу въ часовнѣ, которую правятъ старицы, хвалятъ пѣніе молодыхъ клирошанокъ, а затѣмъ устраиваютъ по избамъ посидки. Словомъ, живетъ Пашенка не тужитъ, а только далеко-далеко ей отъ того духа и нрава, который придавала ей умершая ея устроительница мать Глафира...

Смеркалось; на землю ложилась вечерняя тѣнь; тамъ за полями, темной, кудрявой полосой вытянулся лѣсъ и окаймилъ небо. Вспыхнула звѣздочка, одна, другая, изъ-за лѣса выкатился полный мѣсяцъ и сталъ на небѣ, все серебря и освѣщая кругомъ. Высокія острыя крыши домовъ въ Пашенкѣ пересѣкли дорогу черными прерывчатыми тѣнями. Въ небольшихъ оконцахъ замигали огоньки керосиновыхъ лампочекъ подъ цвѣтными самодѣльными колпачками. У домиковъ послышалось движеніе, топотъ ногъ, голоса. Степенно шмыгали окутанныя въ теплые платки матери, старицы и Христовы невѣсты. Накинувъ на плечи шубейки, повязавъ въ роспускъ шерстяные платочки на голову, въ перегонку бѣгали келейныя дѣвицы, молоденькія клирошанки, сироты и воспитанницы; всѣмъ было дѣла вдосталь. Сегодня къ ночному бдѣнію ждали гостей наѣзжихъ, нужно было все досмотрѣть и приготовить. Три „стря-

пущія" сбились съ ногъ. У кухонныхъ очаговъ, а заботливыя „матери" все подносили провизію, да все разнообразили купанья, готовившіяся къ ужину. Паранюшка, крестная дочь Фанны Сергѣевны, что пріѣзжала къ Крутороговымъ звать Ивана Артамоновича въ Пашенку, то и дѣло выбѣгала за околицу и зоркими черными глазками всматривалась въ темную даль дороги и, отстранивъ съ головы теплый платокъ, чуткимъ ушкомъ вслушивалась, не несутся ли издали знакомые кони...

По ровной, какъ бѣлая скатерть, дорогѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, летятъ казанскія расписныя саночки и въ нихъ сидятъ два друга: Иванъ Артамоновичъ Крутороговъ и Евменій Федоровичъ Овечкинъ, оба трезвые, веселые, оба въ романовскихъ, мягкихъ, какъ бархатъ, полушубкахъ, въ смушчатыхъ шапкахъ-папахахъ и въ ирбитскихъ рукавичкахъ, разшитыхъ поверху цвѣтистой синелью; на шеѣ намотаны шарфы шелковые, двуличные, кушаки опоясные тоже шелковые съ аграмантными кистями. Въ ногахъ у нихъ и въ ящикѣ подъ сидѣньями стоятъ короба съ разными тонкими гостинцами, съ конфетами въ затѣйныхъ коробкахъ отъ Трамбле изъ Москвы, съ шоколадомъ, пряниками, съ мороженнымъ, виноградомъ и яблочками, со свѣжими лимонами и другими дорогими лакомствами. Для Ванюшки Круторогова это все наплевать, такъ, дѣвичьи заѣдки, у него сердце болитъ, какъ бы не разбились бутылки съ ликерами и винами, которыя онъ самъ тщательно перевернулъ соломою и уложилъ рядышкомъ въ ящикъ, подъ кучерское сидѣнье. Ванюшка очень нервенъ и воображеніе его часто

играетъ, иную минуту ему такъ ясно представится, какъ вдругъ осядетъ простая доска, обитая сукномъ, на которой сидитъ кучеръ, и толстый Тимофей рухнетъ всей тяжестью на корзинку съ бутылками. Ванюшка даже крикнетъ: сиди легче, проклятый! и тутъ же одумается, отплюнется и сотворитъ въ сторону молитву.

Евменій Федоровичъ хоть и расчесалъ свою рыжую бороду на двѣ стороны по-московски, хоть и болтаетъ и зубоскалитъ, а всетаки на душѣ его грусть-тоска черной кошкой свернулась и нѣтъ-нѣтъ да и подавитъ его. Гдѣ-то его ясынька Фелицата?.. то-то, поди, кается, да плачетъ... А маменька, да мать Досифея въ два хвоста ее началятъ, изведется моя молодуха постомъ да молитвой!.. весь жирокъ свой пуховый сдастъ!.. Эхъ! думы невеселыя, выпить бы теперь, да забыться... Да выпить-то нельзя: обѣщали они сразу на большое стояніе въ часовню прибыть. Ну, погоняй, что-ли, Тимофей! И подхватили кони грудастые, далеко выкидываютъ ногами передними и, пофыркивая, быстрѣй несутъ легкія казанскія саночки-самокаточки. А за этими санями другія летятъ съ гикомъ, перегнать стараются, а тамъ и еще, и еще, а вотъ изъ проселка совсѣмъ имъ на-перерѣзъ вылетѣлъ конь соловый и понесъ впередъ легкій коробокъ молодаго купца желѣзноторговца, Тетеркина.

— Анъ врешь!—крикнулъ Ванюшка,—наддай, Тимофей!

Рванулись звѣри крутороговскіе и оставили позади себя соловаго.

— Нако-сь, выкуси!—кричитъ ему съ хохотомъ Овечкинъ.

Хромой Филимонъ два раза дернулъ [illegible]
ное било въ знакъ того, что гости пріѣх[illegible]
ковылялъ отпирать околицу. Чинно, шаг[illegible]
за к[illegible]ями, въѣхали гости званные и, п[illegible]
налѣво отъ поселка, остановились передъ [illegible]
двухъэтажной „въѣзжей“, гдѣ для всѣхъ [illegible]
былъ и пріютъ, и ночлегъ.
Помылись гости, поприправились, при[illegible]
лись и слышать, какъ бьетъ било и зов[illegible]
въ часовню на большое стояніе.
Рѣзче и рѣзче въ сухомъ морозномъ [illegible]
сыплятся удары деревяннаго била. Ст[illegible]
крыльца въ глубь по лѣстницѣ, идущей [illegible]
[illegible]ню, сходятъ старицы, матери, пѣвчія [illegible]
Словомъ все общежитіе, кромѣ тѣхъ, чт[illegible]
[illegible]ла неотступная домашняя работа. В[illegible]
[illegible]ими, тѣснясь немного въ сторонку, идутъ [illegible]
разглядывая въ полутьмѣ румяныя лица [illegible]
потупленные ясные глазки молодыхъ бо[illegible]
Ванюшка Крутороговъ чуть не наруш[illegible]
чинъ вхожденія въ молельню, метнулся, ц[illegible]
ноги Овечкину, а тотъ не стерпѣлъ,—в[illegible]
Параня, какъ шла мимо, больно-пребол[illegible]
[illegible]нула за руку Ивана Артамоновича и, [illegible]
поднявъ, не улыбнувшись, такъ и прош[illegible]
лельню.

Давно уже часовня въ Пашенкѣ ра[illegible]
и украсилась, хотя по прежнему остава[illegible]
тою въ обширномъ подпольѣ. Вся пере[illegible]
ея обставлена образами стариннаго тем[illegible]
въ дорогихъ тяжелыхъ кованыхъ ри[illegible]
щенныхъ и камнями самоцвѣтными. [illegible]
въ четыре тябла, подъ каждымъ обр[illegible]

пелена, бархатная или атласная, шитая жемчугомъ и золотою битью. Передъ иконами горятъ лампады неугасимыя, а кругомъ ихъ большіе „налѣпы“ *) темно-желтаго воска, катанные руками богомольныхъ старицъ.

Мать Фаина правитъ службу, читаетъ громко, ясно; уставщица Аглая отвѣчаетъ ей; клиръ подхватываетъ. Параня, высокимъ, чистымъ сопрано ведетъ весь хоръ, а молящіеся—женщины направо, мужчины налѣво — кладутъ поясные и земные поклоны.

Часа $1^1/_2$ продолжалась служба, затѣмъ мать Фаина провозгласила прощу.

Пропуская мимо себя всѣхъ гостей, мать Августа, завѣдывавшая столовою, съ поклономъ просила всѣхъ въ келарню откушать вечернюю трапезу.

За ужиномъ гости сидѣли опять-таки отдѣльно, молодыя сироты да воспитанницы обносили ихъ кушаньями и угощали, ласково прося откушать, попринудиться, не брезгать хлѣбомъ-солью сиротскою. Подавали четыре блюда: капуста краснозапеченая и капуста просто квашеная съ осетриной и бѣлужиной, уха съ налимьими печенками и молоками, пироги со стерлядью, съ нельмой и лукомъ, съ вязигой и бѣлужиной, — крытые, съ сухой коркой, нѣжные, какъ пухъ, съ растегнутой середочкой. Затѣмъ шли пельмени съ рыбьимъ фаршемъ, затѣмъ пшенная каша съ изюмомъ и молокомъ. Обносили всѣхъ и брагой, и квасомъ сыченымъ, только вина не было, и у Ванюшки

*) Свѣчи.

вся внутренность горѣла: давно уже жаждалъ онъ и съ тоской вспоминалъ, что у него на въѣзжей все стоитъ приготовленнымъ.

Окончилась трапеза, гости сотворили обычное метаніе передъ матерями и всѣ удалились во въѣзжую. Матери попрощались съ молодыми дѣвицами и всѣ разошлись. Смолкла Пашенка, загасли всюду огни и только мѣсяцъ, чуть-чуть скрививъ лицо свое и съ какою-то лукавой недовѣрчивой улыбкой, глядѣлъ на поселокъ...

Видно, крѣпко спали матери и христовы невѣсты, видно, спокойныя были имъ сновидѣнія, коли ни одна изъ нихъ не слыхала ни стука, ни шума, ни смѣха взрывчатаго по всѣмъ тайникамъ и переходамъ. Всюду на вышкахъ, въ свѣтлицахъ зажглись, замелькали снова огоньки пестренькіе, подъ цвѣтными колпачками; столы накрылись бѣлыми, вышитыми столешниками и молодыя клирошанки-сироты, послѣ сытнаго ужина въ келарнѣ, забавлялись съ пріѣзжими гостями сладкими „заѣдками“, да выпивали одну-другую рюмочку дорогого иноземнаго вина.

Въ большой просторной комнатѣ, что занимала Параня черноглазая, да подруга ея, толстая бѣличка изъ сосѣдняго скита, Секлетея, ожидали тоже гостей. Параня сбросила платокъ съ головы и черная густая коса ея упала и до половины разсыпалась причудливыми кольцами; открыла Параня свою маленькую шкатулочку, достала оттуда коралловыя сережки и вдѣла въ уши, встряхнула пышные кисейные рукава бѣлой сорочки и оправила синій кубовый сарафанъ. Глядя на нее, и Секлетея сняла головной платокъ, со смѣхомъ

швырнула „покрывашку“ на комодъ и стала помогать подругѣ собирать чай.

Параня давно знала семью КруторогОвскую, она родилась и выросла на ихъ кожевенномъ заводѣ, не разъ гащивала въ большомъ домѣ, сладко ѣла, сладко пила и свободно съ Ванюшкой играла въ прятки да жгуты. Ванюшка хоть и старше былъ ея, да духомъ простъ и любилъ возиться съ ребятами.

Когда Параня подросла, между нею и Ванюшкой промелькнуло что-то похожее на болѣе нѣжное чувство, но тутъ умеръ Парашинъ отецъ, старшій приказчикъ кожевеннаго завода, и пока шли суды да толки, какъ быть съ сиротой, пріѣхала ея крестная мать Фаина изъ Пашенки и увезла ее въ общежитіе. Съ тѣхъ поръ она всего три раза видала Ванюшку и то все подъ надзоромъ.

У Парани были свои завѣтныя мечты, хотѣлось ей войти въ домъ Круторогових невѣсткою, женою старшаго сына, Ивана Артамоновича. Знала она, что Ванюшка пьетъ, и потому хорошая невѣста не пойдетъ за него, знала она и то, что самъ онъ ни за кого не посватается, а потому и хотѣлось ей такъ подвести, чтобы инаго выхода, какъ подъ вѣнецъ, не было для Ванюшки.

— Идутъ!—громкимъ шопотомъ упредила Секлетея Параню, вертѣвшуюся передъ маленькимъ зеркаломъ. По лѣстницѣ послышались шаги и въ свѣтелку вошли Иванъ Артамоновичъ Круторогов и Евменій Федоровичъ Овечкинъ. Оба успѣли „освѣжиться“ на въѣзжей и теперь являлись веселые, нагруженные пакетами, тюричками и кулечками; изъ всѣхъ кармановъ, даже изъ растег-

нутой пазухи, глядѣли бутылки съ винами, романеями и ликерами.

— Паранюшка, черноокая, помоги... родная!. Сей же часъ все изъ рукъ выскользнетъ...—шепталъ Ванюшка.

— Свѣтъ — Секлетеюшка, потревожьте ваши пышности, опростайте карманы мои... — молилъ Овечкинъ.

Дѣвушки съ хохотомъ принялись освобождать гостей отъ ихъ сладкой ноши.

Вскорѣ весь столъ покрылся тарелочками и блюдами, поставецъ посудный стоитъ пустой, обѣ его распахнутыя дверцы, какъ раскрытыя руки человѣка, казалось, говорили: „ну, господа, все, что имѣлъ, отдалъ, больше не спрашивайте".

Овеч... откупоривали бурачки ...нъ съ Секлетеюшкой рѣзали розовую, нѣжную, ка... зернистою икрой, и тихонько, какъ изъ подъ полы, о... масло, семгу ...дываясь по всѣмъ сторонамъ, разложили на мелкія тарелки вестфальскую ветчину и скорѣе прикрыли „погань" другою, глубокою тарелкой.

Ванюш... раскупоривалъ бутылки, а Параня вертилась со ...частями, ровно кошечка игривая, то съ тѣмъ, то съ другимъ обращаясь къ Круторогову: то на...нется къ нему и прижмется пышною грудью, то ... коса ея обовьется вокругъ его шеи, то жаркое дыханье обожжетъ его щеку. Ванюшка отодвигается, бормочетъ: святъ... святъ... но заигрываніе красивой дѣвушки бросаетъ его въ жаръ и въ холод... Онъ съ самаго пріѣзда изъ „поганаго" Парижа соблюдаетъ себя и, не выходя изъ своей ...ки, молится, постится,—пьетъ, прав-

да, но отъ всѣхъ другихъ грѣховъ воздерживается.

Овечкинъ, усадивъ Секлетеюшку, угощаетъ ее ванильнымъ ликеромъ и глупая дѣвушка пьетъ съ удовольствіемъ вкусный, сладкій сиропъ. Пышныя, рыжеватыя кудри выбились изъ ея косы, длинными кольцами висятъ на лбу, за ушами; полныя щечки, покрытыя, какъ персикъ, нѣжнымъ пушкомъ, такъ и пылаютъ, большіе голубые глаза стали влажны, пунцовыя губы свѣжаго рта открылись, высокая грудь такъ и волнуется. Овечкинъ пьетъ и смѣется и смѣшитъ дѣвушку, точно стараясь забыть горе горькое, что шевелится на сердцѣ. Секлетея чуть-чуть напоминаетъ его красивую тихую Фелицату и Овечкинъ льнетъ къ дѣвушкѣ тѣснѣе, тѣснѣе... Дѣвушка съ короткимъ нервнымъ смѣхомъ встаетъ и направляется къ низенькой двери.

— Ты куда?..—кричитъ ей Параня.

— Самоваръ ставить,—говоритъ Секлетея.

— А ты куда же?...—вопитъ Ванюшка.

— Безъ меня гдѣ же ей управиться съ самоваромъ!..—смѣется Овечкинъ и исчезаетъ за дѣвушкой.

— Ванюшка, кусъ ты мой сахарный, соколъ мой поднебесный... сластенъ мой!..—шепчетъ Параня и вдругъ обвивается руками вокругъ шеи Ванюшки и начинаетъ жарко-жарко цѣловать его.

Ванюшка все тише и рѣже шепчетъ: святъ... святъ... истома охватываетъ его, руки горячо, жадно обвиваютъ стройный дѣвичій станъ.

Борется Ванюшка съ соблазномъ, но силенъ дьяволъ, что промежъ людей ходитъ и, аки левъ

рыкающій, ищетъ кого поглотить и—поглощаетъ Ванюшку. Гдѣ же и бороться слабому человѣку съ дьявольскими кознями!..

На другой день солнышко всходитъ ясное, холодное и далекое отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, одинаково свѣтитъ и правымъ, и неправымъ.

Изъ всѣхъ силъ старается старица Софья бить въ „клепало" и чинно, пара за парой, идетъ все общежитіе слушать и пѣть утреню. Изъ гостей никто не присутствуетъ, вся въѣзжая спитъ и храпитъ, какъ одинъ человѣкъ.

Проснулся Ванюшка Круторогов позднёнько, схватилъ свой халатикъ на лисьемъ мѣху, да валенки, одѣлся, подстелилъ коврикъ подъ ноги, всталъ около столика, на которомъ, съ минуты своего пріѣзда, поставилъ икону Моисея Мурина, того самаго, кому отъ виннаго запойства молятся, взялъ лѣстовку въ руки и сталъ справлять уставные поклоны. Стукнулся разъ лбомъ объ полъ, стукнулся два—да вдругъ его и осѣнило, остался на полу лежать и все, что произошло ночью, въ огненной картинѣ, передъ нимъ предстало.

— Уловила таки меня въ сѣти свои прелестница окаянная!..—мысленно завопилъ онъ.—Погубилъ дѣву чистую, овцу стада истиннаго!.. Ждетъ меня теперь на томъ свѣтѣ тьма кромѣшная, червь безконечный, тягучій станетъ точить меня... Дьяволы зеленые станутъ меня на жгучемъ огнѣ поджаривать!.. — и залился Ванюшка горючими слезами.

— Чего ревешь... чего ревешь? — спрашивалъ его Евменій, тряся за руку.

Ванюшка всталъ и повѣдалъ другу своему Евменью Федоровичу весь свой грѣхъ окаянный.

У Овечкина и безъ него сосало подъ ложечкой и самому ему было и соромно, и тяжко за свое житье непутевое, горько во рту было, хоть снова напиться: онъ и потянулся за бутылкою и сталъ наливать себѣ стаканчикъ за стаканчикомъ.

— Знаешь, братъ Ванюшка, что! Поправь ты бѣду свою, жалко мнѣ стало Паранюшку... женись на ней!..

— Жениться?.. Мнѣ?.. — Иванъ Артамоновичъ вскочилъ на ноги, хмѣль его почти прошелъ, худой, высокій, съ впалыми темными глазами, горѣвшими недобрымъ огнемъ, онъ былъ теперь настоящій фанатикъ, воспитанникъ своихъ бабушекъ и тетушекъ.

— Да знаешь ли ты, что всякъ грѣхъ, кромѣ еретическаго, оплаканный, не только прощается, но еще и возвышаетъ душу провинившагося черезъ слезное покаяніе!.. Но бракъ есть грѣхъ, тягчайшій изъ всѣхъ, и никакими искупленіями не очищается, ибо въ бракѣ человѣкъ каждый день блудъ совершаетъ и не кается, а въ похвальбу себѣ грѣхъ тотъ смертный считаетъ!.. А мой грѣхъ замолимый, покаюсь я — и снова чистъ отъ грѣха буду...—И, бросившись передъ иконою, Ванюшка сталъ бить поклоны покаянные.

— Окстись, окстись...—бормоталъ Овечкинъ.— это ужъ ты, братъ, перехватилъ!.. Выходитъ, что мы съ тобой одного толка, да разнаго вѣрованія люди... Нѣтъ, братъ, бракъ — дѣло святое... Спаситель сказалъ...

— Отступись!..—крикнулъ на него Ванюшка и, бросивъ лѣстовку, принялся тоже опохмѣляться.

Три дня Крутороговъ и Овечкинъ вели душеспасительные споры и пили, не выходя изъ вѣзжей; на четвертый пора было гостямъ по домамъ, и Тимофей, распрощавшись съ Евстафіей, молодой стряпущей изъ общенской кухни, снялъ сидѣнье въ казанскихъ саночкахъ, навалилъ туда вровень сѣна, прикрылъ запаснымъ ковромъ, положилъ два тѣла хозяйскихъ, сѣлъ на облучекъ, свистнулъ и помчалъ обратно изъ Пашенки купецкихъ сыновей, съѣздившихъ на богомолье.

Поплакала Паранюшка и завила горе веревочкой, не по силамъ вѣтку клонила, ну та и вырвалась, а, вырвавшись, ее же въ лобъ и хватила. Что будешь дѣлать?.. Всяко бываетъ...

На пятый день и остальные всѣ гости распростились съ добрыми хозяевами, поблагодарили кто чѣмъ могъ за хлѣбъ-соль и чинно, какъ въѣхали конь за конемъ, такъ и выѣхали на широкую, ровную дорогу, и до 23 іюня, до самой Аграфены Купальницы, заперъ за ними хромой Филимонъ околицу.

...курились трубы у двухъ большихъ избъ, что ...ли въ Пашенкѣ на самомъ выгонѣ Это си...ы топили баню и съ закатомъ солнечнымъ все ...житіе перепарилось, перемылось и съ молит... ...отошло на мирный сонъ.

...другой день, послѣ бани, всѣ сходили на ... пропѣли канонъ на два лика съ катавасія— всѣ принялись за обычную работу. Кто ткетъ ...ръ, кто золотомъ облаченье вышиваетъ, кто ...ручномъ станкѣ пояски съ молитвою прядетъ,

всѣ чинно, смирно, всѣ при дѣлѣ, вездѣ кипитъ непокладная работа. Мать Фаина съ матерью Софьей счетъ сводятъ. Первая смотритъ въ роспись прихода, гдѣ поименовано все, что гости привезли съ собою въ даръ общежитію, а вторая читаетъ все, что израсходовано за эти 5 дней на пріемъ гостей. Лицо матери Фаины стало свѣтлѣе да добрѣе, потому ясно видитъ она, что далеко приходъ деньгами и яствами превысилъ расходъ. Мать Софья крестится—слава Тебѣ Господи, не оскудѣла еще рука дающаго.

VIII.

Бѣглый дьяконъ Савка.

На чистой Круторогowской кухнѣ сумерничали. Въ большомъ домѣ хозяева отобѣдали и полегли отдыхать: теперь, значитъ, вплотную до „паужина“ стряпущія были свободны.

По лавкамъ, покрытымъ чистымъ рядномъ, сидѣли бабы, дѣвки и мужики, работавшіе на Круторогowскомъ дворѣ. Всѣ собрались послушать разсказовъ бѣглаго дьякона Савки. Самъ Савка, мужчинище матерый, что твой медвѣдь, сидѣлъ на коротенькой лавкѣ, промежъ двухъ оконъ и, опершись на тяжелую, суковатую палку, перекидывался словами съ собравшимися слушателями.

Савка появился въ городѣ Т. всего два года тому назадъ, да и то проживалъ тутъ не сплошь, а такъ, набѣгами.

— Нѣтъ Савки, провалился, собачій сынъ,— скажетъ о немъ кто-нибудь. Глядь, Савка ужъ въ городѣ объявился и въ чьей-нибудь молельнѣ правитъ службу. Купцы его любили, особенно за голосъ. Какъ выпьетъ онъ, да во всю, какъ есть, тарахнетъ „Многая лѣта“, такъ по ту сторону рѣки лошади съ перепугу шарахаются. Вотъ какой го-

Всѣ называютъ Савку бѣглымъ, а никто доподлинно не знаетъ, откуда онъ бѣжалъ. Самъ онъ говоритъ, что убѣгъ изъ града первопрестольнаго, отъ лютыхъ враговъ вѣры истинной, а людишки болтаютъ, — бѣжалъ онъ отъ плетей изъ подъ самаго Березова, куда угодилъ по приговору односельчанъ за конокрадство. Онъ себя дьякономъ величаетъ, ну, а по обличью—чистый варнакъ, ничего въ немъ духовнаго нѣтъ, кромѣ подрясника, да и тотъ на теплой зайчинѣ. Волосы у Савки короткіе, клочьями и съ плѣшиной, мѣстами на головѣ пролысины, словно моль выѣла. Лицо корявое, носъ толстый, а глаза острые, черные, сидятъ во впадинахъ глубоко, какъ мыши въ норахъ.

Иванъ Артамоновичъ первый другъ и покровитель Савки, за то, что тотъ хорошо объ адѣ разсказываетъ. Такъ у него все ясно и толково выходитъ, словно онъ самъ родомъ оттуда. Весь адъ, по его словамъ, на восемь частей раздѣленъ. Семь округовъ по числу семи смертныхъ грѣховъ, и въ каждомъ округѣ свой набольшій съ мелкими чертенятами и съ особыми пріемами, какъ и чѣмъ кого мучить. А восьмой округъ—это какъ-бы главная квартира сатаны и канцелярія, гдѣ онъ судитъ и правитъ.

Какъ заберется Савка во боковушку къ Ивану Артамоновичу, такъ домашніе и знаютъ, что теперь заюродствовалъ Ванюшка, станетъ кадить, пѣть стихи покаянные, бить себя въ грудь, плакать и пить мертвую. Тутъ ужъ никто не суйся, припасай только бутылки, да всякую кислую и соленую прикуску и ставь все снаружи, на полъ,

около дверей. Просунется волосатая лапища Савки, захватитъ что ни на-есть и снова запретъ двери. И такъ бодрствуютъ они, и молятся, смотря по силѣ и вѣрѣ, сколько выдержатъ. Какъ затихнутъ окончательно, такъ значитъ—готово: отпирай дверь смѣло, входи и поступай съ двумя тѣлами, лежащими безъ движенія, какъ знаешь.

Съ Савкой—короткій разборъ: выволокутъ на дворъ, кликнутъ татарина Юшку и велятъ ему лить на буйную дьяконскую головушку ушатъ за ушатомъ студеной воды, пока очухается. Ну, а Ванюшка всецѣло поступаетъ въ вѣдѣніе своей матушки родимой и тетушекъ. Его отчитываютъ, оттираютъ масломъ четверговымъ, отпаиваютъ водою съ наговоромъ и мало по малу приводятъ снова въ человѣческій видъ.

— Саввушка, я те „спасенной“ бражки приготовила...—говоритъ румяная кухарка Матрена Сидоровна и ставитъ передъ дьякономъ берестовый туесъ, полный пѣнящейся браги.

— Спаси тя Христосъ! —отвѣчаетъ Савка и, облизавъ губы, расправивъ щетину свою, отхлебываетъ браги.—То ись гдѣ ни пей, а ужъ такой бражки, какъ Матрена Сидоровна варитъ, въ жизть не найдешь... Вотъ и „шанижки“ тоже...

— Ахъ ты, роженый!.. А вѣдь „шанижки“-то есть. Нонесь къ полднику пекла. Сейчасъ въ закуткѣ еще тепленькія небось лежатъ... Глянь, Акулинушка!..

Толстая, какъ ступа, Акулина, съ тихимъ смѣхомъ поднялась со скамейки, отодвинула заслонку русской печи и изъ „закута“ (боковаго круглаго отверстія) достала плошку съ „шаньгами“ и поставила ее передъ Савкой.

— Ровно ты, Савушка, у насъ дѣдъ-всевѣдъ, такъ сквозь печку и увидѣлъ наши шаньги... Кушай во славу Божью...

Дьяконъ мигомъ спровадилъ двѣ-три ватрушки сдобнаго, крутаго тѣста, отхлебнулъ чуть не половину туеса браги, обтеръ ротъ полою, перекрестился трижды двуперстнымъ знаменіемъ.

Матрена Сидоровна подсѣла къ нему.

— Дѣльце есть до тебя, Саввушка...

— Секретное, что-ль?..—спросилъ Савка, уписывая шаньги и запивая брагой.

— Каки таки у меня съ тобой секреты?..—разсмѣялась стряпуха.—Алена Митревна утресь прибѣгала, тебя спрашивала...

— Глазиха? Ну, чего такъ?

— Бѣда неизбытная... ужъ она сердешная вылавыла, у тебя все совѣту спрашивать хотѣла. Вѣдь ихъ изъ свово-то гнѣзда роднаго гонятъ.

— Знаю.—Савка погладилъ бороду.—И выгонятъ, ничего тутъ не подѣлаешь, предѣлъ, значитъ.

— Да какую-же они такую праву имѣютъ, собственное, родителями нажитое гнѣздо срыть и землю, въ которой ихъ, значитъ, кости лежатъ, взять въ казну?

— Да вотъ поди тутъ судись! Такъ и будетъ, не уйдутъ сами—выгонятъ изъ дому, домъ какъ есть сроютъ и по землѣ той пойдетъ чугунка. Знаю я это, не впервой вижу, проводили ужъ такую дорогу и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бродить пришлось... Отчужденіемъ это они называютъ, то ись, было твое, а теперь, молъ, чужое, получай деньги и отходи въ сторонку.

— Чудакъ человѣкъ, да коли она продавать не хочетъ!..—послышался чей-то голосъ.

— Все едино—возьмутъ,—отвѣчалъ Савка.

— Ну, вотъ, вотъ и она говоритъ,—продолжала стряпуха,—прислали ей, вишь, бумагу, сколько она хочетъ за домъ съ землицей, ну, она и говоритъ: золотомъ засыпьте, свой домъ не отдамъ, да еще и плюнула на посланнаго, безстыдники, говоритъ, въ правду безстыдники... тутъ у меня подъ спудницей дѣдовская душа живетъ, а они—на!.. Продай домъ!.. да только этимъ, Саввушка, она не отбоярилась, за плевокъ онъ содралъ съ нея своимъ порядкомъ, иначе, говоритъ, засужу, а коли, говоритъ, такаго-то числа ты не выйдешь, выволокутъ тебя за хвостъ и на твоихъ глазахъ крышу ломать учнутъ... Вотъ съ эвтаго дня Глазиха какъ бы ума рѣшилась, воетъ да ищетъ все, кто бы защитилъ.

— Ужъ тутъ вой не вой, а защиты ей не найти, потому казна!.. Всѣ дома по берегу сроютъ, и тутъ пойдетъ подъѣздной путь, товары, значитъ, съ рѣки, съ барокъ и пароходовъ будутъ грузить на главную чугунку, а съ главной чугунки перевозить обратно на рѣку.

— Да тамъ не одинъ домъ Глазихи,—вступилъ конюхъ Сергѣй. Тамъ домовъ, почитай, тридцать, аль сорокъ будетъ; окромя хозяевъ, сколько темненькихъ (безпаспортныхъ) ютится, потому мѣсто вольготное, по пристанямъ имъ заработокъ есть. Дадутъ они такіе дома раззорить-то!... ребята теплые, въ топоры пойдутъ...

— Въ топоры?.. А солдаты на што? Ружья на

што? Бунтъ, сопротивленье?.. Н-н-ѣ-ѣ-тъ, братъ, шалишь, локти назадъ.

— Да что это за страсти такія стали говорить,—заголосили женщины.

— Чтобъ ей пусто было этой самой чугункѣ,— вступился второй конюхъ Василій.— Еще ничего отъ нее не видали, а ужъ сколько озорства отъ этихъ самыхъ анженеровъ натерпѣлись! Роютъ, роютъ, какъ кроты, прости Господи, всю округу изрыли, ровно кладъ ищутъ, а толку все нѣтъ. Надысь возвращался я съ нашимъ прикащикомъ Михалъ Петровичемъ изъ-за юртъ, куда онъ на рыбалку ѣздилъ... Ну, выпили мы тамъ здорово, онъ пилъ и мнѣ подносилъ. Ладно... ѣдемъ... мѣста знакомыя... Вѣрите, родные, три часа плутали, да гдѣ! У самаго города. Ѣдешь вправо—канавищу вырыли, возьмешь влѣво—гору вздули, прямо взялъ, знаю, мосточекъ тутъ былъ—глянь, сняли его и запруду тутъ сдѣлали... Взвылъ я, ни тебѣ дороги, ни проѣзду. Опаскудили, можно сказать, весь нашъ городъ! Сижу это я на козлахъ и вою,— а Михалъ Петровичъ сидѣлъ въ „коробкѣ“ да и тоже заплакалъ, потому обидно: видимъ городъ, а попасть въ него никакъ нельзя.

— Ну и какъ же вы выбрались?— спросилъ Савка.

— Да какъ, сказать зазорно... Баба вывела... Идетъ это съ коромысломъ, да и остановилась... Поставила ведра на землю, да и къ намъ.—Чего, говоритъ, оголтѣлые, въ рѣку лѣзете?..—Повернула лошадь взадъ, да и хлестанула, ну та извѣстно и побѣгла. Я едва возжи собралъ, а тамъ, хвать, а ужъ мы и у своихъ воротъ.

— Да можетъ это и не баба была, а оборотень,—сказалъ кто-то.

— Я и самъ мѣкаю, оборотень... Гдѣ жъ бабѣ такого ума набраться, чтобъ двумъ мужикамъ дорогу указать... А только ничего изъ этого не выйдетъ, выстроютъ они дорогу, а только чугунка бѣгать не будетъ...

— Почему, почему такъ?..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А потому, что слыхалъ я отъ вѣрныхъ людей. Ямщики да гужевые изъ лѣсовъ такаго старика праведнаго привозили, онъ по всей той линіи въ самое новолунье на черной кобылѣ проѣхалъ и такое слово сказалъ, что шабашъ! Будетъ шипѣть эта чугунка, а съ мѣста не двинется. Потому ее дьяволъ везетъ, а дьяволу отъ такаго слова ходу нѣтъ.

— Полно молоть-то тебѣ, Василій, чего зря звонишь-то! При чемъ тутъ дьяволъ, паромъ та чугунка ходитъ...

— Ладно, паромъ! Въ банѣ-то сколько пару бываетъ, дыхнуть нельзя, а небось баня-то съ мѣста не бѣжитъ, а ты говоришь, паромъ!..

— Да буде вамъ, буде,—вступилась Матрена Сидоровна,—ужъ ладно тамъ, сами увидимъ, чѣмъ она, проклятая, побѣжитъ... А ты лучше, Саввушка, скажи, правду-ль Глазиха говоритъ, будто у нихъ въ подпольѣ живетъ душа дѣда ея Самсона Силыча?

— Слыхалъ я...—протянулъ дьяконъ.—Вѣрно... говорятъ, ту душу слыхали многіе.

— Разскажи, роженый,—пристали всѣ кругомъ къ Савкѣ.

Въ мигъ передъ Савкой появился новый туесъ браги и всѣ сдвинулись на лавкахъ тѣснѣе, ближе къ разсказчику. Савка отхлебнулъ, отеръ рушникомъ густую пѣну съ усовъ и крякнулъ...

Не успѣлъ Савка ротъ раскрыть, какъ въ наружную дверь кухни раздался громкій стукъ, кто-то нетерпѣливо дубасилъ въ дверь. Всѣ повскакали съ мѣстъ и въ смятеніи метались, крестились и ахали. Неистовый стукъ повторился, слышался заглушенный шумъ голосовъ.

— Да кто-жъ ее, проклятую, заперъ? — очнулась, наконецъ, Матрена Сидоровна, — гдѣ-жъ это видано, чтобъ дверь въ кухню запиралась изнутри на крюкъ?..

— Я заперъ, тетенька, — откликнулся рыжій дворовый мальчишка Петръ. — Хотѣлъ, чтобы заводскіе не шныряли за всякимъ дѣломъ, пока дяденька Савва разсказываетъ.

— О, чтобъ те розорвало! Отпирай скорѣй, вѣдь это никакъ Никифоровъ голосъ, видно изъ Пашенки оборотились.

Всѣ бросились отпирать дверь и теперь ясно услышали со двора крикъ.

— Ишь сумерничаютъ, оголтѣлые, и дверь на крюку держатъ... примайте что ли, Ивана Артамоновича привезли!..

Матрена Сидоровна метнулась въ боковушку.

— Саввушка, будь брательникъ, пособь внести Ивана-то Артамоновича, чать, безъ чувствіевъ привезли...

Саввушка пошелъ къ санямъ. Тамъ рядомъ, чинно, какъ двѣ селедки на блюдѣ, лежали и спали богатырскимъ сномъ свѣтъ Иванъ Артамо-

новичъ Круторогов и Евменій Феодоровичъ Овеч-
кинъ. Саввушка окинулъ ихъ холоднымъ взгля-
домъ: строгъ онъ былъ къ людямъ, когда они
безъ него напивались.

— Вымáй прежде всего Божье Милосердіе, что
съ собой въ путинку брали...—приказалъ онъ.

Открылъ Никифоръ сбоку, въ саняхъ, ящикъ
подъ изголовьемъ и вытащилъ оттуда завернутыя
въ пелены и сверху еще въ чистый убрусъ три
иконы. Савка съ трехкратнымъ крестнымъ зна-
меніемъ принялъ ихъ и затѣмъ распорядился: —
Теперь тащите осторожно за мною напередъ хо-
зяина, а потомъ и гостя!.. тѣла купецкихъ сыно-
вей, вернувшихся съ богомолья: Вáнюшку — на
кровать, Евменія на сундукъ, крытый толстой
кошмой. Матрена Сидоровна послала за тетуш-
ками, а сама стала приготовлять все, что полага-
лось для вытрезвленія.

— Эхъ народъ, народъ...—говорилъ Савка со-
бравшемуся люду,—ничего то вы не разумѣете...
Иконъ выбрать для дороги не смогли, а туда же
истинными христіанами зоветесь... Съ чего Моисея
Мурина съ собою таскали?.. Нешто ему отъ вин-
наго запойства молиться?.. Вонифатія мученика
должны были съ собой взять...

И Савка, доставъ съ тябла Св. Вонифатія, по-
ставилъ его на подмогу рядомъ съ Моисеемъ Му-
риномъ. Затѣмъ, не обращая никакого вниманія
на прибѣжавшихъ женщинъ и на всю ихъ возню
кругомъ пьяныхъ, онъ наложилъ ладона роснаго
въ кадильницу, разжегъ его углемъ запаснымъ,
что въ особомъ горшечкѣ припасенъ былъ, затѣмъ

„лещуры" стояли открытыми на столѣ и то Матрена Сидоровна, то Акулина наполняли ихъ горячими „пряженцами" и „шаньгами", туеса ихъ уже были до краевъ налиты темною брагой.

— А ты, Матрена Сидоровна, жди скоро радости себѣ... Гость нежданный, но желанный у тебя будетъ, — говорила на распѣвъ странница Анафролія.

— Ой-ли!... — отозвалась Матрена Сидоровна и съ повеселѣвшими глазами отложила ухватъ въ сторону. — Кого такаго милаго гостя ждать надо?.. ужъ не Сидорка-ль прибудетъ?

— Вѣрно твое слово, вѣщунъ, баба, у тебя сердце. Бредемъ мы изъ-подъ Тобольска отъ самаго монастыря пресвятой Аболакской Божьей Матери и слышали тамъ отъ вѣрныхъ людей, что идетъ изъ-подъ самой Кяхты твой сыночекъ Сидорка съ караваномъ чаевъ... идетъ онъ на Катеринбургъ черезъ вашъ городъ и у васъ и остановку имѣть будетъ.

— О-о-охъ, мнѣ, тошнехонько...—причитывала Матрена Сидоровна и, опустившись на лавку, закрыла голову передникомъ. — Идетъ ли соколъ ясный гужевымъ по далекой пути дороженькѣ... притомилися рѣзвыя ноженьки его, попритуманились ясные глазыньки... и нудно, и студно дитятку безъ родимой матушки...

— Чего убиваешься, Матрена Сидоровна, вотъ ужъ именно сказано: баба, что мѣшокъ, что въ нее положатъ, то и тащитъ. Да ты на-перво узнай еще правду-ль тебѣ сорока-то на хвостѣ принесла?

— Не грѣши, святъ человѣкъ... — остановила

Савку вторая странница Виринея. — Не пустымъ сорочьимъ словомъ обмолвилась, а правду истинную сказала. Вышелъ тотъ караванъ давно изъ китайщины и будетъ онъ, сказывали намъ, не позже какъ черезъ пятокъ дней здѣсь въ городѣ. Крюку мы дали съ мать Анафролiей, чтобы только ту радостную вѣсть донести до Матрены Сидоровны.

— Ну, инъ быть по вашему, слыхалъ я тоже о томъ караванѣ, какъ сюда брелъ, да думалъ пустая молвь—и Савка, протянувъ руку, потрясъ за плечо плакавшую:

— Будетъ надрываться то, Матрена Сидоровна, Акулина-то одна съ шаньгами и не управится.

Очнулась Матрена Сидоровна, сбросила передникъ съ головы и снова хватилась за ухватъ и сковородники.

— Спаси Пресвятая Богородице ихъ по пути гужевому, въ Ежовскомъ перелѣскѣ близь Овечкинскаго завода, вотъ гдѣ бѣлые волки озорничаютъ. Не у одного каравана тамъ поотрѣзали они цибики, а чью душеньку такъ и вовсе порѣшили.

— Ладно, ладно, будетъ причитывать то, молись лучше. Молись да милостыни подавай, а крикомъ своимъ бабьимъ не утруждай Господа Бога...—перебилъ ее Савка и вышелъ изъ кухни.

Спустившись въ теплую повалушу, что изъ подъ крыльца шла подъ кухней, онъ досталъ тамъ свой посохъ страннический, пещуръ свой, который хранилъ отъ всѣхъ глазъ и рукъ человѣческихъ, взвалилъ его на плечи и, никому не сказавъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, побрелъ по

двору, вышелъ на улицу, спустился мимо Емелькина дома на мостъ: будто въ городъ собрался, и только миновавъ Царскую улицу, гдѣ шелъ поворотъ къ городищу, остановился и присѣлъ на лавочкѣ у знакомаго кабака.

Не прошло двадцати минутъ, какъ услышалъ онъ скачъ лихой тройки и, вышедъ на дорогу, сталъ по самой серединѣ и замахалъ палкой. Осадилъ ямщикъ лошадей и изъ кошевы высунулась сердитая голова Овечкина — чего такого стали? Дьяконъ Савка подошелъ къ нему съ низкимъ поклономъ.

— Яви, Евменій Феодоровичъ, божескую милость, возьми съ собой, пробраться хочу въ дальній Аболакскій монастырь, довези до своего завода...

— Садись!..—махнулъ ему Овечкинъ,—да лѣзь проворнѣй!.. Ну, пошелъ!..—и тройка снова поднялась и замелькали передъ ними дома, низенькіе заборы, огороды, все мельче и мельче, словно таялъ передъ ними городъ, пока съ послѣдней банькой, вросшей въ землю, не перешелъ въ низины, покрытыя снѣгомъ.

IX.

Бунтъ и покаяніе Овечкина.

Крупнымъ шагомъ, тяжело ступая на ногу, ходила по горницамъ заводскаго дома Овечиха и все думала свою тяжелую думу. Волосы ея, со смерти Фелицаты, посѣдѣли, лицо осунулось и еще строже, еще суровѣе глядѣли большіе, черные глаза изъ глубокихъ впадинъ.

Третій день такъ ходитъ старуха... Положила она на себя постъ великій и, кромѣ хлѣба, да похлебки изъ кваса, никакой пищи не принимаетъ, спитъ мало, и утромъ, и вечеромъ, и въ полудни бьетъ поклоны. Не хотѣлось ей подымать гомонъ по городу и посылать къ Круторогoвымъ за сыномъ. Спѣшить нечего, горе всегда слишкомъ рано придетъ, содѣланнаго не вернешь и не уму человѣческому вершить судьбу людскую, на все промыселъ Божій.

Порѣшивъ это въ умѣ, старуха стала ждать сына и—дождалась.

Ворвалась тройка въ заводскія ворота, что звѣри бѣшеные, и осѣли кони лихіе на хвосты у самаго крыльца дома; турманомъ вылетѣлъ Овечкинъ и, какъ былъ въ шубѣ, валенкахъ и шапкѣ, такъ и предсталъ передъ матерью. Глаза красные, лицо блѣдное, нижняя губа трясется.

— Фелицата?..—проговорилъ онъ хрипло.

Овечиха выпрямилась, подошла близко къ сыну, положила обѣ руки ему на плечи и, уставивъ свои властные, сухiе глаза въ самую глубь тревожнаго взгляда сына, проговорила:

— Умерла!

Ровно подкошенный, метнулся въ сторону Овечкинъ и побѣлѣлъ, какъ платъ.

— Какъ умерла?.. Кто умерла? Маменька, ой, не шути со мной смертной шуткой!.. Тебѣ довѣрилъ я свою Фелицату!.. Гдѣ жена моя?.. Гдѣ моя ясынька?.. гдѣ?.. — И, какъ безумный, сжавъ кулаки, онъ напиралъ на мать.

— Окстись, непутевый!.. чего на мать съ кулачищами лѣзешь!—крикнула старуха.—Померла твоя жена Фелицата въ одночасье, видно, такъ Богу угодно было покарать и ее, и тебя... Пашкину-то кровь помнишь?..

Евменій грузно упалъ на колѣни и поползъ къ матери.

— Маменька, маменька, не пытай меня... Все забуду, все прощу, пальцемъ не трону, духомъ не дохну на жену... суровымъ постъ положу сорокадневный, отдай мнѣ мою Фелицату!.. Отдай, маменька, горлинку мою, ластовку бѣлую, жену мою милую...

Подернулись туманомъ суровые очи матери, впервые съ приѣзда крупныя капли слезъ полились по [illegible]дымъ ея щекамъ.

— Евменьюшка, сынъ мой роженый, не вольна я отдать тебѣ того, что Господь Богъ къ себѣ прибралъ... Не въ силушкахъ я вырыть изъ сырой земли тѣло усопшей жены твоей и снова вло-

жить въ нее душу отлетѣвшую... Молиться ты долженъ!.. Склони свою голову, прими крестъ Господень на рамена свои... Покорись, Евменій, покорись, какъ христіанинъ... Умерла твоя Фелицата... Умерла и землѣ предана на кладбищѣ святаго Ивановскаго монастыря...

Глухо зарыдалъ Овечкинъ, забился головою объ полъ, не смирялся духъ его строптивый съ такой смертной новостью, не налаживались мысли его, чтобъ представить себѣ мертвой пышную красоту жены своей, распалилось гнѣвомъ его сердце и противъ людей, и противъ Бога, вскочилъ онъ на ноги.

— Сказывай, маменька, какъ померла... какая такая болѣзнь приключилась?.. Сказывай, какъ извели вы ее!?..

Поблѣднѣла еще больше Овечиха и крѣпко взяла за руку сына. Инстинктивно она какъ бы искала этимъ прикосновеніемъ снова покорить его себѣ.

— Вотъ тѣ Христосъ и Пресвятая Матерь Божія порукой, что поколь не покоришься ты, не отдашь себя въ руки промысла Божія, не услышишь ты отъ меня ни слова!.. Иду я въ молельню и тамъ буду молиться... Ни крохи хлѣба, ни капли воды не возьму въ уста, пока не придешь ты къ ногамъ моимъ и не станешь покоренъ и кротокъ, какъ агнецъ!.. Лучше мнѣ умереть, чѣмъ слышать богохульныя рѣчи и брань строптивую отъ сына роднаго!.. Пошла твоя Фелицата въ царство небесное, очистилась она отъ грѣховъ своихъ горниломъ страданія и стоитъ она теперь околъ отца твоего, и смотрятъ они на тебя и ждутъ молитвъ твоихъ за себя... — сказала Ове-

чиха и ушла въ молельню, не обернувъ больше головы къ сыну.

Овечкинъ остался одинъ, какъ громомъ приглушенный. Только теперь онъ созналъ всѣмъ существомъ своимъ, что Фелицата умерла, исчезла, утрачена для него навсегда. Снова безумный гнѣвъ охватилъ его.—Замучили... запилили... Говорятъ, умерла въ одночасье, а что коли она да руки на себя наложила?.. Маменька!..—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ и ринулся къ молельной.

Со стономъ, крикомъ, съ мольбой и проклятіями рвалъ онъ дверь, заклиная мать открыть ее, но дверь молельной была изъ цѣльнаго дуба, снаружи не имѣла ни ручки, ни щеколды, вся, какъ литая, а изнутри запиралась громаднымъ желѣзнымъ болтомъ. Съ налитыми кровью глазами бросился Евменій на кухню и схватилъ топоръ, но тутъ его за руку, какъ клещами желѣзными, стиснулъ Савка.

— Положь... — сказалъ онъ ему громко.—Положь, Евменій Федоровичъ, не искушай Бога. Подумай, съ кѣмъ на брань идешь и за оружіе хватился... Супротивъ матери идешь... что теперь передъ аналоемъ Божіимъ за тебя молитвы правитъ!..

Опустились руки у Овечкина, выпалъ топоръ изъ нихъ и залился онъ слезами, а Савка налилъ ему громадный стаканище вина и подноситъ:

— Выпей.

Пьетъ Евменій и будто сердце его на огнѣ расплавляется и легче ему становится, выпилъ онъ и самъ теперь протянулъ стаканъ: налей, говоритъ. И Савка снова налилъ, и снова выпилъ Овечкинъ, и горе съ виномъ надломили силы его,

упалъ бы, какъ пластъ, да Савка подхватилъ его и снесъ, какъ дитя малое, въ спальню и положилъ на кровать. И тотъ день, и ту ночь, и слѣдующій день до ночи пилъ Евменій мертвую и лежалъ безъ движенія, и тотъ день, и ту ночь, и слѣдующій день стояла на молитвѣ мать его, и когда не въ силахъ были держать ее ноги, лежала она на полу передъ иконами и шептала молитвы. Ни крохи хлѣба, ни капли воды не вкусила она, губы ея запеклись и растрескались, лицо ровно земля потемнѣло, въ ушахъ шумъ стоялъ, въ глазахъ круги огненные мелькали, она все стояла и молилась.

Къ вечеру втораго дня, когда Овечкинъ хрипло крикнулъ: „водки", Савка подалъ ему стаканъ ледяной воды съ каплями нашатырнаго спирта. Овечкинъ, мучимый жаждой, проглотилъ съ наслажденіемъ холодную влагу. Черезъ четверть часа густой туманъ хмѣля сталъ рѣдѣть, разрываться на клочки и сознаніе, какъ блѣдный лучъ солнца, прояснило мысли Овечкина. Онъ выпилъ еще квасу, всталъ и долго держалъ свою голову подъ струею холодной воды. Пройдясь по комнатѣ, онъ спросилъ, не глядя на Савку, сидѣвшаго сумрачно у окна:

— Маменька?..

— Въ молельной, такъ и не отпирала дверей.

Овечкинъ направился къ молельной. Онъ постоялъ минуту, прижавшись лбомъ къ двери и вдругъ, опустившись на полъ, зарыдалъ съ глухимъ стономъ.

Услышало чуткое сердце матери рыданье сыновнее, открылась дверь молельни и, едва дер-

жась на ногахъ, но все такая же непреклонная, мать позвала его къ себѣ.

— Подь, Евменьюшка, подь, дитятко... Выплачь свое горе горькое, авось со слезами то и сердце твое непокорное угомонится...

Старуха опустилась на лавку, покрытую ковромъ. Евменій на колѣняхъ доползъ до нее, положилъ на колѣни матери свою рыжую, всклокоченную голову и рыдалъ уже безъ злобы, безъ отчаянія, рыдалъ, проникаясь покорностью. Овечиха сидѣла прямо, своими жесткими, жилистыми руками она гладила голову сына, а сухіе черные глаза ея съ страстной вѣрой были устремлены на почернѣлый ликъ Спасителя. Въ темной молельнѣ пахло ладономъ, налѣпы желтаго воску горѣли трепетнымъ краснымъ огонькомъ, играя и отражаясь въ камняхъ самоцвѣтныхъ, украшавшихъ иконы. Изъ золотыхъ сканныхъ ризъ сурово глядѣли темные лики святыхъ, какъ бы осуждая людское отчаяніе по бреннымъ земнымъ радостямъ.

Овечиха, подкрѣпивъ силы свои пищей, такъ и заночевала въ ту ночь на скамьѣ въ молельной. Евменій Федоровичъ ушелъ къ себѣ и, не прикасаясь больше къ вину, въ первый разъ послѣ катастрофы заснулъ мертвымъ крѣпящимъ сномъ.

На другое утро мать снова позвала его въ молельню, заперла дверь и все передала ему: страстное покаяніе Фелицаты, ея слезы, постъ, молитву неустанную, ея прогулку одинокую, во время которой она, видно, заблудилась въ лѣсу,—и то, какъ только на другой день монастырскій работникъ Кузьма, поѣхавъ по дрова, нашелъ ее въ

лѣсу, подъ развѣсистымъ кедромъ; разсказала, какъ плакали монахини, какъ торжественно справляли по ней послѣднюю службу, какъ сама она, Овечиха, раздала все, что при ней было, на свѣчи, милостыню и поминанье. Въ гробу Фелицата лежала бѣлая, да ясная, словно душенька ея, очистившись отъ грѣха, витала надъ тѣломъ ея просвѣтленнымъ.

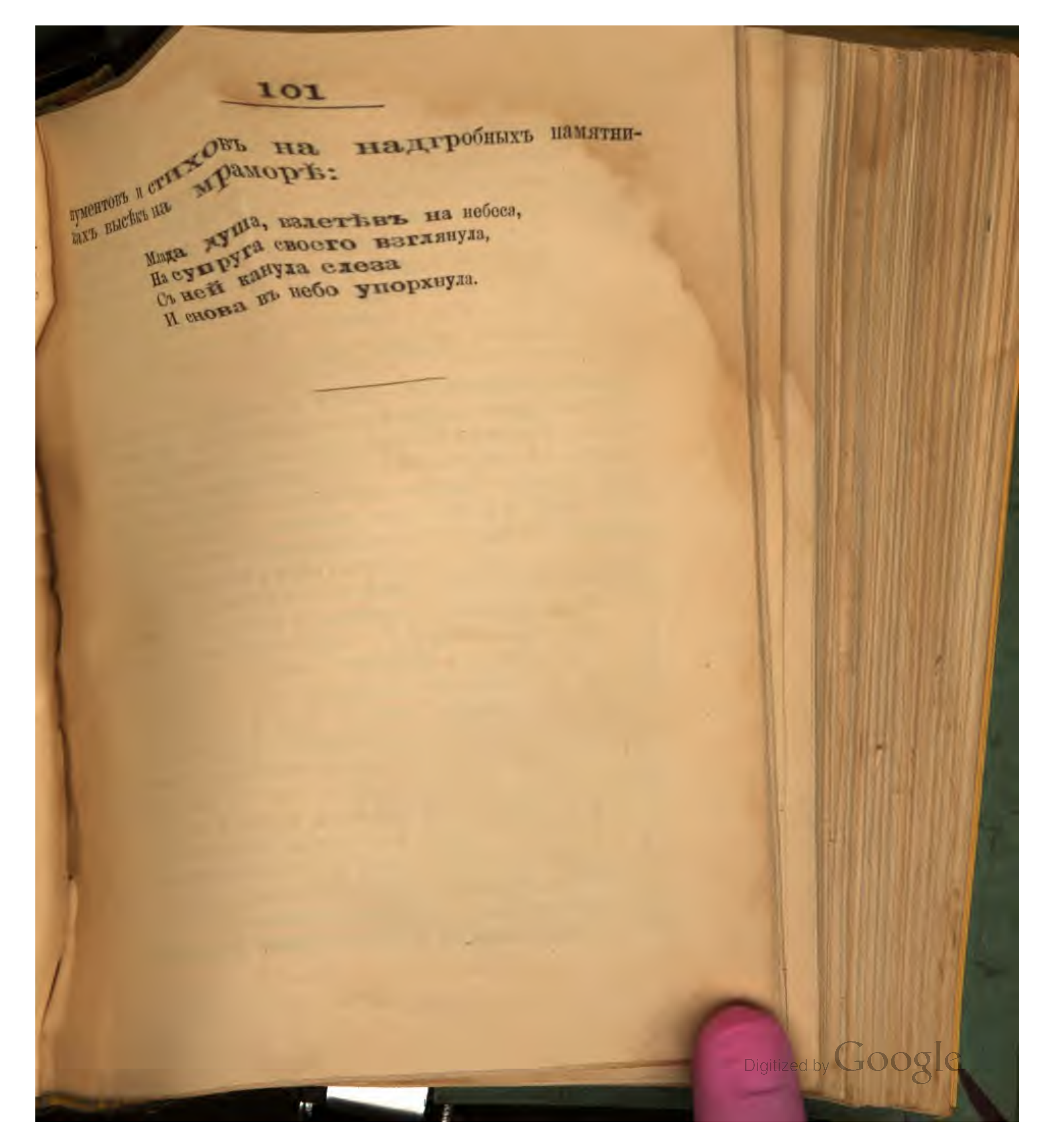
Все, все разсказала Овечиха, а одно утаила. Утаила она свой испугъ смертный, когда пропала Фелицата, страшныя, завѣтныя подозрѣнія, что не обошла-ли всѣхъ невѣстка хитрая, не дала-ль себя выкрасть чуженину проклятому, смутьяну ненавистному инженеришкѣ. Трупу-то ея найденному обрадовалась Овечиха, смерть-то лютѣе позорища!..

Ой-ой-ой какъ смутились людишки на заводѣ и въ городѣ, да и всюду, куда только залетала вѣсть о томъ, что въ Ивановскомъ дальнемъ монастырѣ умерла въ одночасье молодая красавица, мужняя жена, Фелицата Григорьевна, но только всѣ помалкивали,—богаты были Овечкины, да и суровы, и мать и сынъ, тягаться съ ними ни кому не было охоты!

Евменій Федоровичъ съѣздилъ въ Тобольскъ, сдѣлалъ богатый вкладъ въ церковь Ивановскаго монастыря, поставилъ часовенку съ неугасимой лампадой на могилѣ своей Фелицатушки и надпись на ней вырѣзалъ:

„Отъ неутѣшнаго супруга и почетнаго гражданина Евменія Федоровича Овечкина, незабвенной супругѣ его Фелицатѣ Григорьевнѣ“.

А на другой сторонѣ Тобольскій мастеръ мо-

ументовъ и стиховъ на надгробныхъ памятни-
ахъ высѣкъ на мраморѣ:

Млада душа, взлетѣвъ на небеса,
На супруга своего взглянула,
Съ ней канула слеза
И снова въ небо упорхнула.

X.

Конецъ Савки.

Ежовскій перелѣсокъ шелъ верстахъ въ трехъ отъ стекляннаго завода Овечкина-сына и примыкалъ какъ разъ къ Ежовкѣ, деревнѣ, лежавшей у глубокаго оврага, на днѣ котораго бѣжитъ рѣченка Пагуба. Сонная маловодная рѣченка въ концѣ лѣта, а весной, какъ хлынутъ въ нее снѣга окрестные, бурлитъ, реветъ, пѣнится, что брага хмѣльная, и рѣдко, рѣдко, что годъ обойдется съ ней безъ грѣха: либо заборъ чей по пути взмоетъ, либо скотъ потопитъ, а то такъ и ребетенка какаго слизнетъ съ берега и закрутитъ. Бѣдовая рѣка, не даромъ и Пагубой зовется! Дома въ Ежовкѣ все небольшіе, невысокіе, стоятъ врозь, словно разсорившись, каждый своимъ дворомъ окруженъ. Всѣхъ-то ихъ не больше сотни наберется, широкая проѣзжая дорога столбовая идетъ посередь села и за выгономъ въ лѣсъ уходитъ. И въ той, и въ другой половинѣ деревни идутъ переулки, тамъ домики еще бѣднѣе, однотесомъ крытые, тутъ все больше вдовы да бобылки живутъ.

Не хорошая слава идетъ про Ежовскихъ крестьянъ, разбойниками, да бѣлыми волками ругаютъ ихъ, а только можетъ и за напраслину обносятъ

— Ну ладно, пожалуй, что и справишься, — согласился Софроній, окинувъ ласковымъ взглядомъ всю стройную, здоровую фигуру парня. — Слухай всѣ: поляжьте на возы и зорко глядите кругомъ. На возу-то безопаснѣй. Кистени всѣ на готовѣ держать, запримѣтить куда раскать и съ той отводины глазъ не спущать. Лежать не шелохнуться, покель ворогъ на возъ не полѣзетъ, тутъ и глуши его, проклятаго, кистенемъ, да не по шапкѣ, навачена она, а прямо въ рыло нарови, чтобъ о всю жисть память была. Оглушишь и, коль скатится, не прыгай съ воза, не вались на душегуба, у волка поганаго завсегда ножъ на готовѣ, а свисти, что мочи значитъ, чтобы каждый на опаскѣ былъ, каждый за себя стоялъ, отъ возовъ отбѣгать не смѣй. Ну, кажись, все! лошадей не распускать, сдвигай ближе. Крестись, робята—полѣзай на возы.

Всѣ поснимали шапки и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, затѣмъ забрались на возы, полегли, ровно спятъ. Потянулись кони одинъ за другимъ длинной вореницей, вступилъ безмолвный караванъ въ лѣсъ и пошелъ широкой дорогой, промежъ угрюмыхъ черныхъ сосенъ да елей. Бѣлѣетъ снѣговая дороженька подъ трепетнымъ лучемъ мѣсяца, тянутся по ней рѣзкія тѣни деревъ придорожныхъ. Бьется, колотится сердце Сидоркино, зорко глядитъ паренекъ направо, куда раскатъ забѣгаетъ, гдѣ бѣлѣютъ большія снѣговыя загруды.

Вотъ раскатились сани Сидоркины, всей своей громадой хватили о загруду, лошадь его пѣгая чуть не поперегъ дороги стала и напряглась вы-

равнивать возъ. Слышитъ Сидоръ, какъ дышетъ волкъ бѣлый и, уцѣпившись за перетяжку, старается ее пересѣчь *). И вдругъ по лѣсу свистъ раскатился и еще, и еще со всѣхъ возовъ несется — знать, и впереди дѣло завязалось — шарахнулся Сидорка, вскочилъ на колѣна, а передъ нимъ, какъ угли, глаза черные разбойничьи горятъ. Взмахнулъ Сидорка кистенемъ тяжелымъ, какъ звѣзданетъ сверху внизъ, такъ и покатилась съ воза груда бѣлая, и стона не разслышалъ Сидорка. Глядь, мужики съ возовъ повскакали,—забыли слова Софронія вожатаго, галдятъ, голосятъ, лѣсъ словно ожилъ, реветъ эхомъ отвѣтнымъ, стонетъ отъ топота коней и людей. Мужики лошадей погоняютъ, понатужилась скотина сердечная, словно тоже чуетъ, что изъ мѣста недобраго выбираться надо. Сидоркина пѣгашка спѣшитъ, такъ вся и вытянулась, а парень лежитъ на возу и тупо смотритъ на свой кистень, по которому багрецъ по каплямъ стекаетъ...

Вотъ и конецъ лѣсу, зарѣдѣли деревья, заперемежились, потянулись кусты низкорослые и снова лежитъ дорога открытая, широкая, подъ необъятнымъ звѣзднымъ небомъ. Въѣхалъ обозъ въ Ежовку, всѣ мужики поспѣшились, идутъ сурово около своихъ возовъ, лошадей даже не понукаютъ, одна дума у всѣхъ — до Сватьяновки добраться. Въ трехъ, четырехъ избахъ деревни мелькаетъ еще огонекъ, стукнуло гдѣ-то волоковое оконце, выглянуло чье-то лицо на проходящій обозъ и снова все тихо, собака не лайнетъ.

---

*) Перерѣзать веревку.

Еще часъ шелъ обозъ тѣмъ же спѣшнымъ шагомъ и, наконецъ, достигъ деревни Сватьяновки. Остановились гужевые, сняли шапки и истово перекрестились. „Слава тебѣ, св. Мироній, сохранилъ странныхъ людей въ далекой путинѣ отъ злой напасти“.

Далеко откатился Илья Кузнецъ, когда его, какъ молотомъ по уху, оглушилъ здоровенный гужевой, что шелъ третьимъ возомъ. Кровь хлынула изъ уха Ильи, не ожидавшаго отпора отъ мужика, казалось, глубоко спавшаго на возу. Задалъ стрекача въ кусты кабатчикъ Козелъ и ничкомъ упалъ за заграду, какъ услыхалъ свистъ и гомонъ, что подняли гужевики. Какъ замолкъ опять лѣсъ, вышелъ онъ на дорогу и видитъ: сидитъ Илья подъ кедромъ развѣсистымъ и снѣгомъ голову третъ себѣ. Ну, этотъ очухается, и не изъ такихъ переналокъ живъ выходилъ. Пошелъ дальше Ванька, да и ахнулъ: лежитъ середь дороги, распластавъ руки и повернувъ къ небу искровяненное, безобразное лицо, дьяконъ Савка. Угодилъ ему Сидорка кистенемъ въ самый лобъ, да такъ, что и черепъ не выдержалъ, а какъ летѣлъ ничкомъ съ воза Савка, да хряснулся затылкомъ о земь, и душа изъ него вонъ выскочила. Потрогалъ кабатчикъ дьякона за руку, за другую, и сталъ сволакивать съ него доху заячью, валены бѣлыя и треухъ: не слѣдъ оставлять на мертвомъ позорную одежду волка бѣлаго, — пусть лучше люди думаютъ, что убили въ лѣсу разбойники бѣглаго дьякона Савку и обобрали его.

Зарылъ до время въ вѣрномъ мѣстѣ кабатчикъ и свою, и снятую съ Савки одежду и поспѣшилъ домой на деревню, — поплелся и Илья за нимъ, тоже снявъ и убравъ свою волчью шкуру.

Бѣжитъ ночь и близится алый разсвѣтъ. Побѣлѣлъ мѣсяцъ, слился съ облаками и исчезъ въ поднебесьѣ. Подернулись серебристой дымкой верхушки лѣса. Зарѣдѣла тѣнь промежъ густыхъ кустовъ; брызнулъ съ востока снопъ яркихъ солнечныхъ лучей и ожилъ лѣсъ, зачирикали воробьи, закаркали вороны, прыгнула бѣлка съ сучка на сучекъ, вылетѣлъ заяцъ-бѣлякъ, попрядалъ ушами и снова скрылся. Поднялось выше солнышко и освѣтило дорогу проѣзжую и приласкало лучами своими богатырскій трупъ бѣглаго дьякона Савки. Лежитъ онъ, распластавшись, на мать сырой землѣ. Лежитъ одинъ одинехонекъ подъ холодными лучами зимняго солнца. Лежитъ силачъ, буйная головушка, Савка, и не крикнетъ онъ больше зычнымъ голосомъ на потѣху купцамъ „многая лѣта", не станетъ онъ Ванюшкѣ Круторогову про адъ разсказывать, хоть можетъ и побѣжала туда его многогрѣшная душенька. Не нуженъ ему больше его пещуръ завѣтный, куда опускалъ онъ всякій грошъ, добромъ или силой нажитый. Не кому объ Савкѣ плакать, не кому горевать. А былъ когда-то Савка отецкій сынъ! Въ далекой Россіи учился онъ въ семинаріи и затѣмъ въ уѣздномъ городскомъ соборѣ служилъ заправскимъ дьякономъ и тамъ любили его и баловали купцы за неслыханный голосище, да дьяволъ попуталъ: пилъ Савка и билъ свою кроткую Прасковью Петровну, да такъ разъ угодилъ ей въ грудь кулачищемъ, что

покашляла кровью она денъ пять, да и отдала Богу душу. Закурилъ, закутилъ съ того дня Савка. Пріѣхалъ владыко въ тотъ городъ, сталъ его укорять, а Савка и молвилъ ему такое-то слово неподобное, что—ну! Уволили Савку за штатъ, а тамъ и покатилъ онъ отъ дѣла до дѣла, отъ суда до самосуда крестьянскаго, былъ онъ битъ боемъ смертнымъ за разныя дѣла свои пакостныя, угодилъ въ Сибирь,—бѣжалъ изъ-подъ самаго Березова, скрывался годами по скитамъ у старцевъ,—свычаи и обычаи ихъ перенялъ; стакнулся Савка и съ молодцами придорожными. Понравились ему лѣса темные и вольная сибирская волюшка, раздвоилась жизнь его; умомъ понялъ онъ, гдѣ выгода лежитъ, и сталъ у купцовъ и кадить, и въ молельняхъ службу по старому обряду править, и божественные разсказы разсказывать, а буйная головушка его, да сила неизбытая потянули его на широкую дорогу, одѣли его въ шкуру волка бѣлаго, заложили за пазуху ему ножъ булатный, да и довели до лихаго конца. Лежитъ Савкинъ трупъ на проѣзжей дорогѣ; изъ-подъ раны глубокой, что во лбу пробита, смотрятъ глаза его мертвые въ небо далекое и ждетъ Савка: либо добрый человѣкъ по дорогѣ пройдетъ, на него наткнется и, можетъ, христіанскому погребенію тѣло его грѣшное предастъ, либо волки сѣрые, да враны черные падаль почуютъ и придутъ, растерзаютъ, разнесутъ по клочкамъ тѣло добраго молодца, бѣглаго дьякона Савки.

XI.

Почему у Глазихи въ подпольѣ жила душа ея дѣда.

Полсотни лѣтъ тому назадъ домъ мѣщанки Аграфены Петровны Глазовой или Глазихи, какъ ее звалъ весь городъ, стоялъ на томъ же обрывѣ надъ рѣкой и такъ же угрюмо и непріязненно смотрѣлъ своими четырьмя подслѣповатыми окнами въ мутныя воды рѣки. Въ узкомъ треугольникѣ подъ высокимъ конькомъ крыши, былъ вдѣланъ мѣдный осьмиконечный крестъ. Окна единственнаго этажа безъ занавѣсокъ, почти сплошь закрытыя внутри цвѣтами и вьющимся плющемъ, играли на солнцѣ своими мелкими, зеленовато-сизыми стеклами и съ ранняго вечера уже закрывались тяжелыми ставнями на желѣзныхъ болтахъ. Ни дверей, ни воротъ со стороны рѣки не было— надо было обойти кругомъ высокаго глухаго забора и со стороны, примыкавшей къ пустырю, постучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ въ дубовыя, всегда наглухо запертыя ворота.

Полвѣка тому назадъ въ этомъ домѣ жилъ суровый старикъ Самсонъ Силычъ Глазовъ, съ своимъ единственнымъ сыномъ Парамономъ Самсоновичемъ и его женою Василисою. Въ молодости Самсонъ Силычъ ходилъ съ обозами, имѣлъ сво-

ихъ лошадей и нажилъ хорошую деньгу. Это былъ высокій, коренастый старикъ съ лицомъ краснымъ и грубымъ, какъ дубленая кожа, густыми, свѣтлыми, какъ серебро, волосами и глазами черными, гордыми и хищными, какъ у орла.

Сынъ старика, Парамонъ, былъ весь въ покойную мать: бѣлокурый, сѣроглазый, стройный, тонкій, покорный и тихій. Всѣ эти качества, что привлекали къ себѣ суроваго Самсона въ покойной женѣ, вызывали въ немъ чуть не ненависть къ сыну.—Одно слово, мозглякъ,—говорилъ онъ про него.

Жена Парамона, безприданница Василиса, взятая имъ за красоту и силу съ Пашенки изъ Глафиринскаго общежитія, была баба ядреная, румяная. Волосъ у нее былъ долгій, черный, станетъ на утро расчесывать, почитай вся до пятъ, что шубой, прикроется. Станетъ пѣсни пѣть Василиса,—засмѣется старикъ, буркнетъ:—чего бѣса тѣшишь?—а самъ такъ и вопьется въ ея уста алыя, зубы бѣлые, ровные, что кипень. И работать баба была ретива, лошадь и запряжетъ и отпряжетъ, и въ дому все починитъ, состряпаетъ на славу, и въ огородѣ, и во дворѣ со скотиной, вездѣ управится. И сама, что лебедка бѣлогрудая, чистая, повадная. Гляди, да не ахай! *).

— Гдѣ Парамону, пащенку, съ этакой бабой возжаться... — думаетъ Самсонъ и распаляется, глядя на красавицу сноху. Играетъ въ немъ кровь. Суровъ, суровъ старикъ, пора бы ему и объ „домовинѣ“ думать, а у него совсѣмъ не то на умѣ.

*) Сибирская поговорка: не ахай, т. е. не сглазь.

Станетъ онъ снохѣ что наказывать и руку на плечо ей положитъ, а плечо у молодухи, что камень солнцемъ пригрѣтый: крѣпкое, круглое, теплое. Началъ свекоръ улещать ее и словомъ, и подарками, да не на таковскую бабу напалъ. Ни въ жизть, ни таской, ни лаской не возьмешь! Озорная и смѣлая была баба.—На что, говоритъ, мнѣ твои старыя кости тѣшить, захочу, говоритъ, утѣху, такъ и лучше найду, да мнѣ, окромя Парамона, никого не нужно!

— Вретъ, проклятая,—думаетъ старикъ, какъ песъ-злыдень, день и ночь сноху караулитъ.

Вотъ и весна пришла. Разковалась рѣка и зашумѣла подъ окномъ рѣзвыми волнами.. Налетѣли пичужки малыя, защебетали, разбились по парамъ, гнѣзда строятъ, прилетѣли и журавли долгоногіе, повисли угломъ надъ лѣсомъ и стонутъ, словно устали съ пути-дороги. Лѣсъ одѣлся, зацвѣли въ немъ цвѣтики голубые и алые, пахучіе, поднялась трава зеленая и ровно спѣшитъ земля отдохнуть послѣ долгаго холода, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, такъ все и расцвѣтаетъ и оживаетъ вокругъ.

Съ весною Парамонъ съ разсвѣта до сумерекъ, а то и на всю ночь закатится, сѣти закидываетъ, на рѣкѣ рыбу ловитъ, а Василиса все дома одна и, словно пышный макъ, распускается и еще пуще старика въ соблазнъ приводитъ.

Садилось солнце, лѣсъ затихалъ, косой лучъ золотисто-красный задержался въ верхушкахъ и далеко, въ самомъ небѣ запылалъ въ облакахъ, словно зарево. По дорогѣ изъ лѣсу ровнымъ, бодрымъ шагомъ шла сѣрая Ушанка, мохнатая, здоровая

лошаденка съ Глазовскаго двора; на дровняхъ лежала большая сосновая коряга, а возлѣ шагалъ Самсонъ Силычъ. Чѣмъ ближи подходила лошаденка къ береговой дорогѣ, откуда прямикомъ было до дома, тѣмъ суровѣе и холоднѣе становилось лицо старика, а сердце такъ и колотилось. Зналъ онъ, что въ этотъ часъ встрѣтитъ Василису одну и станетъ его баба озорная изводить отказомъ и смѣхомъ. Звѣрь-баба, ну, да и на звѣря есть своя ухватка! . . .

Почуяла Ушанка овесъ домашній и прибавила шагу.

Вотъ и улочка береговая, а вотъ и домъ. Завернулъ старикъ къ пустырю и брякнулъ въ желѣзное кольцо. Послышался топотъ бѣгущихъ ногъ, отодвинулся деревянный засовъ и въ раскрытыхъ воротахъ появилась Василиса, румяная, въ кубовомъ платьѣ, туго схватывающемъ пышную грудь, съ засученными рукавами, съ платкомъ, сбившимся на затылокъ отъ упрямыхъ пышныхъ кудрей.

— Здравствуй, батюшка!—крикнула Василиса и, взявъ Ушанку за поводъ, повела ее подъ навѣсъ.—Ты пошто такую колодину приволокъ? — спросила она.

Старикъ заперъ ворота на засовъ и, обернувшись къ Василисѣ, криво усмѣхнулся.

— Небось думаешь, сношенька, домовину долбить начну?—Не рано-ль меня въ скрыню упрятать хочешь?

— Куда тебѣ, батюшка, въ скрыню, гляди, какимъ еще женихомъ выглядишь,—отрѣзала Василиса и блеснула своими бѣлыми зубами.

— Ладно, смѣйся, коли смѣшлива такъ,—проворчалъ старикъ.—Парамонъ гдѣ?

— А гдѣ же ему быть,—съ сердцемъ отвѣчала молодуха, вся вспыхнувъ,—вѣстимо рыбачитъ. Рѣка ему весной милѣй батюшки съ матушкой, милѣй жены молодой,—и смахнувъ рукавомъ непокорную слезу, молодуха схватила дровни за оглобли и, выгибаясь впередъ всею пышною грудью, вдвинула ихъ подъ навѣсъ.

— Ужинать готово?—спросилъ старикъ, стараясь не глядѣть на сноху.

— Ахти мнѣ!—крикнула она и, привязавъ распряженную Ушанку къ кольцу, ввинченному въ столбъ навѣса, бросилась въ кухню.

Какъ ни были состоятельны Глазовы, а старикъ не позволялъ взять въ домъ ни работника, ни работницу.—Не велики наши нужды, — говаривалъ онъ,—чтобы намъ батраковъ держать. Не то обидно, что ротъ въ домѣ лишній, не объѣстъ, а то, что въ чужомъ роту и чужой языкъ звонитъ, ну, а намъ этого не требуется...

Самсонъ Силычъ вошелъ на крылечко, хозяйски ощупывая перила и оглядывая безукоризненную чистоту ступенекъ, вошелъ на галдареечку и черезъ нее въ первую комнату. Весь домикъ Глазовыхъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ и большой кладовушки. Въ одной была спальня молодыхъ съ громадною кроватью, полной пуховыхъ перинъ и подушекъ. Полъ ея былъ сплошь покрытъ домотканнымъ сибирскимъ ковромъ изъ крашеной коровьей шерсти; единственное окно, низенькое, но широкое, выходило на улицу. Дверь была массивная и тоже такая низкая, что, про-

ходя въ нее, приходилось нагибать голову. На ночь и дверь и окно закрывались изнутри деревяннымъ щитомъ съ двумя боковыми ручками, сквозь которыя закладывался желѣзный болтъ. Тутъ же у стѣны стояли укладки счетомъ до четырехъ, одна на другой, одна меньше другой, каждая самостоятельно покрытая коврикомъ, — это были наряды молодухи, ея собственный обиходъ. Затѣмъ еще большая укладка съ платьемъ Парамона. Небольшой комодикъ, съ узенькимъ наклоннымъ зеркаломъ, среди двухъ точеныхъ колонокъ, довершалъ все убранство спальни. Вторая комната, пріемная, исполняла рѣдко, раза четыре въ годъ, свое назначеніе,—она имѣла оффиціальный, холодный видъ. Орѣховый гарнитуръ, крытый синимъ атласомъ, узенькое простѣночное зеркало съ палочками, бѣлыя занавѣсы на двухъ оконцахъ, густо, почти сплошь заставленныхъ геранями и ползучею зеленью. На кругломъ столѣ—скатерть, расшитая гарусами и шелками, работы Василисы; подъ стульями и креслами, стоявшими почти круглый годъ въ чехлахъ, ковровая дорожка, тоже прикрытая сѣрымъ рядномъ. Затѣмъ шла комната старика, въ ней стоялъ большой столъ, оклеенный черной клеенкой, на немъ лежали книги и счеты, нѣсколько карандашей и перьевъ и банка съ чернилами; простые березовые стулья, желѣзная, узкая, кровать, зиму и лѣто прикрытая громаднымъ одѣяломъ на медвѣжьемъ мѣху; единственное окно въ комнатѣ, изъ мелкихъ зеленоватыхъ стеколъ, было всегда завѣшено пестрою ширинкой; оно, какъ и дверь, имѣло тоже щиты и желѣзные болты. Посреди пола этой комнаты былъ

люкъ съ ввинченнымъ въ него желѣзнымъ кольцомъ, а подъ нимъ узенькая лѣсенка шла въ скрыню. Не любилъ старикъ наступать на подъемныя половицы люка. Было время, когда онъ спокойно и твердо ступалъ на нихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ Василиса поселилась въ ихъ домѣ,— измѣнился старикъ, смутился разумъ его, расхвилилось сердце и, вмѣсто мыслей о доброй безсрамной кончинѣ, сталъ онъ жаждать жизни и плотскихъ наслажденій. Издавна отъ дѣда къ внуку Глазовы держались вѣры истинной, а потомки принадлежали къ „скрывшимся". Въ ихъ семьѣ старики умѣли сами себѣ предѣлъ положить и конецъ жизни проводить о Богѣ, а не среди грѣха смердящаго. Какъ разсудитъ глава семьи, что онъ вдосталь нажился, что въ семьѣ и безъ него теперь все ладно, — впередъ пойдетъ и объявитъ онъ всѣмъ: такъ и такъ, молъ, брюхомъ и плотью пожилъ,—пора о душѣ позаботиться. Побьетъ онъ всѣмъ челомъ, прощенья попроситъ и на утро, или въ ночь, чтобы людской глазъ не видалъ, съѣздитъ онъ съ старшимъ сыномъ въ лѣсъ, купитъ, или такъ раздобудетъ дубовую колоду. Привезутъ они ее тайно домой и спустятъ въ подполье, дадутъ ему туда-же топоръ, рубанокъ, всякій инструментъ, пукъ свѣчей восковыхъ, саванъ возьметъ онъ съ собой, чистое бѣлье посмертное и спустится внизъ. Съ той минуты, какъ спустится онъ съ молитвою въ скрыню, закроется люкъ, больше не увидитъ онъ лица человѣческаго и не услышитъ голоса людскаго. Станетъ онъ долбить себѣ колоду, — домовину приготовлять. Каждое утро, кто либо изъ семьи, на чистой зорькѣ

откроетъ люкъ и съ молитвою поставитъ на ступеню лѣсенки туесъ воды и хлѣба, и ежедневно ставятъ такъ пищу, до тѣхъ поръ, пока найдутъ ее нетронутой. Ну, тутъ оставятъ его въ покоѣ, станутъ о душѣ его молиться и въ подполье съ недѣлю никто не заглядываетъ. А потомъ всѣ его семейскіе возьмутъ по свѣчѣ въ руку и сойдутъ внизъ. Инаго найдутъ по хорошему: домовина выдолблена и крыша готова, стружки всѣ подъ себя уложены, и самъ въ бѣломъ саванѣ лежитъ упокойникомъ. Иной бываетъ, что недомогся, возлѣ померъ, работу не кончилъ, ну, тому помогутъ и положатъ. Бываетъ и такой, что не вытерпитъ искуса, у самаго подполья найдутъ его, значитъ, на выходъ просился, да силъ не стало приподнять люкъ тяжелый. Да только рѣдко, а такаго позора, чтобы не выдержалъ подвижничества и назадъ въ семью вернулся, никогда еще не бывало, всегда найдутъ все по хорошему, по христіанскому.

Вотъ какаго строгаго обряда были Глазовы, вотъ о какой скрынѣ и напомнила старику лукавая Василиса. Послѣдняя комната, длинная и узкая, безъ окна, служила въ домѣ молельной, въ ней было два тябла образовъ, въ исправныхъ ризахъ, висѣли лампады неугасимыя, стоялъ аналой, на немъ лестовки и книги священныя въ черныхъ кожаныхъ лосныхъ отъ старости переплетахъ, въ ящикѣ лежали связки катаныхъ желтаго воска налѣповъ. Тутъ Василиса читала „Скитское Покаяніе“, пѣла стихири, а иногда помимо священнаго служенія, для услажденія мужа и свекра, читала имъ повѣсть объ индѣйскомъ царевичѣ Асафѣ, о лѣсахъ керженскихъ, о чудномъ городѣ

Китежѣ, что стоитъ болѣе ста сотыхъ лѣтъ, скрытымъ отъ всѣхъ глазъ людскихъ на Нестіарѣ озерѣ. Затѣмъ была еще большая кладовушка съ полками, полными посуды и всякаго домашняго скарба, съ укладками запасныхъ мѣховъ и матерій,—добра было много, да некому было на него радоваться, потому что ни свѣта, ни свободы, ни говора людскаго не было въ Глазовскомъ домѣ.

Вернувшись изъ лѣса, старикъ помылъ руки, расчесалъ крупнымъ гребнемъ свои сѣдые кудри и длинную бороду, — снялъ озямъ, надѣлъ домашній архалукъ и собрался идти ужинать. На порогѣ кухни онъ остановился, шибко билось его сердце. Въ большой, чистой кухнѣ на шесткѣ пылалъ огонь; на столѣ, покрытомъ бѣлымъ столешникомъ, стояло блюдо съ горячими шаньгами, на тарелкѣ лежали грузди сухіе, соленые, посрединѣ кипѣлъ самоваръ. Василиса съ платкомъ, совсѣмъ почти слетѣвшимъ съ головы, съ громадной толстой косой, на половину висѣвшей на спинѣ, вся красная, кончала поджаривать леща съ кашей. Большимъ поварскимъ ножемъ она только что перевернула его на другой бокъ и, припустивъ на сковороду масла, потянулась за солью.

— Василиса,—хрипло, сдавленно проговорилъ старикъ.

Молодуха вздрогнула.

— Да что ты, батюшка, и впрямь у тебя голосъ, какъ у упокойника, да и подкрался-же ты не слышно,—и она спѣшно стала приводить въ порядокъ косу и натягивать на голову платокъ.

— Оставь, и такъ ладно!—Свекоръ подошелъ къ ней вплотную и взялъ сзади за локоть. Онъ

дышалъ тяжело, и глаза его горѣли, какъ угли.— Василиса!

— Ну, чего еще,—молодуха рванулась,—сейчасъ леща подамъ, мигомъ готовъ.

— Оставь,—снова повторилъ свекоръ и вдругъ обхватилъ за грудь сноху, пригнулъ ее къ себѣ и жадно впился сухими горячими губами въ ея шею.

— Батюшка, опомнись! Батюшка, помилосердуй! батюшка!—У, дьяволъ старый!—крикнула вдругъ Василиса, чувствуя, что ей не подъ силу бороться съ сильнымъ старикомъ, потерявшимъ окончательно сознаніе отъ прикосновенія къ ея молодому, жаркому тѣлу.

Рванулась Василиса, платокъ слетѣлъ съ ея головы, косы размотались; въ безумной злости, она вдругъ плюнула свекру въ лицо и, вся трясясь, стала торопливо оправлять покрывашку на головѣ.

— Дьяволъ старый! право слово! Парамону скажу, вотъ тѣ Христосъ скажу Парамону. Да ни въ жисть тебѣ не владѣть мной, ни въ жисть! да *я* лучше...—растерянный взглядъ молодой женщины упалъ на большой поварской ножъ и она въ ту-же минуту схватила его.

— Шалишь!—крикнулъ старикъ,—довольно ты помытарилась надо мной, буде!.. Съ медвѣдемъ справлялся, неужели съ бабой не совладать, не хочешь добромъ, силой возьму,—хрипѣлъ онъ и снова полѣзъ къ снохѣ.

— На—бери, коль нашелъ!—крикнула она и вдругъ полоснула себя ножемъ по горлу.

— Василиса, ума ты рѣшилась! Василиса, ахти!

Старикъ отскочилъ въ сторону, ножъ у Василисы выпалъ изъ рукъ и со звономъ упалъ на

полъ. Молодуха сдѣлала два шага, опустилась на лавку, вся обливаясь кровью.

— Святый Боже, Святый крѣпкій, Никонъ угодникъ! Пантелеймонъ цѣлитель!—бормоталъ блѣдный старикъ. Волосы на головѣ его шевелились, онъ невольно пятился и вдругъ, какъ безумный, бросился вонъ изъ кухни на дворъ, и какъ былъ, безъ шапки, едва справившись съ засовомъ калитки, выбѣжалъ на улицу, въ первый разъ въ жизни оставивъ честной домъ Глазовыхъ на распашку открытымъ для всякаго татя и вора проходящаго.

За поворотомъ улицы, черезъ три дома отъ Глазовыхъ, въ небольшомъ бревенчатомъ срубѣ,—жилъ молодой ссыльный докторъ; въ незапертомъ ставней окнѣ его горѣлъ огонекъ. Михаилъ Петровичъ Вощановъ сидѣлъ у стола, подперши свою черную кудрявую голову рукой, и писалъ на родину. Съ каждымъ словомъ письма, въ душѣ и умѣ его возставали картины и люди порванной прошлой жизни. Досадныя слезы, какъ крупныя капли дождя, со стукомъ падали на дерево стола. Жуткая „чужая“ тишина стояла кругомъ его и только большой сѣрый мотылекъ назойливо кружился надъ пламенемъ свѣчи, будто рѣшивъ, но не имѣя еще силы выполнить самоубійство. Остромордая „Москва“, лежавшая у его ногъ, вдругъ зарычала и, оскаливъ бѣлые зубы, поставивъ щетиною свой рыжій воротникъ, бросилась къ двери.

Ясно было слышно, какъ кто-то топтался въ сѣняхъ, шаря и не находя кольца дверей.

— Цыцъ! — крикнулъ Вощановъ на собаку.—

Кто тамъ?—и, захвативъ со стола свѣчу, пошелъ къ двери.—Кого принесло?

— Батюшка дохтуръ, отворь дверь! Отворь, помираетъ она! Помретъ Василиса!—растерянно кричалъ чей-то голосъ и рука все такъ же тщетно царапала дверь.

— Назадъ! — крикнулъ еще разъ Вощановъ озлобленному псу и отперъ дверь: передъ нимъ стоялъ старикъ Глазовъ, блѣдный, съ безумными глазами и трясущейся бородой.

— Порѣзалась Василиса! Василиса,—сноха... Спаси Христа ради... По горлу ножемъ полыснулась. Озорная баба — сталъ укорять ее за мужа, поучить хотѣлъ, а она ножемъ—звѣрь-баба!

— По горлу ножемъ? Молодой человѣкъ быстро схватилъ свою шапку, крикнулъ собакѣ остаться, заперъ за собою дверь и оба бѣгомъ пустились къ Глазовскому дому.

Окрутивъ передникомъ горло, инстинктивно прижимая голову къ груди, Василиса сидѣла на скамьѣ, прислонившись къ спинкѣ, и черными горящими, какъ уголь, глазами глядѣла на дверь. Всякая злоба замерла въ ней, страхъ передъ сдѣланнымъ, жажда жизни и надежда на помощь смутными мыслями мелькали въ ея головѣ. Послышались торопливые шаги, въ кухню вбѣжалъ молодой докторъ, а за нимъ, какъ затравленный волкъ, дико поводя глазами, вошелъ и старикъ.

— Льду, воды, уксусу, перевязокъ-тряпокъ,— кричалъ докторъ, распоряжаясь. Старикъ бросился исполнять.

— Ну, Василиса, показывай, что ты натвори-

ла,—спросилъ ее ласково докторъ и, подойдя, отвелъ ея руки отъ горла.

Ножъ, схваченный Василисой, по счастью, оказался тупой, да и рука ея дрогнула, рана была не опасная: молодуха порѣзала себѣ только наружные покровы. Черезъ часъ, перевязанная и успокоенная, она лежала одѣтая, какъ была, на лавкѣ съ подушкою подъ головой.

Какъ ни убѣждалъ ее докторъ, не рѣшилась она при чужомъ-то человѣкѣ, да раздѣвшись, лечь въ кровать.

— Нѣтъ-ли у васъ знакомой женщины какой? позвали-бы къ себѣ походить за Василисой.

— Сами выходимъ, никого намъ не требуется,— угрюмо проворчалъ старикъ.

— Тетку Арину позвать,—сказала тихо Василиса, задрожавшая отъ одной мысли, что докторъ уйдетъ и она снова останется цѣлые дни, а часто и ночи съ однимъ свекромъ.

— Тетку Арину хочетъ видѣть больная.

— Недляче... — упрямо тряхнулъ головой Самсонъ Силычъ.

Докторъ читалъ въ лихорадочныхъ глазахъ больной, слѣдившихъ за нимъ съ невыразимой тоской, какую-то тайну и не только не выдалъ въ сущности не опаснаго ея положенія, но, напротивъ, отвелъ старика въ сторону и объявилъ ему, что считаетъ нужнымъ дождаться ея мужа, чтобы объяснить, какъ слѣдуетъ дѣлать больной перевязку,— а за теткой Ариной вы все-таки сходите, какъ только вернется вашъ сынъ,—прибавилъ онъ настойчиво.

Съ лѣсу вырвался первый утренній вѣтерокъ и

пробѣжалъ по рѣкѣ, рябя и колыхая ея сонныя волны. Легкій туманъ бѣловатой, фантастической дымкой поднялся съ воды и, рѣдѣя, разрываясь, потянулся вверхъ. Изъ-за чернаго сосноваго бора вдругъ брызнулъ пурпуровый лучъ и затѣмъ медленно выкатилось на небо солнце, все золотя и озаряя кругомъ. Вотъ на берегу въ прибрежныхъ кустахъ встрепенулись птицы, зазвенѣли пѣсни, защебетали, зачирикали воробушки. Откуда-то снялись журавли и пронеслись стаей, оглашая воздухъ жалобнымъ клокотомъ. На рѣкѣ показались двѣ лодки, одна за другой; весла, какъ громадныя крылья, мѣрно взмахивали и падали въ воду; въ первой лодкѣ плылъ Парамонъ, въ другой мальчикъ лѣтъ 14-ти, Ларька Мачихинъ, сосѣдъ Глазовыхъ.

Причаливъ къ берегу, Парамонъ выскочилъ, держа чалку, привязалъ лодку къ вбитому пню и осмотрѣлся кругомъ. Лицо его было свѣтлое, довольное, бѣлокурые волосы кудрями висѣли на лобъ, сѣрые, лучистые, задумчивые глаза глядѣли вдаль на восходящее солнце.

— Ишь ты, какое благостное, ласковое,—безсознательно говорилъ онъ самъ себѣ,—чай сколько людей теперь на тебя, око Божье, глядятъ и радуются. Все-то ты пригрѣешь кругомъ, все освѣтишь, отъ горы высокой до малой козявки, что въ травѣ ползаетъ, впрямь ты Божье око,—и Парамонъ, глядя на солнце, истово крестился двуперстнымъ знаменіемъ. Затѣмъ онъ снова взошелъ въ лодку и сталъ отвязывать отъ кормы сажалку, ивовую корзинку, полную наловленной имъ рыбы, которая такъ и плыла за ними въ своей сквозной

темницѣ. Онъ вытащилъ корзину на берегъ и, пріоткрывъ, глядѣлъ на рыбу, быстро упавшую теперь на дно.—Что, рыбушка, плохо тебѣ безъ воды живется, куда плохо, да только еще плоше будетъ, какъ въ ушицу, да на сковородку къ Василисѣ попадешь, а только, милая, ничего не подѣлаешь. Мнѣ данъ предѣлъ ловить тебя, а тебѣ положено кормить меня. Вотъ что.

— Эй, Ларька, подсобить что-ль!

— Ай подсоблю, — зазвенѣлъ голосъ мальчугана.—Кидай тутотка! одинъ справлюсь,—и причаливъ, Ларька въ свою очередь выпрыгнулъ на берегъ и сталъ возиться съ веслами и уключинами обѣихъ лодокъ.

Парамонъ съ корзиной шагалъ уже къ своему дому.

— Спитъ небось молодуха, — мечталъ онъ. — Спитъ моя красота Василиса, поди гнѣвалась вчера, какъ я не вернулся. — И, подойдя подъ окно своей спальни, онъ три раза ударилъ въ оконницу. Не успѣлъ онъ дотронуться до кольца калитки, какъ она передъ нимъ распахнулась и Парамонъ отшатнулся, чуть не выронивъ корзину съ рыбой. По первому взгляду онъ не узналъ своего отца. За ночь старикъ осунулся, лицо его приняло землистый оттѣнокъ, сѣдыя, спутанныя пряди висѣли на лобъ и на щеки.

— Батюшка! ты чего?—промолвилъ, очнувшись, Парамонъ.

— Ладно, входи! не на улицѣ толковать, — и, заперевъ за сыномъ дверь, старикъ зашагалъ впередъ.—Рыбу-то поставь подъ навѣсъ,—цѣла будетъ, ступай ко мнѣ!

— Василиса...—началъ было робко Парамонъ.

— Сказано, ступай за мной, дѣло есть, — еще суровѣе проговорилъ отецъ и оба отъ сѣней повернули налѣво, въ комнату старика.

— Недужится твоей молодухѣ, дохтуръ у нее.

— Дохтуръ?.. — Парамонъ рванулся къ двери, но старикъ держалъ уже его за руку.

— Чего мечешься? напередъ выслушай. Избаловалъ ты бабу, стала она у тебя, какъ порченная. Съ тоски, аль съ чего тамъ, рветъ и мечетъ, подступу нѣтъ. Пріѣхалъ я вечеръ изъ лѣсу, слово за слово и согрубила мнѣ твоя Василиса, хотѣлъ я ее отецкимъ способомъ поучить, да она у тебя, говорю, не баба—звѣрь, ножъ хватила, съ ножемъ было на меня бросилась, а какъ отшвырнулъ я ее, такъ таимъ-же ножемъ себя полыснула.

— Василиса... себя ножемъ?.. О Господи! жива-ль?.. — Губы Парамона побѣлѣли и весь онъ трясся.—Жива-ль?—повторилъ онъ еще разъ, съ мучительнымъ страхомъ глядя на отца.

— Жива... Чего бабѣ доспѣется. Да чего ты трясешься-то самъ, словно въ лихорадкѣ, говорю: жива, за дохтуромъ бѣгалъ, а только ой, Парамонъ, зла она у тебя, лукава, ехидна, обнесетъ она тебѣ меня. Ну да ладно, ты мой нравъ знаешь, въ дугу согну, въ щель заколочу, а мытариться надъ собой не дамъ, на то я отецъ въ домѣ.—И старикъ снова выпрямился, сверкая глазами.

— Ступай теперь къ женѣ, да помни, со мной разговоры коротки...

Прошелъ почти мѣсяцъ. Василиса выздоровѣла. Парамонъ, какъ прикованный, сидѣлъ дома; и сынъ, и невѣстка ходили покорные, но сквозь ихъ

тупое, угрюмое молчанье, старику слышалась ненависть. Придавила ихъ тяжелая сила. Но безмолвный и полный разладъ царствовалъ въ этой маленькой семьѣ. Стараго старика ровно пришибло, изъ гордаго своевольца осталась одна озлобленность, и та не чуждая какого-то безотчетнаго страха. Когда по прежнему всѣ трое собирались въ молельной, голосъ Василисы, читавшей молитвы, звучалъ страстной угрозою: „Грядеть міра помышленіе грѣховно, борють человѣка страсти и помыслы мятежны, помилуй, Господи, раба своего, очисти его, окаяннаго, сквернаго, безумнаго, неистоваго, злопытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго“. Эту молитву Василиса стала читать теперь утромъ и вечеромъ, и каждое слово ея, мѣрное, холодное, какъ хлыстомъ ударяло старика. Когда она подавала ему обѣдать, старикъ со страхомъ дотрогивался до отдѣльной мисочки. „Отравитъ, окаянная, окормитъ, какъ пса шелудиваго“, и онъ со страхомъ и отвращеніемъ принимался за пищу. За этотъ мѣсяцъ старикъ одряхлѣлъ, какъ за долгую болѣзнь, борода его и волосы стали окончательно сѣды, глаза потухли и только изрѣдка горѣли недобрымъ огнемъ, какъ у затравленнаго волка. Все чаще и чаще старикъ сталъ оставаться одинъ и тяжелая, неотвязная дума угнетала его. Подъемная половица, казалось ему, скрипѣла подъ его ногами, и безъ словъ напоминала ему о скрынѣ. Брался-ли онъ за топоръ или за другой инструментъ, точно голосъ ему шепталъ: „пора, пора и за настоящую работу“. Ночью Самсону снились отецъ и мать, похороненные тутъ-же подъ домомъ; онъ просы-

[illegible]ался, весь об[illegible]омъ, и безсвязно шепталъ: „ладно, безъ васъ [illegible]аю! [illegible], ужо“.

Наконецъ, после одной изъ безсонныхъ ночей, послѣ молитвы, которую Василиса прочла съ особеннымъ злобнымъ удареніемъ, старикъ не выдер[illegible] кликнулъ сына.

— [illegible]жи женѣ, чтобъ весь домъ прибрала, три [illegible]мя хлѣба и воды не ѣсть и огня не рас[illegible] а на четвертый ѣдемъ съ тобой въ [illegible]за домовиной.

— Ой-ли?—вскинулъ на него Парамонъ холодные сѣрые глаза.

— Сказано...—и старикъ повернулъ въ молельну.

Парамонъ вошелъ въ кухню къ Василисѣ и шопотомъ передалъ ей наказъ старика:

— Въ скрыню хочетъ.

— Охъ, не вѣрится,—покачала головой Василиса,—улеститъ онъ тебя, и станешь ты молить его подождать,—и молодуха прижалась къ мужу, глядя на него глазами, полными страха и тайной надежды.

— Отсохни языкъ мой, коли слово скажу,—увѣрялъ ее Парамонъ, прижимая къ груди, и какъ-бы самъ пугаясь своего голоса, онъ шепталъ ей въ ухо:—Годи, Василиса, отдохнемъ.

Три дня семья Глазовыхъ питалась хлѣбомъ и водою. Весь домъ былъ прибранъ и очищенъ, какъ передъ Свѣтлымъ праздникомъ. По вечерамъ молодуха шила изъ новаго холста рубаху и саванъ. Крупныя капли слезъ непрощенной обиды, не выговоренной злобы падали на шитво. На четвертый день, раньше утренней зари, по безмолвному лѣсу

шла та-же „Ушанка“ и тащила на дровняхъ громадную дубовую колоду, а по обѣ стороны, точно раздѣленные этимъ будущимъ гробомъ, шли отецъ и сынъ. Парамонъ угрюмо молчалъ и глядѣлъ въ землю, старикъ, напротивъ, осиливъ себя и рѣшившись на послѣдній долгъ, какъ-бы нашелъ спокойствіе. Грудь его дышала ровнѣй, голова поднялась и въ гордыхъ орлиныхъ глазахъ снова загорѣлся огонь силы и власти. Онъ глядѣлъ на алѣвшія верхушки деревъ, слушалъ первый полусонный щебетъ птицъ, и давно желанное спокойствіе нисходило въ его душу. Инстинктивно, безъ опредѣленныхъ мыслей онъ прощался съ матиприродой, обрывалъ всякую связь съ этимъ міромъ и, положивъ правую руку на колоду, съ каждымъ шагомъ, казалось, становился бодрѣй и спокойнѣе.— Ладно,—повторялъ онъ, по своей привычкѣ, мысленно, — пожито брюхомъ, пущай теперь душа тѣшится.

Въ послѣдній разъ вся семья собралась въ молельной, старикъ истово крестился и неустанно билъ земные поклоны. Василиса громко и отчетливо читала: „Изми мя отъ врагъ моихъ и отъ возстающихъ на мя, избави мя, изми мя отъ руку дьяволи, отжени отъ мене омраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавствующій; избави мя отъ сѣти ловчи и не внидп въ судъ съ рабомъ своимъ“. Каждое слово отдавало въ сердцѣ старика особымъ сокровеннымъ смысломъ, и онъ беззвучно повторялъ молитву. Затѣмъ старикъ поклонился въ ноги сперва сыну, потомъ снохѣ, но вмѣсто обычной и длинной формулы, онъ могъ только проговорить: „простите, коль согрѣшилъ“.

— Богъ проститъ,—отвѣчали молодые люди и въ свою очередь сотворили троекратное земное метаніе передъ старикомъ.

Затѣмъ всѣ трое, взявъ по восковой зажженной свѣчѣ въ руки, спустились въ скрыню, куда заранѣе уже отецъ съ сыномъ успѣли скатить колоду. Тамъ снова прочли молитву, снова безмолвно поклонились другъ другу. Затѣмъ старикъ, прилѣпивъ къ колодѣ три свѣчи, всталъ на молитву, а Парамонъ съ Василисой поднялись въ горницу, заперли за собою люкъ и молча разошлись каждый къ своему дѣлу.

Съ того дня зажили молодые одни. Повеселѣла, поздоровѣла Василиса, снова голосъ ея, властный и веселый, зазвучалъ по всему дому и на дворѣ. Съ особымъ злобнымъ звукомъ стучали ея каблуки, когда ей случалось проходить по комнатѣ съ люкомъ: тамъ въ скрынѣ долбитъ старикъ свою послѣднюю домовину и Василиса ежедневно, открывъ на утренней зарѣ люкъ, съ словами молитвы, въ которыхъ звенитъ торжество, ставитъ ему на лѣстницу хлѣбъ и воду.

Ожилъ и Парамонъ; зналъ онъ, что, разъ сойдя въ потайникъ, старикъ не обезчеститъ свою сѣдую голову, не навлечетъ на себя проклятія Божескаго и ужъ свидится съ ними только на томъ свѣтѣ. Новая забава завелася у Парамона: онъ устроилъ себѣ въ дальнемъ саду пчельникъ и сталъ дневать и ночевать на пасѣкѣ. Рои отсаживаетъ, новыя колоды заводитъ и снова глядитъ ясно на весь свѣтъ Божій и снова ласково и громко разговариваетъ и съ лучемъ солнечнымъ, и съ былинкой нѣжной, и съ пчелкой трудовой. А къ Ва-

силисѣ тѣмъ временемъ повадился ходить гость молодой, тотъ самый дохтуръ изъ ссыльныхъ, что рану ея залечивалъ.

Подошелъ іюль мѣсяцъ, лѣто разыгралось, ночи пошли жаркія, звѣздныя, воздухъ размоpъ нагоняетъ. Молодуха разцвѣла, что розанъ садовый—порою забудетъ и обряды строгаго Глазовскаго дома, зальется пѣсней какой; и обрывки ея груднаго сильнаго голоса страстными, сдавленными звуками доносятся до слуха старика.

Заслышитъ старикъ эти звуки и задрожитъ, прислонится къ домовинѣ, на половину выдолбленной, и станетъ шептать молитвы.

„Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ мя страсти и помыслы мятежны...“ шепчутъ уста его, а въ душѣ просыпается другой голосъ и заглушаетъ молитву: „Ахъ, Василиса, красота писаная, щеки алыя, что маковъ цвѣтъ горятъ, уста жаркія, грудь пуховая, очи звѣздчатыя, обнять бы, прильнуть хоть разъ къ тебѣ, пагуба женская! Небось, одна ночи коротаешь? Не умѣетъ блюсти тебя Парамонъ мозглявый. Выдти, подкараулить ночью? Не отобьешься, не хватишь ножъ больше!“ Вздрогнетъ Самсонъ отъ мыслей своихъ грѣховныхъ и снова забьетъ поклоны. Шепчетъ:

„Согрѣшилъ есмь душою, и умомъ, и сномъ, и лѣностью, во омраченіяхъ бѣсовскихъ...“

А сверху вдругъ снова доносится до него топотокъ. Видно бѣжитъ сноха Василиса, бѣжитъ рѣзво, весело, ровно встрѣчаетъ кого. Въ сѣни ринулась... и новое чувство ревнивой тоски охватило „скрывшагося“. А что какъ завелся у нея милъ-дружокъ? Что коли тутъ, въ его честномъ

домѣ, надъ его живымъ гробомъ, да коротаетъ она жаркія лѣтнія ночи съ другомъ потайнымъ, завѣтнымъ?

Ой, много крови еще въ Самсонѣ, ни постъ, ни молитва, ни подвижничество не уходили стараго ворона, загорѣлись глаза его былымъ огнемъ, выпрямился станъ и поползъ онъ по лѣсенкѣ подъ самыя половицы, припалъ къ нимъ ухомъ; да нѣтъ, колотитъ въ немъ сердце, шумитъ, гудитъ кровь въ ушахъ, блазнитъ его сатана. Слышутся ему поцѣлуи, смѣхъ что горлинкино воркованье и чьи-то сильные мужскіе шаги. Блазнитъ ли лукавый, или взаправду то слышитъ онъ?

„О! Господи, Господи, отжени, спаси!..“ шепчутъ потрескавшіяся, запекшіяся губы, и лѣзетъ онъ снова назадъ и со стономъ бьетъ поклоны, пока безъ силъ не упадетъ на стружки возлѣ своей домовины.

День и ночь Самсонъ узнавалъ въ своей добровольной темницѣ по звукамъ, доносившимся къ нему сверху. Зная хорошо обычаи своего дома, онъ почти по часамъ угадывалъ весь день. Онъ чувствовалъ, когда Парамона нѣтъ дома, когда Василиса уходитъ одна въ свою спальню... Но послѣдніе дни онъ совершенно сбился съ толку: казалось въ домѣ все перемѣнилось, пошли новые порядки; рѣзче доносился къ нему смѣхъ Василисы, чаще слышались высокія ноты ея пѣнья, а то вдругъ среди дня наступала странная, жуткая тишина, томившая, давившая старика, заставлявшая его метаться въ страшномъ подозрѣніи.

И вотъ Самсонъ не выдержалъ—пришелъ его страшный день.

Проснувшись какъ-то, весь измученный жар-

кимъ, не старческимъ сномъ, онъ сдѣлалъ уставное число поклоновъ, прочелъ молитвы, нащупалъ въ полной темнотѣ сѣрнички—зажегъ свѣчу восковую, снова помолился и принялся за работу. Прошло немного времени, какъ онъ услыхалъ шаги Василисы. Затѣмъ стукнула половица, блѣдный дневной свѣтъ скользнулъ въ его подполье, молодая женщина ставила по обыкновенію на первую ступеньку хлѣбъ и воду. Противъ правила, она не произнесла при этомъ условной молитвы и, не думая о силахъ старика, не постаралась поставить пониже питье и пищу. „Ровно псу поганому", подумалъ дрожа старикъ. Половица стукнула, закрываясь, и послышались удаляющіеся шаги молодухи. До сихъ поръ обязанность ставить пищу исполнялъ Парамонъ, но очевидно, что сегодня онъ не ночевалъ дома и скораго возвращенія его не ждали. Прошло еще сколько то времени, старикъ не дотронулся ни до воды, ни до хлѣба, его била лихорадка.

Вотъ, снова онъ слышитъ тотъ быстрый, радостный топотъ Василисиныхъ ногъ, который послѣднее время такъ смущалъ его. Звякнула входная дверь и глухо, какъ сквозь вату, долетѣлъ до него смѣхъ молодухи. Сердце старика заколотило, онъ бросилъ топоръ и, не помня себя, полѣзъ по лѣсенкѣ; дрожащей рукой онъ коснулся крышки люка, но тутъ же, какъ обожженный отдернулъ руку.

„О, Господи, Господи, что творю? чего жажду? Царство небесное мѣняю на огонь дьявольскій неугасимый. — Онъ быстро сошелъ внизъ и, снова схвативъ лестовку, сталъ на начало.

„Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, діаволе, не блазни мя мерзкими и лукавыми твоими мечтаніями, отступи отъ меня и отыди отъ меня проклятая сила непріязни, отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто безплодно, въ мѣсто безводно, идѣ же огнь и жупелъ и червь неусыпающій... Смѣется Василиса... вотъ, вотъ смѣется"... зашепталъ онъ, уловивъ звонкій смѣхъ молодухи, и не одна она, не одна. Кто бы быть то могъ въ моемъ дому?—И старикъ всталъ съ полу, — лестовка выпала изъ его рукъ... „Вѣрно, вѣрно, голосъ слышу... и не Парамоновъ то голосъ".—Снова старикъ полѣзъ вверхъ и на этотъ разъ трепетною рукою приподнялъ половицу. Узкая полоска свѣта рѣзнула его усталые глаза и онъ невольно нагнулъ голову, но черезъ минуту съ ужасомъ приподнялъ ее и сталъ прислушиваться: теперь до него ясно долетѣлъ чужой, но какъ будто знакомый ему голосъ:

— Такъ Парамонъ не вернется?

— Говорю нѣтъ,—весело затараторила Василиса.—Вечоръ прибѣгалъ на минуту, велѣлъ старика блюсти, захватилъ съ собою обиходцу и сказывалъ до ночи не будетъ.

— Ну, а старикъ живъ еще?

— Не сдохъ, старый грѣхотворъ!—рази такой преставится, его и смерть не возьметъ! Вѣришь ли, дружочекъ мой облюбованный, душа моя изныла отъ думы, что бродитъ тамъ, какъ духъ проклятой подъ поломъ—ино думаю: вылѣзетъ онъ и придушитъ меня...

— Что ты, голубка, что ты, ясынька, зачѣмъ у тебя мысли такія? Померъ твой старикъ, такой

онъ крѣпкой вѣры, что ему не можетъ быть возврата; родные то знаютъ, что онъ „скрылся".

— Вѣстимо всѣ кому вѣдать надлежитъ знаютъ, что пошелъ онъ на подвигъ. Всѣ молятся за него.

— Ну, видишь, ласточка, а ты боишься! Экъ ты неразумная.

Послышались поцѣлуи.

—Яхонтъ ты мой самоцвѣтный, сладость безмѣрная...—повторилъ, замирая, голосъ Василисы.

— Дохтуръ!..—прошепталъ старикъ.—Это дохтуръ! Его голосъ,—и отворивъ люкъ, онъ вылѣзъ изъ подполья, всталъ и выпрямился. Лицо его теперь выражало такое безуміе, которое согнало съ него всякое человѣческое подобіе. Безпорядочныя космы его сѣдыхъ волосъ сбились въ войлокъ и падали на лобъ и на виски. Глубоко впавшіе черные глаза горѣли бѣшенствомъ. Изъ-подъ желтыхъ щетинистыхъ усовъ бѣлѣлись еще крѣпкіе, широкіе зубы, которые щелкали и скалились, какъ у голоднаго волка. Въ саванѣ, въ валенкахъ, высокій, худой старикъ былъ больше похожъ на привидѣніе, чѣмъ на живаго человѣка. Постоявъ минуту и оглядѣвшись кругомъ, онъ не слышно скользнулъ изъ комнаты и схоронился за выступомъ большаго шкапа...

Теперь голоса, смѣхъ и поцѣлуи доносились до него ясно. Цѣлуются, милуются, ведутъ промежъ себя рѣчи медовыя, любовныя Василиса и дохтуръ.

Слушаетъ старикъ и трясется, въ головѣ его ровно туманъ стоитъ, обморокъ ошибаетъ его. Стряхнулся онъ, да вдругъ шасть изъ своего угла и вошелъ въ боковушку.

Василиса сидѣла на кровати въ объятіяхъ мо-

лодаго доктора Вощанова. Ея темно-сѣрые глаза съ поволокой были полузакрыты длинными рѣсницами. Волосы, не прикрытые платкомъ, разсыпались пышными, волнистыми прядями, воротъ ея темнаго ситцеваго платья былъ растегнутъ и въ разрѣзѣ его стояли двѣ упругія бѣлыя волны грудей. Докторъ сидѣлъ лицомъ къ дверямъ и первый увидалъ старика.

Онъ страшно вздрогнулъ и, оттолкнувъ отъ себя молодую женщину, вскочилъ на ноги.

Испуганная Василиса повернула голову и закричала источнымъ голосомъ. Старикъ, не сводя со снохи горящаго, какъ угли, взгляда, сдѣлалъ шагъ впередъ. Докторъ бросился вонъ изъ комнаты и, безъ шапки пробѣжавъ дворъ, не заперевъ за собою калитки, исчезъ за поворотомъ улицы.

Старикъ и глазомъ не повелъ за нимъ. Какъ звѣрь бросился онъ на молодуху, схватилъ ее поперекъ тѣла, донесъ до открытаго люка и бросилъ ее въ подполье, какъ снопъ пшеничный. Затѣмъ, онъ самъ спустился туда, приперевъ за собою люкъ. Василиса, оглушенная паденіемъ, лежала безъ движенія. Старикъ сѣлъ около нея... теперь молодуха была въ его рукахъ, но порывъ бѣшенства прошелъ, старикъ, прислонившись къ колодѣ, весь опустился въ изнеможеніи, нижняя челюсть его тряслась, вѣки упали на глаза, онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе; такъ прошло нѣсколько минутъ.

Вдругъ Василиса шевельнулась и застонала; падая, она инстинктивно ухватилась за лѣстницу и, только сильно зашибивъ плечо, на минуту потеряла сознаніе.

Услыхавъ стонъ, старикъ встрепенулся. Длинныя темныя рѣсницы Василисы дрогнули и глаза ея, еще затуманенные, встрѣтились съ дикимъ взоромъ батюшки-свекра. Минуту одна пара глазъ впилась въ другую и къ обоимъ вернулось сознаніе того, кто они и гдѣ находятся. Несмотря на страшную боль въ плечѣ, Василиса попробовала вскочить на ноги, но тутъ же осѣла снова; голова ея кружилась.

— Проклятый, проклятый — съ бѣшенствомъ кричала она,—обѣтъ нарушилъ, изъ скрыни выползъ. Анаѳема и срамъ на твою голову! Годи— дай вылѣзть, всѣмъ, всѣмъ про подвигъ твой разскажу: не молитва, а блудъ обуялъ тебя...

— Молчи, змѣя, молчи, сука похотливая... пришибу...—заикаясь шепталъ старикъ—у него не хватало голоса.—Молчи голова, непокрытая...

Василиса хватилась за голову, платка на ней не было...

— Ты содралъ, ты, старый дьяволъ, годи, годи, Парамонъ сейчасъ вернется, учну я голосить, небось услышитъ, и не выйду отсель—пусть все знаетъ, все какъ есть.

— А дохтуръ?—заревѣлъ старикъ.

— Какой такой дохтуръ?—нахально закричала Василиса.—Гдѣ дохтуръ? Привверзилось тебѣ, старому блуднѣ. Дьяволъ блазнитъ тебя, одна я была, какъ есть одна, когда ты вылѣзъ изъ скрыни, пришипился за шкапомъ, да въ то время какъ я волосы свои чесала и свалилъ меня къ себѣ ровно лѣсовикъ проклятый.

— Такъ и скажешь?—старикъ поднялся.

— Такъ и скажу, всѣмъ скажу, всему народу

оповѣщу, какимъ ты дѣломъ въ скрынѣ занятъ.

Старикъ блуждающими глазами оглядѣлъ скрыню: казалось, онъ теперь только пришелъ въ себя и понялъ весь ужасъ своего положенія. Голосъ Василисы доносился до его больныхъ нервовъ, какъ если-бы она кричала ему въ уши, тогда какъ ее самое онъ едва могъ разглядѣть. На громадной колодѣ, стоявшей на низенькихъ козлахъ, горѣли прилѣпленныя три довольно толстыя свѣчи, желтаго воска; ихъ трепетное пламя освѣщало небольшой кругъ, въ немъ нѣжнымъ пятномъ выступало блѣдное лицо Василисы, на которомъ ярче свѣчей горѣли ея злобные глаза. Кругомъ, въ углахъ, скопилась темнота и только въ одномъ, переднемъ,—крошечной, синей звѣздочкой мерцала „неугасимая“ лампада, за которою тускло поблескивала старинная сканая риза на иконѣ Богоматери.—Итакъ, все рухнуло, послѣдній пріютъ посрамленъ. Въ той самой святой скрынѣ, „куда имутъ бѣжати и хорониться отъ многопрелестнаго міра“, онъ былъ уловленъ антихристомъ въ бѣсовскія его сѣти и долженъ теперь погибнуть погибелью вѣчной. Всему причиной Василиса, она уловила его прелестью бѣсовской, или нѣтъ, не она, а самъ дьяволъ воплотился въ нее, позавидовалъ его иноческому подвигу и отнялъ съ главы его вѣнецъ мученическій, не далъ ему обрѣсти себѣ конецъ праведный. — А, будь ты проклятъ, анаѳема! Уйди, уйди отъ меня окаянный,—вдругъ закричалъ онъ, осѣняя Василису крестнымъ знаменіемъ.

— Реви, реви больше, скликай чертей! Вотъ

Парамонъ вернется, онъ те покажетъ, каковъ ты угодникъ, онъ те выволочетъ на свѣтъ-отъ Божій! Василиса злобно расхохоталась.

Старикъ вдругъ схватилъ топоръ, лежавшій въ колодѣ и бросился къ Василисѣ. — А, дьяволъ, смѣешься?!

Василиса не успѣла вскочить на ноги, какъ онъ, замахнувшись обѣими руками, ударилъ ее топоромъ по головѣ...

— Господи Іисусе, Господи Іисусе!—зашепталъ онъ, почувствовавъ струю горячей крови, брызнувшей ему въ лицо и на руки.—Господи Іисусе... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ!.. Пятясь, онъ выронилъ топоръ изъ рукъ и, опустившись на дрожавшія колѣни, отползъ въ самый уголъ подполья, упалъ ницъ и замеръ, закрывъ руками голову.

Сѣло солнышко, оставивъ на небѣ потухать послѣднюю, румяную полосу. Замолкло гудѣнье пчелиныхъ роевъ, заснули колоды. Спятъ и цвѣты духовитые въ палисадочкѣ при пасѣкѣ. Парамонъ распрощался со старикомъ Пахомомъ, который жилъ тутъ же все лѣто, въ рогоженомъ шалашѣ, и направился домой.

— Безпремѣнно завтра ведро будетъ, твердилъ онъ себѣ по привычкѣ въ полъ-голоса. — И хорошо-же на Божьемъ свѣтѣ! Ахти хорошо.—Онъ окинулъ глазами весь свой садъ и цвѣтничокъ и полянку съ колодами. Не ушелъ-бы отъ эдакой благодати, да къ Василисѣ надо. Небось соскучилась молодуха?.. а и впрямь одной скучно. По-

спѣшать надо... Э-эхъ виноватъ я передъ нею, все обѣщалъ работницу въ домъ взять, не для помощи, а хоть одной чтобы время не коротать. А и то взялъ-бы, да сама Василиса послѣднее время брыкается, то нудила взять, то теперь не надо—одной сподручнѣй—то-то бабы!

Парамонъ тихо засмѣялся и быстро зашагалъ къ дому. Вотъ повернулъ онъ за уголъ и захолонуло сердце его. Дѣло не виданное: калитка благочестиваго дома Глазовыхъ, ровно непотребная кабацкая дверь, стоитъ открыта для каждаго проходящаго. Онъ вошелъ во дворъ и съ ужасомъ наткнулся на отпертую же дверь дома. Шагнулъ дальше, еще, глянь въ боковушѣ, на порогѣ, шапка чужая лежитъ. Ай воры лиходѣи посѣтили домъ? Но кругомъ было все тихо, тихо какъ въ могилѣ... Парамонъ обошелъ весь домъ... ни души! У него не хватило силъ кликнуть Василису. Наконецъ онъ остановился надъ люкомъ, а тамъ что?—и не давъ себѣ никакого отвѣта, онъ приподнялъ люкъ, нагнулся въ его темную пасть и, объятый страшнымъ предчувствіемъ, крикнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Батюшка! Ай батюшка?

Отвѣта не было.

— Батюшка!—аль преставился?

— Парамонъ!—услышалъ онъ ровно чужой голосъ.—Подь сюда Парамонъ, здѣсь я...

Парамонъ сошелъ внизъ. Три восковые налѣпа догорали, оплывая, по краямъ колоды, синенькая „неугасимая“ вспыхивала неровнымъ трепетнымъ пламенемъ, курясь и дымя послѣдними каплями масла, тяжелый, странный запахъ стоялъ въ под-

польѣ, но Парамонъ ничего не могъ разглядѣть, кромѣ колоды.

— Батюшка, аль помираешь? — спросилъ онъ еще разъ неровнымъ голосомъ.

— И то помираю, нѣту силы встать, ступай сюда.

— Ай Мать Троеручица, Богородица Всепѣтая, неугасимая-то хилится, помрешь, батюшка, безъ огней ангельскихъ. Годи малость! — и Парамонъ, схвативъ изъ угла большую маслянку, наполнилъ лампаду, отъ нея шагнулъ къ колодѣ и одну за другою зажегъ толстыя „катанки". Затѣмъ, встряхнувъ кудрями, занесъ Парамонъ правую руку для креста и вдругъ замеръ: яркій свѣтъ большихъ свѣчей освѣтилъ какой-то лазоревый клочокъ и Парамонъ тупо подумалъ: быть Василисино платье? Онъ вытянулъ шею и остановившимися, круглыми глазами глядѣлъ,—за лазоревымъ клочкомъ обрисовалась бѣлая рука, высокая грудь и... что-то красное, страшное.

— Василиса! Василиса!—вырвался вдругъ страшный крикъ изъ груди Парамона.

Онъ бросился къ трупу, припалъ на колѣни и, какъ безумный, сталъ руками ощупывать ея лицо, грудь, руки.

— Батюшка! Батюшка! Упала знать молодуха, тебѣ пищу ставимши! знать оморъ ошибъ ее! мертва, слышь, мертва!

Парамонъ вскочилъ на ноги и бросился въ уголъ, гдѣ лежалъ старикъ.

— Не падала жена твоя, — убита она, я ея жисть топоромъ рѣшилъ, — проговорилъ ясно и громко старикъ.

— Топоромъ... Василису? Ты, батюшка? Парамонъ нагнулся къ старику—теперь свѣтъ трехъ налѣповъ и лампады дозволили ему видѣть отца. Старикъ сидѣлъ, вытянувъ ноги, опираясь спиною о стѣну, лицо его было бѣло, какъ мѣлъ. Сынъ нагнулся еще, глубоко провалившіеся глаза глядѣли на него сурово и спокойно, безкровныя губы ясно произносили слова:—Садись, Парамонъ, слушай, а то неровенъ часъ, помру, ничего не узнаешь.

Словно оборвалось что въ груди Парамона, туманомъ глаза застелило, ноги подкосились, онъ опустился на землю.

— Сказывай... слушаю...—проговорилъ онъ, какъ во снѣ.

И старикъ повинился во всемъ: и въ похоти своей грѣховной, и въ ласкѣ насильничей, отъ которой полыснулась молодуха ножомъ, и какъ порѣшилъ онъ искупить грѣхъ свой въ безмятежной скрынѣ, стоя на молитвѣ несходно отъ работы надъ домовиной рукъ не покладая, устъ не смыкая отъ славословія Божія,—и какъ сталъ его дьяволъ подъуститвать. А силенъ дьяволъ, врагъ рода человѣческаго, горами качаетъ! И сталъ онъ ему творить сонныя мечтанія, представлять видѣнія не подобныя и въ нихъ обнажать передъ нимъ всю Василисину красу пагубную. Голосъ старика надорвался, трудно было сказать ему послѣднюю, страшную истину... и распалился я, и... вышелъ изъ скрыни..:

— Изъ скрыни?.. вышелъ? Батюшка! изъ скрыни?— Парамонъ затрясся. Невиданное, неслыханное то было дѣло, надругался старикъ надъ крѣпкою вѣрою предковъ; нако-сь, какое дѣло, изъ скрыни!..

Сказалъ старикъ, какъ за шкапомъ онъ притаился, какъ, тайну Василисину узнавъ, обуялъ его гнѣвъ непоборимый, какъ схватилъ и бросилъ онъ сноху въ подполье и какъ стала она язвить и грозить и змѣей, быть самъ дьяволъ, передъ нимъ извиваться, и какъ, себя не помня, сотворилъ онъ брань съ нечистымъ, разсѣкъ топоромъ ей голову.

Всталъ Парамонъ и подошелъ къ Василисиному трупу, припалъ головой къ груди ея мертвой и глухо зарыдалъ.

— Ой, молодуха, молодуха, не моя-ль на тебѣ вина? не ухоронилъ я тебя, не уберегъ отъ дьявольскаго соблазна, промѣнялъ я тебя на рѣчушку бурную, на солнышко жаркое, на пчелку гудящую. Ой, Василиса, Василиса моя, не откроются больше уста твои алыя, не блеснутъ твои глазыньки ясные!..

— Ладно, буде,—сурово раздался голосъ старика.—За мученическую кончину простится ей грѣхъ ея и въ смерти своей пріобрѣтетъ она безсмертіе. Ступай, Парамонъ, не смущай скрыню стенаньемъ и рыданьемъ твоимъ, смерть и ко мнѣ подходитъ, знаю, слышу. Прощай. Прости, коли можешь.

Парамонъ всталъ.

— Прощай, коли такъ, батюшка. Богу—прощать тебя, я тебѣ не судья.—Онъ дошелъ до порога, поклонился трижды земнымъ поклономъ. Прощай, Василиса! нѣтъ у меня больше ни жены, ни отца, ни дома—гнѣзда роднаго. Прощайте!

Парамонъ поднялся по лѣсенкѣ, вышелъ въ горницу, закрылъ за собою люкъ и остановился.

Снова ему бросилась въ глаза валявшаяся въ дверяхъ второй комнаты шапка. Сразу все сказанное старикомъ ожило, воплотилось. Вотъ шкапъ, гдѣ пришипился старикъ, а вотъ... онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ,—вотъ горенка спальная открыта, вотъ поруганная постель брачная, вотъ,—онъ нагнулся къ полу и весь дрожа поднялъ Василисинъ лазоревый платочекъ,—вотъ и покрывашка головная, стыдобушка женская покинутая лежитъ.—Шатнуло Парамона, ровно въ грудь кто его ударилъ, горло сдавило, зарыдалъ парень безъ слезъ, одной мукой несказанной, что грудь его рвала. Все поругано, все. — Молодуха честь потеряла, старикъ изъ скрыни вышелъ! Подсѣкся кедръ ливанскій незыблемой вѣры честнаго дома Глазовыхъ. Погасился „свѣтъ тихій", отступилась Мать Троеручица отъ дома сего!—И вдругъ, все прерывая, все превышая, охватила его лежавшая на днѣ души, несознанная имъ во время, любовь къ женѣ Василисѣ.

— Василиса! Василиса!—закричалъ онъ, бросился назадъ къ скрынѣ, припалъ на запертый люкъ и забился головою о половицу.—Василиса, молодуха моя! лебедь бѣлая, зорька румяная, ластовка сизая. Ой, Василиса моя! Померла, померла! Онъ вскочилъ.—Самъ твой гробъ забью, самъ и склепу твою на вѣки закрою. Пусть ничья нога не ступитъ здѣсь больше, пусть ничья рука не рушитъ здѣсь ничего.—Онъ бросился въ кладовушку, принесъ оттуда молотокъ и большіе гвозди.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Онъ трижды поклонился земно, трижды поцѣловалъ подъемныя доски и ударилъ молоткомъ по пер-

вому гвоздю. Гулко раздался по пустому дому первый стукъ молотка. Парамонъ забивалъ скрыню. Глухо отдавались удары въ скрынѣ, сыпалась съ потолка мелкая земля на мертвый ликъ Василисы, и ровно колоколъ вѣщій отдавались тѣ удары въ ушахъ старика.

„Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею"... „идѣ-же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Со святыми упокой"...—шепталъ старый Самсонъ, припавъ къ землѣ головою.

Забивъ скрыню, Парамонъ вышелъ изъ дома. Положилъ на порогѣ его три земныхъ поклона и, ничего не трогая, ни крохи не вынося изъ него, повѣсилъ на двери большой желѣзный замокъ. Проходя дворомъ, онъ услышалъ ласковое ржаніе—то Ушанка почуяла хозяина.

„Добро, лошадушка, не пропадать скотинкѣ! Годи, Пахома пришлю". Заперевъ калитку большимъ желѣзнымъ ключемъ, Парамонъ, не оглядываясь, покинулъ домъ. Миновавъ пустырь, онъ пошелъ берегомъ рѣки. Она по прежнему несла передъ нимъ свои стальныя волны, на днѣ ея весело играла рыба, и тамъ, подъ кудрявой сосной, у выгона, чернѣлась лодочка и оттуда съ тихимъ ночнымъ вѣтеркомъ доносился голосъ Ларьки Мачихина, ставившаго верши:

Какъ по рѣчкѣ по широкой
Мимо горъ Кирилловыхъ.
Мимо горы Оползень
Святой старецъ держитъ путь..

Парамонъ вошелъ въ густой зеленый боръ, тотъ

самый, изъ котораго недавно еще вывезъ онъ съ отцомъ домовину—колоду дубовую. Ночь наступила совсѣмъ, въ лѣсу было темно и тихо. На небѣ одна за другою вспыхивали яркія звѣздочки, вотъ и полный мѣсяцъ выкатился изъ за верхушекъ кудрявыхъ кедровъ и облилъ серебристымъ лучемъ всѣ лѣсныя прогалинки. Зашагали по нимъ тѣни узорчатыя. Смолистый, знакомый ароматъ обвѣялъ больную голову Парамона и природа, которую такъ безсознательно, страстно любилъ Парамонъ, словно отогрѣла его страдающую душу. Растопился горе-камень, лежавшій на сердцѣ его, потокомъ хлынули изъ глазъ его слезы, вздынулъ онъ руки къ небу высокому.

„Ахъ, ноченька, ночушка темная!—Ахъ, звѣздочки, Божьи лампадушки! Ахъ, вѣтеръ, дыханіе ангельское! Ахъ, боръ зеленый дремучій! Отнынѣ вы мои и домъ и родина, вы и судьи и милостивцы мои!“

Полъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Тайна Глазовской скрыни не была нарушена. Сосѣди и сродичи были все такіе же „вѣрные христіане“; у каждаго дома была своя жизнь, а можетъ и своя тайна, свары варить, доглядывать да дослушивать не кому было. Парамонъ скрылся въ дальній скитъ и тамъ отдалъ въ свое время душу Господу Богу. Нашлись Глазовы сродники, племянники старика Самсона, и снова отперли домъ и тихо, степенно зажили въ немъ. Только измельчали людишки, скрыня не манила въ себя никого и на подвигъ иноческой кончины не было охотниковъ. Скрыня стояла забитая, но всѣ вѣрили, что въ ней живетъ душа старика Самсона;

по временамъ подъ поломъ слышался стонъ и было похоронное пѣніе.

Въ тотъ годъ, какъ пошла постройка Т-ской ж. дороги, и инженеры объявили, что для новаго подъѣзднаго пути будутъ отчуждены и срыты дома, шедшіе по косогору рѣки, въ глазовомъ домѣ жила вдова Глазиха съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Гришуткой. Она поклялась умереть на порогѣ своего дома честнаго, но не дать его на поруганіе и разрушеніе пришлымъ анженеришкамъ.

XII.

Александръ Павловичъ Вязьминъ.

Инженеръ Александръ Павловичъ Вязьминъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Сергѣемъ Петровичемъ Козловымъ, наняли въ Т. домъ съ тремя дворами, пристройками, баней и садомъ, словомъ, цѣлую усадьбу за 25 рублей въ мѣсяцъ, т. е. по небывало высокой цѣнѣ для города. Разсчитывая, что судьба закинула ихъ сюда на цѣлые три года, они рѣшили жить со всевозможнымъ комфортомъ, купили себѣ въ татарскихъ юртахъ пару лошадей, выписали изъ Екатеринбурга два „коробка", казанской работы, для лѣта, двѣ „кошевки" для зимы, сѣдла, чтобы на тѣхъ же коняхъ ѣздить верхомъ; наняли себѣ кухарку Татьяну, жирную, продувную бабу, ловкую на всѣ руки. Та пристроила къ нимъ, для „убирки" комнатъ и чинки бѣлья, свою племянницу Аришу, дѣвицу скромную и круглую, какъ рѣпа. Къ лошадямъ понадобился кучеръ и взяли какого-то парня Семена изъ „рассейскихъ" ссыльныхъ, а такъ какъ дворы не могли остаться безъ караульнаго, то самъ собою завелся у воротъ какой-то черномазый Абдулка. Съ нимъ вмѣстѣ на дворѣ появились и двѣ громадныя рыжія лайки, Шайтанъ и Камка. Сло-

вомъ, домъ наполнился и, несмотря на то, что все это существовало на счетъ инженеровъ и тянуло съ нихъ чѣмъ попало, имъ жилось привольно, покойно и сравнительно съ Петербургомъ не дорого.

Домъ, нанятый инженерами, стоялъ въ Зарѣчьи, не далеко отъ крутаго моста черезъ рѣку, соединявшаго эту часть города съ центромъ. Главныя ворота выходили на широкую улицу, всю выложенную „одубиной". Напротивъ и рядомъ съ домомъ стояли такіе же „дома—помѣстья" разныхъ кожевенныхъ заводчиковъ, за задними же воротами третьяго двора шла длинная пустая улица, по которой съ противоположной стороны тянулся безконечный высокій заборъ, выкрашенный въ цвѣтъ крови. За этимъ заборомъ день и ночь слышалось бряцаніе цѣпей и свирѣпый лай собакъ, охранявшихъ громадный кожевенный заводъ богача Круторогова. По всей этой улицѣ стоялъ тяжелый запахъ крови и одубины.

Домъ, занимаемый инженерами, былъ деревянный, одноэтажный, въ немъ, по сибирскому обыкновенію, было удивительное количество оконъ, что придавало нѣкоторымъ комнатамъ, густо заставленнымъ притомъ цвѣтами, видъ какихъ-то оранжерей. Мебель была временъ Александра I: тяжелыя, жесткія кресла и стулья краснаго дерева съ мѣдной прожилкой; узкія длинныя зеркала, перерѣзанныя палочками; громадные, пузатые шкафы съ бронзовыми ручками у ящиковъ; потолки, расписанные амурами и гирляндами фантастическихъ цвѣтовъ и фруктовъ; стѣны подъ бѣлый мраморъ и желѣзныя круглыя печи; окрашенныя, по мѣстному обычаю, „золотухой".

Хозяинъ дома, Игнашкинъ, жилъ съ женою и дѣтьми въ подвальномъ этажѣ того же дома. Когда-то Игнашкинъ былъ богатымъ купцомъ, давалъ банкеты и самъ былъ званымъ гостемъ на всякихъ купеческихъ торжествахъ, но прогорѣлъ на какихъ-то подрядахъ, затѣмъ спился и теперь считался „нестоющимъ" человѣкомъ, съ которымъ и кланяться-то зазорно. Подавленный воспоминаніями прежняго величія, онъ жилъ въ своемъ подвалѣ, какъ кротъ, и въ трезвомъ состояніи его не видѣли и не слышали. Но два раза въ мѣсяцъ онъ обязательно напивался и тогда, вооружившись кочергой, начиналъ стучать въ потолокъ, предупреждая инженеровъ о своемъ нашествіи. Затѣмъ онъ выскакивалъ на дворъ и начиналъ неистово ругаться, требуя непремѣнно, чтобъ „анженерные антихристы" оставили его домъ, что онъ, имянитый купецъ Игнашкинъ, никогда въ жизни своего честнаго дома не позорилъ и въ наймы не отдавалъ.

— Выходи, Александра Павловичъ, выходи, Сергѣй Петровичъ, добромъ, пока я не выволокъ тебя самъ изъ своихъ хороминъ. Отчужденія моимъ собственностямъ я не дозволю, искр-рр-овеню!!..

И, размахивая кочергою, онъ лѣзъ на крыльцо. Сцена всегда кончалась однимъ и тѣмъ же: Абдулка летѣлъ въ полицію и затѣмъ являлся на извощикѣ съ какимъ-то блюстителемъ порядка. Съ помощью кучера Семена начиналась комедія: всѣ трое подкрадывались къ Игнашкину, затѣмъ Абдулка хваталъ его за локти, а Семенъ необыкновенно ловко давалъ ему „подъ жилки". Игнашкинъ летѣлъ навзничь, его подхватывали, усажи-

вали или укладывали, смотря по степени опьяненія, на извощика и увозили въ часть для вытрезвленія. Оттуда Игнашкинъ являлся обыкновенно пѣшкомъ, дома мылся, причесывался и со степеннымъ и добродушнымъ видомъ поднимался къ „анженерамъ“, неизмѣнно извиняясь, „что, можетъ быть, маненичко обезпокоилъ“. Въ саду, прилегавшемъ къ дому Игнашкина, не было никакаго плана, онъ былъ на-крестъ пересѣченъ двумя аллеями; въ первыхъ двухъ квадратахъ были гряды съ земляникой и кой-какими овощами, два задніе квадрата густо заросли малинникомъ, который, къ забору, переходилъ въ цѣлый лѣсъ сорныхъ травъ: колючій репейникъ, жгучая крапива, да громадные кусты шиповника заграждали туда всякій путь. За то поперечная аллея была засажена высокими липами и такими густыми акаціями, что верхнія вѣтви ихъ сплетались и образовывали надъ аллеей ажурную крышу, сквозь которую лучи солнца падали на желтый песокъ подвижными золотыми нитями и пятнами. Въ концѣ этой аллеи стояла полукруглая скамейка и передъ нею столъ. За заборомъ лежалъ громадный пустырь, на которомъ, какъ съ неба упавшая, стояла крошечная изба, безъ двора, безъ ограды и безъ сада. Высокая тяжелая крыша нависла до половины двухъ маленькихъ подслѣповатыхъ оконъ, низенькая дверь, всегда запертая, а передъ нею, вѣроятно, остовъ исчезнувшихъ воротъ: два столба, перекрытые балкой, напоминавшіе висѣлицу. Въ этой избѣ жили какіе-то евреи, тайно торговавшіе, какъ говорили, водкой. Мимо избы шла широкая сѣрая дорога, пыльная, пус-

тынная; она вилась, куда глазъ хваталъ, и тамъ. вдали, сливалась съ горизонтомъ. По этой дорогѣ никогда не ѣздили экипажи, не шли пѣшеходы, только время отъ времени, и зиму, и лѣто, по ней неслись тринадцать троекъ, на грядкѣ каждой изъ нихъ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ усатый солдатъ, держа ружье на-готовѣ. Далеко слышны были бубенцы лошадей, да лязгъ потряхиваемыхъ желѣзныхъ оковъ.

Со времени смерти Фелицаты прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирское могучее лѣто стояло въ полномъ разгарѣ; солнце жгло, сочная трава съ пахучими медовыми цвѣтами лѣзла отовсюду, куда только проникъ живительный лучъ солнца; гремѣли голоса налетѣвшихъ птицъ; все ликовало, дышало жизнью, все, казалось, спѣшило насладиться короткимъ лѣтнимъ роздыхомъ суровой природы.

Вязьминъ, только что вернувшійся съ работъ, сдалъ верховую лошадь Семену и, поджидая запоздавшаго Козлова, остановился за калиткой заднихъ воротъ. Машинально онъ глядѣлъ на красный сосѣдній заборъ и на тянувшуюся передъ нимъ пустынную улицу. Тишина города какъ-то давила его; онъ чувствовалъ, что это не то обыденное, лѣнивое спокойствіе, которое онъ привыкъ встрѣчать въ полдень въ петербургскихъ дачныхъ мѣстностяхъ. Тамъ чувствовалось, что жизнь какъ бы притаилась гдѣ-то въ бесѣдкахъ, въ прохладныхъ комнатахъ за спущенными портьерами. Молчаніе же этого чужаго города, казалось

ему, было полно какаго-то смутнаго недоброжелательства. Тутъ, возлѣ, за высокими заборами, подъ охраной дикихъ собакъ и сторожевыхъ татаръ, кипитъ человѣческая дѣятельность, вся сводящаяся къ одной жаждѣ наживы. Тутъ идетъ обособленная семейная жизнь, въ которой нерѣдко разыгрываются страшныя драмы насилія и деспотизма. Онъ вспомнилъ Фелицату и отмахнулся рукой, какъ будто назойливое видѣніе воплощалось и лѣзло на него съ неотступными вопросами.

Слухъ о смерти молодой женщины, со всевозможными сплетнями и комментаріями, давно дошелъ до него. Первое время онъ даже думалъ бросить Т. и просить о переводѣ, но потомъ остался.

Послѣднее время Вязьминъ сильно скучалъ, хотя нисколько не считалъ себя виноватымъ и ни въ чемъ не раскаивался. Онъ просто не подходилъ къ грубымъ и простымъ нравамъ, царствовавшимъ здѣсь. Онъ былъ себялюбивъ, брезгливъ и привыкъ жить готовыми веселыми наслажденіями, которыя такъ легко даются человѣку со средствами въ Петербургѣ; онъ даже завидовалъ своему товарищу Козлову, который перезнакомился чуть-ли не со всѣми и отъ души пользовался мѣстными удовольствіями и развлеченіями.

Гортанный крикливый голосъ вызвалъ Вязьмина изъ его мечтаній; мимо него прошли мужчина и женщина, оба старые, сгорбленные, въ лохмотьяхъ, и Вязьминъ узналъ въ нихъ тѣхъ самыхъ евреевъ, что жили въ низенькомъ домикѣ на сѣромъ пустырѣ за садовымъ заборомъ.

Женщина остановилась почти противъ него и, обернувшись въ ту сторону, откуда пришла, крикнула нѣсколько разъ рѣзкимъ непріятнымъ голосомъ:

— Лія! Лія!..—За этимъ именемъ послѣдовало еще нѣсколько словъ на непонятномъ ему языкѣ. Старуха прислушалась, крикнула еще нѣсколько разъ: „Лія!" и, не получивъ никакаго отвѣта, догнала ушедшаго впередъ мужа, и оба они, разговаривая и размахивая руками, пропали въ сѣроватой пыли улицы.

Вязьминъ снова остался одинъ и уже повернулся, чтобъ идти къ себѣ, какъ услышалъ торопливые мелкіе шаги и остановился, какъ вкопанный. По улицѣ шла совсѣмъ молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, стройная, граціозная и тонкая. На ней была только простая бѣлая рубашка съ открытымъ воротомъ и пестрая яркая юбка. Лицо блѣдное, жаркой южной блѣдности, напоминающей свѣтлый янтарь; она остановилась передъ молодымъ человѣкомъ и, поднявъ густую бахрому рѣсницъ, устремила на него широкій влажный взоръ большихъ карихъ глазъ.

— Не видалъ-ли ты, не проходили-ли здѣсь старикъ и старуха евреи?—спросила она.

Вязьмина поразила и очаровала дѣтская смѣлость и довѣрчивость вопроса, а красота дѣвушки согнала сразу съ него всю сонливую скуку.

— Тебя зовутъ Лія?

Дѣвушка съ недоумѣніемъ поглядѣла на него.

— Да, Лія.

— И ты живешь на пустырѣ, въ домикѣ?

— Живу,—и она вдругъ разсмѣялась, блеснувъ

ровными, бѣлыми зубами.—А ты тотъ господинъ, что все лазитъ у себя въ саду на скамейку и глядитъ черезъ заборъ?

— Такъ ты меня видѣла? Отчего я тебя не видалъ? Развѣ ты никогда не выходишь?

— Какъ же не выхожу, вотъ вышла же! Только правда, я рѣдко куда хожу, мать не любитъ, потому и дома дѣла много.

— Какое же у тебя дѣло дома?

— Разное...—отвѣчала дѣвушка и потупилась.— Такъ ты не видалъ моихъ стариковъ?

Вязьминъ указалъ ей, въ какую сторону ушли евреи. Дѣвочка кивнула ему головой и быстро побѣжала по указанному направленію.

Въ это самое время изъ пыли, клубившейся вдали дороги, сталъ обрисовываться всадникъ, погонявшій коня, и черезъ нѣсколько минутъ Козловъ осадилъ у воротъ свою разгоряченную лошадь.

— Александръ Павловичъ!—крикнулъ онъ, не слѣзая.—Садитесь-ка на лошадь, ѣдемъ къ пристанямъ, тамъ чортъ знаетъ, что дѣлается, цѣлый бунтъ!..

— Бунтъ?

— Говорю, бунтъ! Характерная картина, стоитъ посмотрѣть... Пожалуй дойдетъ до серьезнаго... Воинскій начальникъ тамъ съ солдатами...

— Да въ чемъ дѣло?

— Эва! Забыли! Вѣдь сегодня послѣдній срокъ, идетъ насильственное отчужденіе береговыхъ домовъ. Наши рабочіе приступили къ ломкѣ. Что тамъ дѣлается—страсть!

XIII.

Отчужденіе.

Іюльская жутко-темная ночь спустилась на городъ; облака, какъ разорванные куски чернаго крепа, неслись по небу, догоняли другъ друга и сливались мѣстами въ одинъ непроницаемый пологъ. Блѣдныя звѣзды, какъ испуганныя, мелькали то тутъ, то тамъ и снова прятались за тучи, ничего не освѣтивъ, не скрасивъ даже своимъ трепетнымъ огонькомъ безотрадную темноту. Изъ „Города — въ Зарѣчье“, изъ „Городища за Тюменку“, перекликаясь, какъ спугнутая стая птицъ, сухо защелкали деревянныя колотушки сторожевыхъ татаръ. Злобно и отрывчато залаяли по дворамъ „ночевики“ *), выпущенные изъ своихъ ящиковъ. У самаго берега Т—ы, тускло мигая, закачались на протянутыхъ веревкахъ три фонаря; свѣтъ отъ нихъ опрокинулся въ воду и длинной, огненной зыбью зарябилъ по ея поверхности, обозначая три пароходныя пристани, расположенныя неподалеку одна отъ другой.

Темная ночь поглотила и „улочку“, тянувшуюся

*) Сторожевыя собаки, которыхъ на день запираютъ въ темные ящики.

какъ разъ за пристанями. Безформенными грудами стояли въ ней домики-особнячки, за на-глухо запертыми ставнями не видно было огней. Не было слышно тутъ ни колотушекъ, ни лая „ночевиковъ“, но если-бы кто нибудь остановился у средней пристани, приходившейся какъ разъ противъ дома Глазихи, онъ былъ-бы пораженъ глухимъ страннымъ шорохомъ, отрывками какъ-бы задушеннаго шопота, точно вся улочка, какъ развороченный муравейникъ, безшумно, злобно и торопливо копошилась во тьмѣ.

Домъ Аграфены Петровны Глазовой, „Глазихи“, какъ ее звалъ весь городъ, стоялъ, какъ и полъвѣка тому назадъ, какъ разъ посрединѣ береговой улочки. Онъ глядѣлъ своими четырьмя подслѣповатыми окнами въ мутныя воды Т—ы; все такъ-же, какъ и прежде, зеленоватыя стекла его оконъ были изнутри заплетены зубчатыми листьями дикаго винограда, сквозь прорѣзи которыхъ круглые цвѣты герани льнули къ самому стеклу, какъ красныя губы невидимаго лица. Сама Глазиха—худая, высокая, съ выдающимися лопатками, „шадровитымъ“ лицомъ, нижняя часть котораго выступала впередъ, напоминала нескладную, но сильную лошадь. Только глаза ея, небольшіе, глубоко лежащіе, глядѣли зорко умно и не упускали изъ вида, что происходило вокругъ. Глазиха имѣла свое ремесло—она шила мѣха изъ лисьихъ хвостовъ. За хвостами она ѣздила далеко къ бурятамъ, скупала у нихъ шкуры за гроши, затѣмъ сама подтемняла ихъ, подбирала и дѣлала пушистые, красивые мѣха, которые продавала, смотря по случаю и покупателю, отъ десяти до сорока рублей за штуку. Овдовѣвъ, без-

дѣтная, она жила одна со стряпухой Агафоклеей. которая управлялась со всѣмъ ея немудренымъ хозяйствомъ и помогала ей въ вознѣ съ мѣхами. Домомъ своимъ Глазиха дорожила, какъ спасеніемъ души. На завѣтныхъ половицахъ, забитыхъ когда-то рукою дяди ея — Парамона, подъ которыми онъ оставилъ умирать отца своего, Самсона, у трупа убитой Василисы, Глазиха поставила аналой и денно и нощно, въ указанные часы, читала на немъ покаянный псалтырь и дѣлала установленное метанье.

Испоконъ вѣка всѣ домики-особнячки береговой улочки съ своими амбарушками, переходами, тайниками и скрынями служили на ночь вѣрнымъ надежнымъ прибѣжищемъ для „слѣпинькихъ" *) и разныхъ Божьихъ людей. Хозяева—степенные старообрядцы не спрашивали ни паспорта, ни свидѣтельства отъ того, кто входилъ въ ихъ домъ именемъ Божьимъ и крестился двуперстнымъ знаменіемъ; а днемъ для всего этого пришлаго люда на пристаняхъ не переводилась поденная работа и можно было зашибить копѣйку. И вотъ дошелъ конецъ покойному береговому житью: задумали проклятые инженеры строить отъ пристаней къ самому вокзалу новой желѣзной дороги подъѣздной путь и намѣтили линію вдоль самой улочки. Пришла къ владѣльцамъ домиковъ-особнячковъ бумага; читали ее и хозяева, и други, и посѣтители, читали, покачивали головами, и въ толкъ не могли взять, какъ такая оказія могла случиться! Въ бумагѣ той предлагалось владѣльцамъ оцѣнить

*) Не имѣющихъ паспорта.

ихъ землю, постройку и получить деньги отъ городскаго головы. Оцѣнить родительское благословеніе, оцѣнить кровъ, подъ которымъ дѣдъ и отецъ кончину пріяли! Оцѣнить подполье, гдѣ кости прадѣдовъ зарыты! Покачали хозяева головами, плюнули на такую мерзость и продолжали жить, какъ жили. Только еще угрюмѣе стали одинокіе домики, еще плотнѣе замкнулись ихъ ворота. Не любо слушать срамные толки пришлыхъ людей. А время шло; всякіе сроки, обозначенные въ бумагѣ, истекли, мѣстная полиція обошла всѣ дома и объявила, что на слѣдующее утро всѣхъ, не желающихъ добромъ подписать бумагу и выѣхать изъ своихъ домовъ, силой выведутъ вонъ и начнутъ надъ ихъ головою ломать крыши. И вотъ, въ іюльскую темную ночь закопошилась береговая улочка. У воротъ дома Глазихи, вплотную прислонившись къ калиткѣ, стояла Агафоклея, закутанная въ громадный черный платокъ, и то и дѣло шептала вопросъ подходящимъ къ ней тѣнямъ, которыя, вслѣдъ за отвѣтомъ, шмыгали въ пріотворенную ею калитку. Пришедшіе шли по двору торной дорожкой до крыльца и тамъ, поднявшись на ступеньки, чуть слышно брякали мѣднымъ кольцомъ и проглатывались безшумно отворявшеюся дверью. Сама Аграфена Петровна, сторожившая каждый звукъ, пріотворяла изнутри двери, и по двору, какъ судорога, то и дѣло мелькала красноватая полоса свѣта. Наконецъ, около 12 часовъ вечера, за послѣднимъ гостемъ Агафоклея заперла калитку на тяжелый засовъ, прошла въ самый темный уголъ двора, пріоткрыла тяжелую лазейку въ подвалъ, и оттуда съ глу-

химъ ревомъ выскочили три мохнатыя лайки и полетѣли по двору, обнюхивая слѣды чужихъ людей, и залились безсильнымъ бѣшеннымъ лаемъ. Агафоклея прошла заднимъ ходомъ къ себѣ на кухню и заперла за собою дверь на тяжелый болтъ. Глазиха тоже заперла свое крылечко и, съ молчаливымъ поклономъ собравшимся гостямъ, прошла къ себѣ въ молельню, гдѣ скитская старуха Ѳеоклита уже затеплила всѣ лампады и „катанки“. Моленія особаго на сегодняшнюю ночь не полагалось, но все же эта комната безъ оконъ, глухо расположенная среди разныхъ кладовушекъ, была самымъ вѣрнымъ и надежнымъ мѣстомъ для тайныхъ бесѣдъ. Всѣ эти гости вслѣдъ за хозяйкой вошли туда, сотворили метаніе, затѣмъ сѣли кругомъ по лавкамъ.

— Спасибо тебѣ, Назаръ Софронычъ, — начала хозяйка, отвѣшивая низкій поклонъ,—что не погнушался ты придти къ намъ изъ своего издалека.

Назаръ Софронычъ, худой чахоточный старикъ съ сѣдою, рѣдкой и длинной бородой, степенно всталъ съ лавки и отдалъ поклонъ Глазихѣ и всему собранію.

— Ваше дѣло—общее дѣло. Воздвигъ дьяволъ козни свои на васъ и кажинному брату во Христѣ защита правъ вашихъ лежитъ близко къ сердцу.

— А какъ здоровьишко твое, Назаръ Софронычъ? Какъ охотишка твоя идетъ?—спросилъ его сосѣдъ, рыжебородый плотный старикъ Никаноръ Орѣшковъ, кузнецъ по ремеслу, жившій въ своемъ домѣ, на самомъ дальнемъ краю улочки.

— Здоровье что, грудь больно сдавлена, ровно

клещами схватилъ кто и держитъ; порой, смотришь, кровь горломъ откроется, ну и полегчаетъ.

— А тебѣ-бъ ее время отъ время давать спущать,—замѣтила скитская баушка Ефросинья,—куда сподручнѣе, коли банки накинуть.

— Такъ-то такъ, баушка, да лѣсной я человѣкъ, живу по такимъ логовамъ да трущобамъ, гдѣ и накинуть-то мнѣ ихъ некому.

— Такъ, родимый, вѣрно такъ, — согласилась баушка.

Собравшіеся помолчали.

— Пора и къ дѣлу,—промолвилъ вдругъ угрюмо самый старшій изъ собравшихся, Пахомъ Силычъ Зайковъ, сосѣдъ Глазихи.

— Говори, Пахомъ Силычъ,—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Пахомъ Силычъ широко осѣнилъ себя истымъ крестомъ и, вставъ, прислонился къ притолкѣ двери.

— Собрались мы всѣ тутъ,—началъ онъ ровно и не спѣша,—чтобы найти средствіе избыть бѣду неминучую. Хрещеные, аль край вѣку дошелъ?— Изъ-подъ нависшихъ клоковъ сѣдыхъ бровей черные глаза Зайкова обвели все собраніе. — Небывалое дѣло! Развѣ могутъ пришлые люди отнять у родовыхъ, законныхъ владѣльцевъ ихъ кровъ и обитель? Назаръ Софронычъ, ты грамотный будешь и въ Рассеѣ бывалъ, скажи, есть такой законъ, что могутъ противъ совѣсти отнять, „отчудить“, нашу землю, наши дома? Статочное-ли дѣло, чтобы кто изъ насъ самъ назначилъ цѣну домамъ своимъ родовымъ и пошелъ-бы искать себѣ дру-

гаго дома и крова? Статочное-ли дѣло, чтобы тотъ, кто не согласится на такую срамную продажу, былъ силою выведенъ изъ-подъ крова своего?

Пахомъ замолкъ; но все собраніе загудѣло: „Кто можетъ праву имѣть разломать крышу, гдѣ всякая тесина дѣдовскими руками кладена!“ Глазиха, вся трясясь, обернулась къ иконамъ. „Угодники святые, да какъ же я за деньги продамъ не только прахъ, а и душу дѣда своего, что въ подпольѣ у меня витаетъ?“ И снова всѣ загудѣли: „неслыханное дѣло!“ Назаръ Софронычъ вышелъ на средину и низко поклонился собранію.

— Попустилъ Господь на васъ бѣду великую и нѣту вамъ заступы акромя Божеской. Жилъ я въ Е* о ту самую пору, какъ туда впервые чугунку проводили, и тамъ отчуждали, и тамъ брали чужіе дома и чужія поля, нашлись и тамъ люди, что рады-бы кровью были отстоять свое добро, да ничто не помогло: пришли солдаты со штыками, повывели изъ домовъ и бабъ, и ребятъ малыхъ и, на глазахъ у людей, разверзли крыши домовъ ихъ и срыли, до земли сгладили ихъ обиталище, и бѣжитъ теперь тамъ чугунка и памяти нѣтъ о тѣхъ домахъ и пажитяхъ, что прежде тамъ были.

— И попустилъ Господь?—спросилъ Пахомъ.

— И попустилъ,—угрюмо отвѣтилъ Назаръ.

— И люди такъ и отдали свои кровы на раззореніе?—спросилъ кузнецъ.

— Отдали,—отвѣчалъ Назаръ,—которые и не отдавали, за топоры хватились, ружьишки зарядили было, да куда! скрутили имъ солдаты руки назадъ, да тѣхъ, что побойчѣе, въ тюрьму по-

слали, объ томъ дѣлѣ пораздумать, какъ противъ начальства идти.

— Угодники! Угодники Божьи! — шептала побѣлѣвшими губами Глазиха, — да неужто-жъ мой домъ, мое собственное гнѣздо, чужіе люди по бревну размечутъ?

— И размечутъ!—отвѣтилъ Назаръ.

Опять помолчали, понурились старики, а женщины, точно безумныя, глядѣли на иконы, ожидая только отъ нихъ и помощи, и вразумленія.

— А ежели теперича,—началъ кузнецъ, обращаясь опять къ Назару,- -кликнуть намъ кличъ по лѣсамъ?

— Поздно, батюшка! — остановилъ сынъ его Александръ,—здоровенный дѣтина лѣтъ 19, курносый, плосколицый, съ узкими татарскими глазами.—Поздно, батюшка! Говорилъ я тебѣ, какъ впервой пришла бумага, чтобъ ты меня въ тайгу отпустилъ, съ кѣмъ надоть посовѣтоваться, такъ нѣтъ, и вѣрить-то не хотѣлъ, чтобъ этакое дѣло случилось.

— Не поздно, не рано,—заговорилъ молчавшій до тѣхъ поръ кожевенникъ Молюгинъ,—ни откуда намъ пособи быть не можетъ, не въ томъ тутъ сила, что нужна наша земля подъ чугунку; и акромя ея нашелся-бы путь, а сами-то мы здѣсь помѣшали имъ, насъ разсѣять хотятъ, до нашихъ душъ добираются, понадобилось имъ подсѣчь насъ подъ корень, взрыть землю, гдѣ дѣдовскій прахъ зарытъ, чтобъ то-ись дѣти наши на чужой землѣ выросли, среди міранъ поднялись. Вотъ такъ-то и пропадаетъ вѣра правая!

Зайковъ кинулся къ нему, борода старика тряслась, глаза горѣли, какъ угли.

— Вѣрно твое слово, сосѣдъ, ахъ, вѣрно! Не земля имъ наша нужна, а души наши, вотъ почему и не отстоять намъ домовъ нашихъ. Ни деньгами не откупиться, ни силой не оттягаться. Одно осталось у насъ,—вѣра наша; наши дѣды, тѣ не боялись поджечь сами хоромины свои, и славословя Господа, въ нетлѣнномъ томъ пламени очистить животы свои отъ всякія скверны...

Тяжелое молчаніе снова охватило общество: давно то было, когда дѣды предавали себя самосожженію, измельчала душа человѣческая и никого-то не манила къ себѣ смерть огненная!

— Не миновать отчужденія,—снова заговорилъ Назаръ, — супротивъ силы, да закона ничего не подѣлаешь, а вотъ коли бы сняться всѣмъ, да перейти къ намъ туда за Ирбитъ въ лѣса, вотъ куда еще далеко не добраться дьяволу съ чугункой, вотъ гдѣ сплотиться бы могла братья и оберегать свою вѣру истинную Христову.

— Кто какъ,—угрюмо проговорилъ Зайковъ,— а я окромя огню не отдамъ своей хоромины.

— Ой, свѣте, свѣте тихій! — заголосила Глазиха, — выйдетъ душенька изъ тѣла моего грѣшнаго, а не сволокутъ меня съ тѣхъ половицъ надъ скрыней, гдѣ жива у меня душа дѣдовская...

Бѣшено лаяли встревоженные „ночевики", носясь по Глазихину двору, такимъ же свирѣпымъ завываніемъ отвѣчали имъ съ другихъ дворовъ сторожевые псы. Звонко щелкали колотушки сторожевыхъ татаръ, блѣднѣли звѣзды въ небѣ, по-

дулъ свѣжій вѣтерокъ, разогналъ тучи, заголубѣло лѣтнее небо, а въ Глазихиной избѣ все еще молились. Не было придумано никакихъ мѣръ сопротивленія, не было и надежды на избавленіе отъ грозившей бѣды. Всѣхъ охватила тупая, безсильная покорность, съ которой человѣкъ встрѣчаетъ неизбѣжную судьбу свою, и послѣ послѣдней молитвы, пропѣтой всѣмъ хоромъ, скитская баушка потушила всѣ катанки, задула лампады, окромя неугасимыхъ. Агафоклея, отодвинувъ тяжелый засовъ задняго крылечка, созвала своихъ лаекъ и, заваривъ имъ цѣлое корыто мездры съ овсяной крупой, заперла ихъ снова въ подполье. Печальные, понуря головы, одинъ за другимъ вышли гости на дворъ и снова въ пріотворенную калитку шмыгнула тѣнь за тѣнью и пропала въ сѣрѣющей дали прибережной улочки.

Взошло солнце, яркое, теплое, закурилась рѣка,—а пристани, начинавшія раньше всѣхъ свою жизнь, не гомонили: варнаки не явились на поденщину, а правильно нанятаго рабочаго не хватало. и работа правилась тамъ тихо и вяло. По улочкѣ брякнуло кольцо, брякнуло другое и изъ калитокъ одинокихъ домиковъ стали выходить „хрещеные", стали степенно собираться въ кучки и ждать. Бабы оставались въ домахъ, изъ хлѣвовъ слышался ревъ скотины, удивленной, что на сегодня лишилась своей обыденной прогулки въ поле. Перебѣгая отъ одной кучки къ другой, Емелькинъ, явившійся съ разсвѣтомъ изъ-за рѣки на береговую улочку, ударялъ ладонями о полы халата, ерошилъ свою сѣдую кудластую и, какъ всегда непокрытую голову, стараясь объ одномъ,—

о родномъ кабакѣ, куда, какъ всегда, тянуло его пропойную голову.

— Пахомъ Силычъ, — бросался онъ къ Зайкову,—Никаноръ Митричъ,—совался онъ къ Орѣшкову,—хрещеные, хрещеные,—сзывалъ онъ всѣхъ,—что толку-то галдѣть намъ здѣсь на улицѣ, въ кабакъ бы намъ, тамъ на простудѣ лучше бы поразмыслить. Гдѣ здѣсь отвѣтъ давать? Ишь пыль крутится, ишь пыль крутится!—вскрикивалъ онъ, прикладывая козырькомъ руку къ глазамъ,—либо исправникъ, либо воинскій начальникъ, того гляди съ солдатами сюда явятся. Лазоревы цвѣтики,—бросился онъ къ женщинамъ, то тутъ, то тамъ начавшимъ появляться изъ калитокъ,—вы только хозяевъ своихъ выгоньте въ городъ къ Захарычу, либо къ Силычу, а васъ кто бабенокъ тронетъ? Знамо бабѣ отвѣта не держать, такъ, покалякаютъ, покалякаютъ промежъ себя, рыла скобленые, да и отойдутъ съ миромъ, опять бумаги писать учнутъ. Такъ что-ли, люди милые, цвѣтики алые?

Мужчины не обращали на Емелькина никакаго вниманія, бабы отгрызались и отмахивались руками.

— Тебѣ хоть къ хвостатому, лишь бы онъ кабакъ держалъ,—крикнула молодая женщина.

— Отшатнись, непутевый, и безъ тебя тутъ тошнехонько,—отбросила его сильной рукой Глазиха, передъ которою онъ юлилъ.

Освѣтило солнце длинную дорогу, что лентою бѣжала изъ города, и блеснуло въ глаза угрюмому, толстому воинскому начальнику, который ѣхалъ шагомъ въ казанскомъ коробкѣ на сытой,

рыжей кобылкѣ. Рядомъ съ нимъ шагала рота солдатъ съ ружьями на плечо. Невеселое дѣло!— казалось, думалъ каждый изъ нихъ.—Сколько стоитъ городъ на мѣстѣ, еще не видали въ немъ бунтовъ, а теперь, какъ пошла эта самая желѣзная дорога, и супротивники закону нашлись. Диковинное дѣло!

Освѣтило солнышко и другой конецъ дороги. Тамъ съ городища шагомъ ѣхали верхами инженеры съ своими десятниками и кучкой шедшихъ пѣшкомъ рабочихъ, вооруженныхъ кто ломомъ, кто топоромъ. И все это наконецъ сошлось, стеклось и сгруппировалось у самаго обрыва, насупротивъ Глазовскаго дома.

Урядники, прибывшіе еще раньше съ исправникомъ, подогнали въ кучу всѣхъ береговыхъ домовладѣльцевъ. Самъ тучный исправникъ, Амельянъ Иванычъ, милъ человѣкъ, всталъ передъ ними и громко, какъ на смотру, прочелъ еще разъ ту же мудреную бумагу объ отчужденіи, приглашая всѣхъ немедленно росписаться въ готовности сегодня же оставить свои дома. Послушалъ народъ, послушалъ, молча снявъ шапки, и словно ни у одного изъ нихъ слова не нашлось въ отвѣтъ, всѣ снова разошлись къ своимъ домамъ. Амельянъ Ивановичъ окинулъ своими опытными сѣренькими глазками всю картину и сразу понялъ, съ какого угла надо начать рушить. Онъ подошелъ къ воинскому начальнику, грузно вылѣзавшему изъ своего коробка, и оба безъ словъ, по чутью поняли другъ друга, крякнули и подошли къ тому мѣсту, гдѣ кучкой собрались варнаки. Солдаты, переминаясь съ ноги на ногу, стали стѣною за начальствомъ.

— Эй, дворяне таежные, давно ли на свободѣ ходите? Надоѣла чистая работа, устали вольнымъ воздухомъ дышать; смуту да бунтъ почуяли, воронье проклятое! А батоги, браслеты желѣзные забыли? Давно ли милостью царской вернулись изъ-подъ Березова, да и всѣ ли изъ васъ по бумагѣ правильной ходятъ? Расходись, пока цѣлы! Слышь? Сидоръ Карнаухій, Ѳедулъ Малый, Степанъ Медвѣжатникъ, всѣхъ вѣдь поименно знаю, каждое рыло въ лѣсу, ночью, наощупь отличу. Уходи пока цѣлы, ступай по-добру, по-здорову работать!

Исправникъ замолчалъ, глядя въ упоръ на суровыя лица. Воинскій начальникъ еще разъ крякнулъ и началъ высокимъ голосомъ:

— Прикажу солдатамъ цѣпь смыкать и кого изъ васъ живьемъ захватятъ...—Онъ помолчалъ минуту, затѣмъ какъ бы набравшись духу, крикнулъ такимъ высокимъ дискантомъ, что даже привычные солдаты, знавшіе его норовъ, вздрогнули:—кого живьемъ захватятъ, и до острога не дотянетъ! Слыхали? Маршъ по мѣстамъ!

И исправникъ, и воинскій начальникъ, какъ бы желая доказать варнакамъ свою полную увѣренность въ томъ, что они оцѣнятъ оказанную имъ милость, отвернулись къ рѣкѣ и молча закурили.

Насупились суровыя лица. Да только старый воробей Емельянъ Ивановичъ, да и воинскій начальникъ съѣлъ съ нимъ не одинъ пудъ соли— не любятъ они дразнить варнака, не тронутъ они его безъ особой причины, не толкнутъ на бунтъ, а напротивъ, оглушатъ правдой-маткой по головѣ и дадутъ опомниться, такъ и теперь: двинься на

нихъ хоть одинъ солдатъ и такое бы закипѣло дѣло, что ахъ, а начальство отвернулось и куритъ, а солдаты, какъ братушки, стоятъ смирно, беззлобно.

Ѳедулъ Малый первый качнулся изъ рядовъ и, не глядя ни на кого, вскинулъ за поясъ свой желѣзный крюкъ и угрюмо побрелъ къ первой пристани. За нимъ шагнулъ Степанъ Медвѣжатникъ, а тамъ и Сидорка Малый взмахнулъ ломъ на плечо и заколыхался прочь; за ними одинъ за другимъ поплелись всѣ таежные дворяне.

Обернулся лихой исправникъ и усъ покрутилъ отъ удовольствія. Зыркнулъ въ спину уходившимъ и воинскій начальникъ. „Не долго, молъ, вамъ, тетеревамъ, летать по деревамъ, придетъ зима, и коль до тѣхъ поръ не зарекомендуешь себя рабочимъ, то можешь и въ городу остаться, не миновать тогда безпріютнымъ тенетъ исправничьихъ“.

Сильно порѣдѣла кучка случайныхъ береговыхъ защитниковъ, только Емелькинъ по берегу отъ одного дома къ другому размахивалъ руками, не заботясь о томъ, какъ не скромно распахивались полы его халата. Перспектива кабака съ даровымъ угощеніемъ носилась передъ нимъ, слюна била у него изо рта, онъ безпрестанно утиралъ ротъ и слезящіеся глазки рукавомъ халата. „Хрещеные, хрещеные! Въ кабакъ, въ кабакъ бы намъ, вотъ-те Христосъ, такъ ни съ чѣмъ и останутся! Пахомъ Силычъ, Назаръ Софронычъ, соблаговолите только вы, а за вами и всѣ двинутся, бабочекъ вашихъ не тронутъ, и дома ваши рушить не могутъ безъ васъ, такъ и отлыняемъ, такъ и отлыняемъ!“

Емелькинъ наскочилъ на Никанора Орѣшкова.— Отцѣпись, — заревѣлъ кузнецъ и здоровымъ ударомъ кулака отбросилъ юлившаго пьяницу. Емелькинъ, съ визгомъ пришибленной собаки, покатился по улочкѣ и растянулся пластомъ у самыхъ ногъ исправника; руки его раскинулись крестомъ, какъ у убитаго, полы халата, какъ смятыя крылья летучей мыши, легли по обѣ его стороны, и все его тощее тѣло предстало передъ начальствомъ во всей своей наготѣ.

— Ишь отощалъ!—проговорилъ исправникъ,— должно быть съ утра маковой росинки во рту не было. Приберите въ сторонку.—И Емелькина, потерявшаго на минуту сознаніе отъ здоровеннаго кулачища кузнеца, отнесли къ сторонкѣ и положили къ чьему-то забору, какъ никому не нужный, выброшенный хламъ.

— Ну, будетъ что-ль переговоровъ?—крикнулъ снова воинскій начальникъ совѣщавшимся въ сторонкѣ домохозяевамъ.

Тѣ сразу смолкли.

— Что-жъ, братцы, подписывать будете бумагу?—подошелъ къ нимъ исправникъ,—Пахомъ Силычъ, ты какъ?—обратился онъ къ Зайкову.

— Нѣтъ-ужъ, чего-же,—почесалъ за ухомъ Зайковъ,—какія тамъ подписи. Покорно благодаримъ на милости, денегъ намъ вашихъ не надо, а только и домовъ своихъ мы отдавать сами не согласны, а тамъ, во всемъ воля Божья.

И Зайковъ, степенно поклонившись въ поясъ, вышелъ сквозь молчаливо разступившуюся кучку и побрелъ къ своему домишкѣ.

— Не согласны, не согласны,—послышалось ропотомъ отъ другихъ.

— Не согласны?—Исправникъ двинулся впередъ.—Послѣдній разъ говорю вамъ: молчать!—рявкнулъ онъ на весь берегъ и все галдѣвшее замолкло, не успѣлъ онъ закрыть ротъ.—Ни разорять васъ, ни гнать васъ съ родоваго гнѣзда никому не охота; на васъ крестъ, да и мы съ крестомъ на шеѣ ходимъ и одному съ вами Богу молимся, не враги, не супостаты пришли къ вамъ отнимать дома ваши. Нельзя намъ рѣку отвести въ другую сторону, нельзя пристань перенести на землю, да подальше отъ вашей улочки. Съ пристаней какъ кладь на главный вокзалъ доставлять? Грузить, перегружать на возъ, да съ воза?—раззоръ будетъ для торговли. Эй, старики, уразумтесь! Сколько лѣтъ живете и на свободѣ свою вѣру правите, кто васъ тронулъ? И здѣсь и вездѣ, гдѣ проводилась дорога, было отчужденіе; деньги вамъ за дома ваши полностью заплатятъ, мѣсто городъ отведетъ и стройтесь себѣ *съ Богомъ*, у Царя-батюшки всѣ слуги его равны и только супротивники воли его—враги. Не безъ крова останетесь, новые переселенческіе бараки пока подъ васъ отведутъ, всякое вамъ пособіе отъ властей будетъ. Попомните всѣ милости государевы, раскиньте умомъ, гдѣ иначе провести дорогу? Одна прямая линія. Ну, слышали?

Замеръ берегъ и только, какъ одна грудь, дышали собственники береговой улочки,—какъ туманомъ забрало крѣпкія головы, и слышатъ, да не понимаютъ и знать не хотятъ.

— Ну! Послѣднее слово! Не хотите добромъ—

поступлено будетъ по закону. Я самъ слуга царевъ и коли его неизреченной милостью дарована городу нашему желѣзная дорога, вамъ же пути къ торговлѣ и честной наживѣ открыты, и кабы мой собственный домъ лежалъ по пути, я бы не ропща его отдалъ, ибо законъ и долгъ первое для каждаго русскаго человѣка. Крестись, старики, своимъ правымъ крестомъ — и ступайте подписывать бумагу—еще срокъ дамъ вамъ на выселеніе.

Сплотились старики, хлынули къ нимъ бабы и, забывъ всю свою бабью покорность, завыли, заревѣли, запричитали и хуже сбили тяжелодумныя мужнины головы.

Выступилъ кузнецъ Никаноръ Орѣшковъ, а къ нему шагнулъ старикъ Пахомъ.

— Не согласны! Ни нынѣ, ни завтра не согласны.

— Не согласны? Ладно! Жаль мнѣ васъ, ребята, не считалъ я васъ никогда супротивниками.

Пождалъ Емельянъ Ивановичъ еще минуточку, крякнулъ и кивнулъ головой близь стоявшему уряднику. Впередъ выступилъ громаднаго роста дѣтина, черный, усатый, съ веселыми зоркими глазами, и ясно, отчетливо, какъ въ трубу, прогремѣлъ на весь берегъ:

— Выходи всѣ изъ домовъ, сейчасъ крыши ломать учнутъ. А коли больныхъ бабъ, робятъ, али скотъ не выведете, солдаты выволокутъ.

Въ отвѣтъ берегъ застоналъ стономъ, ревъ бабъ, плачъ дѣтей, причитанія голосившихъ старухъ, ревъ выводимой скотины, все слилось, все, какъ одинъ безумный вопль, поднялось къ небу и пропало въ его холодной, бездушной синевѣ. Солдаты

сомкнулись, мигомъ охватили прибѣжавшихъ было изъ города мѣщанъ и рабочихъ, оттѣснили ихъ къ самому краю дороги на пустырь и загородили улочку съ двухъ концовъ. Толпа полицейскихъ, урядниковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ боролась съ женщинами, которыя съ остервенѣніемъ дрались у своихъ воротъ, ложились на порогѣ своихъ домовъ, шагъ за шагомъ, пядь за пядью отстаивая отцовскій кровъ. Свалка загорѣлась со всѣхъ концовъ, изъ домовъ выносили больныхъ, ребятъ, отрывали руки стариковъ, съ воемъ и плачемъ хватавшихся за ступени своихъ домовъ, тащили скарбъ, какъ на пожарищѣ; кой-гдѣ рабочіе живо забрались на крыши, и оторванныя тесины полетѣли внизъ—отчужденіе началось...

— Ваше благородье, г. исправникъ, ваше высокоблагородье,—шептала бѣлая, какъ платъ, Глазиха, дотрогиваясь дрожащими руками до рукава исправника.

— Тебѣ что? А? Аграфена Петровна, да ты-ли это? Чего супротивничаешь начальству, гляди, вдова ты честная, лица на тебѣ нѣтъ!

— Ваше высокое высокоблагородіе, господинъ исправникъ, вѣдь я не бѣдный человѣкъ, не разориха какая, пощадите, позвольте имъ, на ихъ проклятую дорогу денегъ дать, мигомъ соберемъ, ничего не пожалѣемъ, а только дома моего не рушьте.

— Эхъ ты бабья голова, Аграфена Петровна, самой тебѣ казна за домокъ твой заплатитъ, переѣдешь въ городъ, на царской улицѣ себѣ палатину поставишь.

— Нельзя этого, г. исправникъ, Амельянъ Ива-

ычъ, нельзя домъ мой рушить, скрыня вѣдь въ немъ.

— Ну такъ что-жъ, что скрыня? Было, да и быльемъ поросло.

— Не поросло былью, не поросло, Амельянъ Иванычъ.—Глазиха, вся трясясь и заикаясь, держала его за рукавъ.—Кости тамъ дѣда моего Самсона, да не токмо кости, душа евоная въ томъ подпольѣ живетъ. Знаю я это, слыхала сама ее, молитвы тамъ правлю, ночи за аналоемъ простаиваю. Эй, ваше высокое благородье, не бери грѣха на душу, не рушь моего дома!

— Жаль мнѣ тебя, Аграфена Петровна, да ничего я тутъ не подѣлаю. Берегись!—исправникъ схватилъ Глазиху и дернулъ ее въ сторону. На нее летѣла тесина.

— Будь ты проклятъ! Анаѳема тебѣ по душу! Разрази тебя пресвятая Троица,—завопила Глазиха и какъ львица ринулась на защиту своего дома. Ворвавшись въ ворота, она успѣла задвинуть за собой щеколду и съ рыданьемъ, похожимъ на вой, бросилась въ домъ.

По всему берегу кипѣла работа, мужчины и женщины таскали свои пожитки, мебель, кровати и все сваливали въ одну безобразную кучу.

Исправникъ и воинскій начальникъ, убѣжденные теперь, что дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ и что все, что только совѣсть и присяга требовали, было ими высказано и всякія льготы были даны—умѣрили пылъ своей команды, поотозвали солдатъ, приказывая имъ только попрежнему стеречь отъ напора набѣжавшихъ изъ города любопытныхъ съ конца улочки. Рѣшено было не раз-

дражать по-пусту береговое населеніе, дать имъ самимъ выбраться и вынести все, что хотѣли, затѣмъ предоставить имъ временно пользоваться запасными городскими бараками.

Видно все равно добровольнаго выселенія отъ нихъ не дождешься, а въ баракахъ домовитый хозяинъ долго не заживется, либо тамъ, либо тутъ начнетъ снова пристраиваться. Кучка инженеровъ, стоявшихъ сзади всѣхъ безмолвными любопытными зрителями, присоединилась теперь къ мѣстному начальству.

Козловъ, блѣдный, со сверкающими глазами, заговорилъ первый, горячо обращаясь, самъ хорошенько не зная къ кому.

— Вѣдь вотъ, вѣдь вотъ народъ, вразуми ихъ! Ну, кто имъ зла хочетъ, кто ихъ тѣснитъ, ну куда проведешь путь помимо? Свайную бойку бить, фашинникомъ берегъ укрѣплять, и что это будетъ стоить, по чемъ верста обойдется?

— Да, ужъ бились, бились,—подхватилъ длинный инженеръ Степановъ,—не нашли другого пути, десять чертежей представили — все кривая выходитъ, да, и Господи, ну, а если по берегу, параллельно ихъ улицъ, провести дорогу—да развѣ они станутъ жить о бокъ съ чертовой затѣей?

— Вотъ, вотъ, вы думаете, я имъ не говорилъ,— перебилъ его Козловъ, — да какъ еще вѣхи тутъ ставили, такъ я изъ избы въ избу ходилъ и толковалъ имъ, что во сто разъ лучше имъ уйти съ этого мѣста — а между нами говоря — сколько бы крушеній они намъ надѣлали, борясь противъ дьявола, что машину везетъ. Нѣтъ, или имъ здѣсь не жить или и дороги не строй.

— Да вамъ чего? Ну чего вы, Козловъ, распинаетесь, все обошлось миромъ, надо же было кончать эту канитель, нигдѣ не обходилось безъ драмъ, гдѣ только ни проводили дорогу, вотъ меня такъ интересуетъ совсѣмъ другой вопросъ...

Вязьмина интересовали больше всего молоденькія бабы съ холоднымъ, гордымъ видомъ и потупленными глазами.

— Вотъ гдѣ,—говорилъ онъ,—свобода то женская, тутъ, вы только посмотрите, Емеліанъ Ивановичъ,—подталкивалъ онъ исправника,—вѣдь у насъ въ Петербургѣ за гробомъ вдова идетъ и то замѣтитъ, смотрятъ на нее или нѣтъ, и сама нѣтъ-нѣтъ, да и вскинетъ заплаканными глазами, а тутъ мы всѣ для нее, что хмѣль на заборѣ, глазомъ не поведетъ.

— Такъ въ чемъ же свобода то?—обратился къ Вязьмину товарищъ его Павловъ.

— Какъ въ чемъ?—да вся свобода, вся эмансипація женщины зависитъ отъ того, насколько она освободилась отъ половаго рабства.

Исправникъ захохоталъ.

— Да, батенька, здѣсь мужчина хозяинъ, или работникъ, а ужъ полъ въ смыслѣ кавалерства играетъ самую небольшую роль.

Разговоръ сдѣлался общимъ, перешелъ на игривую тему, изъ собравшейся кучки послышались даже остроты и смѣхъ.

— Огонь, огонь!—вдругъ взвизгнулъ кто-то.— Огонь! огонь!—подхватила вся толпа. Инженеры, исправникъ и воинскій начальникъ обернулись. Огненный столбъ вылеталъ изъ трубы наглухо запертаго домика Глазихи, длинные языки огня по-

казались изъ щелей деревянныхъ ставней, лизнули сухую, нагрѣтую іюльскимъ солнцемъ обтеску домика, и весь домъ, какъ гигантская коробка спичекъ, вспыхнулъ, разбрасывая огненныя искры на сосѣдніе заборы и прислоненныя къ нимъ полѣнницы дровъ. Глазиха, вбѣжавъ въ свой домикъ, заперла на внутренніе болты ставни оконъ, дверей, какъ безумная бросилась въ кухню, перетаскала оттуда весь запасъ сухой щепы, дровъ, окружила ими аналой, стоявшій на завѣтныхъ половицахъ, подожгла все сама огнемъ отъ неугасимой лампады и, видя, что пламя занялось, бросилась въ молельню и, упавъ передъ святыми иконами на колѣни, замерла въ фанатической молитвѣ.

Не успѣла команда солдатъ броситься къ дому Глазихи, какъ на краю улочки запылалъ домъ Зайкина. Занялась кузня Орѣшкова, стоявшая на угонѣ, и скоро вся цѣпь береговыхъ домиковъ представляла собою одну сплошную огненную полосу.

Солдаты, полицейскіе, рабочіе, оставивъ теперь на произволъ судьбы хозяевъ береговаго жилья, бросились отстаивать пристани и грузы хлѣба и другаго товара. Когда изъ города донесся первый звукъ набата, а за нимъ загремѣли пожарныя тройки, ни спасать, ни разбирать было уже нечего. Огонь замеръ на берегу, не найдя себѣ болѣе пищи. Побережная улочка выгорѣла, домики сравнялись съ землею. Отчужденіе было кончено...

XIV.

Варнаки гуляютъ.

Поздно вечеромъ, въ день отчужденія, когда Козловъ уже спалъ въ своемъ кабинетѣ, Вязьминъ, въ одной тужуркѣ, вышелъ на дворъ и свистнулъ собакъ. Откуда-то, съ третьяго двора, Шайтанъ отвѣтилъ ему радостнымъ лаемъ, и черезъ минуту мохнатая сѣрая масса уже вилась и ластилась у ногъ инженера. Камка не явилась, она или дежурила съ караульнымъ или сладко спала, забившись на сѣновалъ. Вязьминъ приласкалъ собаку и направился въ свой дальній садикъ, расположенный на третьемъ дворѣ. Тихо скрипнула отворенная калитка и жуткая, темная тишина густаго заброшеннаго садика охватила вошедшаго. Вязьминъ любилъ заглохшій садикъ; каждый разъ, когда онъ заходилъ туда покурить и помечтать на уединенной скамейкѣ, въ концѣ густой аллеи акацій, его охватывало особое чувство—оторванности отъ всего міра. Поднявъ голову, сквозь мелкую сѣть спутанныхъ вѣтвей онъ глядѣлъ на звѣзды, и онѣ казались яркими и таинственными. Кругомъ все въ провинціальномъ городѣ покоилось раннимъ, глубокимъ сномъ, ни шума, ни даже малѣйшаго шороха не доносилось до него.

Какое-то отреченіе отъ всѣхъ земныхъ мыслей охватывало его душу и наполняло ее чувствомъ одиночества. Нервы его молчали, покой замѣнялъ обычное теченіе эгоистичныхъ мыслей, и онъ только всѣмъ своимъ существомъ впивалъ невыразимо грустную прелесть лѣтнихъ сѣверныхъ ночей.

Но если случайно Вязьминъ дотрогивался до какой-нибудь вѣтки дерева, надъ нимъ раздавались испуганные птичьи голоса. Дерево будило дерево, и вся аллея наполнялась шорохомъ испуганно трепетавшихъ крыльевъ, нѣжнымъ щебетаньемъ, острыми криками. Въ темной ночи аллея казалась сказочнымъ царствомъ, въ которомъ деревья жили, двигались и сообщали другъ другу какія-то таинственно страшныя сказки.

Взволнованный картиною, которую пришлось ему днемъ наблюдать на береговой улочкѣ, Вязьминъ не могъ заснуть и, зайдя въ свой садикъ, онъ съ нервнымъ возбужденіемъ отыскалъ въ концѣ тёмной аллеи свою любимую скамейку у забора и сѣлъ на нее. Шайтанъ, покрутившись нѣсколько минутъ на пескѣ, улегся у самыхъ ногъ его. Вязьминъ нащупалъ рукою портсигаръ въ боковомъ карманѣ и только что хотѣлъ вынуть его, какъ Шайтанъ, толкнувъ его въ колѣни, вскочилъ и глухо зарычалъ. Сердце Вязьмина забилось. — „Tout beau!“—крикнулъ онъ собакѣ, но Шайтанъ, обнюхавъ дорожку, вдругъ съ гнѣвнымъ рокотомъ бросился впередъ, повернулъ въ запущенную часть сада и залился громкимъ, злобнымъ лаемъ.

Стараясь овладѣть встревоженными нервами, Вязьминъ громко засвисталъ собаку. Шайтанъ вернулся, весь дрожа, прижался къ его ногамъ и

снова съ бѣшенымъ лаемъ бросился въ кусты. Казалось, онъ чуялъ врага, который и пугалъ его и возбуждалъ его собачій гнѣвъ. Не имѣя при себѣ оружія, ни даже палки, Вязьминъ, стараясь идти не спѣша, спокойно вышелъ изъ аллеи, повернулъ направо и съ облегченнымъ сердцемъ, снова скрипнувъ калиткой, вышелъ на дворъ. Уже подойдя къ своему крыльцу, онъ едва досвистался Шайтана, который наконецъ таки прибѣжалъ къ нему, все еще дрожа, повизгивая и скаля зубы на невидимаго врага. Дернувъ призывной колокольчикъ, Вязьминъ дождался пока пришелъ караульный Абдулка, приказалъ ему взять фонарь и осмотрѣть садъ.

Абдулка пошелъ за фонаремъ въ кучерскую, растолкалъ сладко спавшаго Семена, и оба они съ фонаремъ отправились въ садъ. Вязьминъ поднялся на крылечко и, не отгоняя отъ себя Шайтана, отказавшагося слѣдовать за Абдулкой, прошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ у окна, открытаго на улицу. Необъяснимое предчувствіе какой-то бѣды сжимало его сердце; впервые жуткое чувство страха охватило его. Темнота города, не имѣющаго нигдѣ фонарей, тяжелое безмолвіе немощенныхъ, густо высоренныхъ одубиной, улицъ, на которыхъ шаги отдаются только глухимъ шорохомъ, вой сторожевыхъ собакъ — все въ этой чуждой непріязненной ночи разстроило его нервы. Самое объясненіе Абдулки, увѣрявшаго, что въ саду были только кошки, напугавшія Шайтана, не удовлетворило Вязьмина и только подъ утро онъ, наконецъ, легъ въ кровать и забылся сномъ тяжелымъ и мучительнымъ, какъ кошмаръ.

Не успѣлъ Шайтанъ выскочить изъ сада на повелительный свистъ Вязьмина, какъ изъ густыхъ кустовъ бурьяна и крапивы вылѣзла высокая темная фигура, за нею поднялась вторая и безъ словъ, махая длинными руками, нырнула въ темную аллею акацій. Послышался тупой шлепъ валеныхъ сапогъ, и два человѣка, одинъ за другимъ, вставъ на скамейку, перепрыгнули черезъ невысокій заборъ Игнашкина сада и очутились въ сѣромъ, безлюдномъ пустырѣ. Не двигаясь съ мѣста, прижавшись къ забору, они выждали короткій поверхностный обыскъ сада Абдулкою и Семеномъ. Небо заволокло темными мохнатыми тучами, и вѣтеръ, предвѣщая дождь, пробѣжалъ въ густыхъ вѣтвяхъ липы и акаціи садика, разостлался по пустырю, набралъ сухаго песку, сорнаго вереска, заклубилъ его, бросилъ въ низенькія окна одинокаго домишка, стоявшаго на пустырѣ, и помчался дальше по широкой, сѣрой, безконечной дорогѣ.

Два человѣка, прижавшіеся къ забору, отдѣлились отъ него и, тихо шурша валенками, направились къ домику. Одинъ всталъ, прижавшись вплотную къ самой двери, другой остановился подъ окномъ. Два волка, инстинктъ которыхъ былъ бы возбужденъ жаждой крови, такъ же мало нуждались бы въ переговорахъ, какъ и эти два человѣка, безмолвно и согласно вышедшіе на разбой.

На высокой перинѣ съ грудой темныхъ ситцевыхъ подушекъ, подъ ватнымъ одѣяломъ изъ безчисленныхъ пестрыхъ лоскутковъ шелка, спали Хаимъ и Гесся—хозяева одинокаго домика; въ

сѣняхъ, свернувшись калачикомъ на тоненькомъ матрасѣ, покрытая своимъ же платьемъ, спала красавица Лія. Дробный стукъ съ перебоемъ по наружной ставнѣ окна дошелъ до чуткаго уха Хаима.

— Эге!—сказалъ старый еврей и приподнялъ съ подушки свою трепанную рыжую голову. Стукъ повторился, сохраняя тѣ же условные промежутки. Рядомъ съ головой Хаима поднялась сѣдая голова жены его Гесси.

— Эге!—сказала и старая еврейка, и оба, нагнувъ голову въ сторону окна, стали слушать продолжавшуюся дробь осторожныхъ ударовъ въ ставень.

— Свои,—кивнулъ головою еврей и запустилъ всю пятерню въ голову, соображая, сколько у него еще дома вина.

— Взгляни, Хаимъ, въ ставень, сколько ихъ тамъ,—посовѣтовала еврейка, кутаясь въ свое ватное тряпье.

Хаимъ, отыскавъ подъ кроватью драныя головки сапогъ, одѣлъ ихъ на босыя ноги, натянулъ на свои острыя плечи засаленный кафтанъ, не спѣша подпоясался темнымъ ситцевымъ платкомъ, бокомъ, какъ не разъ битая собака, осторожно приблизился къ окну и припалъ глазомъ къ сердцевидному отверстію ставня.

— Одинъ какъ есть, только признать не могу,—проворчалъ онъ.

— Изъ незнакомыхъ такъ выстукивать не станетъ. Ты гляди, варнакъ или изъ „бѣляковъ“.

Старуха сердито завозилась. Хаимъ, молча, еще разъ прильнулъ къ ставню.

— Лія, а Лія, вскинься, отвори дверь, да цѣпь не снимай, Лія!—Но дѣвочка, разметавшись въ крѣпкомъ снѣ, ничего не слыхала, и мать, ворча, зашаркала сама къ двери.

Стоявшій за дверью подался глубже за уголъ, а стучавшій въ ставень подвинулся и остановился за полшага отъ порога. Осторожно, понемногу, какъ бы зѣвая, дверь пріоткрыла свою черную пасть. Въ ней бѣлесоватымъ пятномъ обрисовалась фигура Гесси, державшей зажженный фонарь; за нею, вытянувъ шею, стоялъ Хаимъ.

— И что отъ насъ надо людямъ ночью и въ такую темную пору? — спрашивала осторожная еврейка стоявшаго передъ ней человѣка.

— Аль не узнали?—спокойно, не мѣняя позы, спросилъ пришедшій.—Съ Пагубы пришелъ, давно-ль Ежевскимъ бѣлякамъ Хаимъ дверей не отворяетъ? Илью кузнеца знаешь?

Хаимъ отстранилъ жену и прижалъ свое острое рыжее рыло въ самую щель двери.

— И зачѣмъ только по ночамъ шататься, развѣ нельзя дѣла днемъ дѣлать?

— Днемъ? Ну, такъ прощай жидъ, жди пока днемъ „бѣляка" у себя повидаешь, а я тѣмъ временемъ „темное" на Городище къ Абрамкѣ снесу.—И говорившій повернулся спиной къ домику.

— Н-ну, не уходить же доброму человѣку отъ моихъ дверей. И что Абрамка дастъ? И зачѣмъ сердиться?

За дверями лязгнула цѣпь, человѣкъ, притаившійся за угломъ дома, протянулъ свою громадную лапу и, ухватившись за наружную щеколду двери, распахнулъ ее во всю ширь. Передъ изумленными

евреями нежданно появились двѣ темныя фигуры, которыя ворвались въ домикъ, прихлопнувъ за собой тяжелую входную дверь.

Въ дрожавшей рукѣ еврейки запрыгалъ фонарь, и свѣтлыя пятна огня, вырываясь сквозь прорѣзи жести, пробѣжали по лицамъ вошедшихъ людей. Хаимъ и Гесся поняли, что передъ ними не Ежевскіе „бѣлые“ волки, кабацкіе загуляи, зачастую сбывавшіе у нихъ отрѣзанные съ возовъ цибики чая или тюки краснаго товара, а варнаки, бѣглые гости съ далекой, темной тайги, пришедшіе по сѣрой пыльной дорогѣ, что безконечно змѣится за одинокимъ домикомъ.

Видалъ на своемъ вѣку Хаимъ всякаго народа, случалось ему и съ варнаками дѣло имѣть, и битъ онъ былъ „смертнымъ боемъ“, и изъ-подъ ножа живымъ уходилъ, а тутъ вдругъ захолонуло сердце его, и изъ быстро захлопнувшейся двери дохнуло не него ровно ледянымъ, смертнымъ дыханіемъ...

Минуту, или секунду, или гораздо болѣе, четверо людей, два противъ двухъ, стояли не шевелясь. Варнаки осматривались въ темнотѣ чужаго имъ дома, евреи же, какъ овцы, въ расплохъ застигнутыя кровожаднымъ хищникомъ, потеряли на мгновеніе не только сознаніе опасности, страхъ смерти, но даже чувство самосохраненія.

Еврейка опомнилась первая и вдругъ завизжала высокимъ, обрывавшимся голосомъ.

— Отвори дверь, Хаимъ, отвори скорѣе, пусть идутъ къ Абраму, зачѣмъ насильно врываться, зачѣмъ двое, когда одинъ говорилъ, зачѣмъ...

— Кончай бабу,—прохрипѣлъ вдругъ высокій, черный, очевидно руководившій предпріятіемъ, и вырвалъ у старухи изъ рукъ жестяной фонарь.

— Самъ посвѣчу, вѣрнѣе будетъ.

Сверкнулъ, попавъ въ лучъ свѣта, небольшой, отточенный ножъ, который выхватилъ изъ-за валенки бѣлобрысый, молчаливый варнакъ, и старая еврейка, не договоривъ своего вопроса, безъ крика, почти безъ стона осѣла на полъ. „Хлюпъ, хлюпъ, хлюпъ"... послышалось съ полу какое-то клокотанье и вдругъ кровь горячимъ фонтаномъ брызнула изъ перерѣзаннаго горла на стѣну и въ самое лицо нагнувшагося надъ нею убійцы. Стонъ Гесси и паденіе ея тѣла ударили по нервамъ оцѣпенѣвшаго Хаима, и отвратительная дѣйствительность съ смертнымъ страхомъ сознательно мелькнула въ его умѣ. Нагнувъ голову, онъ, какъ звѣрь, бросился подъ ноги черному варнаку, который, поскользнувшись въ кровавой лужѣ, потерялъ равновѣсіе, упалъ на полъ, ударившись головою и загородивъ собою дверь.

Хаимъ, понявъ невозможность выскочить въ наружную дверь, опрометью бросился въ заднюю комнату и изо всѣхъ силъ захлопнулъ за собою дверь. Теперь ему оставалось только продернуть внутренній желѣзный засовъ, и онъ былъ бы спасенъ. Но руки его тряслись, какъ тряслась и прыгала его длинная узенькая бородка.

Какъ подавленный кошмаромъ, Хаимъ хваталъ желѣзную полосу и тянулъ ее не въ ту сторону, сердце его билось, вотъ-вотъ сейчасъ будетъ спасенъ... Засовъ, какъ заржавленный, не двигался въ своихъ пазахъ и... дверь распахнулась подъ

напоромъ бѣлобрысаго дѣтины. Хаимъ турманомъ полетѣлъ въ противуположный уголъ.

Черный варнакъ всталъ, пощупалъ голову и, съ помутившимся отъ злости и боли лицомъ, бросился также во вторую горницу, спальню старыхъ евреевъ. Тамъ на столѣ, въ пустой бутылкѣ, горѣлъ огарокъ, зажженный разбуженными евреями. Черный, отыскавъ глазами притаившагося въ углу, за кроватью, Хаима, шагнулъ къ нему и, съ бѣшеной злобой схвативъ еврея за густые, рыжіе вихры, приподнялъ его отъ полу и потрясъ въ воздухѣ.

— Духъ выпущу, коли пискнешь, жидовское мясо! Гдѣ деньги?

Хаимъ глядѣлъ, какъ затравленный волкъ. Сознаніе вернулось къ нему. Въ минуту смертельной опасности, хитрость и нажитый опытъ помогли ему опомниться. Онъ вдругъ заговорилъ почти спокойнымъ голосомъ.

— И зачѣмъ убивать людей? Кто на такой проклятой дорогѣ жить станетъ? Хаимъ, одинъ Хаимъ. Кто пригрѣетъ, накормитъ и спрячетъ варнака? Хаимъ. У кого и стаканъ водки, и грошъ для бѣглаго человѣка найдется? У Хаима. Зачѣмъ же его убивать? Денегъ дать можно. А вина? Вина сколько хочешь. — У Хаима блеснула надежда напоить варнаковъ.

— Сами знаемъ, гдѣ водку хоронишь. Придетъ время, достанемъ: Гдѣ деньги, жидъ? — „Черный“ снова шагнулъ къ нему и вдругъ обернулся. — Ты чего? — крикнулъ онъ бѣлобрысому, снова бросившемуся въ переднюю комнату.

Переговоры стариковъ съ варнаками сквозь по-

луоткрытую дверь разбудили Лію. Привыкшая къ ночнымъ посѣщеніямъ бродягъ, она только глубже задвинула за громадный пузатый комодъ свою тощую постельку и снова свернулась на ней калачикомъ.

Но когда варнаки ворвались, она, вся дрожа, привстала въ углу на колѣни и, вытянувъ свою тонкую шейку, глядѣла сквозь щель за комодомъ.

Какъ малиновка, увидавшая на краю своего гнѣзда голову змѣи, она замерла, загипнотизированная, безъ мысли, безъ силы шевельнуться или крикнуть. Убійство матери произошло такъ быстро, что она едва поняла случившееся.

Когда Хаимъ сбилъ съ ногъ Чернаго и бросился самъ въ сосѣднюю комнату, куда за нимъ метнулись и убійцы, Лія все еще стояла на колѣняхъ и тупо глядѣла впередъ. У самаго потолка, сквозь крошечное волоковое окно, проскользнулъ лучъ мѣсяца и трепетной серебряной полоской легъ на черную лужу крови, освѣтивъ знакомые ей желтый лобъ съ правильно изогнутыми темными бровями и глаза, казавшіеся Ліи двумя черными дырами. Дѣвочка не могла оторвать своего взгляда отъ трупа матери; шумъ споривших голосовъ, угрозы Чернаго, увертливые отвѣты отца доходили до нее только безсмысленнымъ гуломъ, но вотъ нѣсколько разъ повторенное слово „инженеръ" вдругъ ударило по ея больному мозгу, и она стала прислушиваться.

Хаимъ выкрикивалъ: „тутъ не большая дорога, тутъ люди живутъ, инженеръ рядомъ, у него караульные, кучера, работники, инженеръ услышитъ крикъ, вамъ же горе будетъ, тогда куда убѣжать?

кругомъ пустырь; на версту человѣка видно, зачѣмъ убивать, Хаимъ добромъ подѣлится...“

Лія вслушивалась въ отцовскіе выкрики, и вчерашняя встрѣча на улицѣ, ласковые, синіе глаза инженера воскресли передъ ней. Убили мать, убьютъ отца, надо бѣжать, искать спасенія, вѣдь „онъ“ тутъ близко, сосѣдъ, только бы добѣжать, разбудить... Вся дрожа, она встала съ колѣнъ, тѣло убитой еврейки загораживало ей дорогу, секунду она остановилась, затѣмъ, закрывъ глаза руками, шагнула черезъ трупъ, и, не оглядываясь, вздрагивая голыми плечами, неслышно, какъ тѣнь, еле дыша, скользнула къ двери и стала тихо-тихо тянуть ее къ себѣ. Вотъ уже образовалась крошечная щель, на Лію пахнулъ теплый, лѣтній воздухъ, въ глаза блеснула большая, яркая звѣздочка, она потянула еще дверь, старый корявый войлокъ, обивавшій ее внизу, зашуршалъ и... Лію грубо схватила какая-то страшная рука, подняла на воздухъ, и черезъ секунду бѣлобрысый великанъ Иванъ Рассейскій внесъ ее въ комнатку, гдѣ еврей, желая протянуть время, соблазнялъ „Чернаго“ деньгами и виномъ, и грозилъ инженеромъ. Хаимъ, при видѣ Ліи, крикнулъ и присѣлъ на корточки; онъ нарочно кричалъ громко и говорилъ объ инженерѣ, давая тѣмъ знать дочери, куда бѣжать за спасеніемъ; теперь всѣ надежды его рухнули; при видѣ своего ребенка на рукахъ у варнака острая боль рѣзнула его по сердцу, онъ вдругъ выскочилъ изъ своей засады и бросился съ кулаками на Ивана Рассейскаго, какъ тощая, хохлатая деревенская наседка бросается, не соразмѣря своихъ силъ, на коршуна.

— Не тронь ребенка, не тронь, отпусти,—завизжалъ онъ, вцѣпляясь тонкими, крючковатыми пальцами въ плечо варнака. Но „Черный" снова схватилъ еврея за волосы и какъ мѣшокъ отбросилъ его въ дальній уголъ; Хаимъ, ударившись о кровать, растянулся безъ памяти на полу. „Черный" схватилъ со стола свѣчу и освѣтилъ личико Ліи. Широко открытые газельи глаза дѣвочки встрѣтились съ вспыхнувшимъ взоромъ двухъ маленькихъ, черныхъ, глубоко сидѣвшихъ глазъ.

— Давай!—протянулъ онъ руку и дотронулся до голаго, смуглаго, гладкаго плечика Ліи; инстинктивно дѣвочка отбросилась всѣмъ своимъ трепетнымъ тѣломъ, прильнула къ груди Ивана Расейскаго и тонкими похолодѣвшими ручками обвила его шею.

— Давай дѣвку! — снова потянулся за нею Черный.

— Не тронь!—вдругъ рявкнулъ Ванька и съ бережною нѣжностью уже самъ прижалъ къ себѣ дѣвушку. Странное, непонятное чувство вдругъ шевельнулось въ груди разбойника. Смутно онъ вспомнилъ что-то далекое, забытое и, прижавъ къ своей могучей груди хрупкую ношу, улыбнулся широкой, глупой улыбкой.

— Небось, птица, не обижу,—проговорилъ онъ, отстраняя Чернаго. Въ тяжеломъ мозгу его, залитомъ кровью и водкой, вдругъ, какъ молнія блеснула картина далекаго, прошлаго дѣтства. Мальчишкой, бѣлоголовымъ Ванькой, онъ какъ-то шапкой накрылъ у себя въ огородѣ, убѣгавшую по межѣ, молодую куропатку; схвативъ ее руками, онъ почувствовалъ теплое тѣльце, глад-

кія перышки, на ладони его трепетало и билось крошечное птичье сердечко, два черные глазка испуганно глядѣли на него, ему вдругъ стало жаль звѣрюшки. „Небось, птица, не обижу", — сказалъ онъ тогда и, отпустивъ куропатку, глядѣлъ какъ та, переваливаясь, трепеща крылышками, бѣжала, бѣжала и пропала изъ глазъ его, слившись съ сѣрыми комьями земли.

Гладкія руки дѣвушки, шибко стучавшее на его груди сердце, вдругъ воскресило воспоминаніе, и черезъ двадцать лѣтъ онъ безсознательно проговорилъ ту же фразу, подъ напоромъ того-же чувства жалости.

„Небось, птица, не обижу", повторилъ онъ еще разъ и, замѣтивъ маленькую дверь за изголовьемъ кровати, около которой все еще лежалъ оглушенный ударомъ Хаимъ, Иванъ шагнулъ къ ней и толкнулъ ногою, дверь подалась, и онъ внесъ Лію въ крошечный темный чуланчикъ, гдѣ евреи держали свой разный скарбъ.

„Сиди, птица, запрись, коли можешь". Онъ осмотрѣлъ каморку безъ оконъ и нашелъ, что бѣжать изъ нее невозможно; спустивъ дѣвушку съ рукъ, онъ усадилъ ее на какой то ящикъ. „Небось, птица, не тронутъ", и еще разъ широко, глупо улыбнувшись, вышелъ и заперъ за собою дверь каморки.

Недобрымъ взглядомъ встрѣтилъ его товарищъ, но молчалъ. Черный былъ только гіена, онъ по нюху отыскивалъ падаль, могущую служить имъ добычей. Ванька-же, матерый медвѣдь, минутами добродушный, не способный убить щенка завалящаго, подъ его вліяніемъ распалялся, и тогда его

кулачище, громадный, какъ молотъ, громилъ и уничтожалъ все кругомъ.

Заступничество Ваньки, его просіявшее лицо, эта тоненькая красивая дѣвчонка, запертая въ чуланѣ, точно углей горячихъ подбросило въ сердце Чернаго, мозгъ его замутился, жажда крови и мести охватила все его существо; какъ звѣрь бросился онъ на еврея, начинавшаго приподыматься съ полу, онъ схватилъ его за горло и началъ душить. Еще не опомнившійся отъ удара, Хаимъ боролся безсознательно, конвульсивно, махая передъ собою худыми, крючковатыми пальцами; безкровная голова его съ глазами вышедшими изъ орбитъ, моталась въ рукахъ Чернаго, вся его худая безжизненно-покорная фигура, напоминала собою падаль, терзаемую разсвирѣпѣвшимъ волкомъ.

— Буде рвать-то, не видишь что-ль, что порѣшилъ человѣка, чего лютовать надъ упокойникомъ. Слышь, оставь!—заревѣлъ Ванька, распаляясь гнѣвомъ въ свою очередь и, бросившись на Чернаго, поднялъ надъ нимъ свой громадный, волосатый кулакъ. Черный опомнился и швырнулъ, на этотъ разъ уже бездыханное, Хаимово тѣло.

— Стервятникъ, какъ есть вранъ стервятникъ, отъ падали не отдерешь. Затѣмъ что-ль сюда пришли, чтобъ кровью упиться? Свѣтать учнетъ, а мы здѣсь лодаря бьемъ. Блазнилъ виномъ и деньгами, показывай гдѣ?—приступилъ Ванька къ Черному.

— Годи,—прохрипѣлъ Черный и, проведя рукавомъ по вспотѣвшему лбу, оглянулся кругомъ, затѣмъ нагнулся подъ кровать и вытащилъ оттуда небольшую укладку, обитую желѣзомъ, съ крѣпкимъ замкомъ. Ванька, какъ медвѣдь, облапилъ

тяжелый сундукъ и, засунувъ въ его щель стальное зубило, понатужился и отодралъ всю крышку.

Вскорѣ обѣ комнатки, составлявшія внутренность одинокаго домика, были перерыты варнаками, какъ нора крота, на которую напали ищейки. Въ углу, на грязномъ сосновомъ столѣ, стояла громадная, почти уже пустая бутыль водки, лежали остатки пирога и жареной рыбы, а возлѣ грудой возвышались: мѣдь, серебро и пачки засаленныхъ кредитокъ, связанныя бичевками. Эти деньги Черный нашелъ зашитыми въ перину, изъ которой онъ догадался выпустить пухъ. Варнаки ходили по грудѣ пуха, какъ по толстому, бѣлому ковру и, какъ хлопья снѣга, отдѣльныя пушинки вились и летали по всей комнатѣ; мѣстами пухъ, намокшій въ пролитой водкѣ, комьями липкой грязи приставалъ къ подошвамъ ихъ валенокъ; широкая кровать выставила на показъ свои грязныя доски, съ наваленною на нихъ грудою тряпья.

Варнаки, разодравъ холщевыя простыни, дѣлали себѣ изъ нихъ прочныя котомки, укладывая туда деньги, бѣлье и платье. Этого хламу, очевидно, заложеннаго евреямъ, были груды въ разныхъ ящикахъ и укладкахъ. Ванька былъ пьянъ, широкая, плоская рожа снова пріобрѣла идіотскую ясность, улыбка то и дѣло раздвигала толстыя, отвислыя губы, онъ моталъ рукою по направленію двери чулана, въ которомъ заперлась Лія и бормоталъ безсвязно: „небось, птица, не тронутъ, а что таперича мы жида съ жидовкой ухлопали, къ примѣру твоихъ тятеньку съ маменькой, такъ безъ этого нельзя; душа въ нихъ, значитъ, поганая, что паръ, и теперь-ли пыхнула, изъ тѣла,

апосля-ли по собственнымъ обстоятельствамъ, все едино.... а ты, птица, крестись... въ хрестьянскую вѣру переходи, право слово, крестись...“ И Ванька грузно поднялся, чтобы идти къ чулану и все это сказать самой дѣвочкѣ. Но Черный не выдержалъ: съ глазами, налитыми кровью, набросился на товарища. „До свѣту что-ль здѣсь валандаться будемъ,—злобно зашипѣлъ онъ,—въ гулюшки играть собираешься? аль сосѣдей на посѣдки ждешь? Айда въ дорогу!“—И, взваливъ котомку на плечи пьянаго Ивана, захвативъ свою, онъ вытолкалъ его изъ комнаты. Иванъ, на порогѣ выходной двери, запнулся о трупъ еврейки и полетѣлъ бы, если бы злобная рука Чернаго не удержала его.

— Чортъ толстопятый, валитъ какъ медвѣдь, пути не видитъ, — выругался онъ.—Идемъ.

Варнаки вышли изъ входныхъ дверей и, какъ волкъ, уносящій на спинѣ добычу, крадучись, прошли въ торчавшій остовъ воротъ, держась забора Игнашкина сада, взяли направо, оставивъ въ сторонѣ сѣрую большую дорогу, достигли крутаго оврага, раздѣлявшаго „Зарѣчье“ отъ „Песковъ“.

Иванъ шелъ грузно, валко, какъ громадный медвѣдь, и хмѣль разобралъ его окончательно; предразсвѣтный вѣтеръ, набѣгая съ боку, казалось, гналъ его въ оврагъ и, оступившись, парень съ глупымъ хохотомъ осѣлъ на самый край крутаго, глубокаго обрыва.

— А будь ты проклятъ, язви тебя, — вдругъ вырвалось изъ груди осатанѣвшаго отъ злости Чернаго и, выхвативъ въ свою очередь изъ-за ва-

ленки короткій ножъ, онъ пырнулъ имъ въ бокъ сотоварища, и Иванъ Рассейскій, не успѣвъ оборвать хмѣльнаго хохота, покатился на дно обрыва.

Вытянувъ шею, весь подобравшись, Черный глядѣлъ внизъ. Тамъ лежала еще ночная тьма, не дававшая разглядѣть даже очертанія упавшаго человѣка. Черный медленно выпрямился, торопливо шагнулъ впередъ и остановился, взглянулъ на небо, туда, гдѣ на окраинѣ уже сѣрѣла ночная тьма, и снова рванулся впередъ... опять остановился, оглянулся назадъ, постоялъ минуту и вдругъ, круто повернувшись, быстро пошелъ къ ограбленной избѣ.

Испуганная на смерть Лія сидѣла, едва дыша, въ тѣсной каморкѣ. Бѣжать было некуда, кричать, звать на помощь не кого. Забившись въ дальній уголъ, она сквозь тонкую дверь ловила напряженнымъ ухомъ обрывки разговора и спора варнаковъ. Не слыша голоса отца, она боялась догадаться объ его участи. Наконецъ, все смолкло, замерли тяжелые шаги уходившихъ людей и хлопнула входная дверь.

Бѣжать! бѣжать! Лія вскочила, а тамъ у дверей убитая мать, опять шагать черезъ ея трупъ? Не лучше-ли подождать? Можетъ отецъ откликнется откуда, а то можетъ уже свѣтаетъ, кто изъ людей толкнется въ домъ,—и Лія, не смѣя шелохнуться, ждала... Вотъ снова что-то стукнуло, зашуршала дверь, ей послышалось тяжелое дыханье запыхавшагося человѣка... „Отецъ, отецъ!" Лія откинула крючокъ и бросилась изъ каморки. Передъ нею стоялъ Черный. Двѣ свѣчи, забытыя варнаками, догорали въ бутылкахъ,—ихъ трепет-

ное, мигающее пламя легло странными, свѣтлыми пятнами на лицо Чернаго. Глаза его горѣли, какъ угли, ротъ и черная густая борода лежали однимъ темнымъ пятномъ.

Съ глухимъ стономъ шарахнулась отъ него дѣвочка. Варнакъ подхватилъ ее, сжалъ въ жадныхъ лихорадочныхъ объятіяхъ все трепещущее, тоненькое тѣло, молча внесъ въ комнату и молча швырнулъ на доски разрытой отцовской кровати...

Легкій утренній вѣтерокъ гналъ туманъ, подымавшійся съ земли, рвалъ его и уносилъ вверхъ, какъ клочки фантастическаго ночнаго покрывала, сѣрая мгла рѣдѣла. Ближайшіе предметы вырисовывались опредѣленнѣе, заборъ, кудрявыя деревья, свѣсившіяся съ него, высокая крыша съ конькомъ на домѣ Игнашкина, приняли болѣе рѣзкіе контуры; на небѣ одна за другою потухали звѣзды, точно, невидимый въ своемъ полетѣ, ангелъ тушилъ небесныя лампады.

На востокѣ вспыхнула огненная линія, вздулась въ одной точкѣ, изъ нее брызнули лучи и огненный шаръ, все живя, все освѣщая кругомъ, медленно выплылъ изъ-за пурпурныхъ облаковъ; поднялся и сталъ надъ просыпавшейся землей. Ожили деревья Игнашкина сада, каждая вѣтка акаціи задрожала подъ трепетомъ крошечныхъ крыльевъ, и воздухъ сразу огласился щебетомъ, пѣніемъ, высокою трелью жаворонка, повисшаго въ воздухѣ, и нѣжнымъ говоромъ налетѣвшихъ голубей.

Ласковое, теплое солнце, равнодушное къ радости, горю, къ страстямъ и преступленіямъ человѣка, освѣтило остовъ воротъ, перекинутую че-

резъ него веревку и на ней тонкій, все еще граціозный дѣвичій трупъ повѣшенной Ліи...

Свѣсились темные, длинные кудри, закрыли страдальческое дѣтское личико; шевелитъ вѣтеръ кудрями, играетъ, обвиваетъ ими страшно вытянутую тонкую шейку. Смуглыя ручки безсильно висятъ вдоль тѣла. Изъ подъ красной коротенькой юбки видны маленькія босыя ножки. Дверь домика открыта настежь, въ комнаты забрели чужія куры и, съ жаднымъ инстинктомъ голода, бродятъ спокойно по кровавымъ слѣдамъ, съ клохтаньемъ набрасываясь на крошки и куски хлѣба, оставшіеся отъ трапезы варнаковъ.

Александръ Павловичъ Вязьминъ проснулся рано и съ удивленіемъ приподнялъ голову. На дворѣ стоялъ какой-то странный, непривычный гулъ голосовъ, слышенъ былъ топотъ куда-то бѣжавшихъ людей, въ открытое окно его спальни врывались восклицанія и отдѣльныя, неимѣвшія смысла, фразы, и вдругъ среди всей суматохи онъ уловилъ протяжный, жалобный вой своей собаки. Тоскливое предчувствіе чего-то ужаснаго охватило молодаго человѣка, онъ вскочилъ и началъ быстро одѣваться, когда дверь его комнаты распахнулась и вошелъ Козловъ.

— Чортъ знаетъ, что за сторонка! Вы ничего, Вязьминъ, не слыхали?

— Нѣтъ, а что? Пожаръ, что-ли?

— Какой пожаръ! Убійство, батенька, въ двухъ шагахъ отъ насъ. Знаете домокъ на пустырѣ?

— Ну?

— Такъ вотъ ночью, оказывается, варнаки вырѣзали цѣлую семью: еврея, еврейку и...

— И... — Вязьминъ едва выговорилъ этотъ звукъ, губы его побѣлѣли, языкъ высохъ: неужели убили Лію, маленькую, тоненькую Лію, съ которою онъ болталъ вчера за воротами?

— И... дѣвчонку ихъ,—продолжалъ Козловъ,— совсѣмъ ребенка повѣсили на воротахъ передъ домомъ. Мерзость!

Козловъ плюнулъ, выругался и вышелъ изъ комнаты. Вязьмина трясло. Едва застегнувъ тужурку, онъ выскочилъ на дворъ, пробѣжалъ оттуда въ садъ и въ глубинѣ аллеи изъ акацій вскочилъ на скамейку, стоявшую у забора.

Передъ нимъ снова лежалъ пустырь, на немъ одинокій, какъ брошенный съ неба, маленькій домикъ, за нимъ, сливаясь съ горизонтомъ, вилась безконечная, сѣрая дорога, а передъ домикомъ на уцѣлѣвшемъ остовѣ воротъ висѣло что-то тонкое, беззащитно жалкое. Онъ понялъ, что то былъ трупъ маленькой красавицы Ліи. Какъ безумный Вязьминъ глядѣлъ на красную юбочку, горѣвшую яркимъ пятномъ подъ лучами веселаго, лѣтняго солнца; машинально онъ взглянулъ на заборъ, потомъ на скамейку и ясно увидѣлъ слѣды чужихъ грязныхъ ногъ.

Вязьмину вдругъ ясно стало, что именно здѣсь, въ этомъ саду, скрывались вчера убійцы.

Что если бы вчера онъ не струсилъ малодушно, а взявъ револьверъ, вернулся бы съ людьми въ садъ? Можетъ быть, убійство не случилось бы и Лія была жива.

„Лія, маленькая Лія, Фелицата"!

Вязьминъ опустился на скамейку, припалъ грудью къ столу и вдругъ неожиданно для самаго

себя зарыдалъ; не выдержали тонкіе, балованные нервы суровыхъ картинъ насилія и смерти.

За заборомъ гулъ голосовъ становился все гуще и гуще, народъ прибывалъ толпами и, окруживъ домикъ, стоялъ, глядя на висѣвшій трупъ, на открытую дверь, куда уже проникли полицейскія власти.

ГЛАВА XV.

Иванъ Россейскій.

— Стой, робята!—Небольшая артель землекоповъ, вышедшая съ расвѣтомъ на работу по линіи желѣзной дороги, остановилась.

— Что те попритчилось, Степанычъ?—спросилъ вожака рыжій парень, шедшій рядомъ.

— И то померекалось,—ажно стонъ... и то стонъ, братцы, слухайте!

Кучка землекоповъ сбилась у края глубокаго оврага, откуда ясно слышались перемежающіеся стоны.

— Ой, не чисто дѣло, робята, знать варнаки и впрямь эту ночь гуляли, тамъ жидовъ прирѣзали, а тутъ какаго прохожаго порѣшили.

Рыжій парень Сашка легъ на животъ и свѣсился кудрявой головой въ оврагъ.

— Степанычъ! ровно вѣдмедь тамъ урчитъ и полозаетъ!

— А ты покличь, съ чаго тутъ черной немочи *) быть, не рука, да и стонетъ по человѣчьи.

— Дядя, ай дядя? добрый человѣкъ откликнись, чаго стонешь?

*) По сибирски медвѣдь.

Шевельнувшаяся на днѣ фигура приподнялась и приняла въ глубокомъ оврагѣ громадныя, нечеловѣческія очертанія.

Сашка отпрянулъ отъ края и вскочилъ на ноги.

— Боязно, робята, должно „самъ“ елозитъ тамъ огромадный, страшенный и на человѣка не схожъ.

— У, дурень, заячья душа! рази „самъ“ станетъ послѣ пѣтуховъ на землѣ сидѣть, а стонать то ему съ чаго? Аль бо тамъ быкъ свалёнъ; вотъ у Крутороговыхъ намеднясь варнаки украли бычка чернаго, такъ поджилки ему перерѣзали; а онъ всетаки разбодалъ ихъ да на брюхѣ въ огородъ уползъ, тоже дуры бабы думали: „самъ“ у нихъ межъ грядъ захоронился.—Степанычъ нагнулся самъ надъ оврагомъ.

— Эй! православный, откликнись коли спасенія хочешь! аль расшибся?

Изъ оврага послышались стоны, перемѣшанные со словами, смыслъ которыхъ было трудно распознать, но за то теперь Степанычъ различалъ мохнатую голову и громадную человѣческую фигуру.

— Сашка бѣги назадъ къ жидовской хатѣ, тамъ еще исправникъ и команда, скажи ты, молъ, нашли въ оврагѣ не то убитаго, не то самого погубителя жидовскихъ душъ; всяко бываетъ, може порѣшилъ съ ними ограбилъ, да самъ съ того такъ улюлюкался, что и дороги не нашелъ, жиды то вѣдь по тайности виномъ торговали. Ягоръ, ты посторожи здѣсь, а ужъ мы на работу, околачиваться-то тоже здѣсь нечего!

— Нѣтъ, ужъ я тоже одинъ не останусь, мы

артель, значитъ иль всѣ остаемся, коли случай такой вышелъ, иль вмѣстяхъ уйдемъ, чаго меня выдѣлять въ сторожа.

— Эхъ сутырить *) ты ловокъ, артель? Знаю артель, да я то кто тебѣ, старшой, али нѣтъ?

— Старшой, а все-жъ артель, какъ канались тебя въ начальство ставить, ты хрестъ цѣловалъ, все вмѣстяхъ, не одного не покидать изъ артели.

— Во, дурья голова! Иванъ! останешься что-ль сторожить?

Иванъ черномазый парень, почесалъ голову.

— Ягоръ правду баитъ, чаго отъ артели отбиваться, чаго я здѣсь караулить стану?

— О, чтобъ те ободрало, ишь олухи, нехристи!

— Чаго лаешься? старшому не подобаетъ, потому артель все вмѣстяхъ!—заговорили въ кучкѣ, да и уйти теперь нельзя пока Сашка не оборотится, опять же и зачинать работать безъ него нельзя, потому артель, при расчетѣ, какъ его прогулъ вычтешь, а мы на него не батраки.

Степанычъ махнулъ рукой, въ силу артельнаго начала онъ понималъ, что они правы, да ужъ случай-то такой особый выпалъ. Онъ снова прилегъ на край оврага.

— Человѣче, лѣзь что-ль на верёхъ мы те подтянемъ. Я те спущу, что ни-на есть въ подмогу. Братцы, нѣтъ-ли у насъ веревки, иль сажени съ собой.

— Брось, Степанычъ! не дѣло затѣваешь,—остановилъ его Тихонъ, старый и бывалый работникъ.—Не знашь что-ль, что до начальства не

*) Сутырникъ-спорщикъ.

моги вызволить удавленника изъ петли, аль поворошить убитаго. Тронешь, а кровь на тебя канетъ, вотъ потомъ и уясняй, что не ты убивалъ, и будутъ видѣть, что не ты убилъ, да все-жъ на допросъ затаскаютъ, потому—кровь...

— Вѣрно твое слово! мы что—сторона, возжаться намъ съ полиціей не рука, дали знать—подождемъ Сашку, да и айда. Человѣкъ-то никакъ побывшился!

Нагнулись рабочіе, смотрятъ въ оврагъ, а туда ужъ прокрался свѣтъ утренній и всѣмъ ясно видна стала грузная, неподвижная фигура человѣка.

— Отойдемъ, робята, чего вклепываться!—Степанычъ отошелъ на дорогу, а за нимъ и вся артель. Не сложны были мысли каждаго, да и не близокъ былъ имъ человѣкъ, погибавшій, можетъ быть, на ихъ глазахъ. Чужая, непривѣтная сторонушка, чужіе, суровые люди кругомъ, а этотъ може и варнакъ еще бѣглый, упаси Господи! Сами они всѣ Володимірцы, гости нахожіе, дѣло ихнее работать, да собравъ гроши на зимній хлѣбушко, назадъ вернуться.

— Бягутъ!—замѣтилъ одинъ, и головы всѣхъ обернулись къ городу. Впереди легкой рысью лупилъ Сашка, боявшійся больше всего чтобы артель не ушла безъ него; за нимъ бѣглымъ шагомъ трусили два полицейскихъ солдата и толстый урядникъ.

Урядникъ, добѣжавъ до оврага, хотѣлъ что-то крикнуть артели, да задохся, махнулъ рукой, захлебнулся воздухомъ и, весь багровый, кашлялъ минутъ пять, затѣмъ перевелъ духъ и началъ ругаться отборной сибирской руганью...

— Пойдемъ робята, не то ихъ урядное благородіе на смерть заругается.—Артель двинулась дальше.

— Стой!—заревѣлъ урядникъ.—Какъ смѣешь уходить, помогай, вытаскивать, гдѣ веревки... Эй люди!

Отъ артели отдѣлился Степанычъ.

— Не ладно такъ-то твое благородіе горланить, мы те не люди, мы желѣзно-дорожная артель и намъ работать съ часовъ надоть, валандаться намъ не приходится, такъ, по хрестьянству, потому на вороту хрестъ, дали мы тебѣ знать объ убивственникѣ, а теперь прощенья просимъ, у насъ начальство свое анженерное.—И отвѣсивъ поклонъ, не отвѣчая ни на крикъ, ни на ругань, артель двинулась дальше и скоро совсѣмъ скрылась за перелѣскомъ.

Долго возился урядникъ пока вытащилъ изъ глубокаго оврага почти безчувственнаго Ивана Рассейскаго, посылалъ въ городъ за помощью, спускалъ двухъ солдатъ внизъ, обвязалъ веревкой громаднаго парня, причемъ тотъ два раза сорвался и, какъ туша безжизненная снова скатился на дно, наконецъ, всего окровавленнаго, избитаго изодраннаго, вытащили и положили передъ лицомъ пріѣхавшаго исправника.

Поглядѣлъ на него Емельянъ Иванычъ орлинымъ своимъ взглядомъ и велѣлъ ему лить изъ ведра холодную воду на голову.

Вылили ведро. Хоть те что. Вылили второе очухался и глаза пріоткрылъ; грязь и кровь смылись съ его морды и исправникъ зорко оглядѣлъ парня.

— Знаю! вотъ имя не припомню, а знаю я эту образину; годъ тому назадъ прогоняли его черезъ нашъ городъ, была у него нога засѣчена, такъ отъ партіи до другой пролежалъ въ нашемъ госпиталѣ; парень силы страшной, а тихій, смирный. А! вотъ и докторъ! Павелъ Семенычъ, осмотрите парня, изъ рва достали, что съ нимъ такое, расшибся самъ пьяный, или тутъ преступленіе?

Подоспѣвшій докторъ тутъ-же на мѣстѣ осмотрѣлъ Ивана. Ножъ чернаго угодилъ ему подъ лопатку, но только скользнулъ по ребру, рана была порѣзная, не глубокая, но какъ летѣлъ грузный парень въ оврагъ, то хватился головой о камень. Черепъ у Ивана былъ должно не нѣжнѣе медвѣжьяго, а потому, не смотря на то, что верхніе покровы были раскроены, голова осталась цѣла. Много потерялъ Иванъ крови и долго лежалъ во рву въ безпамятствѣ, но коли не вышла изъ тѣла душа его этою ночью, то ужъ теперь, въ умѣлыхъ рукахъ Павла Семеныча, нечего было и думать о смерти.

— Что? можетъ онъ говорить? — спросилъ исправникъ. Докторъ кликнулъ фельдшера, наложилъ на раны первыя перевязки, благо догадливый фельдшеръ, позванный на мѣсто убійства, захватилъ кой что съ собою; затѣмъ далъ Ивану понюхать спирту, потеръ виски и парень окончательно пришелъ въ себя.

— Здорово, парень! Знакомы чать съ тобой! Какъ звать-то тебя?! — спросилъ исправникъ, подходя и нагибаясь къ Ивану.

— Иванъ Трофимовъ, по прозвищу Рассейскій,—машинально отвѣтилъ тотъ.

— Такъ, вѣрно, не врешь, теперь вспомнилъ. Кто тебя ножемъ отъ пырнулъ?

— Ножемъ?—Иванъ помолчалъ.—Вѣрно твое слово, ножемъ пырнутъ я?

— Вотъ чудакъ малый, вѣрно-ль? Да подъ лопатку-то тебя кто, какъ корову мясникъ, хватилъ?— Съ кѣмъ шелъ-то?

— Съ кѣмъ шелъ? — переспросилъ Иванъ. Медленно, но сознательно заработали мысли пришедшаго въ себя парня. Въ тяжеломъ мозгу прояснилась картина вчерашняго убійства, „птица“, запертая въ чуланѣ, пьянство, дорога, толчекъ, острая боль, а дальше... ночь темная.—А! Каинъ треклятый! такъ ты во какъ!—воскликнулъ онъ мысленно и налитыми кровью глазами оглядѣлся кругомъ. Чернаго не было, знать не нымали, убѣгъ. Годи падаль, отъ меня не уйдешь!

— Не припомню, кажись, никого со мной не было, ваше вскродіе!—отвѣчалъ Иванъ, узнавъ наконецъ исправника.

— А жидовъ при дорогѣ, ты порѣшилъ?

Еще разъ Иванъ оглянулся кругомъ, какъ медвѣдь попавшій въ капканъ. Значить крышка пришла, не вывернешься!.. и путать не сталъ.

— Мое дѣло жиды, значитъ...

— Съ кѣмъ былъ?

— Съ кѣмъ былъ?—снова переспросилъ Иванъ и помолчалъ, своеобразная честь бродяги не позволяла ему выдать товарища. Все равно, молъ, рано-ль, поздно-ль снова столкнемся и счеты свои сами сведемъ...

— Одинъ былъ... одинъ и порѣшилъ ихъ!—

мрачно и апатично отвѣтилъ Иванъ и сталъ смотрѣть въ сторону.

— Ну, а дѣвчонку зачѣмъ замучилъ и повѣсилъ? Иль креста на тебѣ отъ роду не было!? Вѣдь ребенокъ совсѣмъ еще!

Иванъ уставилъ глаза на исправника. Хотя онъ не понялъ еще смысла сказаннаго, но дрожь уже прошла по его тѣлу.

— Каку-таку дѣвченку?

— Ту, еврейскую дочку, зачѣмъ убилъ, что она тебѣ?

Иванъ вдругъ рванулся и вскочилъ на ноги, весь дрожа, блѣдный, лязгая зубами онъ глядѣлъ на исправника.—Птицу? птицу говоришь убили?

— Не птицу, чего мелешь, дѣвочку, дочь еврейскую придушили, да на воротахъ повѣсили.

— Покажь! покажь! Глазами должонъ видѣть. Идемъ, веди меня туда, Христа Бога ради дозволь видѣть!

— Можетъ онъ идти докторъ? Дойдетъ онъ?

Докторъ взялъ Ивана за руку и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Дойдетъ, вѣдь это богатырь, а теперь въ этомъ возбужденіи онъ, чортъ знаетъ, чего еще натворить можетъ. Прикажите обыскать его.

Ивана обыскали, за валенымъ сапогомъ его нашли ножъ, онучи какъ и вся одежда, были въ крови, но была-ли то кровь его жертвъ, или текла она изъ его собственныхъ ранъ—кто зналъ!

Громадный парень стоялъ смирно, глаза его, добрые, какъ у израненной собаки, не отрывались отъ лица исправника.

— Твой ножъ?!

— Мой, мой, вишь у меня?

— Имъ что-ли еврейку рѣзалъ?

— Имъ, имъ самымъ, вишь въ крови... Покажи что-ль птицу, то бишь, дѣвочку... идтить можно?— молилъ онъ.

— Есть еще что при тебѣ?

— Да вотъ, не знаю, кажись „голышь оглушный“, *) еще въ пазухѣ былъ, да должно выкатился. Идемъ чтоль, ваша милость...—Все отдамъ, волоса ничьёго не трону, идемъ только, ваше вскродіе.

Двинулись въ путь, съ каждымъ шагомъ силы Ивана казалось крѣпли, съ полъ дороги онъ уже не шатался, а весь подался впередъ, словно вся душа его стремилась скорѣе увидѣть, узнать то, что такъ страшно томило и волновало его.

Вѣсть о томъ, что ж. д. рабочіе схватили на дорогѣ варнака, уже сообщилась народу, собравшемуся вокругъ еврейскаго домишки. Досужіе люди, жадные до кровавыхъ случаевъ, бѣжали по дорогѣ присоединяясь къ солдатамъ, сопровождавшимъ Ивана. Когда вся эта галдящая толпа показалась у поворота дороги, къ ней прихлынула новая масса любопытныхъ.

Увидя громаднаго дѣтину со всклокоченными волосами и перевязанной головой, полураздѣтаго, замараннаго кровью, бабы заревѣли, мущины глухо заволновались: „Пымали, пымали душегуба-

---

*) Гладкій камень, которымъ оглушають жертву.

·! Ведутъ, ведутъ къ трупамъ!—послыша-
ꙅсюду.

Коли онъ порѣшилъ—кровь у убитыхъ на
выдетъ!—оралъ кто-то.

Подъ дѣвку-то, подъ дѣвку проводите его,
онъ побывшилъ *) ее, ни въ жисть не
ти ему подъ ейными ногами; не пропуститъ
го—кричалъ другой.

анъ шелъ, ничего не слыша, все также стра-
глядя впередъ. Вотъ и поворотъ на право,
уголъ нависшей, какъ бы съѣхавшей съ
ка, громадной крыши, вотъ... Передъ Ива-
показались столбы отъ воротъ... На пере-
инѣ еще висѣлъ трупъ Ліи; вѣтеръ игралъ
ыми кудрями и мѣрно, ласково покачивалъ
ое тѣло дѣвушки.

е то ревъ, не то стонъ съ такой дикой силой
вался изъ груди Ивана, что кругомъ его от-
нулись люди. Парень протянулъ руки впередъ,
ɪесся, упалъ на колѣни и прильнулъ головой
землѣ... Иванъ Рассейскій, душегубъ, бѣглый
накъ въ первый разъ въ жизни рыдалъ, ры-
ъ захлебываясь, шепча со стономъ: птица ты
, птица, не ухоронилъ я тебя!

— Кается, кается! У! каторжникъ, варнакъ,
ѣльникъ, будь ты проклятъ, разрази тя Мати-
ступница!—слышалось въ толпѣ.

Отдѣльныя кучки людей стали напирать на
дать.

— Назадъ!—зычно крикнулъ исправникъ.—На-
дъ! оголтѣлые!—заоралъ онъ еще разъ, высту-

*) Убилъ.

пая грудью передъ Иваномъ.—Поднять его!—обратился онъ къ солдатамъ, ввести въ избу,—и обернувшись къ доктору добавилъ.—Голову прозакладываю, что это не его работа.

Проходили дни длинные, пустые, перемежали ихъ ночи малосонныя, а Иванъ Рассейскій все еще содержался въ тюремномъ госпиталѣ. Дознаніе объ убійствѣ евреевъ тянулось, Иванъ не называлъ помощника, а исправникъ упрямо искалъ его. Раны Ивана зажили, да, какъ злая женка, привязалась къ нему лихоманка трясучая и извела парня. Волочитъ онъ ноги, худой, желтый, молчаливый, быть рѣчь потерялъ и только если кто съ умысломъ, иль невзначай заговоритъ при немъ объ убійствѣ жидовъ, потемнѣетъ онъ въ лицѣ, сожметъ зубы, на щекахъ обозначатся кости скульныя, нижняя челюсть выдвинется и лицо озвѣрѣетъ, ажно страшно станетъ тому, кто съ нимъ въ разговоръ вступилъ.

А въ городѣ все пошаливаютъ, рветъ и мечетъ исправникъ Емельянъ Иванычъ, а подѣлать ничего не можетъ, обокрали кладовыя купчихи богатой Елисѣевой, да вѣдь какъ хитро, подъ деревянными уличными мосточками канаву прорыли, и все ее добро ночами повытаскали, убили какую-то старушонку, жившую одиноко на окраинѣ и торговавшую небезвыгодно штучными мѣхами, и всякій разъ дѣло было чисто, улики на-лицо, а душегуба ни слѣда. Зналъ Иванъ, чей грѣхъ то былъ, зналъ онъ и логово, гдѣ Черный притонъ держалъ, больно хорошо сошло ему съ рукъ

убійство евреевъ, и Ивана онъ к...
быть прослышалъ, что боленъ онъ
крѣпкимъ замкомъ. Охъ какъ трудно б...
языкъ за зубами держать и исправнику н...
нуть о томъ, что зналъ и только потому молчалъ...
что крѣпко держался надёжи встрѣтиться съ Черным рано или поздно, лицомъ къ лицу въ лѣсу дремучемъ и подъ небомъ Божьимъ свести съ нимъ свои счеты. Только наканунѣ того дня, какъ у Нефедовыхъ дѣвишникъ былъ назначенъ, смутилось совсѣмъ сердце Иваново, прослышалъ онъ отъ сторожа госпитальнаго, что исправнику былъ данъ слухъ, что варнаки хотятъ воспользоваться дѣвишнымъ праздникомъ въ домѣ и очистить кладовыя Нефедовскія. Всю ночь не спалъ Иванъ, не ѣлъ и наконецъ потребовалъ дежурнаго.

— Вотъ что, милый человѣкъ, доложи ты господину исправнику, значитъ, Амельянъ Иванычу, что хочу я съ нимъ по откровенности поговорить, очень, т. е. важное дѣло собщить хочу, да не мотай только душу мою, проси его, чтобъ тоись скорѣй.

Черезъ часъ пріѣхалъ въ больницу Емельянъ Ивановичъ, позвалъ въ отдѣльную комнату Ивана; вошелъ паренъ и въ ноги ему поклонился.

— Ну что, надумалъ, Иванъ Рассейскій, аль сообщника назвать хочешь?

— Вотъ что я тебѣ скажу, Амельянъ Иванычъ, господинъ исправникъ, прослыхалъ..., что хочешь ты сегодня на поимку воровъ, значитъ, йдти, возьми ты меня съ собой, вотъ те Христосъ, помогать стану, не токмо не убегу, что песъ вѣрный карау..ить буду, сдается мнѣ, что тотъ самый душегубъ, что ту... т... Иванъ потупился и весь

пая грудью перед знаешь, птицу повѣсилъ, орудовать
тился онъ къ вотъ я его тово...
нувшись къ что того? Твое дѣло только указать
дываю, да помочь намъ изловить его.

Иванъ молчалъ.

— Слышишь?

— Слухаю, слухаю, такъ что-жъ, ваше скродіе, возьмете что-ль меня?

— Такъ значитъ, не ты въ дѣвочкѣ повиненъ? Снова потемнѣлъ и понурился Иванъ.

— Самъ знаешь.

— Ну а еврейку?

— Сказывалъ, я евреевъ тронулъ.

— Такъ вѣдь ужъ не легче тебѣ наказанье-то будетъ, тоже воровство съ душегубствомъ.

— Што мнѣ буде твово ума дѣло, а што я сдѣлалъ, аль не сдѣлалъ моя душа знаетъ—Иванъ смолкъ и сталъ глядѣть въ сторону; исправникъ подумалъ, побарабанилъ кольцами по столу.

— Ну, инъ ладно, готовься, какъ стемнѣетъ зашлю за тобой, а что ты насчетъ побѣга.....

— Не убѣгу, мое слово крѣпко. Спаси тя господи, Амельянъ Иванычъ, и въ первый разъ что-то въ родѣ улыбки, мелкнуло на истомленномъ лицѣ Ивана.

ГЛАВА XVI.

Дѣвья баня.

…пескахъ, въ угловомъ домѣ средственныхъ …енныхъ заводчиковъ Нефедовыхъ уже нѣ…ко дней стоялъ зазвонистый пиръ. Матрена …ьевна и Иванъ Тихонычъ Нефедовы играли …ръ дочери своей Маремьяни съ молодымъ …омъ—желѣ…зникомъ Тетеркинымъ т. е. соб…но даже у… не сговоръ, такъ какъ и руко… и смотрины отбыли, роспись съ приданымъ …дому вручили, подарки приняли и день свадь…азначили, а сегодня пиръ касался одного …каго пола, то была Маремьянина послѣдняя …я баня и дѣвишное угощеніе. Мущинъ всѣхъ …ца Ивана Тихоныча и сыновей его, Маремья…ихъ братьевъ, Евграфочку и Семушку и дѣ…ку Мокея Си…нтьича и кучера и работни…, кого удалили на тотъ день въ гости, кому …ли держаться своихъ хороминъ и не пока…ться, не смуща… игръ дѣвичьихъ, забавъ и

…нь невѣстиныхъ …ей, подъ руководствомъ дош…ъ бѣлой стряпу…ы, что жила на покоѣ и стряпки Акимов…ны, оказіяхъ у купцовъ стря…ко при большихъ

пала, три помощницы орудовали засучивъ рукава.

Подруги-дѣвушки въ парадныхъ горницахъ ставили столы и убирали ихъ всякими лакомыми заѣдками, а Матрена Яковлевна въ боковой горенкѣ устроила для матерей и тетокъ угощеньице изъ сладкихъ винъ, наливочекъ, медовъ сыченыхъ, штучекъ домашнихъ и разныхъ соленыхъ и маринованныхъ прикусочекъ. Но изъ всѣхъ дѣлъ, первымъ стояло дѣло банное, „мытницы" *) подымя хвосты, бѣгами по двору, изъ дому въ баню и обратно.

Банный домикъ Нефедовыхъ стоялъ во второмъ дворѣ особнячкомъ, окруженный какъ изгородью молодыми елочками, внутри его было все чисто и прибрано, какъ въ любой комнатѣ, полки, лавки ясневыя, заново застроганы. Окна въ банѣ со свѣтлыми стеклами, изнутри прикрытыя бѣлыми створками, отдѣльный предбанникъ для раздѣванія, въ которомъ полъ и лавки высланы бѣлой кошмой, а поверхъ прикрыты чистымъ ряднымъ, въ большихъ мѣдныхъ тазахъ березовый щелокъ разведенъ, въ другихъ горой взбита мыльная пѣна. Въ ведрахъ приготовленъ теплый, ароматный мятный и колуферовый квасъ, чтобы имъ паръ на „спорникъ" **) поддавать. На полочкахъ въ банѣ изъ самыхъ молодыхъ березовыхъ вѣтвей вѣники навязанные приготовлены, мыло душистое, казанское для тѣла, яичное для лица и тонкія желтенькія мочалки.

*) Прачки.
**) Каменка въ банѣ.

То и дѣло въ баньку забѣгали дѣвицы—подружки узнать, готово ли, и, наконецъ, мытницы внесли въ подбанникъ столъ и на тарелочкахъ разложили груды моченыхъ яблокъ, брусники и морошки, да поставили стаканы, бутылки съ разными ягодными и фруктовыми водами для желанной охоты и прохлажденія. Во дворѣ послышалось гуды и пѣнье, прерываемое смѣхомъ. Затопали рѣзвыя ножки, и болѣе десятка подругъ хлынуло въ баню, увлекая съ собою и невѣсту Маремьянушку. Маремьянушка была не то чтобы красавица, а дѣвушка добротная, обѣщавшая быть мужу женою и дѣткамъ маткою. Бѣлая, гладкая, что рѣпка молодая, щеки алыя, глаза темные, косы толстыя, длинныя, грудь высокая, на лебяжій пухъ нѣжная, бѣлъ розовый атласъ, говорливая, что гусли переливчатыя, смѣшливая, норовомъ кроткая, сердцемъ добрая. Положенъ, для порядка и прилику слѣдовало-бы дѣвушкѣ въ банѣ поплакать надъ красой дѣвичьей, повыть надъ косой своей трубчатой, да больно женихъ завидный, — Андрюша Тетеркинъ и собой хорошъ, и рѣчистъ, и съ достаткомъ, выглядѣлъ, и они давно другъ друга, — съ дѣтства домами знакомы были и теперь оба въ задатъ свадьбы ждали. Тутъ не до слезъ!

И банька, и дворъ весь, и садъ густой Нефедовыхъ полны были смѣха, пѣсень, крика и гама.

Мыли дѣвушки невѣсту, рѣзвились, и приподнявъ край занавѣсочки, зорко выглядывали изъ оконца, чтобы не подошелъ, по обычью, кто къ банькѣ изъ парней знакомыхъ „попугать“, ну,

тогда не прогнѣвайся, кто какъ, накинувъ платьишки, вылетятъ съ разныхъ сторонъ, а ужъ окатятъ парня озорнаго—съ головы до ногъ. На этотъ разъ, какъ на грѣхъ, не на комъ и шутокъ шутить, въ зарѣчьи, у богатѣевъ Круторроговыхъ вечеръ назначенъ былъ и вся молодежь съ женихомъ туда и отправилась. У богатѣевъ Круторогвыхъ было три сына, старшій Ванюшка родился, когда еще отецъ его на „кобылкѣ" *) собственными кулаками кожи мызгалъ. Тоненькій, съ большими мечтательными глазами, Ванюшка до юношества за безсильность, да тихость свою выдержалъ не мало трепокъ отъ отца. Спасаясь отъ гнѣва отцева въ ватныхъ юбкахъ староверокъ-бабушекъ и тетушекъ онъ пристрастился къ ихъ тихому келейному житью. Всѣ его радости сосредоточились въ тайныхъ молельняхъ, гдѣ пахло роснымъ ладономъ, гдѣ мигая, какъ усталыя очи ангеловъ, горѣли катанки желтаго воску и гнусливо, на распѣвъ, читались длинныя молитвы, вызывавшія въ душѣ его мистическіе образы.

Ученъ Ванюшка былъ на мѣдныя деньги и дальше старыхъ священныхъ книгъ не пошелъ.

Дѣла Круторогова росли, ширились, вмѣсто одной кобылки на дворѣ заводишка поднялся, въ домѣ родились еще два мальчика Гришенька, да Яшенька, ребята веселые, своевольные, начавшіе съ 9-ти лѣтъ учиться уже у настоящаго учителя; самъ Круторогвъ къ тому времени уже сбрилъ себѣ бороду, отъ старины отшатнулся, примкнулъ

*) Козлы для растягиванія кожи.

въ Питеръ ѣздить,
ъ, сталъ заручился круп-
ьми снюхался, младшихъ сыновей
подрядомъ и гимназію, всему го-
покончили отдалъ.
въ университетъ всему покорилась,
ровна, жена его, жить какъ су-
ову долу и стала бабушки, да на
ть. Погнѣвались время пришло, а тету-
ерли какъ Круторогихи, отреклись отъ
самой прэклиная новше-
а и глухо ропча, флигеречкахъ и еще
сь въ своихъ фанатически предан-
привязали къ себѣ бороться съ но-
рой вѣрѣ Ванюшку. было три „науки“
ка попробовалъ двѣ, проштрафился какъ-то
яніемъ, да выдержавъ денегъ на одной
юшки, запилъ, и совсѣмъ отрѣ-
растратой товара дѣлъ, запилъ за-
егородскихъ ярмарокъ большаго дома въ
отъ всякихъ отцовскихъ *).
перешелъ жить изъ „бѣлой стряпущей“
около день, какъ у Не-
вшись рано въ тотъ Ванюшка вспом-
справляли дѣвишникъ, сегодня справляютъ
и у нихъ въ домѣ изъ универси-
пиршество, вернувшіеся вздумавшіе чество-
пенька и Яшенька, Андрюши Тетеркина.
лвку друга ихъ вдругъ и осѣнило.—
юсь Ванюшкѣ, да седмица, разрѣшав-
онъ, что то была

———

кая кухня.

шая вино и елей. Вскочилъ онъ съ узенькой жесткой кровати своей, плеснулъ въ лицо себѣ свѣжей водицы. Прочелъ уставный началъ, затѣмъ трижды поклонился иконѣ Алексѣя Мурина, хранящаго человѣка отъ виннаго запоя и повернулъ его къ стѣнѣ въ знакъ того, что на время бдительность его упраздняется и.... разрѣшилъ, а разрѣшивъ вспомнилъ, что у Нефедовыхъ дѣвишникъ, вдругъ задумалъ пренебречь зваными отцовскими гостями и отправиться къ Нефедовымъ, Маремьянѣ Ивановнѣ конфектъ свозить. Никому Ва̀нюшка не сказалъ о своемъ намѣреніи. Надѣлъ онъ атласный черный халатикъ, вродѣ подрясника, на голову шапочку, позвалъ караульнаго татарина и велѣлъ какую ни на есть лошадишку запречь себѣ,—молъ прокатиться пришла охота. Подали ему къ крыльцу линеечку, сѣлъ на нее бочкомъ Иванушка, ножки на подногу поставилъ, запахнулъ полы халатика, засунулъ руки рукавъ въ рукавъ и затрусилъ на водовозной пѣгинькой въ городъ. Всѣ знали Ва̀нюшку, всѣ знали коней выѣздныхъ Круторогорскихъ, а потому никого не удивлялъ чудачный его выѣздъ.

На горѣ татаринъ „затпрукалъ“ лошадь и та остановилась передъ большимъ бакалейнымъ магазиномъ Черемухина. Два прикащика выбѣжали за дверь и смотрѣли на Ва̀нюшку, а Ва̀нюшка, склонивъ головку на бокъ, дремалъ и даже носомъ посвистывалъ.

— Хозяинъ, а хозяинъ! Иванъ Артамонычъ, бачка! — будилъ его татаринъ, повернувшись на козлахъ и тряся его одной рукой за плечо.

— Цыцъ, проклятикъ! — крикнулъ онъ на ка-

...о юркую шавку, вывернувшуюся изъ подъ
...ъ и ярос...но кидавшуюся въ самую морду
...ли. Лошад... дернула, Ванюшка клюнулъ но-
...и навѣрн...ка вылетѣлъ бы на дорогу, кабы
...рикащик..., бросившись къ линейкѣ, не под-
...ли его.

Иванъ ...ртамонычъ, пожалуйте!
...юшка о...крылъ глаза.
Шишъ, ...язви васъ, чего въ рожу лѣзете? Не
чтобъ христосоваться.
...ачка, къ магазеи пріѣхали, — наказывалъ

...юшка вспомнилъ, улыбнулся и сталъ паль-
...анить одного прикащика.
...одь, милый человѣкъ, сюды, вотъ что, лю-
...кій мой, вынеси ты мнѣ фунтишка три
...обертышныхъ отъ Трабля или кого дру-
...сковскаго, да коробку позатѣйней, да въ
...ъ мармелада, шеколада, ну еще тамъ ка-
...зьяго „финтафанта", да положи у кучера.
...ъ, касатикъ? Да вотъ еще что, денегъ у
...ратъ, съ собою—ау! Маменькѣ потомъ
...едоставишь. Чать Круторогиху знаешь?
...зи такъ подать, чтобы папенька неви-
...е люблю спросовъ.
...щикъ, хорошо знавшій съ кѣмъ имѣетъ
...рылся въ лавку, а Ванюшка снова за-
...и уже очнулся только во дворѣ у Не-

...ать незваннаго, нежданнаго, рѣдкаго го-
...а на крыльцо сама Матрена Яковлевна.
...авствуй, Матрена Яковлевна, добродѣ-
...ющая, бѣднымъ и убогимъ сиротамъ по-

мощница, смиреніемъ, како жемчугомъ украшенная, кума моя и душевная родственница! — запричиталъ Ва̀нюшка.

— Здравствуйте, Иванъ Артомонычъ, здравствуйте, батюшка!—отвѣчала ему привѣтливо хозяйка, знавшая его привычку, ласковости ради, всѣхъ звать кумой.

Ва̀нюшка слѣзъ съ линеечки, а татаринъ подалъ ему объемистый кулечекъ гостинцевъ.

— Зачѣмъ безпокоиться изволили, Иванъ Артамонычъ, что за приношенія такія, довольно конфузливо мнѣ и принимать-то, — гость вы рѣдкій, а завсегда съ гостинцами.

— Не тебѣ, кума, не уросься *), Маремьянѣ Ивановнѣ конфетишки привезъ, да такъ жемочки для подругъ ея. Гдѣ-жъ дѣвицы-то всѣ?

— Да... Евграфочка и Семушка, должно полагать, на вашемъ же Круторoговскомъ дворѣ пируютъ; братецъ твой, Гришенька, вечоръ еще приглашеньицѣ присылалъ, а... дѣвушки-то всѣ... въ саду дальнемъ... извѣстно день у нихъ сегодня такой... дѣвишный.

— Сёмъ-ка я въ садъ пройду!—расхрабрился вдругъ Ва̀нюшка.

— Не ходи, родненькій, не трожь дѣвокъ, у нихъ свои теперь пѣсни, да игры, даже мы, — матери къ нимъ не вклеиваемся.

— Я, Матрена Яковлевна, особь статья, я, значитъ, чтобы все по старинѣ, въ порядкѣ, я даже указать могу. Я всѣмъ въ такихъ случаяхъ наука.

*) Уроситься—упрямиться.

Ванюшка двинулся въ садъ, а старая Нефедова только посмотрѣла ему вслѣдъ и рукой махнула,—не обезсудь, молъ, самъ на издѣвку дѣвичью лѣзешь.

Изъ сада Ванюшка прошелъ на дворъ и спокойно зашагалъ къ банькѣ. Крѣпко зналъ онъ обычай и рѣшилъ „попугать".

Олюшка Тетеркина, женихова сестра, востструха и своебытница, первая подглядѣла и узнала Ванюшку, въ мигъ тревога была дана всѣмъ дѣвушкамъ быстрѣе птицъ перелетныхъ, накинули онѣ на себя платьишки и въ ту минуту, какъ Ванюшка, съ хитрымъ видомъ, хоронясь подъ оконницей, протянулъ руку и хотѣлъ побарабанить по стеклу, двери открылись съ двухъ сторонъ и съ бани и съ предбанника, вылетѣла гурьба дѣвушекъ и съ десятокъ полныхъ шаекъ моментально вылилось на голову свѣтъ-Ивана Артамоновича, сына Круторогова.

Крѣпокъ былъ атласъ халатика, а ниточки сухой не осталось на Ванюшкѣ. Далеко отлетѣла съ него шапочка, волосики намокли и, что у утопца, повисли по личику, длинными, тощими прядками, худой, да высокій весь онъ облипъ, что палка и такая обида вдругъ закипѣла въ сердцѣ его, что схватилъ онъ кирпичъ накаленный, лежавшій тутъже на скамеечкѣ и пустилъ имъ въ окно.

Визгъ, крикъ, брань дѣвья поднялась въ банѣ, а Ванюшка, подобравъ полы халатика, дулъ на въѣзжій дворъ, навалился на свою линеечку и какъ былъ, безъ шапки, крикнулъ татарину, неуспѣвшему еще уйти изъ-подъ навѣса, ѣхать домой.

Выскочила снова на крыльцо Матрена Яковлевна и ахнула—сидитъ Ва́нюшка, какъ утопецъ, на линеечкѣ и знай татарина погоняетъ, а вода ручьями бѣжитъ съ него, съ подножки льется и по двору слѣдъ оставляетъ.

Гурьбой, съ шумомъ, смѣхомъ и дѣвичьей веселой бранью вернулись дѣвушки изъ Нефедовской бани. У всѣхъ на языкѣ одинъ Ва́нюшка. Простить ему не могутъ брошеннаго кирпича,—шутка-ль сказать,—чуть Маремьянушку не зашибъ, в-о-о-о-т-ъ какъ близко пролетѣлъ, въ лохань шмякнулся и вода фонтаномъ взметнулась. Какъ вспомнятъ дѣвушки, какъ обливали Ва́нюшку, какъ бѣжалъ онъ, такъ и покатятся со смѣху. Забрались подруги въ невѣстину комнату. Смѣлая Олюшка Тетеркина утащила изъ молодецкой гитару и стала представлять цыганъ, что слышала въ Ирбитѣ на ярмаркѣ.

Одна, другая, подхватили напѣвъ и пошла общая хоровая. Въ большой гостинной комнатѣ сидятъ маменьки и тетушки, одна передъ другой щеголяютъ самоцвѣтными камнями и брилліантами, у иныхъ надѣто по три, по четыре брошки подрядъ, всѣ пять пальцевъ унизаны кольцами, шея обмотана золотыми венецейскими цѣпями изъ тонкихъ золотыхъ колецъ, большихъ и гладкихъ, какъ обручальныя, хитро переплетенныхъ между собой, съ массивными золотыми „фэрмулярами", какъ старая Икониха фермуары зоветъ.

Сидятъ, судачатъ, перемываютъ косточки, перетапливаютъ жирокъ отсутствующихъ, не забывая изрѣдка и другъ другу „правду-матку" отрѣзать, посчитаться за прежнія провинности.

ютъ въ мушку, да въ рамсъ, „цифирь" пи-
е всѣ, а потому три провѣряютъ ту, которая
ваетъ, считаютъ долго, со спорами, да благо
ость, мужчины-то дома остались, — некому
хаться и вышить по малости можно, — оно
ительно, и куда какъ вольготно въ своей
ми.

ра и конюха пріѣзжихъ давно отпущены во
потому хозяйка рѣшила, что незачѣмъ имъ
рывать, да подслушивать за своими хозяй-
развезутъ всѣхъ по домамъ и на своихъ
хъ. Своя-же прислуга вся уже поужинала
двухъ караульныхъ спать полегла. А ка-
тоже спять за воротами, потому празд-
домѣ и за ужиномъ ихъ ублаготворили.
ще не выпущены и тихо, жалобно под-
въ своихъ темницахъ. Шумно и весело
изъ всѣхъ оконъ въ прорѣзи ставень
огни. Изрѣдка, сквозь быстро открываю-
захлопывающуюся дверь вырвется ак-
ры или трель веселаго смѣха.
вому настилу тихо ходитъ мѣсяцъ, при-
уя тѣни крышъ, заборовъ и свѣсив-
хъ кудрявыхъ деревъ, и ничье сердце
сутствія незванныхъ, страшныхъ го-
ухо не слышитъ потайной воровской
громадной „завознѣ", ворота которой
льшой желѣзный замокъ, ключъ отъ
тъ въ каморкѣ довѣренной экономки
рукъ не покладая работали двое

не сѣло, какъ уже въ Нефедов-
въ глубокой межѣ между грядами

Выскочила снова на крыльцо Матрена ... жали два
левна и ахнула—сидитъ Ванюшка, какъ ... едька Кар-
на линеечкѣ и знай татарина погоня ... ъ за окраину
ручьями бѣжитъ съ него, съ подн... проснется снова
по двору слѣдъ оставляетъ. ... ползетъ по землѣ,

Гурьбой, съ шумомъ, смѣх... туманомъ, какъ на
селой бранью вернулись ... мѣсяцевы дѣтки—
ской бани. У всѣхъ на ... мигая на землю гля-
Простить ему не могу... рѣзвымъ голосамъ дѣву-
шутка-ль сказать,— ... бани домой, дождались какъ
в-о-о-о-т-ъ какъ бл... въ саду и во дворахъ все
нулся и вода ... смолкло, тогда приподнявшись на
нятъ дѣвушк... они по огороду до самой
жалъ онъ, ... потомъ безъ труда, по навыку, вы-
подруги ... стѣны завозни двѣ широкія доски и
Теперк... осмотрѣлись, обсидѣлись, затѣмъ,
пред... туда, за боковую стѣнку, примыкавшую къ
ярм... главному подвалу Нефедовыхъ, гдѣ хранились сун-
дуки съ мѣхами и серебромъ запаснымъ.

Федька Карнаухій работалъ когда-то на Нефе-
довскомъ кожевенномъ заводѣ и давно вызналъ
ходы и выходы, мало того, въ ту пору онъ въ
такое довѣріе вошелъ къ Силантьевнѣ, что даже
и въ подвалъ тотъ не разъ съ нею спущался и
отъ нея слыхалъ въ какомъ сундукѣ какое добро
лежитъ.

Товарища у него о ту пору надежнаго не было,
а какъ одинъ на такое дѣло пойдешь?—не спод-
ручно. Живо взломали теперь они два сундука,
перетащили въ завозню серебра не мало: ложекъ,
вилокъ, ножей, тяжелыми пакетами, удобно свер-
нутыми, надежно перевязанными, много ризъ се-
ребряныхъ, кованныхъ съ вѣнцами золотыми ни-

...мъ и убранными каменьями, сня-
...и еще въ Улангерскомъ скиту,
...овой, мать Арина, настоятельни-
раззоряли, да прикрывали скитъ
...е, она иконы древнія неоцѣнимыя
...скіе переправила, а ризы на со-
...дственникамъ своимъ Нефедовымъ
..., не мало дѣдовскихъ кубковъ, ста-
...ь серебряныхъ и золоченыхъ вы-
все связали, сложили въ удобныя

...ими жемчу... ризы бы... ...етка Нефе... ...была, какъ... ...то заран... ...са Кержe... ...ніе къ ср... перевезл... ..., браже... ...и они и

...и.

...удемъ что-ль брать мѣха? — спросилъ

...ъ.

Ну, куды-те, съ мѣхами накроютъ, тащить одного серебреца похватали и буде, не ...

...лика.

...ѣрно. Ты, Федюха, того, справляй пещура ...нѣй, тащить далеко.

...его далеко? Медвѣжатникъ за огородомъ ...гѣ на Саврасомъ сторожитъ, свезетъ небось.

...а кой дьяволъ впущалъ ты сюда Медвѣ-... языкъ, что ..., дѣлись теперь, да и третій помѣха.

...олесо у телѣги, только помѣха. Медвѣжатникъ былъ съ нами какъ ...ельзя. ... не возьми-ка ... мѣховщицу рѣшали, теперь ... стороны, что ...олю, — а дыхни ему кто со ...

...ша рука была.

...ъ ...те Христосъ, зарѣжетъ, то есть, какъ гд...-нигдѣ встрѣтить и побывшитъ. Не, ...вор...ю — плюнь на мѣха, не рука воз-... ...ъ ...ими, въ грядѣ не проползешь, уви-... изъ окна и все пропало. на дѣвишни-... то плевать, пора и ѣхать,

сочныхъ, громадныхъ кочней капусты лежали два придорожныхъ товарища Черный и Федька Карнаухій, лежали и ждали когда зайдетъ за окраину небесную солнышко усталое, когда проснется снова за оврагомъ тѣнь ночная и поползетъ по землѣ, все заволакивая дымчатымъ туманомъ, какъ на небо выбѣгутъ любопытные мѣсяцевы дѣтки—звѣздочки ясныя и станутъ мигая на землю глядѣть. Прислушались къ рѣзвымъ голосамъ дѣвушекъ, бѣжавшихъ съ бани домой, дождались какъ мало по малу кругомъ въ саду и во дворахъ все разошлось и смолкло, тогда приподнявшись на четверинки ползли они по огороду до самой стѣны завозни, потомъ безъ труда, по навыку, вытащили изъ стѣны завозни двѣ широкія доски и пролѣзли туда, осмотрѣлись, обсидѣлись, затѣмъ, принялись за боковую стѣнку, примыкавшую къ главному подвалу Нефедовыхъ, гдѣ хранились сундуки съ мѣхами и серебромъ запаснымъ.

Федька Карнаухій работалъ когда-то на Нефедовскомъ кожевенномъ заводѣ и давно вызналъ ходы и выходы, мало того, въ ту пору онъ въ такое довѣріе вошелъ къ Силантьевнѣ, что даже и въ подвалъ тотъ не разъ съ нею спущался и отъ нея слыхалъ въ какомъ сундукѣ какое добро лежитъ.

Товарища у него о ту пору надежнаго не было, а какъ одинъ на такое дѣло пойдешь?—не сподручно. Живо взломали теперь они два сундука, перетащили въ завозню серебра не мало: ложекъ, вилокъ, ножей, тяжелыми пакетами, удобно свернутыми, надежно перевязанными, много ризъ серебряныхъ, кованныхъ съ вѣнцами золотыми ни-

занными жемчугомъ и убранными каменьями, сняты тѣ ризы были еще въ Улангерскомъ скиту, гдѣ тетка Нефедовой, мать Арина, настоятельницей была, какъ раззоряли, да прикрывали скитъ тотъ, то заранѣе, она иконы древнія неоцѣнимыя въ лѣса Керженскіе переправила, а ризы на сохраненіе къ сродственникамъ своимъ Нефедовымъ тайно перевезла, не мало дѣдовскихъ кубковъ, стакановъ, браженъ серебряныхъ и золоченыхъ вытащили они и все связали, сложили въ удобныя котомки.

— Будемъ что-ль брать мѣха? — спросилъ Черный.

— Ну, куды-те, съ мѣхами накроютъ, тащить грузно, одного серебреца похватали и буде, не мала толика.

— Вѣрно. Ты, Федюха, того, справляй пещура аккуратнѣй, тащить далеко.

— Чего далеко? Медвѣжатникъ за огородомъ въ телѣгѣ на саврасомъ сторожитъ, свезетъ небось.

— На кой дьяволъ впущалъ ты сюда Медвѣжатника, дѣлись теперь, да и третій языкъ, что пятое колесо у телѣги, только помѣха.

— Нельзя. Медвѣжатникъ былъ съ нами какъ старуху мѣховщицу рѣшали, теперь не возьми-ка его въ долю,—а дыхни ему кто со стороны, что здѣсь наша рука была.

— Вотъ те Христосъ, зарѣжетъ, то есть, какъ куренка, гдѣ-нигдѣ встрѣтитъ и побывшитъ. Не, братъ, говорю — плюнь на мѣха, не рука возжаться съ ними, въ грядѣ не проползешь, увидитъ кто изъ окна и все пропало.

— И то плевать, пора и ѣхать, на дѣвишни-

цахъ то подолгу не медлять, того гляди всполыхнутся старухи по домамъ. Айда, впередъ! Неси свой пещуръ, складывай у Медвѣжатника, коли такъ и жди меня, я еще что пошарю.

— Ой, чертъ Черный, опять затѣваешь что недоброе? Скажи лучшай.

— Ну, растабарывай! Сказано ползи и жди, аль меня не знаешь?

— А ну те къ лѣшему! И впрямь, что съ тобой возиться, а только помни, коли что — возжами по соврасому и ждать тебя не стану. Федюха крѣпко привязалъ себѣ на спину пещуръ, вылѣзъ изъ сарая, быстро проползъ въ высокой травѣ и исчезъ въ громадной канавѣ.

За Нефедовскимъ огородомъ, у самаго пустыря стояла сытая, рыжая лошадь, запряженная въ простую телѣгу, въ ней лежалъ на брюхѣ медвѣжатникъ, накрывшись пыльнымъ хлѣбнымъ мѣшкомъ, быть мельникъ, ждущій клади съ ближайшей Нефедовской вѣтрянки, тихонько посвистывалъ въ ожиданіи Федора Карнаухаго. Рыжая лошаденка его съ злой вороватой мордой прядала ушами и время отъ времени вздрагивала, точно предчувствуя и кладь воровскую и погоню, отъ которой ей снова придется удирать во всѣ лопатки.

— Коли теперь, да Черный, сухимъ оврагомъ уползетъ, что по ту сторону огородовъ лежитъ? — разсуждалъ про себя медвѣжатникъ, — завтра же разыщу его и ножъ въ брюхо, потому, значитъ, меня здѣсь, какъ татарина на сторожѣ поставилъ, чтобъ, значитъ, для отвода глазъ. Охъ, жутко! Ладно смерклось, а то здѣсь на голомъ

мѣстѣ, что на ладони торчишь, опять вотъ...—Медвѣжатникъ не договорилъ своей мысли, припалъ на дно телѣги и замеръ, его рыжій заржалъ, тѣмъ особымъ безпокойнымъ, жалобнымъ ржаніемъ, которымъ встрѣчалъ и провожалъ, чужихъ лошадей.

На гнѣдой кобылкѣ, въ легонькой кибиточкѣ, тихонько, не торопясь, по тому-же пустырю ѣхалъ исправникъ Емельянъ Ивановичъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ солдатъ, а на козлахъ другой, бокъ о бокъ съ Иваномъ Рассейскимъ. Сразу Иванъ узналъ и рыжаго, и телѣгу и, не смотря на наступавшую темноту распозналъ медвѣжатника, лежавшаго подъ мѣшкомъ, но и виду не подалъ, и глазомъ не повелъ,—не за той добычей онъ выѣхалъ.

Исправникъ, какъ страстный охотникъ, пущенный по слѣду краснаго звѣря, тоже уже былъ не способенъ на мелкую травлю, и потому совсѣмъ не замѣтилъ одиноко стоявшей телѣги. Еще пыль не улеглась изъ подъ копытъ гнѣдой кобылки, какъ возлѣ Медвѣжатника выросла тѣнь Федьки Карнаухаго.

— Подсобь, что-ль!—услышалъ онъ голосъ.

Откинувъ съ головы веретье, Медвѣжатникъ осторожно глянулъ въ сторону голоса, призналъ Федьку и принялъ изъ рукъ его тяжелую котомку, наполненную серебромъ.

Федька, едва дыша, перекинулся черезъ грядку телѣги, а рыжій, чувствуя своего человѣка и свое „воровское дѣло", стоялъ вытянувшись впередъ, готовый мчаться по первому знаку.

— Видѣлъ?—шепнулъ Медвѣжатникъ.

— Пронесло черта!—буркнулъ Федька, — тутъ въ канавкѣ ухоронился. А видалъ кто на козлахъ?

— Не!

— Иванъ Рассейскій.

— Иванъ!.. — Медвѣжатникъ тряхнулъ возжами, побѣлѣвшіе губы его не выговорили дальнѣйшей мысли, знали они оба, конецъ Чернаго, коли только судьба столкнетъ его съ Иваномъ.

Рыжій мчался какъ вѣтеръ, весело закидывая ногами, безъ указаній возжей, зная свои повороты и свою остановку тамъ, за татарскими юртами, въ корчмѣ кривобокой солдатки Маланьи.

Изъ стряпущей въ горницы Нефедовыхъ бѣжала Матреша, круглолицая, весноватая, бѣлозубая, бѣжала, держа въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ домашней шипучки, да вдругъ, посередь двора, дрогнула, и чуть не выронила изъ рукъ обѣ бутылки, до слуха ея долетѣло протяжное, звонкое мяуканье; тяжело переводя духъ, дѣвушка, остановившись какъ вкопаная, слушала. Должно заблудившійся голодный котъ мяукнулъ еще два раза.

— Онъ!—прошептала дѣвушка и, слегка поблѣднѣвъ, побѣжала въ домъ.

Еще когда Федька Карнаухій служилъ у Нефедовыхъ, его провѣдалъ какъ-то Черный, какъ добрый другъ пріятель; о ту пору у Чернаго были свои дѣла и руки у него не дошли до Нефедовскихъ кладовыхъ, но онъ приглядѣлъ Матрешу, веселость и смѣхъ которой впервые заки-

нули что-то подобное чувству въ сердце разбойника. Съ тѣхъ поръ завязался между ними несложный романъ и всякій разъ, когда Черный могъ вызвать къ себѣ на свиданіе Матрешу, онъ давалъ ей знать условнымъ протяжнымъ мяуканьемъ. Знала-ли Матреша, что милой ея былъ душегубомъ, Богъ вѣсть! Черный даромъ языка не чесалъ, а улучивъ минуту, да найдя укромное мѣсто, крѣпко прижималъ дѣвушку къ своему озлобленному сердцу, горячо цѣловалъ ее, сжигая огневыми очами, не жалѣлъ подарочковъ, а уѣзжая по своимъ тайнымъ дѣламъ, говорилъ ей только: „вернусь, обманешь—зарѣжу“. И Матреша не обманывала.

Выбѣжавъ изъ горницы, Матреша шла тихо по двору, прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

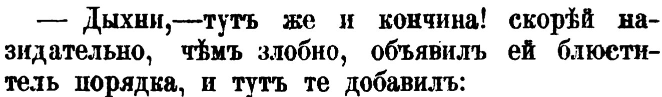
— Мяу!—послышалось не подалеку вправо.

— Мяу! — Дѣвушка ясно поняла, что голосъ шелъ изъ завозни.

— Ишь лѣшой!—засмѣялась она,—ему и замки не преграда! Глянь, гдѣ обитель себѣ нашелъ.— И она еще разъ разсмѣялась, вспомнивъ Силантьевну, берегшую какъ душу ключи отъ завозни.

Мѣсяцъ зашелъ за тучку, Матреша тихо кралась по стѣнкѣ завозни, ловя на звукъ ту лазейку, въ которую звалъ ее милый.

Вотъ еще разъ мяукнулъ влюбленный котъ, дѣвушка прошептала: „здѣсь!“ но не успѣла нагнуться, какъ что-то мягкое, тяжелое закрыло ей ротъ, двѣ сильныя руки подняли ее отъ земли, и она очнулась лежа уже въ коробкѣ исправника. Надъ ней было усатое лицо полицейскаго солдата.

— Дыхни,—тутъ же и кончина! скорѣй назидательно, чѣмъ злобно, объявилъ ей блюститель порядка, и тутъ те добавилъ:

— Ловко! Это я же шапкой морду заткнулъ.

Чуткое ухо Чернаго уловило шорохъ и шумъ, какъ волкъ, попавшій въ западню, метнулся онъ вдругъ въ завозню, и надежный, обоюдоострый ножъ очутился въ его рукахъ. Выхода, кромѣ вынутыхъ досокъ изъ завозни, не было. Прежде всего онъ началъ соображать. Матрена была еще шагахъ въ десяти отъ пролаза, значитъ, коль кто ее накрылъ, то были домашніе, и слѣдили не за нимъ Чернымъ, а за дѣвкой. Снова подползъ Черный къ дырѣ, ни шороха, ни свѣта; онъ тихо мяукнулъ послѣдній разъ и не видѣлъ, не чуялъ, какъ на это мяуканье, къ самой дырѣ двинулась громадная фигура Ивана Рассейскаго.

Исправникъ съ другимъ солдатомъ, по настоянію Ивана, кликнувъ на подмогу ночнаго караульнаго, стояли у противоположной стѣны.

— А ну, те ко всѣмъ чертямъ!—проговорилъ Черный, мысленно обращаясь къ Матренѣ. — Не до пѣтеловъ мнѣ тутъ пѣстаться съ тобой. а только коль что...—онъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукой, все еще державшей ножъ, затѣмъ, осторожно засунувъ его снова за голенище, Черный ощупалъ свой крѣпко связанный пещуръ, просунулъ его въ дыру, отстранилъ чуть-чуть налѣво, и полѣзъ самъ.

Воспаленные глаза Ивана ясно видѣли вылѣзавшую мохнатую тѣнь, вотъ тутъ сейчасъ-же нагнуться, хватить душегуба за горло, раньше чѣмъ вылѣзетъ онъ изъ норы, раньше чѣмъ шевельнетъ

…ою достать свой ножъ, но Ивану казалось то …шкомъ малою местью, онъ чувствовалъ какъ …енная злость ростетъ въ немъ, прежнія силы …нулись, мускулы окрѣпли, это снова былъ бо…ырь Иванъ Рассейскій, ходившій одинъ на одинъ медвѣдя.

…ерный вылѣзъ, нащупалъ ногою пещуръ, но успѣлъ нагнуться за нимъ, какъ Иванъ рва…ся и схватилъ его за обѣ руки. Ошеломленный …ный, прижатый спиною къ забору, чувствуя …лещахъ свои руки, застылъ.

— Нашелъ!..—задыхался Иванъ.—А птицу пом…ь? А, дьяволъ—Черный, меня ножомъ, а птицу, …цу!..—и выпустивъ руки Чернаго, онъ мгно…ю схватилъ его за горло.

…помнившись, Черный потянулся за ножомъ, но …ъ сбилъ его съ ногъ и завязалась отчаянная, …ловѣческая борьба.

…е доброе, тихое, нѣжное, что зачатками ле…о на днѣ Ивановой души, было оскорблено, …угано насильственной смертью Ліи, все раз…юсь и слилось теперь въ одну жажду мести. …ознательно онъ боролся за искру человѣче…о чувства, поруганную въ немъ этимъ самымъ …вѣкомъ, котораго онъ теперь держалъ подъ …бой.

Иванъ душилъ Чернаго не какъ человѣка, а какъ свою безпросвѣтную каторжную судьбу.

— Буде, буде лютовать!—повторялъ онъ,—довольно, да, жисти довольно, не хочу!—И съ послѣднимъ порывомъ бѣшенства Иванъ, накинувшись на Чернаго, впился въ него.

Когда исправникъ съ своими помощниками при-

бѣжалъ на стоны и крикъ боровшихся, фонарь караульнаго освѣтилъ посинѣвшій, раздутый трупъ Чернаго, голову котораго Иванъ, не выпуская изъ рукъ, колотилъ о землю, о бревна завозни, о пещуръ, полный награбленнаго серебра, а когда поставили его на ноги, онъ только мутнымъ взоромъ окинулъ небо съ мелькавшими звѣздами, проговорилъ, безсознательно, свое „буде", и упалъ мертвый къ ногамъ исправника.

Черному удалось таки выхватить свой ножъ и на этотъ разъ по рукоятку вонзить его въ бокъ Ивану.

А изъ дома Нефедовыхъ, гдѣ и не чуяли о драмѣ, разыгравшейся на ихъ-же дворѣ, неслись веселыя пѣсни дѣвушекъ, величавшихъ невѣсту.

ГЛАВА XVII.

Слетыши.

Вечерѣло. Угрюмый „кожевенный" городъ Тю—нь стихалъ. Степенные обитатели его, покончивъ съ дѣлами на заводахъ и заводишкахъ, въ магазинахъ и лавченкахъ, раскинули умомъ на барышахъ, пересчитали выручки, поучили собственноручно приказчиковъ и заводскихъ, коли кто того стоилъ, и засѣли по домамъ за жирный ужинъ съ горячимъ, разварной или жареной рыбой, телячьимъ или бараньимъ „стёгомъ", запивая все домашнимъ пивомъ или густымъ хлѣбнымъ квасомъ. Въ простой день въ Т—ни рѣдко кто справляетъ званые вечера, а потому большинство обитателей, позѣвавъ, покрестивъ ротъ, погладивъ животъ для облегченія пріятной отрыжки, залегло на боковую; только въ двухъ домахъ — въ Зарѣчьѣ у Круторогoвыхъ, да на Пескахъ у Нефедовыхъ шло веселое пированіе и то для одной молодежи.

У Круторогoвыхъ Яковъ и Александръ Артамоновичи справляли мальчишникъ; самъ старикъ Артамонъ Степановичъ, бодрый и здоровый, любившій всегда попировать съ молодежью, завѣдывалъ выпивною частью. Безъ сюртука, въ одной

синей шелковой рубахѣ, растегнутой на мохнатой груди, онъ откупоривалъ хереса и мадеры, вина заграничныя, собственнаго розлива, разныхъ братьевъ Зміевыхъ. Александръ завѣдывалъ бутылочнымъ пивомъ, которое осушалось ящиками, а золотушный Яшенька придерживался больше домашнихъ шипучекъ и медовъ. Въ домѣ Круторoговыхъ были питье и ѣда на широкую ногу въ количественномъ смыслѣ, правда были въ запасахъ и качественныя вещи, но тѣ береглись для гостей имянитыхъ или нужныхъ, которымъ хорошо было пыль въ глаза пустить, доказать имъ, что тутъ не Азія и люди не ногою сморкаются.

Настасья Петровна, жена старика Артамона Степановича, въ мужскую компанію не мѣшалась, а сидѣла за домомъ, на своей уютной галдареечкѣ, обвитой красноватыми листьями дикаго винограда да хмѣля. Передъ протертымъ кожанымъ диваномъ, излюбленномъ ея сидѣніи, стоялъ створчатый столъ, покрытый синимъ „столешникомъ", съ приготовленною на немъ рукою сироты-воспитанницы Митродорушки, ходившей въ ключахъ, обильною соленою закусочкой, а рядомъ въ завѣтномъ шкапикѣ была спрятана изрядная рюмка и бутылка мадеры. Отворитъ Круторогиха шкапикъ, вздохнетъ, выпьетъ рюмку, назадъ поставитъ и за каждымъ разомъ дверцу шкапика припретъ, потому—не пьянство оно, а все будто зазорно. Сегодня супротивъ нее сидѣла завсегдашняя ея гостьюшка, вдова Кочетова, женщина степенная, умная, по малости торговавшая на дому матерьицами, вышивочками и другой женской модностью. Фелицатушка Кочетова любила Круторо-

гиху какъ мать родную, а съ боку, что корова въ мартѣ, съ ея сыномъ Яшенькой заигрывала, все думала не оженится ли онъ на вдовѣ, здоровьишка ради своего плохаго. Сама вдова была и тѣльна, и добротна, да только одну обиду Господь наслалъ на нее—флюсовата, т. е. отбоя не было ей отъ зубной опухлости, либо съ правой щеки, либо съ лѣвой, безъ повязки она и сама-то себя развѣ во снѣ когда видѣла, да и то должно давно, потому что и сонныя ея видѣнія уже приноровились къ ея флюсу. На сегодняшній день, какъ на зло, когда она разсчитывала видѣть Яшеньку подъ шофе и поиграться съ нимъ, у ней разыгрался такой флюсище, что Кочетова обложилась камфорой, какъ шуба ради мольнаго избыта, и со слезами, отказавшись отъ всякой попытки повидать милаго, грустно сидѣла на галдареечкѣ, почти молча выслушивая все одни и тѣ же разсказы словоохотливой Круторогихи.

— Хоть бы Митродорушка пришла поразсказать намъ, что тамъ, на молодцовской половинѣ, дѣется!—вздохнула Настасья Петровна. — Потому навѣрно безстыжая тамъ околачивается хоть и безъ нея спосылки справились бы, ея дѣло было бы только въ стряпущую заглянуть, да изъ кладовой сухую закуску выдать! Охъ, Митродорушка, больно востра, занозится дѣвка, потомъ учнетъ слезами умываться, а поди, скличь ее теперь, да пришпиль возлѣ себя за хвостъ, сейчасъ обида пойдетъ! Послать что-ль завтра за Артемьевной, та живой рукой обработаетъ, жениха ей не мудрящаго найдетъ, ну и окрутить бы пока безъ грѣха.

— Бѣда, бѣда пришла на нашъ городъ съ на-

ѣздомъ молодежи, а главное, анжинеровъ этихъ,— помолчавъ, начала она снова,—то-то проклятики, весь городъ сомутили, не только дѣвки, — бабы головы потеряли, хвосты себѣ понавѣсили, на лошадяхъ бокомъ скачутъ — срамота! Опять эти театры возьми, Фелицатушка, влѣзутъ это они на помостъ, срамныя рѣчи говорятъ, говорятъ, а потомъ цѣловаться учнутъ.

Замолчала Круторогиха, пьетъ, вздыхаетъ, смотритъ на планиды цвѣтовъ духовитыхъ, да на лужайку, гдѣ три кедра зеленыхъ высятся въ честь ея трехъ сыночковъ. Старшій кедръ посаженъ давно, какъ еще и сада здѣсь не было, одинъ пустырекъ разстилался, посаженъ онъ, какъ свѣтъ-Ванюшка родился; второй кедръ для сына Яшеньки, тотъ ниверситетъ кончилъ и прямо отцомъ къ заводскому дѣлу приставленъ, здоровьишкомъ слабъ, съ дѣтства золотушка пристала и все, то изъ ушей какая ни есть дрянь лѣзетъ, то кашель съ харкотиной одолѣетъ, то писякъ на глазъ вскочитъ, а въ общемъ парень хоть куда! Деньгу охъ какъ любитъ! И какъ вернулся домой, не только никакихъ раззорныхъ новшествъ не завелъ, въ родѣ какихъ школъ, аль лазаретовъ, вонъ какъ дурный племянникъ богача Игнатьева, а напротивъ, такъ-то народъ скрутилъ, что всѣ у него по ниточкѣ ходятъ, за всякій проступокъ штрафомъ обложилъ, куда отецъ дошлый, а Яшенька и его перещеголялъ, на его копѣйку полторы выколачиваетъ, слава-те Господи, не даромъ въ науку отдавали.

— А третій кедръ, тотъ для Сашеньки, тотъ и еще того лучше вышелъ, вотъ волосиковъ от-

…у него мало и глазки, быть, на…
…ь, а все съ подмигомъ, да по…
…ъ, такъ это должно съ большой…
…то ужъ вышелъ совсѣмъ по дворян-
…ундирчикъ съ зеленымъ кантомъ и чи-
…енеръ. А ужъ дошлый, дошлый какой
…ный до дому—страсть.

…хищеніе и гордость сыновьями такъ
…и сердце Круторогихи, что она въ со-
…начала разсказывать Кочетовой, какъ
…помогъ имъ устроить дѣла.

…змысли ты только, Фелицатушка, до чего
…нъ-то, еще за годъ до открытія по-
…самой пишетъ это онъ отцу-то: „Ску-
…папенька, лѣсъ, бревна тожъ, быть
…стройку затѣваете, сыновья, молъ, об-
…домà строить хочу". Ну, и накупилъ
…лѣсъ-то на ту пору дешевый былъ.
…пишетъ это онъ опять: „Стройте, молъ,
…городомъ, на нашемъ пустырѣ, кир-
…дъ и мастеровъ, говоритъ, зовите, и
…ите, вотъ, говоритъ, такой-то формы,
…са, и образецъ прислалъ". Прошло
…и, а онъ ужъ опять старику шлетъ:
…е, говоритъ, папенька, всѣ деньги, что
…лжны, поприжмите кого надо, а только ко
…открытія нашихъ жинерныхъ работъ, что-
…вы при капиталѣ!" И старикъ мой,
…итъ, все исполнилъ и теперь не на-
…дуракъ, анженеры, пріѣхали и нашъ
…Наѣхали… съ ними. Первое дѣло—шпалы понадо-
…ихъ скупать? Туды, сюды суются,
…Степанычъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, да

на другой, да эдакъ ненарокомъ, потомъ всѣхъ въ свой загородный садъ повезъ—воздухомъ дышать, а передъ садомъ-то цѣлое поле бревнами накатано. Диву дались анжинеры,—бревно къ бревну. Вотъ-те и шпалы, ѣздить, искать далеко не надо. А муженекъ-то ломается,—для своего, молъ, обихода припасены, да только у другихъ ни у кого кругомъ не достанете. По нашимъ мѣстамъ одинъ Берестовъ лѣсомъ торгуетъ, такъ я у него весь запасъ скупилъ. Ну, на хорошей цѣнѣ и покончили. А тамъ дошло до построекъ станцій, да полустанковъ, да разныхъ жилыхъ домовъ, магазей, сараевъ, хвать, кирпичъ? а кирпичъ-то опять такой, какъ надо, на одномъ Круторoговскомъ заводѣ выдѣлывается! Ну, а послѣднимъ дѣломъ, какъ и первымъ—деньги. Извѣстно, главная контора и все сильное начальство анжинерное не здѣсь, а далеко, въ Ек—гѣ, рукой не подать! Вотъ, покуда это напишутъ требованіе, да имъ оттуда это что вышлютъ, проволока тоже не малая. А Артамонъ и мошну открылъ,—я, молъ, человѣкъ добрый, мнѣ что-же денегъ не жалко, не съ ними жить, а съ людьми добрыми! Ну, тѣ народъ-то охудалый, на работы-то въ край далекій, что на кормежку пріѣхали, чтобы значитъ перомъ обрости, съ дурости-то и ринулись на чужой капиталъ. Займали, займали, да въ петлю и влѣзли; какъ видитъ Степанычъ, что зарвались они—„ладно, думаетъ, буде! Танцуй, Матрешка, назадъ!“ и затянулъ мошну. А потомъ, пожалуйте, молъ, обратно денежки. И заплясали, и заплясали, и ужъ теперь, Фелицатушка, и ни-ни! ни торгу, ни осмотру, что дастъ Артамонъ, то и берутъ, и ужъ коли на

...ше, и дешевле предложитъ. Ша-
...лги!

— Настасья Петровна! Вотъ что зна-
-то и истинное просвѣщеніе какъ умуд-
...ъ что Сашенька молодъ, какъ есть сле-
...ѣло папенькино обварганилъ, обмозго-
...и не всякому дѣльцу доведется. И
...оронѣ — чистъ и непороченъ. Смотритъ
...а на три кедра и даже слеза на гла-
...бывается.
...слугамъ наградилъ и взыскалъ меня,
...дакаго ума и высшаго образованія дѣти

...ки свѣты, что тамъ дѣется! — въ ис-
...кнула Настасья Петровна, слышитъ
...тъ, смѣхъ и ругань, слышитъ какъ
...галдареечку, распахнулись двери стек-
...впереди всѣхъ бокомъ подскочилъ къ
...а.

...ница Троеручица! Да что-жъ это та-
...Ванюшка утопъ гдѣ. Святитель Ни-
...къ, что съ парнемъ приключилось?
...шелъ по галдареечкѣ какимъ-то на-
...махивая какъ крыльями своими длин-
...халатикъ облипъ на немъ, и мѣ-
...ками, почему онъ „срыву“ передвигалъ
...дьбѣ, худую высокую фигуру сопровождала
...его сносылокъ и дворовыхъ, хохотавшихъ
...олпа
...имо.

...ыцъ, нечисти! Проклятики! Язви васъ!
...издевку! — кричала, продираясь сквозь
...добродушная стряпка Матрена Сидоровна.
...вѣтъ ты нашъ Ванюшка! Золото чистое

на другой, да эдакъ ненарокомъ, по... ся, куда
свой загородный садъ повезъ—воз... она, ощу-
а передъ садомъ-то цѣлое поле б... водою кос-
Диву дались анжинеры,—бреви...
и шпалы, ѣздить, искать д... ка, указывая
женекъ-то ломается,—для...
припасены, да только у... ть ему.
гомъ не достанете. По... кни-ка „самаго",
рестовъ лѣсомъ тор... метъ!
пасъ скупилъ. Ну... , набѣжавшая толпа
А тамъ дошло... дареечки.
ковъ, да разг... ла за ними дверь и
евъ, хват... тирая передникомъ слезы.
какъ над... какъ есть утопецъ!—шептала она.
дѣлыва... только послѣ трехъ рюмокъ, выпитыхъ зал-
перв... комъ, пришелъ въ себя Ванюшка и колотя въ
все... грудь, захлебываясь отъ негодованія, призывая въ
д... свидѣтели всѣхъ очередныхъ въ тѣ дни святите-
лей, онъ разсказалъ матери свою обиду.

— Ну, Нефедиха, сочтемся!—рѣшила Круто-рогиха.—Небось, Ванюшка, не плачь, я ей из-девки не подарю, сочтемся! Пей, Ванюшка, пей, чтобъ лихоманка не привязалась! И Ванюшка пилъ до тѣхъ поръ, пока не ослабѣли ноги его, и не воспрялъ его духъ. Тогда онъ всталъ и, приплясывая, махая руками, отправился въ боковушку, поддерживаемый и охраняемый стряпухой Сидоровной.

На Яшенькиной половинѣ пиръ шелъ горой. Слетыши пѣли всѣ съ одного голоса, и съ одного взгляда хорошо понимали другъ друга. Яшенька, Сашенька, товарищи ихъ Барашкинъ, Навозовъ и Побѣдовъ были первыми піонерами науки, по-

…родѣ Т—ни. Первый, такъ ска-
…свѣточей, которыхъ универси-
…сшія учебныя заведенія выслали
…родной городъ, просвѣтивъ, облагоро-
…ширивъ ихъ умственный кругозоръ.
…лежало темное царство религіознаго
…ихъ дѣдовъ, сжигавшихъ и погребав-
…за-живо, и самодурство отцовъ, гор-
…акомъ наживавшихъ богатство, передъ
…лался дѣвственный горизонтъ съ без-
…нажитями, воздѣлывать которыя имъ

…дорога проводилась впервые, въ го-
…старики, никогда въ жизни не видав-
…чуда, Божьи старушки, которыя съ
…дѣли стали ѣздить съ самоваромъ и
…на желѣзнодорожное полотно глядѣть,
…побѣжитъ, и только убѣдившись, что
…инженеры на смѣхъ имъ, какъ кроты
…, прости Господи, всю округу изрыли,
…а „ее" пустятъ еще только черезъ
…юнули и ѣздить перестали.
…Круторогов, первый изъ туземныхъ,
…зеленымъ кантомъ и академическимъ
…парень самаго дюжинаго ума, но упря-
…маднаго прилежанія, читавшій ровно на-
…насколько требовалъ экзаменъ словесно-
…нившій глубоко и широко только въ пре-
…выгоды и наживы, съ покладистой со-
…съ умѣньемъ молчать, гдѣ надо, и съ
…способностью къ механическому труду.
…курсъ математики, перейдя затѣмъ въ
…путей сообщенія, онъ легко получилъ

Иванъ Артамоновичъ, что съ тобой сталося, куда занесли тя рѣзвыя ноженьки!—причитала она, ощупывая руками насквозь пропитанный водою костюмъ Ванюшки.

— Мадеры!—прохрипѣлъ Ванюшка, указывая костлявымъ пальцемъ на бутылку.

Фелицатушка бросилась наливать ему.

— И впрямь, Сидоровна, кликни-ка „самаго", аль Яшеньку, онъ ораву-то уйметъ!

При одномъ имени Яшеньки, набѣжавшая толпа дрогнула и схизнула съ галдареечки.

Сидоровна, ворча, заперла за ними дверь и стала у притолки, утирая передникомъ слезы.

— Утопецъ, какъ есть утопецъ!—шептала она.

Только послѣ трехъ рюмокъ, выпитыхъ залпомъ, пришелъ въ себя Ванюшка и колотя въ грудь, захлебываясь отъ негодованія, призывая въ свидѣтели всѣхъ очередныхъ въ тѣ дни святителей, онъ разсказалъ матери свою обиду.

— Ну, Нефедиха, сочтемся!—рѣшила Крутогиха. — Небось, Ванюшка, не плачь, я ей издевки не подарю, сочтемся! Пей, Ванюшка, пей, чтобъ лихоманка не привязалась! И Ванюшка пилъ до тѣхъ поръ, пока не ослабѣли ноги его, и не воспрялъ его духъ. Тогда онъ всталъ и, приплясывая, махая руками, отправился въ боковушку, поддерживаемый и охраняемый стряпухой Сидоровной.

На Яшенькиной половинѣ пиръ шелъ горой. Слетыши пѣли всѣ съ одного голоса, и съ одного взгляда хорошо понимали другъ друга. Яшенька, Сашенька, товарищи ихъ Барашкинъ, Навозовъ и Побѣдовъ были первыми піонерами науки, по-

...родъ Т——ни. Первый, такъ ска-
...свѣточей, которыхъ универси-
...сшія учебныя заведенія выслали
...въ родной городъ, просвѣтивъ, облагоро-
...расширивъ ихъ умственный кругозоръ.
...лежало темное царство религіознаго
...ихъ дѣдовъ, сжигавшихъ и погребав-
за-живо, и самодурство отцовъ, гор-
...акомъ наживавшихъ богатство, передъ
...лался дѣвственный горизонтъ съ без-
...пажитями, воздѣлывать которыя имъ

...дорога проводилась впервые, въ го-
...никогда въ жизни не видав-
...старики, Божьи старушки, которыя съ
...чуда, стали ѣздить съ самоваромъ и
...дѣли на желѣзнодорожное полотно глядѣть,
...побѣжитъ, и только убѣдившись, что
...инженеры на смѣхъ имъ, какъ кроты
прости Господи, всю округу изрыли,
...пустятъ еще только черезъ
„ее" ѣздить перестали.
...юнули и ... первый изъ туземныхъ,
Круторроговъ, ... кантомъ и академическимъ
зеленымъ ... дюжинаго ума, но упря-
...парень самаго прилежанія, читавшій ровно на-
...сколько требовалъ экзаменъ словесно-
...глубоко и широко только въ пре-
...и наживы, съ покладистой со-
...умѣньемъ молчать, гдѣ надо, и съ
...способностью къ механическому труду.
...курсъ математики, перейдя затѣмъ въ
...путей сообщенія, онъ легко получилъ

мѣсто на дорогу, проводившуюся на его родинѣ. Этому человѣку предстояла не громкая, не славная, но вѣрная карьера къ наживѣ. Заводы, какъ всѣ въ общемъ, такъ и крутороговскій въ частности, шли рутинно съ дѣдовскими пріемами по выдѣлкѣ кожи, съ патріархальнымъ отношеніемъ къ рабочимъ. Яшенька, кончивъ университетъ по естественному факультету, принялъ на себя труды управленія отцовскимъ заводомъ. Заохали татарскіе князья, когда онъ сталъ принимать и сортировать привозимыя ими кожи. Онъ браковалъ и сбивалъ имъ цѣны съ такимъ апломбомъ, такъ ясно доказалъ имъ, что понимаетъ товаръ и его на кривой не объѣдешь, что тѣ шалѣли и уступали ему по самой низкой цѣнѣ. Да и куда кинешься, когда онъ самый крупный покупатель? Работы на заводѣ онъ, по своему выраженію, „упорядочилъ", т. е. накинулъ два часа лишнихъ и ввелъ штрафы за малѣйшій прогулъ. Помѣщенія рабочихъ онъ тоже „привелъ въ систему". Подъ предлогомъ, что они разбросаны по разнымъ флигелямъ, онъ всѣхъ, жившихъ при заводѣ, сдвинулъ въ два, а въ третьемъ, очищенномъ, получилась новая мастерская. Что за бѣда, если немного и тѣсно, когда люди весь день на работѣ и приходятъ къ себѣ только ночевать? Фельдшера, бывшаго даже при его отцѣ для заводскихъ, онъ разсчиталъ. Больной все равно не работникъ, значитъ, захворалъ—ступай прочь, а случилось что экстренное — подъ рукой есть городской врачъ. Заводъ пошелъ лучше, доходъ увеличился, дубленье и выдѣлка кожъ выиграли, заказы и казенные подряды такъ и хватались Круторогoвыми.

Практическая сметка была такъ велика у Яшеньки, что онъ ничего не ломалъ, ничего не заводилъ новаго, а только примѣнялъ къ старымъ пріемамъ все полезное изъ новой техники; онъ никогда не кричалъ, не выходилъ изъ себя, не билъ морды, какъ его отецъ, но худенькаго, золотушнаго Яшеньку, съ ватой въ ушахъ, вѣчно закутаннаго въ теплый тулупчикъ, всѣ кругомъ боялись хуже дьявола хвостатаго.

— Не человѣкъ, а жерновъ! — говорили про него рабочіе,—въ мездру тя смелетъ, только попадись!

Вдовій сынъ Сосипатръ Барашкинъ былъ такъже абсолютенъ въ своихъ сужденіяхъ, какъ былъ абсолютно глупъ. Какъ могъ онъ кончить курсъ университета, это была одна изъ тѣхъ тайнъ, которыя интригуютъ каждаго при встрѣчѣ съ ученымъ дуракомъ. Попавъ какъ разъ въ то вѣяніе, которое требовало назначенія на новыя мѣста „слѣдователей по крестьянскимъ дѣламъ“ людей, знакомыхъ съ краемъ, онъ получилъ этотъ отвѣтственный постъ. Съ первыхъ-же шаговъ Барашкинъ очутился въ рукахъ продувнаго плута, но умнаго писаря, который, понявъ всю непроходимую глупость и непомѣрное самолюбіе юнаго слѣдователя, сталъ играть на немъ какъ на дудкѣ, а самъ дралъ съ живаго и мертваго и вершилъ всѣ дѣла по своему.

Въ настоящее время Барашкинъ уже хлопоталъ о переводѣ его изъ Т—и. Въ городѣ упорно ходилъ слухъ, что крестьяне, послѣ разбирательства имъ одного дѣла, догнали его на обратномъ пути въ лѣсу, разложили и высѣкли, причемъ писарь

считалъ удары. Навозовъ, мозглякъ, изнѣженный франтъ въ очкахъ, кончившій тоже юридическій курсъ въ университетѣ, сынъ мѣстнаго ростовщика, бывшаго стряпчаго, попалъ кандидатомъ на судебныя должности въ чаяніи открытія новыхъ судовъ. Трусъ и враль, онъ терся около Круторогова, какъ щенокъ заморышъ среди дворовыхъ псовъ. Апетиты у него были не ўже ихъ, но тѣ способны были работать, этотъ не умѣлъ ничего, его идеалъ былъ хлестаковское джентельменство. Получая, по его пониманію, мало отъ скряги отца, онъ занималъ по сторонамъ, кутилъ на чужой счетъ. Не имѣя никакихъ страстей, по дряблости своей натуры, велъ большую игру и проигрываясь, не платилъ. Пилъ и валялся въ пьяной истерикѣ послѣ второго стакана, развратничалъ по деревнямъ, вѣчно лѣчился и выглядѣлъ въ 23 года изношеннымъ, измореннымъ, плѣшивымъ старикомъ. Пятый товарищъ, Побѣдовъ, еще былъ въ университетѣ и пріѣхалъ въ Т—ь только на лѣтнюю вакацію. Когда онъ кончитъ курсъ? вѣроятно, онъ самъ не зналъ, такъ какъ сидѣлъ на каждомъ по нѣсколько лѣтъ. Выходилъ, хворалъ, мѣнялъ факультеты, но въ общемъ, какъ племянникъ богатаго дядюшки, жуировалъ во всю ширь своихъ мѣщанскихъ понятій. Появленіе его въ Т—и произвело сенсацію, его смокингъ былъ не длиннѣе пріютской куртки, его сапоги-стерлядки напоминали лыжи. Прямой англійскій проборъ черезъ всю голову, цилиндръ съ муаровой лентой, все это сомнительное щегольство импонировало маменькамъ, дѣлало его въ глазахъ дочерей завидной партіей и первымъ клубнымъ кавалеромъ.

Съ тѣхъ поръ какъ на землѣ сибирской стоитъ богоспасаемый кожевенный городъ Т—нь, это были первые образованные люди „изъ своихъ“, первое ядро мѣстной цивилизаціи. Весь городъ съ любопытствомъ приглядывался къ тому—какіе плоды принесетъ отцамъ ихъ смѣлая попытка, не бывалое новшество—отослать въ Питеръ для образованія своихъ сыновей, и городъ увидѣлъ, что дѣти, по крайней мѣрѣ круторогoвскіе, не посра- или отцовъ своихъ. Цивилизація привилась къ ой молодежи поверхностно, костюмно, если можно къ выразиться, а наука была для нихъ только способленіемъ къ болѣе вѣрному и спокойному быванію денегъ. Пріемы дѣдовъ и отцовъ были убы, первобытны, такъ какъ тѣ наживались одиково, какъ плутовствомъ, такъ и горбомъ и согняли капиталы благодаря тому, что ихъ сѣрая знь не давала имъ возможности проживать нарое. Сыновья-же привезли съ собою другіе змы, они покажутъ отцамъ какъ наживать и . Они не будутъ работать какъ волы, но бу- какъ удавы высасывать весь сокъ изъ ра- другихъ, и будутъ дѣйствовать не грубымъ ліемъ, а тонко, обдуманно, по всѣмъ правинауки.

умно и весело было на половинѣ Яшеньки. арикъ Круторогов развернулся, по душѣ ему ебята, видитъ онъ, что въ его породу пошли. Подлецы малые, думаетъ онъ, меня слопать ы, да за то не проживутъ, не прогуляютъ саго, не хизнетъ въ ихъ рукахъ мое дѣло. куда плоше Барашкинъ, да Навозовъ, куда —ни рыломъ, ни разумомъ не вышли.

Хочется старику похвастаться передъ всѣми и своимъ умѣніемъ выворачиваться.

— Вы что, вамъ легко работать, сколько денегъ-то ухлопано, чтобъ вамъ энтой самой науки въ башки вложить, а вотъ на мое ученье, такъ окромя сыромятнаго ремня ничего не потрачено, почитай до женитьбы безъ портовъ бѣгалъ, а не хуже васъ человѣкомъ сталъ, полнымъ уваженіемъ въ городѣ пользуюсь, потому самъ до всего дошелъ и все могу. Тятенька-то мнѣ помирая двѣ гряды оставилъ, да кобылку—на чемъ кожи распяливать, а у меня ишь заводище и хоромины какія. Вотъ какъ былъ разъ „имянитый" посѣтитель въ нашемъ городѣ, такъ и мой заводъ смотрѣлъ, честь большая, ну да и опаска тоже; упредили меня добрые люди, ну это я все заранѣе пообчистилъ, поубралъ, нагналъ народу, чтобъ показать, что молъ кипитъ работа, могу выдержать хоть какой подрядъ, оборванцевъ всѣхъ въ строгальную согналъ, потому тамъ гольемъ работаютъ, такъ ризы-то ихъ не при чемъ, ну, а вотъ яму-то дубильную, что у меня посередь двора, ужъ дѣвать-то и некуда, закрылъ это я ее вплотную крышкой засмоленной, да и велѣлъ своему старшому,— бестія у меня былъ, дошлый,—води молъ гостей подальше отъ сихъ мѣстъ, самъ это я съ утра одѣлся, на воротъ медаль нацѣпилъ,—вывози Никола угодникъ,—пудовую поставлю! Вотъ только пришелъ часъ и шасть на мой дворъ „посѣтитель" да со всей оравой, я это свою дуру-то, мать вашу Настасью Петровну, въ русскій нарядъ одѣлъ, брилліантовъ, камней, что на чудотворную насыпалъ, подноситъ она хлѣбъ-соль, блюдо се-

ребряное, а за ней я, стою, кланяюсь, молъ не обезсудьте, на ту пору у меня борода еще была, самъ въ кафтанѣ, сапоги бутылкой. Страсть высокіе господа эту самую народную камедь любятъ! Только инъ выискалась между всей этой оравой одна шельма,—техникъ что-ль, чтобъ ему лопнуть! И сталъ это гостя водить и всему указывать, да разъяснять, покажетъ и прибавитъ,—это молъ все по старому способу, а теперь говоритъ все иначе и чище дѣлается. Ахъ, чтобъ-те язвило, думаю, а самъ улыбаюсь,—извѣстно, говорю, мы по старинкѣ, а только сами съ дѣла хлѣбъ ѣдимъ и другимъ даемъ; только гляжу подбирается къ ямѣ, ну думаю—бѣда! Дошли.

— Гдѣ тутъ у васъ, говоритъ, чанъ дубильный, должно не на узаконенномъ разстояніи отъ завода? А тутъ гдѣ, потому попахиваетъ! Откройте, говоритъ, вотъ эту крышку! Туды, сюды, — открыли, какъ шибанетъ духъ, такъ всѣ и отскочили, „посѣтитель“ ажно побѣлѣлъ весь.

— Видите, говоритъ, — это техникъ-то, чтобъ ему сдохнуть,—это говоритъ зараза сущая, а сокъ этотъ, что по всюду въ землю просачивается—ядъ настоящій. А я тутъ и выступилъ,—была не была!— Это, говорю, вы напрасно, вы насъ, старожиловъ, спросите, до кой степени онъ пользителенъ, изъ рабочихъ, кто грудью послабже, съ кашлемъ значитъ, такъ сюда къ этой самой ямѣ обѣдать приходятъ, чтобъ только дышать, а сокъ, — такъ у насъ его пьютъ,—отъ нутра помогаетъ!

Разсмѣялись кругомъ,—сумнительно—говорятъ.

— Наивкуснѣйшая вещь, говорю это я, — нагнулся, зачерпнулъ въ ладошку, да и хлебнулъ

т. е. этакая, я вамъ скажу, мерзость, что не приведи Богъ,—деретъ нутро —не продохнешь. Понравилось это „посѣтителю“, ну, говоритъ, и сибирскіе желудки! Я это рукой махнулъ, рабочіе мигомъ закрыли, а тутъ заиграла музыка, что съ утра за сараемъ спрятана была, жена опять кланяется,—„не обезсудьте моль хлѣба-соли откушать“, рабочіе держатъ на блюдѣ осетра съ лошадь, — быть тутъ же въ Т—рѣ поймали, а куда-те къ лѣшему, во льду живьемъ привезли верстъ за триста, а я стою какъ дуракъ, кишки у меня ровно къ комъ свело, думалъ сдохну, ну это уклонился я, да къ старшему приказчику добёгъ, да изъ графина прямо сорокотравчатую, отъ сорока болѣзней лѣчитъ и всегда на готовѣ для меня стоитъ; набултыхался это я и полегчало.

Пришелъ это я, улыбаюсь, а техникъ этотъ самый ко мнѣ съ книжечкой и карандашикомъ. Очень, говоритъ, интересный вы опытъ показали, я, говоритъ, сообщу это въ обществѣ и разовью цѣлую систему объ этихъ, ну какъ ихъ, Сашенька, модные-то ваши, махонькіе гады-то?

— Бациллы, папаша!

— Ну во, во, и хохоту-жъ что опосля было!

Старикъ хохоталъ, хохотали отъ восторга и молодые, пили за его находчивость.

— А то вотъ еще, разошелся старикъ, обыкновенно не отличавшійся особенною болтливостью, отецъ твой, Сосипатрушка, покойный Евстигней, другъ мой былъ, вотъ тоже голова! И хитроумный! Играли это мы, однажды, тутъ въ Зарѣчьи у Игнашкина, о ту пору у него еще дѣла хорошо шли; только играемъ это мы впятеромъ въ сту-

колку по большой, ну само собой выпили изрядно, разныя это шутки шутимъ, твой-то дядюшка Побѣдовъ нахлюстался, спитъ и носомъ такую-то трель разыгрываетъ, взялъ это кто-то ружье заряженное, положилъ это ему на башку, быть пушку на лафетъ, да и пальнулъ, хоть бы те что, даже свиста не перервалъ, только опосля, какъ очухался, оглухѣлъ маленько, да мѣсяца три головой трясъ. Ну, словомъ, веселятся ребята, а мы играемъ, да пьемъ! Только это отецъ-то твой прорву деньжищъ проигралъ, запись на него огромадная, счетъ я веду, видитъ онъ дѣло плохо, сичасъ расчетъ будетъ! Что жъ ты думаешь онъ сдѣлалъ?

Подходитъ это прислуга къ нему съ чаемъ, онъ беретъ стаканъ, да локтемъ этакъ, какъ бы ненарокомъ, огромадный сливочникъ, хлопъ, и на столъ. Хрусталь-то въ дребезги, ну сливки знамо по всему столу, а онъ-то ихъ платкомъ, да рукавомъ,—сюртука не пожалѣлъ, мажетъ, да еще какъ извиняется, какъ сожалѣетъ. Записи хватились, ну гдѣ-жъ тутъ разберешь. Какъ тутъ быть?! А онъ шельмецъ:—безъ счета, говоритъ, кто же деньги платитъ, може я еще и выигралъ? Ну, намяли мы ему бока маненько, а деньги-то при немъ. Хватъ парень! Такъ-то, судари мои, веселились мы, лошадей шампанскимъ паивали, бывало ѣдемъ пьяной компаніей, въ полѣ стогъ сѣна встрѣтимъ, виномъ обольемъ и зажжемъ, кругомъ пляшемъ, а за убытокъ — получайте! Потому деньги свои, трудомъ нажитыя и я въ нихъ волёнъ! И опять веселиться же надо!

Снова вся компанія хохочетъ, обнимается, ле-

бызается и пьетъ. И не сдѣлаютъ того самаго молодые, только потому, что ни силишки, ни смѣлости не хватитъ, да и денегъ жаль, а все-таки любы имъ эти разсказы, а главное — близки и понятны.

КЕРЖАКИ ВЪ ТАЙГѢ.

I.

Въ Том—мъ округѣ широко, далеко раскинулись хвойные лѣса, хороня въ своихъ объятіяхъ привольную тайгу. Тамъ бѣгутъ быстрые, студеные ручьи, текутъ широкія, раздольныя рѣки, съ голубою далью, съ пышными облаками, проносящимися въ глубинѣ ихъ. Тамъ тихо, мягко; какъ серебряныя блюда въ зеленой бархатной оправѣ, лежатъ громадныя озера; днемъ въ нихъ купается солнце, ночью въ искрящейся зыби играетъ таинственный мѣсяцъ. Ходитъ въ тѣхъ водахъ рыба стадами, рѣзвясь, живымъ серебромъ всплескиваетъ, вьется надъ нею чайка бѣлозобая, съ клекотомъ журавли пролетаютъ. Всякая птица небесная въ изобиліи тамъ водится, пѣсни распѣваетъ, гнѣзда вьетъ, живетъ и любится на свободѣ. Рѣзвая бѣлка-„летучка" съ верхушки на верхушку бархатистаго кедра перебрасывается.

У корней — заяцъ густошерстный въ высокой травѣ ушами прядаетъ, бродитъ волкъ матёрый, по логовамъ лежитъ медвѣдь бурый, зимою лапу сосетъ, лѣтомъ ягодами, сотами дикихъ пчелъ балуется, пока на крупную свѣжанину не нападетъ.

Въ самой гущѣ почти непроходимыхъ лѣсовъ, окруженное мелкимъ ельникомъ, пихтарникомъ да могучими кедрами, ютится селенье Березовоярское, сплошь населенное кержаками. Крѣпко выстроенныя изъ толстыхъ бревенъ избы, нерѣдко въ два этажа, идутъ кругомъ, по образцу старорусскихъ общинныхъ селеній; лицевой стороной обращены онѣ какъ-бы въ обширный дворъ, среди котораго возвышается часовня съ колоколенкой, заднія-же стороны строеній развѣтвляются жилыми постройками, конюшнями, скотнымъ дворомъ, погребами, житницами.

Поодаль лежатъ обширные огороды и сараи сѣнные. Въ сторонѣ, на расчищенной отъ лѣса полянкѣ, раскинулось тихое кладбищѣ; подъ лопастыми вѣтвями рябины и черемухи идутъ холмики, обложенные старымъ и свѣжимъ дерномъ, съ деревянными столбиками, на которыхъ прибиты мѣдные осмиконечные кресты; кой-гдѣ виднѣются высокіе крашеные голубцы.

Крыши на домахъ селенья въ два теса со „скалой" *). Все въ тѣхъ домахъ крѣпко построено, все какъ-бы на-вѣкъ прилажено, сто разъ одумано, разъ отрѣзано. Люди живутъ тамъ работящіе, степенные, бабы не рѣчистыя, съ спокойными, твердыми глазами, съ походкой ровной, безъ сатанинскаго вихлянія въ бедрахъ; дѣти — чистые, смирные, въ играхъ учливые. На поскотинахъ ходитъ скотина кормленная, ухоженная. Рѣдко слышны въ селѣ томъ пѣсни, игрищъ хо-

---

*) Береста, которой прокладывается тесъ для предохраненія отъ гнилости.

роводныхъ и вовсе не видно, за-то цѣлый день по всему селенью, ровно искра Божія, огневая, бѣжитъ одна фраза: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Молитвой этой начинается день. Крестясь двуперстнымъ крестомъ, открываетъ со сна глаза и старъ, и младъ; крестясь—на порогъ дома выходитъ, крестомъ всякое дѣло начинаетъ, между каждымъ перемѣннымъ блюдомъ крестнымъ знаменіемъ себя осѣняетъ.

„Господи Іисусе“, шепчетъ хозяйка, открывая заслонку у печи. И цѣлый день, и ночь за всякимъ дѣломъ слышится тотъ-же молитвенный шепотъ. „Господи Іисусе“, шепчетъ нищій, прохожій, заблудшій человѣкъ, стуча подожкомъ въ закрытую втулку избы, и съ отвѣтнымъ „аминь“ открывается оконница для потайной милостыни, невѣдомая рука выдаетъ посильное приношеніе. Безъ этой молитвы долго можетъ стучать путникъ въ ворота или калитку: никто не откликнется ему, ибо не призвалъ онъ Господа въ помощь себѣ. За то странника, впущеннаго въ домъ, не спрашиваютъ: изъ кія вѣси, изъ коего града прибылъ, и есть-ли при немъ бумаги какія? А спрашиваютъ: не голоденъ-ли, не притомился-ли нудною путиной далекой, не пришелъ-ли искать покоя въ вѣрѣ истинной, не жаждетъ-ли отдыха въ глуши, нетревожимой поганой мірской суетой. Отъ всякаго человѣка тутъ требуется вѣра и любовь къ труду,—безвѣрнаго, какъ бездѣльнаго, община не потерпитъ въ себѣ и такъ-ли, сякъ-ли, а изженетъ его отъ себя.

Въ это-то тихое, какъ бы отрѣзанное отъ всего міра селеніе, два года тому назадъ, прибыли три

Тюменк
р. Тотязк

семьи изъ старообрядцевъ, послѣ отчужденія домовъ береговой улочки подъ подъѣздной путь новостроившейся ж. д. въ городѣ Т—ни, пожаръ, начавшійся съ дома Глазихи, испепелилъ все родовое гнѣздо старообрядцевъ. Если были у кого какіе скрытые капиталы, тотъ, какъ всякій запасливый хозяинъ успѣлъ, можетъ быть, за ночь послѣ совѣщанія въ домѣ Глазихи, скрыть ихъ, отдавъ „на слово" кому-либо изъ богатыхъ купцовъ своей-же вѣры, жившихъ за Тюменкой на собственныхъ заводахъ.

Кто-же жилъ „въ однихъ помыслахъ Божіихъ", не вѣря, что „грядетъ часъ силы анаѳемской", тотъ потерялъ все. Почти никто изъ береговыхъ жителей не остался въ городѣ послѣ пожара, всѣ ушли дальше, въ глубь Сибири; многимъ старикъ Иванъ Софронычъ указалъ „незыблемое гнѣздо истаго благочестія".

Орѣшковъ-же, съ женою и сыномъ ушелъ дальше всѣхъ въ Т—мскій округъ.

Быстро выросли въ селеньи три свѣтлыя большія избы, „раскорчемились" *) новые участки, зазеленѣли новыя пашни, да на окраинѣ села встала большая просторная кузня и зажилъ въ ней кузнецъ Никаноръ Орѣшковъ съ женою Феофилой Марковной и сыномъ Ильей. Полгода спустя послѣ пріѣзда, первую же раннюю весну Илья и жену раздобылъ себѣ, да и еще какую—тихую, красивую, работящую дѣвку Варвару Ванѣеву, изъ православной семьи. Уходомъ ушла за парнемъ дѣвка изъ ближайшаго села Коробейникова, а вѣрнѣй

*) Пни выворотить.

сказать—обманомъ выкрали ее изъ семьи, а затѣмъ ужъ и по своему согласію, по горячей любви къ молодому Ильѣ осталась жить въ раскольничьей семьѣ молодуха, не повѣнчанная по обряду православному.

Іюльское жаркое солнышко еще не вставало, знать—нѣжилось „въ небесномъ закроѣ", а ужъ въ тепломъ воздухѣ чуялся разсвѣтъ. Проснулся вѣтерокъ, припавшій было ночью за соснами вѣковыми, дохнулъ и побѣжалъ будить ручьи звонкіе, зелень сочную, траву цвѣтистую, а тамъ — облака порозовѣли, улыбаются, знать — подглядѣли, что солнышко проснулось и ликъ свой благостный показало. Пискнула гдѣ-то пичужка, отозвалась другая, ожилъ лѣсъ, зазвенѣлъ, заголосилъ и въ каждомъ-то дыханіи, въ каждомъ-то шорохѣ, какимъ травинка о травинку трется, слышится аллилуія наступающему дню, аллилуія Господу,—началу и утра, и дня, и жизни, и смерти.

Въ большой окрайной избѣ, переходомъ соединенной съ просторной кузней, стукнула дверь входная и на порогѣ показался, въ бѣлой рубахѣ съ ручникомъ черезъ плечо, черноволосый, чернобородый Никаноръ Орѣшковъ; истово перекрестился онъ, крѣпко держа два соединенныхъ перста, пригибая остальные три къ ладонѣ. Положивъ установленный началъ на порогѣ своей избы, онъ зашелъ въ боковушку умыться студеной водой, заботливо припасенной для него до свѣта.

Хозяйка его, Феофила Марковна,—сухая, высокая женщина, съ сѣроватымъ лицомъ и строгими карими глазами, тоже вышла изъ избы и съ молитвой направилась въ огородъ. Видно, одолѣли

ее темныя думы, что не радовали ее сегодня ни злаки пышные, ни овощи крупныя, ни кусты ягодные, гнувшіе вѣтви подъ гроздями крупной смороды и кружевника; шла она къ завѣтной грядкѣ, гдѣ росли лекарственныя травы.

„Фрръ!“—изъ-подъ ногъ ея шарахнулась толстая „копалуха“ *) и грузно заковыляла, подлетывая и гоня за собою свой поздній выводокъ.

— „Испугала, окаянная! прости, Господи“, — прошептала старуха и, нагнувшись надъ грядкою, стала съ молитвой собирать нужныя травы. Набравъ, завернула ихъ въ чистый платъ и такъ же тихо, сурово, вернулась назадъ; на крылечкѣ стоялъ ея мужъ и вытиралъ ручникомъ лицо и голову.

— Что Варвара?—спросилъ онъ, не оборачиваясь къ женѣ, вполголоса.

— Что? Плохо! Въ сонныхъ мечтаніяхъ обрѣтается, въ огневицѣ мечется... попа проситъ,—добавила, понизивъ голосъ, Феофила и, не дождавшись отвѣта, сошла въ горенку.

Въ дальней боковой комнатѣ, на тесовой кровати, на ржаной соломѣ, покрытой чистымъ, широкимъ рядномъ, лежала молодая женщина, жена сына Орѣшковыхъ Ильи, — молодаго, красиваго парня. Лежитъ, разметалась... Коса толстая, вьюнная, по-дѣвичьи заплетенная, то и дѣло съ кровати свѣшивается, змѣей по полу ползетъ. То не мать-сыра земля вешнюю дождевую воду пьетъ, то не послѣдній лучъ заката за горой догораетъ, то жизнь женская, жизнь горькая, обманомъ взятая, насилой поломанная изъ тѣла пышнаго, мо-

*) Куропатка.

лодаго уходитъ, душу придрученную на свободу выпускаетъ. Крыто смертной, синеватой блѣдностью чело Варвары, а щеки смуглыя полымемъ пышутъ. Запали очи въ темныя впадины и свѣтлѣются оттуда, что звѣзды; спалъ алый цвѣтъ съ устъ пурпурныхъ и мукой скрытной сжались зубы бѣлые; что плети безсильныя — лежатъ ноженьки рѣзвыя, что крылья побитыя—опустились рученьки бѣлыя. Около кровати стоитъ, не отходитъ, мукой мученической изнываетъ молодой Варваринъ мужъ, Илья Орѣшковъ.

Сумрачнѣй ночи грозовой глядитъ онъ на мать и другихъ сродственницъ, когда тѣ въ свѣтелку входятъ и надъ живою его женою смертныя молитвы читаютъ и на послѣднее издыханіе обряжаютъ тѣло ея. Вотъ въ головахъ у окна створка открыта,—туда должна вылетѣть ея душенька; за створку чистое полотенце вывѣшано, а на подоконцѣ стаканъ съ водой капельной-дождевой стоитъ, чтобы могла душа ея умыться и утереться, какъ только изъ грѣшнаго тѣла ринется, да и потомъ, какъ къ ней сюда шесть недѣль посмертныхъ прилетать будетъ, чтобы омываться могла.

Въ углу комнаты зыбка стоитъ, а въ ней, за наглухо закрытымъ пологомъ, второй день лежитъ, въ бѣлыя пелены съ головою свитый, мертвенькій младенецъ, лежитъ не хороненый, ждетъ смерти матери, чтобы вмѣстѣ съ нею въ одну могилу лечь.

Вздрогнулъ Илья, глянувъ въ ту сторону, и шагнулъ къ кровати больной, нагнулъ голову къ высокой подушкѣ, на которой недвижно лежитъ голова Варвары, тихо отвелъ онъ отъ уха свои

тяжелые, русые кудри и придерживая ихъ, чтобы слухъ не застилали, почти припалъ къ устамъ больной.

— Охъ, Ильюшенька,—слышитъ онъ ровно сонное дыханіе вѣтерка,—охъ болѣзный мой, не дай мнѣ безъ исповѣди къ престолу Его представиться, не дай безъ Святыхъ Даровъ помереть; оповѣсти мамыньку родную мою, проси ее съ попомъ нашимъ, отцемъ Митріемъ, ко мнѣ пріѣхать... Охъ, свѣтикъ, охъ, любый мой, не брось жену свою въ пещь огненную, въ мученія адскія, дьяволами уготованныя... Отпуститъ онъ грѣхъ мой, отпуститъ.

И льнетъ больная устами къ щекѣ Ильи и какъ огнемъ палятъ его рѣсницы ея черныя, длинныя, задѣвая лицо его.

Ровно, медленно, тяжело, что свинцовыя капли роняются слезы Ильи и падаютъ на грудь исхудалую жены. Выпрямился парень и уставился глазами въ правый уголъ избы — прямо въ темные лики святыхъ, передъ которыми горятъ три толстыхъ желтыхъ налѣпа. „Да гдѣ же правда? Гдѣ же истина, гдѣ судъ Божій искать, какого берега держаться, чтобы въ помыслахъ Божіихъ ходить?...“

Все заколыхалось въ душѣ его, все помутилось въ помыслахъ и, осторожно переступая тяжелыми большими ногами своими, косясь на зыбку закрытую, вышелъ Илья и прошелъ прямо въ подклѣть, гдѣ, зналъ онъ, отецъ его по утрамъ столярной работой занимался.

Въ широкой, хоть низкой подклѣти свѣтъ валомъ валитъ черезъ настежъ открытыя двери. Средь сосновыхъ стружекъ стоитъ кузнецъ и

строить для невѣстки своей послѣднюю домовину.

Отшарахнулся Илья, увидавъ отцовскую работу, да перемогся и, нагнувъ свою высокую, кудластую голову, вошелъ въ подклѣть.

— Батюшка, — началъ онъ осипшимъ, какъ не своимъ голосомъ.

— Чего, сынъ... аль Варвара? — недокончилъ старикъ, поднимая голову и утирая, тутъ же висѣвшимъ чистымъ ручникомъ, потъ съ лица.

— Жива, батюшка, не помираетъ она, держитъ душу въ себѣ — разрѣшенья проситъ... попа кличетъ, пріобщиться да исповѣдаться хочетъ, по своей, значитъ, вѣрѣ...

Побѣлѣло лицо старика, смотритъ — и огнемъ блещутъ очи.

— Ты что, сынъ, въ мысляхъ помутился, что ты задумалъ противу отца, противу матери, противу всего нашего селенія идти захотѣлъ? Да знаешь ли ты, что мать твоя ляжетъ поперегъ порога дома нашего, и смерть едина оторветъ ее оттуда, а не пропуститъ она въ домъ нашъ Никоніанца-щепотника, служителя враговъ церкви нашей... Затѣмъ что ли шли мы изъ далекой родины сюда, въ лѣсныя дебри, отъ міра всего схоронились, своими руками каждую пять земли подъ себя добывали, со звѣрьемъ сражались, что бы теперь да скверну такую сотворить, позоръ наложить на себя и на людей, пріютившихъ насъ? Да какже это соблазнъ такой допустить! Да лучше я самъ, своими руками домъ свой спалю, свою и матери твоей голову безъ прикрою оставлю, чѣмъ

дѣло такое сотворю... Окстись, малый! чего позоръ на голову нашу собираешь...

— Помираетъ она, батюшка, передъ смертью молитъ...

— Да что, Илья, отщепенецъ, что-ль? что она молитъ-то? что она молитъ-то, говорю тебѣ? На пагубу душу свою отдать?.. Развѣ не несемъ мы чистую, древлюю вѣру? Не у насъ рази книги правыя, проклятой рукой Никоновой не искрошенныя? не у насъ иконы старинныя, святыми по откровенью писанныя. Чего же она еще ищетъ? По всѣмъ обрядамъ соберемъ ее и во всей неприкосновенности землѣ предадимъ, а того, слышь, Илья, того и помыслить не смѣй; отцовскимъ страшнымъ проклятьемъ прокляну, да и не я,— все селеніе наше за околицу выйдетъ и попу твоему пядью ступить на нашу святую землю не дадутъ. Вразумись, непутевый!.. Ступай!

Илья мялся на мѣстѣ, ноги, какъ свинцомъ налитыя, не могли оторваться отъ пола.

— Батюшка, „оманомъ" мы дѣвку въ домъ взяли, сулились по церковному вѣнчаться...

— Молчи! Охотой она шла за тебя, для прилику одного разговоры были, знала она хорошо, въ какую семью вступаетъ.

— Измаялась, извелась съ того дня, какъ „понесла", какъ узнала, что некрещенымъ робеночекъ нашъ останется, блудницей считать себя стала, съ того и родила до времени, съ того...— дрогнулъ голосъ Ильи, сжалось сердце его, подкатила волна горячая подъ горло и съ воплемъ вырвалось:—съ того и помираетъ моя Варвара.

—

— Помираетъ, и помреть, коль на то воля Божія, — сурово промолвилъ старикъ и снова взялся за рубанокъ.

Еще постоялъ Илья, крѣпко скрестилъ руки на груди,—„не рвись, молъ, ретивое",—тряхнулъ головою, и двѣ послѣднія слезы, ровно огнемъ опаливъ лицо его, скатились и тутъ-же на стружки сосновыя канули. Снова побрелъ Илья въ боковушку Варвары своей, глядитъ,—баушка Аксинья приподняла ее за плечи, а мать съ молитвою льетъ въ побѣлѣвшія губы больной настой какой-то. Клокочетъ въ груди Варвары, рѣдкая капля сквозь зубы въ ротъ попадаетъ, больше-же въ платъ впитывается, что у ея лица мать держитъ. Опустили больную на подушки, ушла баушка Аксинья, снова вернулась и принесла „кацею" *) съ жаромъ и ладаномъ, трижды тою кацеею „посолонь" передъ иконами покадила, потомъ помахала ею надъ головою Варвары.

— Прислать что-ль Анастасію читать канонъ на исходъ души,—спросила она вполголоса у старухи. Да не пора-ль молодухѣ свѣчу зажженную въ руки дать?..

— Не надо, слышь, не надо! — вдругъ проговорилъ Илья, становясь между женщинами и Варварой.

— Сынъ, опомнись, чадо!—начала было мать, да взглянула на Илью,—на ликъ его, бѣлѣе лика умиравшей жены, на впалыя, измученныя очи его, и только рукой махнула—пойдемъ, молъ, баушка. Вышли и дверь за собой затворили.

*) Кадильницу.

Припалъ Илья къ самому лицу Варвары, тихо-тихо прижалъ уста свои къ холодѣвшимъ устамъ, ровно смерть изъ нихъ выпить хочетъ и вдохнуть въ нихъ свою силу, свою молодую жизнь. Громадной рукой своей, что не дрогнувъ рогатину держала, когда не нее звѣрюга *) налегалъ, легко и мягко гладитъ онъ щеки впалыя, отстраняетъ мягкія пряди волосъ съ пожелтѣвшаго лба и шепчетъ слова любви: „люба моя, открой глазыньки, глянь на меня, послухай, что я сказать тебѣ пришелъ, горленка моя нѣжная, очнись, верни свою душеньку...“

И такова сила любви, такова связь между тѣлами и душами любящихъ, что жизнь и воля одного перешла въ другую. Вздрогнула Варвара— и быть кликнула въ себя улетавшую душу, открыла глаза и потеплѣла, пояснѣла вся подъ ласками мужа милаго.

— Ясынька, ластовка моя, живи... Какъ только солнышко за лѣсъ падетъ, выведу я своего караго изъ поскотины, слетаю на немъ къ твоимъ, и ночью привезу къ тебѣ мамыньку твою и попа вашего—отца Митрія; принесетъ онъ тебѣ требу, пріобщитъ тебя, исправитъ на путь. Сюда нельзя— подыму я тебя, вынесу ночью на рукахъ за околицу, и тамъ получишь ты по своей совѣсти, по своей вѣрѣ прощу свою. Слышь, моя радостная, слышь, душевная моя?..

Каждое слово Ильи прошло до слуха, проникло въ душу болящей и, какъ живительный лучъ

---

*) Медвѣдь.

солнца, согрѣло остывавшее тѣло, пробудило улетавшее сознаніе.

„Пить"—прошептала она, и Илья, забывъ, что попираетъ всѣ традиціи своей вѣры, нарушаетъ древній похоронный уставъ, бросился къ стакану съ чистой капельной водой, что на „умой" души приготовлена, и подалъ его женѣ. Жадно припали сухія, запекшіяся губы, судорожно стиснутые зубы разжались и свѣжая влага капля по каплѣ проникаетъ въ ротъ, живительнымъ источникомъ проходитъ въ грудь; глаза осмысленнымъ, благодарнымъ взглядомъ впились въ лицо любимаго мужа. Илья отвелъ стаканъ отъ губъ, поставилъ на мѣсто, сѣлъ возлѣ жены на табуретъ и подложилъ свою тяжелую громадную руку подъ ея исхудалую шею.

— Спи теперь, голубка. Никуда я не уйду, никому не дамъ придотронуться къ тебѣ...

И послушная какъ ребенокъ, согрѣтая лаской, убаюканная словами нѣжной любви, Варвара смыкаетъ тяжелыя вѣжды и погружается въ лихорадочный сонъ, полный то чудныхъ, то страшныхъ видѣній.

Сидитъ Илья—не шелохнется, низко на грудь опустилъ лохматую голову, одна теперь дума у него,—тяжелая, страстная дума, все застилающая, превышающая даже самый фактъ смерти ребенка и приближающуюся кончину жены. „Гдѣ истина? гдѣ правда, гдѣ спасеніе?"—мыслитъ онъ.

II.

Полтора года тому назадъ, когда семья кузнеца переселилась въ Т... губернію, въ Березовояровскую волость, Илья сразу очнулся. По душѣ пришлись ему лѣса темные, рѣки широкія, глубокія,— было гдѣ развернуть ему удаль молодецкую, высказать свою богатырскую силу. Добылъ онъ себѣ ружье доброе, оснастилъ крѣпкую рогатину, высмотрѣлъ въ далекомъ селѣ, куда для отца за товаромъ ѣздилъ, пару щенятъ охочихъ, вымѣнялъ ихъ и пошла у него по лѣсамъ потѣха. Трудъ, молитва да охота—скрасили жизнь Ильи. Такъ прошла осень, такъ промелькнула и зима, и весна-красна стала подкрадываться. По пригоркамъ, — всюду, куда заглянулъ теплый лучъ яркаго солнышка, зазеленѣла нѣжная зеленая травка; только въ овражкахъ глубокихъ да по лѣсной окраинѣ лежали еще бѣлыя грядки снѣгу. Въ небѣ что пологъ голубой раскинулся, ни облачка... Бурлятъ, шумятъ ручьи и рѣки—изъ береговъ выступили, луга затопили; зашумѣлъ вѣтеръ въ молодой листвѣ, а на зарѣ и утромъ, и вечеромъ нѣжно и жалостно закуковала кукушка, по ночамъ „сакачъ“ *) заухалъ. Илья съ зари утренней съ

*) Филинъ.

ружьемъ по лѣсу бродитъ, а бить никакой птицы не бьетъ,—для обороны, для звѣря лихаго зарядъ у него, а не для мелкой птицы Божьей, что съ пѣснями въ лѣса налетѣла. Мать его съ баушкой Аксиньей тоже хлопочутъ, мочатъ сѣмена, грѣютъ ихъ на солнечномъ припёкѣ, на огородахъ гряды копаютъ. Пришла и прошла Пасха, пропѣли въ часовнѣ и дома прочли восторженный кликъ Златоуста Іоанна и апостола Павла „гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?“ Минула и святая... На первый же понедѣльникъ Ѳоминой всѣ отправились на кладбище и тамъ помянули всѣхъ, кого знали, и покойниковъ изъ домовъ сосѣдей ближайшихъ, крашенными яйцами похристосовались съ ними, сыченой брагой, жальники *) полили. Старухи и молодицы спѣли „жальныя причитанія“, мертвецамъ „окличку“ сдѣлали—и всѣ разбрелись по домамъ... А Илья снова въ лѣсъ ушелъ, обуяла его душная, неспокойная дремота, охватила его нѣга разымчатая, а сна—нѣтъ. Забрелъ парень далеко; вправо взялъ, идетъ знакомой тропою, колками переходитъ и путь свой держитъ на Коробѣевку.

Солнце уже совсѣмъ къ западу склонилось, а въ Коробѣевкѣ еще никто не ложился. Парни и дѣвки въ лѣсъ повыскакали—Красну горку справляютъ, на зеленѣющихъ лугахъ стонъ стоитъ отъ пѣсенъ, хохоту и топоту ногъ веселыхъ, дѣвки пѣсни играютъ, „Сѣру утицу“ поютъ.

Стоитъ Илья въ сторонѣ, нейдетъ близко къ ребятамъ, хоть по кузнечнымъ дѣламъ и многихъ

*) Могилы.

изъ нихъ узнать успѣлъ, да зазорно ему въ чужую стаю влетѣть, да и не подстать ему веселое мірское гульбище это, да и не то сюда парня приманило...

Залегъ Илья за громадною старою елью, промежъ густыхъ черемуховыхъ кустовъ; виденъ костеръ ему, что парни разложили; вскинетъ онъ взоръ—и слѣдитъ за цѣлымъ снопомъ искръ, что вдругъ взовьется и что бисеръ огненный вверхъ полетитъ. Слушаетъ онъ, какъ хоръ заливается:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завѣйся труба золотая,
Завернися кáмка хрущатая,
Ой мимо двора,
Мимо широкá,
Не утица плыла,
Да не сѣрая,
Тутъ шла ли прошла
Красна дѣвица...

Слушаетъ Илья—и что птица пойманная колотится сердце его; ясно, отчетливо въ цѣломъ хорѣ слышитъ онъ одинъ голосъ, грудной, звучный, знакомый ему голосъ. То поетъ Варвара Ванѣева—черноокая, черноволосая, румяная зазноба его.

Скрылося солнце, свѣжо стало, потемнѣло небо, засверкали на немъ звѣзды сторожевыя, затренькала балалайка, удаляясь все дальше и дальше, посмолкли пѣсни, парни и дѣвки гурьбою и парами въ разсыпную направились въ деревню.

— Охъ, и пригожа-жъ дѣвка!..—слышитъ Илья у самыхъ кустовъ, пріютившихъ его.

— Это ты про Варвару Ванѣевскую все вздыхаешь? Хороша дѣвка и съ себя, и работящая, и

нравомъ кротка, всѣмъ взяла, да не тебѣ, братъ Ваня, ни мнѣ не съ руки такая невѣста.

— Не съ руки, братъ Алеха; намъ, богатѣямъ, остудно голытьбу такую въ домъ примать...

— Ну, а мнѣ, голышу, нужду на нужду гвоздить тожъ не приходится.

— Да, вотъ оно и выходитъ: ни вашимъ, ни нашимъ, да и не самимъ себѣ...

И говорившіе парни удалились.

Съ той ночи, съ тѣхъ словъ чужихъ запала мечта завѣтная въ сердцѣ Ильи. Сталъ парень чаще и чаще въ Коробѣевку навѣдываться, съ Варевыми знакомство свелъ. Жарко глядитъ онъ въ очи Варвары и безъ словъ тѣснѣй и тѣснѣй сливаются сердца ихъ...

Засталъ разъ Илья Варвару въ лѣсу, пасла она на луговинѣ телушку свою и зашла въ лѣсъ травы пос[illegible] [illegible]ей, встрѣтились, вспыхнула смуглая Варя [illegible] усмѣхаючись глядитъ на громадную фигуру смутившагося парня.

— Варвара... — началъ Илья и запнулся.

— Тимофеевной... люди величаютъ, — лукаво поддразнила [illegible]ка.

Но Илья [illegible] шагнулъ впередъ и не успѣла ахнуть В[illegible], какъ страстныя объятія заключили ее. [illegible] къ груди голову дѣвушки, Илья о[illegible] поцѣлуями ея волосы, лобъ и рдѣвшіяся [illegible] однимъ объятіемъ Илья переда[illegible] Безъ словъ, всю силу и мѣру своего чувства.

Какъ [illegible] дѣвушкѣ [illegible] полевой, какъ радужнокрылую [illegible] бабочку могли бы сломить, стереть въ прахъ [illegible] вѣшній цвѣтокъ ее руки, а между тѣмъ дѣвушку державшія

они обвились вокругъ ея стана съ материнской нѣжностью. Страсть здороваго, грубаго деревенскаго парня клокотала въ крови его, а онъ шепталъ ей нѣжныя, безсвязныя слова... И поняла дѣвушка, что не насильникъ тотъ парень, не охальникъ, а какъ есть будетъ мужемъ властнымъ, сильнымъ и добрымъ, надежнымъ, какъ родной кровъ надъ головою.

— Что ты, Варя, что ты, горленка?—вдругъ откинулся Илья и побѣлѣлъ, почувствовавъ, какъ слезы горькія канули на лицо его. — Чего? аль испужалъ? съобидилъ?

Дѣвушка рыдала.—Не видать намъ радости съ тобою, не идти намъ однимъ путемъ дорожкою, не имѣть мнѣ тебя другомъ милымъ, мужемъ любимымъ.

— А почему такъ?—сурово спросилъ Илья.— Я не ищу богачествъ твоихъ, мнѣ ничего не надо.

— Кержакъ ты! Люди говорятъ, не отдадутъ меня въ Березовоярскъ-отъ вашъ. Мамынька, батюшка... да и я сама... безъ вѣнца... не согласна... а ты будешь-ли вѣнчаться?

Смолкъ Илья, потемнѣло лицо, обнялъ еще разъ дѣвушку, поцѣловалъ въ самыя уста и отпустилъ, отошелъ.

— Прощайте, молъ, Варвара Тимофеевна,—повернулся и, не оглядываясь, скрылся въ лѣсу.

Ахнула Варвара, да некогда дѣвкѣ деревенской плакать, — къ телушкѣ бѣжать надо, въ лѣсъ-бы, глупая, не скрылась да къ звѣрю не попала; побѣжала за нею Варвара, повела пеструю домой, а тамъ—и пошла сутолока, работа непо-

кладная семьи бѣдной, гдѣ ртовъ больше, чѣмъ хлѣба посѣять въ силахъ.

Прошелъ день, канулъ другой, наступилъ третій—и къ Ванѣевскимъ воротамъ подъѣхала хозяйской рукой смастеренная одноколка, запряженная сытою рыжей лошадкой. Честь честью въ открытыя ворота въѣхалъ самъ Никаноръ Орѣшковъ, березовояровскій кузнецъ, съ женою своею Феофилой Марковной.

На порогѣ дома встрѣтилась имъ Варвара съ полной кринкой только-что надоеннаго пѣнистаго молока.

„Хорошая примѣта, подумала мать Ильёва,—да и дѣвка хороша, круглая, смуглая, звѣздоокая, и тихая и повадная, видно“. А старикъ кузнецъ задержался съ Тимофеемъ Ванѣевымъ, отцомъ Варвары, который тутъ-же на дворѣ ось у телѣги ладилъ и нежданнымъ гостямъ ворота отперъ. Мать Варвары, Анна Сидоровна,—худая, высокая старуха съ лицомъ искательнымъ, робкимъ, съ печатью нужды въ печальныхъ глазахъ, возилась у печи, приготовляя скудный полдникъ семьѣ. Ванѣевы по-неволѣ приняли богатыхъ березовояровскихъ гостей запросто, въ сухую, — такъ, какъ текла и жизнь ихъ повседневная. Долго толковали старики, да только ничего съ тѣхъ толковъ не вышло: кузнецъ и жена его ладили Варвару взять въ домъ свой „своднымъ“ бракомъ, т. е. безъ поповскаго вѣнчанія, и получили рѣзкій отказъ. Бѣдны были Ванѣевы, темны, не начитаны, да крѣпко знали одно: родились, попъ крестилъ ихъ, попъ въ церкви и молитву далъ, попъ ихъ обоихъ повѣнчалъ передъ престоломъ Божіимъ, тотъ-

же старый попъ, о. Митрій, и Варвару ихъ крестилъ, и ихъ, коли Господь милости положитъ, передъ смертью отъ грѣховъ разрѣшитъ и съ молитвой на вѣчный миръ отпуститъ: какъ-же быть безъ попа? Какъ безъ церкви на ложе брачное посягнуть? Срамъ тѣлу, гибель душѣ будетъ отъ того... Такъ ни съ чѣмъ и отъѣхали богатѣи кержаки.

Снова дни побѣжали; тянутъ старики Ванѣевы свою жисть,—жисть бездольную; нѣтъ у нихъ сына-парня здороваго, чтобъ отцу на подмогу былъ, нѣтъ у нихъ и достатка, чтобь въ домъ зятя хорошаго, работящаго взять, а ледащаго какаго, забулдыгу, чтобъ послѣднюю стрѣху съ избы развѣялъ,—такаго упаси, Боже. Ходитъ Варвара, работу справляетъ, только очи погасли, да пѣсня пропала у дѣвки... Объ Ильѣ ни слуху, ни духу, а по селу гомонятъ, зубоскалятъ:—Вишь, кержаки пріѣзжали Варвару сватать, „вѣнчать вокругъ ели, чтобъ имъ черти пѣли".

Насталъ Вознесеньевъ день. Въ Коробѣевкѣ прибрались всѣ избы, пошли гулянки и „столы" по богатымъ избамъ; у Ванѣевыхъ честь-честью тоже столъ накрытъ, большой пирогъ спеченъ, за столомъ съ Анной Сидоровной сидитъ старая дѣвушка - „вѣковуша" *) Авдотья Кипріановна изъ сосѣдняго села Федосѣевскаго.

— Ужъ такъ-то просятъ, такъ-то молятъ,—тараторитъ гостья, разсказывая о томъ, какъ больна Степанида, жена знакомаго Ванѣевымъ овчинника Афанасія.

*) По своей волѣ оставшаяся въ безбрачіи.

— Вѣдь никакъ, Анна Сидоровна, ты ему кумой приходишься?

— Кумой и есть! Вмѣстѣ съ нимъ въ вашемъже Федосѣевскомъ у сродственника мальчёнку крестила.

— Ну вотъ, ну вотъ, узналъ это онъ, что я сегодня на праздникъ къ вамъ сюда въ гости собираюсь—и учалъ онъ меня молить: заѣзжай я къ вамъ, то-ись къ Ванѣевымъ, и упроси я, чтобъ отпустили вы къ нему на недѣльку Варвару. Родила его жена, да, не къ мѣсту будь сказано, хворь одолѣла ее, восьмой день лежитъ, распалилась и встать не можетъ; отхаживаетъ ее тамъ старуха знающая, а дѣти-то, дѣти-то, малъ-мала меньше пять человѣкъ, какъ есть безъ призора; знаютъ они вашу Варвару, гащивала она у нихъ за тотъ годъ...

— Что говорить, гащивала, самъ Афанасій Силычъ о ту пору всѣмъ намъ овчины справлялъ. И онъ, и жена его привѣтные, обходительные люди.

— И съ достаткомъ,—вставила Авдотья Купріановна, прихлебывая густой кирпичный чай съ молокомъ.

— И съ достаткомъ,—повторила и Анна Сидоровна, уныло глядя кругомъ.

— То-то-жъ! Отблагодарю, говоритъ, къ зимѣ теплую одежу справлю, неравно, говоритъ, замужъ Варвара пойдетъ...

И вѣковуша осторожно покосилась на дрогнувшее старушечье лицо хозяйки.

— Гдѣ ужъ тамъ, — со вздохомъ махнула рукою Анна Сидоровна.—Я, что-жъ, я ничего, отпу-

стить не прочь Варвару, стараго спросить надо... Справиться-то и безъ нея теперь справимся, теперь какъ разъ по полямъ перемежка работы стоитъ; ну, а домашность-то, — не велика она вся наша домашность,—горько усмѣхнулась старуха и пошла къ старику.

Авдотья въ огородъ къ Варварѣ вышла, стала ее спѣшить снаряжаться: не досугъ, молъ, ей здѣсь простаиваться; а дѣвушка и рада, — какъ никакъ, а перемѣна и въ мысляхъ, и въ дѣлѣ.

Сказала Анна Сидоровна мужу о новой шубкѣ, что овчинникъ Варварѣ сулилъ, и о томъ, что дѣвкѣ лучше на время изъ села выѣхать: пусть, молъ, парни языки пообобьютъ да перестанутъ ее кузнецовскимъ сватаньемъ шпынять. На томъ и порѣшили. Простилась Варвара съ отцомъ, съ матерью, сѣла въ легкій плетеный коробокъ. Авдотья Кипріановна вожжи взяла въ руки, и побѣжала рѣзвая, пѣгая лошаденка по деревнѣ, за околицу, мимо полей широкихъ, и свернула налѣво, по узкой лѣсной дорогѣ. Подпрыгиваютъ колеса на пенькахъ, задѣваютъ гибкія вѣтви за головные платки женщинъ, свѣжестью весенней лѣсъ окружилъ ихъ, вьется жаворонокъ въ небѣ и роняетъ на нихъ пѣсню свою. Утихаетъ сердце Варварино, шире, вольнѣй грудь дышать стала.

— А что, тетенька, быть не этой дорогой я годясь къ Аѳанасію овчиннику ѣздила?

— Есть и другая, есть и другая, голубка моя чистая, да ближай эта будетъ, да и лѣскомъ ѣхать-то ужъ такъ хорошо.

— Охъ, хорошо! — вздыхаетъ Варвара и слѣдитъ за пчелкой круглой мохнатой, что надъ ними

вьется: аль заблудилась медовая труженица, съ улья чужаго сюда залетѣла, аль отроились да на волѣ свой улей гдѣ въ пнѣ завели.

— Сказывали мнѣ, Илья Березовояровскій...

Полымемъ вспыхнули щеки Варвары, заколотилось сердце въ груди и повернула она лицо свое къ спутницѣ, а та сидитъ, длинной вѣткой березовой лошадь постегиваетъ и на дорогу вдаль поглядываетъ.

— Брательникъ онъ мнѣ, Илья, приходится, въ сродствѣ мы съ семьей кузнецовой, такъ вотъ, сказывали мнѣ, непутное что съ парнемъ творится, хлѣба рѣшился, работа съ рукъ валится, не то болѣсть, не то кручина какая эдакова молодца, да вдругъ скрутила!

Молчитъ Варвара, еле дышитъ. Помолчала, Авдотья.

— Ой, чтой-то дорога корчомная какая, пни да колоды, объѣзжай не объѣдешь... Думаетъ Илья уйти изъ этихъ мѣстъ, дошлый онъ, работящій, свой кусокъ хлѣба всюду найдетъ... они вѣдь нездѣшніе, не изъ мѣстныхъ кержаковъ. Издалека пришли. „Палъ“ *) у нихъ тамъ на родинѣ былъ, домъ ихъ старинный прадѣдовскій сгорѣлъ, да и тѣснили ихъ тамъ,—они вишь по вѣрѣ по старой живутъ, вотъ и снялись ихъ три семьи, да сюда и перебрались, а ужъ только и семья у нихъ, богатѣйшая, тихая, ласковая, что въ Божьемъ домѣ, то у нихъ жить, а ужъ Илья... Но-о-о! куда вертишь, дорогу не призналъ, что-ли?—Авдотья занялась своей пѣгой, норовистой лошаденкой.

*) Пажаръ.

„А ужъ Илья", мыслитъ Варвара, да на томъ и оборвалась, гдѣ тутъ мыслить объ человѣкѣ, коли вся кровь, вся душенька стремится къ нему. „Желанный, родной, снова-бъ повидать, снова-бъ къ груди прильнуть, снова-бъ ласку твою горячую пить; эхъ! не судьба! отвернула голову, глядитъ Варвара на цвѣтики голубые придорожные, что на тоненькихъ ножкахъ къ землѣ пригибаетъ и съ прахомъ земнымъ мертвитъ и смѣшиваетъ. „Вотъ такъ-то и доля моя", думаетъ Варвара, „есть такія горемышныя, которымъ не долго красоваться, да на солнце смотрѣть: накатитъ нужда да горе и что колесо къ праху прижметъ".

— Господи Іисусе, Господи Іисусе, — побѣлѣлыми устами шепчетъ Варвара, крестится и глазамъ своимъ не вѣритъ.

Повернула пѣгая за уголъ лѣса, и какъ за откинутымъ пологомъ сразу передъ Варварой поляна открылась. Кругомъ частая ровная изгородь бѣжитъ, по другую сторону огородъ открылся, видны строенія, село большое, богатое кругомъ раскинулось, а у самой первой избы, у тесовыхъ широкихъ воротъ, стоитъ человѣкъ и ни уста, ни сердце Варварино имя сказать не смѣютъ. Открылись ворота, въѣхала пѣганка въ чистый мощеный дворъ, и весело заржала: знать, признала родную конюшню. Вышли на порогъ хозяева дома,— отецъ и мать Ильевы...

— Выходи, голубка, выходи гостья желанная,— ласково говоритъ Ѳеофила Марковна и руку тянетъ къ Варварѣ.

— Выходи, что-ль!—подталкиваетъ ее Авдотья

Кипріанова: — по пути заѣхали, не загостимся, доспѣемъ еще до заката и въ Федосѣевку.

А Илья стоитъ все у притолки входной, слова не молвитъ и глазъ съ Варвары не спускаетъ.

Гдѣ дѣвкѣ бороться противъ хитрости, силы, богачества, а еще того болѣ противъ ласки, противу сердца своего.

Обступила семья кузнецовская Варвару, заговорили, затуманили, а главное заманили обѣщаньемъ, что только для виду, для своего села, какъ будто свадьба по ихнему древлему обычаю безъ попа совершится, а какъ утихнетъ все, съѣздятъ они съ нею въ городъ ближайшій, да тамъ тихимъ образомъ у попа повѣнчаются, а къ отцу и къ матери ея, Варвариным, явится она потомъ съ мужемъ молодымъ, съ дарами богатыми и выпросять они себѣ прощенье и родителево благословенье.

Сѣло солнышко за лѣсомъ, смѣнился день жаркій ночью душною, высыпали звѣзды надъ лѣсомъ темнымъ, въ травѣ подъ окномъ звонко трещатъ кузнечики, въ ближайшемъ лѣсу звякаетъ „боло-то" *). Полонъ воздухъ ночной тепла и благовонія, а въ темной горенькѣ Илья дѣвушку къ сердцу прижимаетъ и проситъ, и молитъ, и Бога въ свидѣтели беретъ, что чистъ и святъ его бракъ будетъ... Идетъ съ нимъ Варвара къ старикамъ, падаютъ въ ноги имъ и просятъ благословенія на бракъ.

Обрадовались старики, и послали въ избу старшаго за Марьей Карповной Новосадовой, мать-

*) Звонокъ, что на скотину въ ночное время надѣваютъ

матушкой всего селенья, что по начитанности и святости за неимѣніемъ священника своезо и вѣнчальницей у нихъ была. Прибыла Марья Карповна съ головщицей Анастасеюшкой изъ дальняго скита, что о ту пору у нихъ гащивала. Посередь большой, чистой комнаты, что съ краю избы шла, поставили аналой и, какъ престолъ, со всѣхъ сторонъ дорогой парчей окутали. Стали передъ нимъ брачущіеся, соединила ихъ руки Марья Карповна и стала читать положенныя молитвы. „И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама къ женѣ, и приведе ее къ Адаму и рече Адамъ: се нынѣ кость отъ кости моея и плоть отъ плоти моея. Сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія. Сего ради оставитъ человѣкъ отца и мать свою, прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину. Адамъ, Сиѳъ, Енохъ, — сіи упова призывати имя Господа, и сѣмя ихъ благословенно въ чадѣхъ ихъ наслѣдія Божія до вѣка...“

. . . .

Преклонилъ колѣна Илья, рядомъ съ нимъ преклонилась и Варвара.

„И нынѣ, Господи, не блудодѣянія ради поемлются обоя сія между собою, но по истинѣ Твоей. Повели помилованнымъ вкупѣ состарѣтися“.

Ясно, звонко читаетъ молитвы Марья Карповна, Анастасеюшка раскурила ладономъ роснымъ кацею золоченую и окадила брачущихся. Ярко горитъ, спускаясь съ потолка, паникадило съ прорѣзными золочеными яблоками, съ украшеніемъ изъ серебряныхъ перьевъ и витыхъ усовъ; ярко пылаютъ вокругъ толстыя свѣчи желтаго, чистаго пчелинаго воску, сурово глядятъ темные лики свя-

тыхъ съ образовъ древле строгановскаго письма. Берутъ старики, и отецъ и мать, по дорогому золоторизному образу и благословляютъ молодыхъ. Конченъ обрядъ, ведутъ Илью и Варвару въ боковую комнату, кладутъ на широкую тесовую кровать, на снопы ржаные, не вымолоченные, что въ хозяйливыхъ семьяхъ всегда про запасъ берегутъ... Совѣтъ да любовь.

Ночушка темная, ночушка душистая, тихая, теплая, страстью дышитъ, тайной землю заснувшую кроетъ!

Какъ узнали старики Ванѣевы, куда дочь ихъ Варвара дѣлась, какимъ позоромъ семью ихъ покрыла, затосковали, проклятьемъ Варварѣ пригрозили, смутились было въ Березовоярское ѣхать, да видно у бѣдняка вся сила въ одномъ языкѣ, покопошились, поворошились, да на томъ и сѣли. Прислала Варвара имъ письмо жалостное, расписала имъ свое житье хорошее, сытое, ласковое обращеніе мужа своего молодаго, ихъ обѣщанія невдалекѣ и церковно скрѣпить бракъ, прислала денегъ старикамъ и всякую помогу обѣщала. Что тутъ будешь дѣлать, болитъ родителево сердце, да куда-жъ теперь дочь и возьмешь, коли обратно отнимешь; была дѣвкой, а теперь что? не жена, не вдова, постылаго кержака полюбовница. Стали ждать старики исполненія обѣщанія, да только не дождались, какъ не дождалась его и Варвара.

Какъ ни любила Варвара Илью, а чужой она себя въ суровой семьѣ чувствовала, чужой и во всемъ селѣ была она, всѣ свычьи и обычьи, и

работа, и отдыхъ, и праздникъ, и молитвы все чужимъ Варварѣ казалось. Ни звона колоколовъ, ни крестныхъ ходовъ съ образами по полямъ, яркихъ платьевъ, ни хороводовъ въ праздникъ — ничего такого у кержаковъ нѣтъ. Пришло время „понесла" Варвара, стала она пуще прежняго приступать къ свекру вѣнцомъ покрыть.

— Вѣнчали тебя, будетъ, чтимъ твой бракъ, чего тебѣ еще надо? Чтобъ и не дышать больше надъ этимъ самымъ обѣщаніемъ, не будетъ и — ладно!

— А какъ же ребеночекъ мой? какъ родится, понесу-ль я его въ церковь окрестить?

— Сами окрестимъ, ни въ церковь свою ноги не поставишь, ни къ себѣ попа не примемъ.

Затосковала Варвара. Любила она Илью, понимала всю доброту, всю заботу его, да мысль, что не мужъ онъ ей, что безъ вѣнца она живетъ съ нимъ, что вотъ только выйди она за ту околицу и вся власть ихъ пропадетъ, въ любомъ православномъ селеніи ее полюбовницей кержацкой звать станутъ; что и отецъ и мать къ ней ноги поставить не хотятъ, да и самой ей въ свое село явиться зазорно, а тутъ, накось, ребенка некрещенаго на свѣтъ принесетъ. Да какъ же она ему, некрещеному, незаконному, грудь свою материнскую дастъ? Да какъ же сама она безъ молитвы очистительной съ одра болѣзни встанетъ, за хлѣбъ и за работу примется? и помутился духъ у молодухи. Стала она пытать лаской жаркой, слезами горючимъ мужа подбивать отъ старпковъ отдѣлиться и въ свое православное селеніе, въ свою Ванѣевскую избу перейти.

Любилъ Илья Варвару, да только бабьимъ разумомъ жить не могъ. Грамотный, начетчикъ, своей вѣрѣ измѣнить не въ силахъ былъ, отъ своихъ родителевъ отречься, отъ своихъ общинныхъ понятій и порядковъ отколоться не могъ. Сталъ онъ пытать жену вразумить, да какъ вразумишь, коли стали ей сны сниться и во всемъ дьявольское навожденіе видѣться. Отъ ѣды, отъ питья отбилась молодуха, ума рѣшилась отъ мысли, что и на томъ свѣтѣ ей съ отцомъ, съ матерью не свидѣться. А тутъ случилось такъ, что Ильѣ по общиннымъ дѣламъ выпало въ далекую поѣздку отправиться, и старики были рады, изо всего села набравъ порученій, снабдивъ деньгами Илью, послали его въ далекій губернскій городъ. Вернулся Илья черезъ мѣсяцъ и засталъ свою Варвару при смерти.

Оступилась молодуха, да вишь, какъ въ подполье молочныя крынки ставила, съ лѣстницы сорвалась, такъ и Варвара сказала ему, а на селѣ дохнулъ ему кто-то, что топилась его молодуха, да изъ воды вытащили. Отъ эдакой правды легче не станетъ, и Илья ничего не спрашивалъ. Въ закрытой зыбкѣ лежалъ съ головой спеленутый чистымъ полотномъ мертвенькій младенецъ, на кровати въ огневицѣ жена разметалась, а самъ Илья сидитъ, на темные лики святыхъ смотритъ и думаетъ тяжкую думу:—„Гдѣ-жъ истина? Гдѣ спасеніе?“

III.

Пала роса на землю, закурились легкимъ туманомъ поля, выплылъ мѣсяцъ изъ-за тучъ и сталъ надъ лѣсомъ, серебромъ охватилъ пушистыя верхушки, освѣтилъ поляны, заходили на нихъ тѣни, какъ живыя, потянулъ вѣтерокъ, взборздилъ серебромъ переливчатымъ ручей, что не подалеку изъ родника выбѣгалъ и журча, лепеча по лѣсу мчался. Освѣтилъ мѣсяцъ и караго рѣзвоногаго, бѣжавшаго по лѣсу, и Илью, безучастно глядѣвшаго въ даль. Спало село Коробейниково, спали и старики Ванѣевы, когда въ ворота ихъ съ тихой молитвою постучалъ Илья. Вскинулся старикъ Тимофей, приподнялъ оконце и не сразу узналъ высокаго, статнаго гостя ночнаго; опросилъ и сталъ будить старуху.

— Вставай Анна! Варваринъ мужъ пріѣхалъ, видно, что съ нею подѣлалось. Вошелъ Илья въ избу, иконамъ не помолясь, въ правый уголъ не взглянувъ, проговорилъ свою обыденную молитву: Господи Іисусе, и сѣлъ на лавку, покосились на него старики, да видно, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не сунешься.

— Помираетъ Варвара ваша!—началъ Илья сухимъ, наболѣвшимъ голосомъ. Молча перекрести-

лись старики.—Помираетъ и померетъ не можетъ, мать кличетъ, попа о. Митрія зоветъ—исповѣдаться и причаститься желаетъ.

— Вѣстимо не помирать-же ей, какъ скотинѣ безсловесной, безъ отпуску покаяннаго,—угрюмо проговорилъ отецъ.

— Что приключилось съ дочкой? съ чего помираетъ, аль извели?—спросила мать, подходя къ Ильѣ и съ горячей ненавистью глядя на него.

— Мертвенькаго родила, съ того раза и болѣзнь накатила, слушайте,—Илья всталъ:—не для пустыхъ рѣчей и перекоровъ пришелъ я къ вамъ. вотъ какъ любилъ Варвару свою: коль могъ-бы сердце изъ груди измать, да ей отдать—отдалъ-бы, а только въ смерти и въ жисти—одинъ Богъ воленъ... заплачу я о. Митрію, что спроситъ, а только надо мнѣ его въ сей-же часъ туда къ ней предоставить.

Замолчалъ Илья, молчитъ старикъ, тихо, жалобно рыдаетъ мать.

— Ладно, будетъ причитать, не теперь сиротами насъ Варвара оставила, а въ тотъ часъ, какъ безъ вѣнца въ чужой семьѣ жить осталась, ты ей мать; собирайся, иди, проси попа спасти ея душу грѣшную, коль не спасли мы мы молодость ея. Ступай старуха—смерть-то вѣдь ждать не станетъ.

Спитъ лѣсъ дремучій, свѣтитъ мѣсяцъ сквозь тучи, что спѣшно бѣгутъ по небу, ѣдетъ лѣсомъ въ коробкѣ старикъ о. Митрій и набожно держитъ дароносицу, въ шелковый платъ завернутую; рядомъ съ нимъ сидитъ Анна Сидоровна, вся впередъ нагнулась, глазъ съ дороги не сводитъ, точно материнскимъ сердцемъ своимъ путь сокра-

тить хочетъ и далекое Березовоярское къ себѣ притянуть. Рядомъ на каромъ ѣдетъ Илья и весь застылъ въ одной думѣ:—жива-ль Варвара, приведетъ-ли ему Господь Богъ дать ей послѣднюю радость земную.

Доѣхали до окрайной полянки, остановилъ Илья караго, слѣзъ, поговорилъ съ о. Митріемъ и пошелъ впередъ, ведя въ поводу свою лошадь. О. Митрій съ Анною тоже вышли изъ коробка, отвели лошадь въ сторону подъ тѣнь густую темныхъ сосенъ и сами стали тутъ-же.

Отперъ Илья загородку у поскотины и впустилъ туда караго, затѣмъ прошелъ вдоль огорода, тихо ступилъ на крылечко и еще тише, съ замираніемъ сердца, открылъ дверь въ свою боковую комнату. Секунду онъ задержался на порогѣ, пріостановивъ дыханіе, глядѣлъ на Варвару и вздохнулъ только тогда, когда убѣдился, что грудь молодухи слабо приподнимала сорочку, показалось ему, что черныя рѣсницы, длинныя, дрогнули при его появленіи. „Знать ждала", подумалъ онъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, на немъ икона пресвятой мученицы Варвары и на оловянномъ блюдѣ пукъ свѣчей, изъ которыхъ, три налѣпленныя по краю блюда, горѣли, давая комнатѣ слабый красноватый свѣтъ. Въ головахъ кровати, передъ рядомъ иконъ, горѣла большая „Неугасимая". Каноница Анастасьюшка стояла у аналоя, спиной къ двери, лицомъ къ ногамъ, и громко, гнусливо и медленно читала канонъ, а въ углу темномъ, все также наглухо закрытая, зыбка стоитъ.

Осторожно ступая, Илья дошелъ до каноницы и положилъ передъ аналоемъ уставный поклонъ.

— Ступай Анастья спать,—сказалъ онъ:—я самъ читать стану.

Оторопѣла рыжая канонница, красными пятнами пошло лицо ея; виданное-ли дѣло, чтобы ее, монастырскую уставщицу, замѣнилъ мужчина, да еще не келейный какой, а просто мужъ умирающей. Думалось Анастасіи, что даже ослышалась она, но Илья стоялъ возлѣ нея и твердо смотрѣлъ ей въ лицо.

— Ступай, говорю, ложись спать, не томись даромъ, я покараулю больную.—Канонница не двигалась съ мѣста, Илья нагнулся къ самому ея лицу, да вдругъ съ такой щемящей болью заглянулъ ей въ глаза, что та даже рукой отшатнулась отъ него.

— Слышь, Анастасеюшка, дай мнѣ послѣднюю ночку около жены моей одному пробыть... не жилица она на этомъ свѣтѣ, дай намъ часъ достальной по душѣ поговорить.

Замигала узкими сѣрыми глазками Анастасья, дошла до ея охладѣвшаго старо-дѣвичьяго сердца тоска Ильева, закрыла она на бисерную закладь книгу святую, поклонилась образамъ, вышла тихонько и дверь за собой затворила. Замолкли шаги ея и Илью охватила жуткая тишина, на аналоѣ горѣли двѣ свѣчи и какъ укоръ освѣщали закрытую святую книгу. Невольно перевелъ онъ глаза на иконы. „Святители, угодники, что дѣлать хочу, какую страсть совершить задумалъ? Отступникъ я, предатель, вѣру, за кою предки животъ положили, чистоту обрядовъ уберегая, въ лѣса бѣжали, жглись, гладомъ морились, попрать я пришелъ. Спитъ все селеніе, а я, какъ тать ночной,

хочу скрасть ихъ покой. Святители, угодники!“ Илья съ ужасомъ глядѣлъ въ темные лики. За нимъ раздался слабый стонъ жены, дрогнулъ Илья, ровно стонъ тотъ изъ его собственной, наболѣвшей души вырвался; бросился онъ къ женѣ, глядитъ она, глаза открыла и горящимъ, вопрошающимъ взглядомъ приковалась къ его лицу. Нагнулся Илья и приложилъ руку къ ея лбу, подъ этимъ прикосновеніемъ глаза ея приняли спокойное, ласковое выраженіе, чуть-чуть порозовѣло мертвенно-блѣдное лицо и уста шевельнулись. Илья нагнулся къ ней.

— Да благословитъ тебя Богъ, любый, любый, шептала она... привезъ?

Глянулъ Илья на иконы. „Прости-жъ ли Господи?

— Привезъ.

Блеснули очи больной, двѣ слезы скатились по щекамъ и худыя изсохшія руки шевельнулись, приподнялись и дрожа закинулись за шею мужа.

— Помни... помираю... благословляю тебя... спасъ ты душу мою...

Снова глянулъ Илья на иконы. „Гдѣ же правда? гдѣ берегъ?...“ и снова припалъ къ женѣ. Зашуршала подъ его руками ржаная солома и вспомнилъ онъ, что снопы тѣ на брачную, да на смертную постелю стелются, вспомнилъ онъ ту ночь лѣтнюю, теплую, какъ привезъ онъ сюда свою жену молодую, какъ въ порывѣ туманившей страсти клялся онъ ей, что покроетъ вѣнцомъ обманный бракъ свой, вспомнилъ, какъ мучилась она, что безъ матерняго согласія, безъ церковнаго благословенія отдала ему честь дѣвичью, красоту нерушенную свою. Глянулъ онъ на жену и понялъ,

что для нее онъ пойдетъ на все; душу свою онъ погубитъ, чтобъ успокоить ее.—„Лежи, голубка, шепчетъ онъ, — я домъ обойду, гляну — все-ль тихо, одежду добуду тебѣ и вернусь, годи маленько, мамынька твоя и онъ здѣсь съ дарами".

Вышелъ Илья... Все тихо, спятъ старики, убѣжденные, что каноница ни на секунду не оставитъ больную. Еле ступая, сошелъ Илья въ подклѣть, снялъ съ гвоздя широкую, заячью женину шубу, что тутъ для провѣтру висѣла; еле дыша вернулся назадъ, Варвара лежала, глазъ не спуская съ дверей. Съ трудомъ переводя духъ, какъ человѣкъ, пробѣжавшій громадное пространство, Илья бросилъ на полъ шубу, утеръ лобъ, покрытый крупными каплями пота, глубоко передохнулъ и разстелилъ на полу зайчину, потомъ осторожно поднялъ Варвару съ кровати, ахнулъ и чуть не выронилъ ее изъ рукъ. Легче пера невѣсомаго показалось ему тѣло ея. Вотъ до чего извелась баба! Бережно положилъ онъ ее на разостланный мѣхъ, завернулъ съ головою, снова поднялъ на руки, прижалъ къ груди дорогую ношу и вышелъ съ нею въ сѣни. Пахнула на него ночь теплая, лѣтняя, небо прояснѣло, выплылъ изъ облаковъ мѣсяцъ двурогій и звѣзды, словно очи ангеловъ, пристально-строго глядѣли на землю. Выстланный досками дворъ лежалъ передъ Ильею громаднымъ, бѣлымъ пятномъ. Захолонуло сердце его, какъ перейти этотъ свѣтлый кусъ? Коли матерь-старухѣ не спится и глядитъ она въ окно, коли каноница Анастасія еще не легла? Увидитъ, тревогу подымутъ, по-вору ударятъ *)... Боязно, а идти надо. Нагнулся Илья,

*) Кричать станутъ.

крадучись сталъ вдоль стѣнъ пробираться, ужъ миновалъ второе окно, вотъ онъ подъ навѣсомъ кузни, какъ вдругъ замерло сердце его,—съ страшнымъ лаемъ, скачками несся на него со втораго двора громадный сторожевой песъ; грудью налетѣла на него собака и, не приткнись Илья къ косяку двери, сшибъ бы песъ его съ ногъ.

— Куцый, Куцый! шепчетъ ему Илья, но песъ ощетинился, обнюхалъ заячью шубу—вдругъ отступилъ, поднялъ морду вверхъ и завылъ по направленію лѣса.

— О, Господи, Господи, да неужто-жъ померла моя Варвара? заволновался Илья, но руки его были заняты, не могъ онъ ощупать ее, а за страшнымъ біеніемъ своего сердца не могъ распознать ни малѣйшаго ея движенія. Разбудитъ песъ, проклятой, домашнихъ,—кинутся они въ боковушку глядѣть Варвару... пропало, все пропало! Стукнуло крайнее окно... открылось... „Господи, Іисусе Христе... нишкни, проклятикъ! нишкни, Куцый! ой, язви тебя! чего воешь? аль упокойника чуешь?" донесся до него голосъ матери.

Илья быстро нагнулся, положилъ на порогъ кузни, подъ тѣнь выступающаго навѣса, Варвару и махнулъ впередъ.

— Нишкни, Куцый!

— Ай, свѣте тихій! никакъ ты, Илья? Вотъ спужалъ, Господи Іисусе,—чего-жъ ты не спишь? Пойти поглядѣть, не умерла ли твоя Варвара.

— Жива, матушка, полегчало ее... спитъ крѣпко... я самъ ее караулю, да вотъ какъ заснула и вышелъ я на „простуду" *).

*) На свѣжій воздухъ.

— „Гребтитъ“ *) сердце твое, сыночекъ!

— Гребтитъ, мамынька.

— Анастасеюшка-то тамъ ли?

— Тамъ, матушка,—и я туда иду.

— Подь лучше на сѣновалъ, дай отдухъ себѣ, а я схожу покараулю ее, и она стала закрывать окно.

— Матушка! Илья задержалъ оконницу. Не ходи, родная, утречкомъ я самъ побужу тебя и пойду соснуть, а теперь шорохъ кажинный, слово шопотное и то пужаетъ ее.

— Инъ, ладно! Прости, Илья! Храни тебя Богъ, утречкомъ побуди меня. Господи, Іисусе Христе!— и окно закрылось

Вернулся Илья къ дверямъ кузни, лежитъ заячья шуба свернутая, а рядомъ съ ней песъ куцый сидитъ, знать, призналъ, караулитъ. Снова на руки взялъ Илья Варвару. Чу! легкій стонъ распознаілъ. Жива! Слава те, Господи, Іисусе Христе. А тутъ тучка надвинулась, нырнулъ мѣсяцъ подъ нее, Илья быстро перебѣжалъ дворъ, подъ тѣнь широкаго навѣса „завозни“ **), оттуда вдоль „оплота“ ***) въ заранѣе отворенную калитку, еще немного перелѣскомъ и—Илья, блѣдный, съ волосами, слипшимися отъ холоднаго пота, едва дыша, стоитъ на лѣсовой плѣшинкѣ, выдавшейся средь густорослыхъ высокихъ хвой, тутъ же укрылась лошадь попова съ телѣжкой, а прислонившись къ ея грядкѣ, стоитъ и самъ старый о. Дмитрій; шагахъ въ двухъ отъ него, какъ Лотова жена, пряма, неподвижна, без-

*) Скорбитъ.
**) Экипажный сарай.
***) Заборъ.

молвна, стоитъ старуха Ванѣева и глазъ не спускаетъ съ лѣсной глуби.

Какъ листъ осенній, задрожала старуха, когда Илья положилъ у ногъ ея заячью шубу и, раскрывъ ее, высвободилъ мертвенно-блѣдный ликъ Варвары съ закрытыми глазами.

— Никакъ скончалась? — тихо промолвилъ о. Дмитрій.

— Доченька, дитятко, болѣзная моя, горемычная, — бросилась къ Варварѣ мать, ручьемъ слезъ орошая лицо ея, а Илья, закинувъ голову, смотрѣлъ въ небо глубокое. „Господи, Господи, на твой судъ и на твою милость отдаю душу мою!"

Слезы-ли материнскія, дыханье-ли теплое ночи, свѣтъ-ли мѣсяца, что лаской истомной съ неба глядѣлъ, пробудили Варвару, еще разъ къ жизни призвали. Очнулась молодуха, что орлица раненая, открыла широко черныя очи и глянула ими на небо.

„Господи, Іисусе, помилуй мя!" шепчетъ она, и тихій ночной вѣтеръ, подхвативъ молитву умирающей, несется съ нею, и гибкія верхушки могучихъ сосенъ, и ручьи, и кусты, и цвѣты лѣсные, надъ которыми пробѣгаетъ онъ, наклоняются, шепчутъ, толкуютъ промежъ себя, будто сознавая, какая тайна великая готова здѣсь совершиться въ темномъ лѣсу.

Заяснѣла улыбка на лицѣ Варвары, узнала она заплаканное старушечье лицо, нагнувшееся надъ нею.

— Мамынька... согрубила я тебѣ, простишь-ли?

— Свѣтикъ ты мой, Варварушка! Голубонька умильная ты моя, нѣту у меня гнѣва на тебя, одна любовь моя родительская.

— Родная моя, прости меня, Господа ради, не жилица я на бѣломъ свѣтѣ, а... батюшка?

— Простилъ тебя отецъ, шлетъ тебѣ благословенье свое родительское, до смерти нерушимое.

И мать трижды благословила Варвару.

— А о. Митрій?

Священникъ выступилъ изъ-подъ развѣсистыхъ лапъ сосны, шагнулъ и сталъ на колѣни возлѣ умирающей.

— Да благословитъ тебя Богъ, какъ я, служитель его, благословляю тебя за то, что не захотѣла ты помереть безъ покаянія христіанскаго. Принесъ я тебѣ дары Господни. Не томи себя исповѣдью громкой, припомни всѣ грѣхи твои, молись въ душѣ, кайся Господу, а я именемъ Всевышняго дамъ тебѣ отпущеніе въ грѣхахъ твоихъ, вольныхъ и невольныхъ.

Приподняла мать Варварину голову, сложила ей руки молитвенно и снова молодуха съ страстной мольбою устремила въ небо очи свои. Дрожащимъ голосомъ, полнымъ священнаго трепета, сталъ читать отецъ Дмитрій отпущеніе грѣхамъ ея, а за густыми кустами пихтарника, припавъ головою къ мать-сырой землѣ, рыдалъ Илья, — рыдалъ, вспоминая ночь подъ Красную горку, когда онъ, припавъ къ такимъ же кустамъ близь села Коробейникова, слушалъ „Сѣрую утицу“, выглядывалъ зазнобу свою, красоту-свѣтъ Варвару.

Открылъ о. Дмитрій дароносицу, разстелилъ на грудь молодухѣ платъ шелковый, досталъ лжицу священную и причастилъ Варвару.

„Да не въ судъ, или во осужденіе, будетъ мнѣ

причащеніе пречистыхъ Твоихъ Таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла“...

Подавленный торжественнымъ молчаніемъ нѣ[illegible] глубокой высью небесъ, горящими звѣздами и [illegible] сторженнымъ лицомъ умирающей, священникъ [illegible] кончилъ молитву дрожащимъ голосомъ, полны[illegible] умилительныхъ слезъ. Смолкъ голосъ старческ[illegible] торжественно молчитъ ночь нѣмая, поникла [illegible] надъ умирающей и глядитъ на освѣщенное [illegible] сяцемъ лицо, пожелтѣло, потемнѣло оно, глубже [illegible] ушли впадины глазъ, закрылись вѣки, губы сжа[illegible] лись, пропали блѣдной тонкой полоской и вдругъ [illegible] изъ груди молодухи вырвался стонъ перекатный... „колоколецъ“ *).

Спряталъ дароносицу о. Дмитрій, снова подошелъ, опустился на колѣни передъ Варварой и сталъ читать отходную, но молодуха еще разъ вдругъ открыла глаза.

— Илья, Илья! крикнула она.

И какъ безумный шарахнулся Илья изъ кустовъ и припалъ къ груди своей любы. Безысходная скорбь наполнила широко открытые глаза умирающей, жалко, страшно жалко ей стало покидать жизнь; все, чѣмъ полно было ея недолгое, несложное существованіе, — все пронеслось передъ ней: поля колосистыя, пѣсня жаворонка въ выси небесной, звонъ ботола на любимой, красной коровѣ, подруженьки, пѣсни, храмъ Божій въ Троицынъ день, полный цвѣтовъ и березокъ, Илья... Илья мужъ веселый и ласковый... ребенокъ... ребенокъ... Тутъ мысли ея помутились, глаза откры-

*) Предсмертный хрипъ умирающей.

лись еще шире, привстала она, дохнула глубоко, откинула руки, какъ-бы желая еще разъ обнять милаго...

— Илья!.. и голова молодухи упала, дыханіе вылетѣло изъ груди . . . .
. . . .
. . . .

Близится утро. Сѣрѣетъ небо надъ лѣсомъ. Свѣжѣетъ вѣтерокъ, на полянѣ еще лежитъ трупъ Варвары, покрытый заячьей шубой; только теперь не одна она, какъ голубенокъ неоперившійся ютится подъ крыломъ матери,—лежитъ теперь на груди ея трупъ мертворожденнаго, оба они вмѣстѣ въ широкую чистую новину обернуты. Подъ развѣсистыми вѣтвями двухъ громадныхъ кедровъ, сросшихся какъ братья-близнецы, Илья вырылъ глубокую могилу, полилъ ее пóтомъ своимъ и слезами. Уѣхалъ о. Дмитрій, увезъ съ собой и старуху Ванѣеву, силой оторванную отъ трупа дочери, остался Илья одинъ; сходилъ онъ въ домъ, принесъ заступъ, лопату, досталъ новину, загодя приготовленную на случай смерти, вынулъ изъ зыбки младенца, съ головой спеленатаго, и все перенесъ въ лѣсъ; самъ могилу вырылъ, и какъ брызнули первые лучи солнца, подъ щебетъ и пѣсни проснувшихся птицъ, опустилъ туда жену свою милую съ приплодомъ ея несчастнымъ; зарылъ ихъ, землею сровнялъ, все утопталъ, прикрылъ искусно снятымъ дерномъ съ травниками, чтобъ ни звѣрь, ни человѣкъ, никто не распозналъ, гдѣ схоронилъ онъ покой свой душевный. Отнесъ на мѣсто все взятое и шубу заячью повѣсилъ въ подклѣть, по-

слѣдній разъ вышелъ изъ воротъ своихъ и трижды земно поклонился: прости, прощай кровъ родительскій! Прости, прощай батюшка и ты, мнѣ да мамынька; не на то рѡстили, не на то холили сына вашего, чтобъ измѣнилъ онъ вѣрѣ своей, не видать мнѣ болѣ васъ, не слыхать мнѣ горькихъ словъ вашихъ.

Какъ былъ Илья въ одной одежѣ да шапкѣ, безъ куска хлѣба запаснаго, съ одной черной кручиной на сердцѣ, да съ крѣпкой надеждой на Бога пошелъ въ свѣтъ далекій,—по монастырямъ, по скитамъ, по старцамъ лѣснымъ скитаться, вѣру пытать, правду-истину искать.

Спитъ домъ кузнеца, крѣпкимъ сномъ покоятся отецъ и мать Ильёвы, спятъ — и не чуятъ, что бѣда горькая, полная слезъ горючихъ, подъ ихъ окнами бродитъ, подожкомъ въ ихъ ворота стучится, оповѣстить хочетъ, что сынъ ихъ, опора ихъ старости, краса и гордость дома ихъ, душой смутился, разумомъ затуманился и отъ дома ихъ роднаго отрясъ прахъ ногъ своихъ.

БѢЛОКРИНИЦКІЙ АРХІЕРЕЙ АФАНАСІИ.

Домъ богатыхъ старообрядцевъ Ситниковыхъ раскинулся что усадьба въ нагорной части города К—ска. Амбаровъ, амбарушекъ, закромовъ, повалушекъ съ казёнками, завозней безъ числа, а позади два сада—одинъ для пріятности съ „ранжереечками“, узорчатыми „планидами“ разныхъ духовитыхъ „цвѣтиковъ“ и съ бесѣдкой, въ видѣ храма, съ стеклянным „кумполомъ“. Другой садъ, или вѣрнѣе огородъ, какъ приспѣхъ къ домашнему обиходу, весь заросъ кустами малины, красной смороды, застроился правильными рядами клубники и земляники. Въ этомъ саду, у самаго забора, стояла и баня. Большой, чистый дворъ, къ которому примыкали оба сада, былъ весь, по сибирскому обычаю, выстланъ досками, хорошо сколоченными, бѣлыми и чистыми, какъ и полъ. Самый полукаменный домъ Ситниковыхъ былъ просторный, двухъ-этажный, съ большими горницами, устланными дорогими персидскими коврами, съ тяжелой мебелью краснаго дерева, крытою штофомъ „пукетовымъ“, со стеклянными горками, заставленными серебромъ и золоченой аглицкой посудою, съ картинами божественнаго

содержанія, шитыми шелкомъ и бисеромъ. Цвѣтущіе олеандры и китайскія розы стояли на подоконникѣ и на примосточкахъ. На столахъ всюду рукодѣльныя салфетки хитрой работы, на окнахъ вязаныя и шитыя въ „проборъ" шторы и занавѣсы, а въ спальняхъ бѣлыя кровати съ горами пуховиковъ и подушекъ, пузатые комоды, кованныя укладки, поставленныя одна на другую по величинѣ и переслоенныя коврами и покрывалками. По угламъ всюду темные образа стариннаго письма, въ кованныхъ „сканыхъ" и низанныхъ жемчугомъ ризахъ, при нихъ лампады съ мѣстами для желтыхъ свѣчъ чистаго воска, катанныхъ набожными руками. Въ сторонѣ отъ главнаго дома ютились разныя постройки: кухни, людскія, „флигеречки" и въѣзжія, гдѣ останавливались старицы, головщицы, уставщицы разныхъ монастырей, а то и такъ, просто „свои". Вся эта Ситниковская слободка окружалась со всѣхъ сторонъ высокимъ „оплотомъ", съ вѣчно запертыми на желѣзный засовъ воротами, съ калиткой, отъ которой денно и нощно не отходили смѣнные караульные изъ татаръ. Внутри, кругъ оплота, рѣшетками въ стѣну стояли ящики, а въ нихъ день-деньской спали свирѣпые псы, ночью же, выпущенные на свободу, расправивъ усталые члены, носились по двору, готовые перегрызть горло каждому, кто осмѣлился бы безъ провожатаго показаться во дворѣ.

Ситниковы торговали лѣсомъ, но ни торговля, ни образцовое хозяйство не давали имъ того благосостоянія, которымъ они пользовались; напротивъ, не разъ дѣла ихъ пошатывались и

близки были къ банкротству. На всякія сдѣлки и подряды не особенно счастлива была рука стараго Евграфа Силыча, но каждый разъ, когда всѣ дѣла ихъ висѣли на волоскѣ, судьба посылала имъ таинственное наслѣдство и снова все устраивалось къ общему благополучію. Дѣло въ томъ, что въ семьѣ Ситниковыхъ было неизреченное сокровище—криница истаго благочестія, мать-матушка, лебедь бѣлая, тридцати-лѣтняя дочь Ситниковыхъ, Устинья Евграфовна. День и ночь непрестанно вѣрующіе тащили матушкѣ Устиньѣ Евграфовнѣ муку, крупу, медъ, пшено, деньги и проч. И жизнь ея безъ всякихъ трудовъ текла сытая, прибыльная и почетная.

Средняго роста, полная, высокогрудая, смуглая, съ черными властными глазами, Устинья Евграфовна была начетчица въ кожаныхъ книгахъ, знала весь уставъ, могла править службу и праздничную, и похоронную, и крестинную, знала всѣ стихи и пѣснопѣнія и по праздникамъ въ ея большую молельню народъ стекался сотнями. Изъ дальнихъ и близкихъ монастырей къ ней ѣздили „матери“ за совѣтомъ, ей отдавали сиротъ богатыхъ на воспитаніе, ей же на потайныя милостыни присылались безотчетныя тысячныя суммы и не разъ умирающіе милліонщики оставляли ей по завѣщанію большіе куши на поддержаніе благолѣпія вѣры истинной.

Умная была дѣвка Устинья Евграфовна и покорная, и своеобычная, и гордая, и поклонная, смотря потому, съ кѣмъ и при комъ.

Былъ у Ситниковыхъ и сынъ Степочка, красивый брюнетъ 22 лѣтъ, съ курчавой бородкой

и лукавыми, масляными глазами. „Матер[illegible]“ счи-
тали его еще молоденцемъ, неосмыслен[illegible]ымъ и
охотно приглашали его въ скиты, на раз[illegible]я сто-
янія и службы, на клиросъ, въ подмогу [illegible]рнич-
камъ и клирошанкамъ.

Степочка былъ изъ молодыхъ, да ра[illegible]. Въ
монастыряхъ онъ велъ себя примѣрно [illegible] бо-
язненно; голову смазывалъ чистымъ елеем[illegible]ду
расчесывалъ, ходилъ въ подрясникѣ, въ [illegible]у-
чихъ сапожкахъ и говорилъ на распѣв[illegible]а
ѣздилъ за тятиньку на ярмарку въ Н[illegible]
по подрядамъ въ Москву, то устраивалъ себѣ на
головѣ капуль въ двѣ бабочки, надѣвалъ куцый
пиджакъ съ свѣтлымъ жилетомъ и куцымъ гал-
стухомъ. Для женщинъ своего круга Степочка
былъ неотразимъ, онъ умѣлъ говорить вкрадчиво
и красно, игралъ глазами и сладкимъ теноркомъ
пѣлъ жестокіе романцы, недурно аккомпанируя
себѣ на гитарѣ. Всѣ свои упущенія и пробѣлы
по торговымъ дѣламъ, перерасходыванія суммъ
отцовскихъ онъ съ лихвою покрывалъ дарами
разныхъ бѣлотѣлыхъ купчихъ, къ которымъ яв-
лялся тихо, покорно и ласково, какъ чистый от-
рокъ, краса и гордость истаго древлева благо-
честія. Папашеньку своего Евграфа Силыча и ма-
машеньку, рыхлую шестипудовую Матрену Ильи-
нишну онъ не ставилъ ни въ грошъ и пуще огня
боялся только сестрицу свою Устиньку.

Жарко еще припекаетъ іюльское солнышко
сады и огороды Ситниковскіе и въ полдень,
послѣ сытнаго обѣда, въ домѣ, въ пристройкахъ

и въ дворахъ все какъ вымерло, всѣ спятъ и отдыхаютъ; окна всюду стоятъ разинутыя, вѣтеръ чуть-чуть нарусить спущенныя бѣлыя сторы, куры повырыли себѣ въ горячемъ пескѣ ямы и лежатъ не шелохнутся, осоловѣлый пѣтухъ припалъ тутъ же, распластавъ свои красно-золотыя крылья и раскрывъ клювъ, точно готовясь въ случаѣ нужды гаркнуть тревогу своимъ размореннымъ подругамъ. Громадная желтая клуша *), припавъ къ водосточной кадушкѣ, какъ палатку распахнула крылья и укрыла подъ ними съ десятокъ круглыхъ пушистыхъ птенцовъ. Въ воздухѣ плавно рѣетъ ястребъ, высоко поднявшись, стоитъ въ небѣ темною точкой, снова плавно, гордо спускается и, взмахнувъ безнадежно крылами, летитъ на рѣчку подстеречь, не всплеснетъ ли хоть тамъ, съ дуру, рыбешка какая.

Спитъ на высокихъ перинахъ старая Ситникова, горой вздымается ея утроба, прикрытая шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ, широкое лицо ея съ круглымъ тупымъ носомъ и правильными черными бровями полно блаженной сытости и отсутствія какихъ бы то ни было стремленій впередъ или воспоминаній о прежнемъ. Матрена Ильинишна вѣкъ жила за родителями да за мужемъ и, какъ породистая корова у переполненнаго кормомъ загнета, въ холѣ и спокойствіи исполняла только наложенныя на нее природою обязанности.

Отходитъ ко сну и Устинька, зѣвая креститъ ротъ и лѣниво, заплетая въ одну косу густые

*) Насѣдка.

черные волосы, разговариваетъ съ молоденькою черничкой, Фенюшкой.

— Что Наталья? ѣла?

— Малость самую, для прилику больше, кваску яблоннаго пригубила.

— Просила что-либо?

— Просилась въ садъ погулять. Да вѣдь сегодня нельзя: у папашеньки въ бесѣдкѣ исправникъ сидитъ.

Устинька такъ и привскочила.

— Ты такъ и сказала?

— Нѣтъ, какъ можно!—ухмыльнулась Фенюшка,—рази я не понимаю? Сказала, нельзя безъ васъ гулять, а вы, молъ, выѣхамши.

— А она что же?

— У ней одинъ разговоръ, всплакнула, говоритъ: Господи, когда это Устинья Евграфовна устроитъ мое дѣло съ папенькой? А я имъ: ужъ извѣстно одна надежда у васъ какъ есть на матушку Устинью Евграфовну, зато слухаться ихъ надо.

— Ну?

— Притихла, а слезки все-таки ровно бусъ *) весенній льются.

— Никто не подозрѣваетъ въ домѣ, что она за стѣнкою въ банѣ живетъ?

— Видитъ Богъ, никто. Я хожу въ баню съ пустыря, тамъ, гдѣ лазейка промежъ малиновыхъ кустовъ, а ухожу, снова на ключъ баньку запираю.

— То-то! Ступай, да помни, Феня: коли что,

*) Дождикъ.

со свѣту тебя сживу. Въ дальнемъ скитѣ за „Тавдой“ пропадешь!

— Господи! — вскинулась Феня.

— Ладно — иди. Устинька махнула рукой и Фенюшка, утирая глаза передникомъ, не смѣя всхлипывать, покорно вышла, затворивъ за собою дверь.

Устинька отстегнула крупныя пуговицы своего шелковаго „травчатаго“ сарафана и ея дѣвичья нетронутая грудь выкатилась двумя упругими волнами; она заломила надъ головой смуглыя полныя руки, хрустнула пальцами, сладко зѣвнула и, опустившись на пуховыя подушки, потянула на себя тонкую полотняную ширинку съ узорной каймой.

Устинья Евграфовна, не въ примѣръ скитскимъ нравамъ и другимъ мать-матушкамъ, была дѣвственница въ полномъ смыслѣ слова, дѣвственница какъ въ поступкахъ, такъ и въ помыслахъ, и чистота ея нравственная, вмѣстѣ съ здравымъ не женскимъ разсудкомъ, давали ей непреоборимый перевѣсъ надъ всѣми другими. Глаза ея ясные, гордые, что у орла, глядѣли людямъ, казалось, не въ лицо, а въ самую душу, рѣчь ея, горячая, смѣлая, покоряла робкія, заблудшія души. Ретиво бралась она за каждое дѣло, ни властей, ни родителей не боялась и кругомъ, на сотни верстъ, и старый и малый — всѣ покорялись ея обаянію.

Теперь, лежа на пуховыхъ подушкахъ, Устинья, отходя ко сну, лѣниво перебирала пальцами правой руки лестовку, а сама умомъ ужъ раскидывала какую выгоду принесетъ ихъ дому появ-

леніе архіерея и его торжественная служба въ ихъ молельнѣ.

Оповѣщена она была, что многострадальный, рукоположенный въ Бѣлой Криницѣ архіерей Афанасій не въ далекихъ дняхъ пріѣдетъ къ нимъ.

Не спалъ только въ этотъ полдень Евграфъ Силычъ, не во время наѣхалъ къ нему исправникъ и молча сидѣли они теперь и прохлаждались въ садовой бесѣдкѣ въ видѣ храма съ „куполомъ“ изъ разноцвѣтныхъ яркихъ стеклышекъ. Два широкія окна бесѣдки, открытыя настежъ, густо заплелись хмѣлемъ, дикимъ виноградомъ, да настурціей, желтенькія острыя головки которой веселыми пятнами прокалывали всюду зелень. Дверь съ двумя приступочками была изнутри вырисована, какъ и всѣ стѣны домика, китайскими узорчатыми разводами и любопытственными тюльпанами въ тарелку величиной. Мебель была мягкая, выписанная Евграфомъ Силычемъ изъ Москвы и сбитая своимъ старинымъ штофомъ по „саржирону“. Уютные диванчики, глубокія кресла, затѣйные столики и буфетецъ открытый французскій, съ завсегда готовой на немъ прикусочкой, составляли обстановку. Прохладно, умилительно-тихо и духовито отъ резеды и горошка, стоявшихъ на подоконникахъ, было въ этой хороминѣ и нигдѣ такъ не любилъ сидѣть не рѣдкій гость, мѣстный исправникъ, Иванъ Ивановичъ Лобовъ. Уютно было ему на среднемъ диванчикѣ, гдѣ и подъ головой думка, и подъ

руками подсовочки, и подъ ногами скамеечка; сидитъ онъ, отдыхаетъ, пьетъ квасы домашніе, да брагу пѣнистую, черную, холодную, составляющую славу старой Матрены Ильинишны, балуется чайкомъ съ чистымъ медомъ и крутыми шаньгами.

Сегодня Иванъ Ивановичъ встревоженъ и хоть все еще ласково, а грозитъ пальцемъ Евграфу Силычу: „смотри, братъ, у меня дружба дружбою, а служба службою, меня не надуешь. Молитесь себѣ семейно, а сборищъ въ молельнѣ не дѣлайте, бѣглымъ единовѣрцамъ притоно-держательства не чините“.

— Иванъ Ивановичъ, да статочное ли это дѣло при моихъ комерціяхъ, да сумнительными дѣлами заниматься,—протестовалъ сидѣвшій противъ исправника Евграфъ Силычъ, прикладывая для убѣдительности обѣ ладони къ груди.

— Ладно, ладно—я такъ, чтобы знали. Устинья твоя умнѣющая дѣвка и куда хитра, а все-таки концовъ хоронить не умѣетъ. Гдѣ у васъ Наталья Балашовская?

— Балашовская? Отродясь и имени такого не слыхивалъ, во всей округѣ у насъ кажись такихъ нѣтъ,—запротестовалъ Ситниковъ и, потянувшись, налилъ исправнику изъ большаго венецейскаго кувшина громадную кружку крѣпкой браги.

— Да ты не финти, Балашовская Наталья по мужу, а въ дѣвкахъ она Угрюмова, твоего пріятеля дочка. Вѣдь говорю тебѣ, все знаю. Наталью изъ семьи выкралъ Ир—скій, землемѣръ Балашовскій, знавшій ее еще въ Москвѣ, въ пансіонѣ у m-me Турнэ, а отецъ ея, Угрюмовъ, среди

леніе архіерея и его торжественная служба въ ихъ молельнѣ.

Оповѣщена она была, что многострадальный, рукоположенный въ Бѣлой Криницѣ архіерей Афанасій не въ далекихъ дняхъ пріѣдетъ къ нимъ.

Не спалъ только въ этотъ полдень Евграфъ Силычъ, не во время наѣхалъ къ нему исправникъ и молча сидѣли они теперь и прохлаждались въ садовой бесѣдкѣ въ видѣ храма съ „кумполомъ“ изъ разноцвѣтныхъ яркихъ стеклышекъ. Два широкія окна бесѣдки, открытыя настежъ, густо заплелись хмѣлемъ, дикимъ виноградомъ, да настурціей, желтенькія острыя головки которой веселыми пятнами прокалывали всюду зелень. Дверь съ двумя приступочками была изнутри вырисована, какъ и всѣ стѣны домика, китайскими узорчатыми разводами и любопытственными тюльпанами въ тарелку величиной. Мебель была мягкая, выписанная Евграфомъ Силычемъ изъ Москвы и сбитая своимъ стариннымъ штофомъ по „саржирону“. Уютные диванчики, глубокія кресла, затѣйные столики и буфетецъ открытый французскій, съ завсегда готовой на немъ прикусочкой, составляли обстановку. Прохладно, умилительно-тихо и духовито отъ резеды и горошка, стоявшихъ на подоконникахъ, было въ этой хороминѣ и нигдѣ такъ не любилъ сидѣть не рѣдкій гость, мѣстный исправникъ, Иванъ Ивановичъ Лобовъ. Уютно было ему на среднемъ диванчикѣ, гдѣ и подъ головой думка, и подъ

руками подсовочки, и подъ ногами скамеечка; сидитъ онъ, отдыхаетъ, пьетъ квасы домашніе, да брагу пѣнистую, черную, холодную, составляющую славу старой Матрены Ильинишны, балуется чайкомъ съ чистымъ медомъ и крутыми шаньгами.

Сегодня Иванъ Ивановичъ встревоженъ и хоть все еще ласково, а грозитъ пальцемъ Евграфу Силычу: „смотри, братъ, у меня дружба дружбою, а служба службою, меня не надуешь. Молитесь себѣ семейно, а сборищъ въ молельнѣ не дѣлайте, бѣглымъ единовѣрцамъ притоно-держательства не чините“.

— Иванъ Ивановичъ, да статочное ли это дѣло при моихъ комерціяхъ, да сумнительными дѣлами заниматься,—протестовалъ сидѣвшій противъ исправника Евграфъ Силычъ, прикладывая для убѣдительности обѣ ладони къ груди.

— Ладно, ладно—я такъ, чтобы знали. Устинья твоя умнѣющая дѣвка и куда хитра, а все-таки концовъ хоронить не умѣетъ. Гдѣ у васъ Наталья Балашовская?

— Балашовская? Отродясь и имени такого не слыхивалъ, во всей округѣ у насъ кажись такихъ нѣтъ,—запротестовалъ Ситниковъ и, потянувшись, налилъ исправнику изъ большаго венецейскаго кувшина громадную кружку крѣпкой браги.

— Да ты не финти, Балашовская Наталья по мужу, а въ дѣвкахъ она Угрюмова, твоего пріятеля дочка. Вѣдь говорю тебѣ, все знаю. Наталью изъ семьи выкралъ Ир—скій, землемѣръ Балашовскій, знавшій ее еще въ Москвѣ, въ пансіонѣ у m-me Турнэ, а отецъ ея, Угрюмовъ, среди

ночи съ буйствомъ напалъ на домъ, куда укрылись новобрачные, и отнялъ дочь свою повѣнчанную, теперь пошелъ судъ, да дѣло. Балашовскій вотъ мнѣ жалобу подалъ, что законную жену его Наталью вы, Ситниковы, у себя яко бы въ плѣну держите.

Длинная борода Ситникова вздрагивала, глаза его по прежнему глядѣли на исправника хоть хитро, но смѣло, а нижняя челюсть тряслась и пальцы хрустнули, когда онъ, вставая, взялся за спинку стула.

— Ужъ не знаю, Иванъ Иванычъ, ровно бы оно и стыдно на мой домъ клевету взводить, живу я теперича, къ примѣру, съ семьею какъ бы въ стеклянномъ дому, всѣ-то горницы у меня на распашку, всѣ-то окна попріоткрыты, молельня намъ свыше разрѣшена и въ ней окромя семьи молятся развѣ двѣ-три старухи изъ скитскихъ, али пріѣхавшіе какіе къ Устиньѣ Евграфовнѣ по дѣламъ, а дѣло-то у моей дочери одно—заказы рукодѣльные присылаютъ ей изъ Нижняго, изъ Москвы, бываетъ изъ Питера, а она по тѣмъ заказамъ работы по скитамъ, да по общежитіямъ раздаетъ, труженицамъ, да сиротамъ какой грошъ, гляди, и перепадаетъ, а чтобы мужнюю жену схитить—не бывало того за нами, да и куда ее отъ тебя запрячешь?

— Да, вотъ куда?—засмѣялся Иванъ Ивановичъ,—кабы я зналъ, куда, не сталъ бы тебя и спрашивать, и исправникъ сталъ пить холодную брагу, не воображая, не предчувствуя того, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, подъ французскимъ диванчикомъ, съ затѣйливыми фалбарами

и аграмантами до полу, была ловко, шовъ въ шовъ, пригнанная подъемная половица, а подъ нею спускъ съ разными переходами къ банѣ, а затѣмъ къ лѣсу, съ выходною западней подъ далекимъ, угрюмымъ, крутымъ берегомъ рѣки.

Конецъ іюля своими послѣдними, жаркими ласками грѣетъ тайгу, по широкимъ прогалинамъ лѣса, бѣжитъ капризная, „омутистая" рѣчка, бѣжитъ, журчитъ, да вдругъ и совсѣмъ спрячется въ непроходимыя дебри краснокорыхъ сосенъ и кустовъ, снова выбьется, загнетъ колѣно и снова бѣжитъ, укрывшись, какъ щитомъ, крутымъ, обрывистымъ берегомъ.

Солнце идетъ къ западу, словно запуталось въ верхушкахъ вѣтвей и, обливъ ихъ яркимъ, краснымъ золотомъ, медлитъ уйти и уступить мѣсто темной потайной ночушкѣ... Дикая птица разная, видно передъ сномъ, взадъ и впередъ снуетъ, послѣднія пѣсни вечернія допѣваетъ; въ небѣ голосисто заливаются жаворонки, распластавъ крылья купаются въ тепломъ вечернемъ воздухѣ и ровно жемчугъ перекатный сыплютъ внизъ трели свои. Кроншнепы тянутъ и стонутъ надъ лѣсомъ. Въ травѣ густой луговыя желтенькія синички пересвистываютъ. Надъ самой рѣчкой неподвижно большой ястребъ добычу высматриваетъ, зорко цѣлится и, вдругъ сомкнувъ крылья, камнемъ падаетъ внизъ; съ крикомъ, въ разсыпную, изъ рѣки брызнулъ цѣлый выводокъ перепуганныхъ утокъ, а ястребъ, цѣпко захвативъ свою добычу, быстрыми плавными кругами поды-

мѣется въ голубую высь и на этотъ разъ высматриваетъ укромное мѣстечко, гдѣ бы спуститься на ужинъ со своею добычею.

Солнышко ниже и ниже скользитъ по вѣтвямъ, задрожали ярко-багровымъ пятномъ кусты низкорослаго березняка, побѣжали тѣни, что мысли черныя, по прогалинамъ лѣса, прошумѣлъ вѣтеръ по высокой росистой травѣ, засеребрилъ рѣзвыя струйки неумолчно-болтливой рѣченки и умчался въ лѣсъ, прячась за могучіе кедры. Нѣжно, грустно, закурлыкали гдѣ-то журавли... и тихо, величественно спустилась на землю темная, лѣтняя ночь... Заснула тайга, словно очарованная, отъ старыхъ, широкихъ корней поднялся туманъ, закурился бѣлымъ дымкомъ кругомъ стволовъ и поползъ вплоть до кудрявыхъ верхушекъ. Въ небѣ вспыхнули, заискрились очи Божія—яркія звѣздочки, замеръ вѣтеръ, спитъ тайга могучая, спитъ и ревниво хоронитъ свои тайны.

Въ самой глубинѣ непроходимой чащи съ густымъ туманомъ борется огонь разложеннаго костра, дымъ прорываетъ сплошную, молочную стѣну и играетъ разорванными клочками.

Вокругъ костра сидятъ четверо тайныхъ гостей привѣтливой матушки-тайги.

Трудно бороться человѣку со сномъ въ такія ночи. Ослизлая, тяжелая мгла тумана какъ гнетъ ложится на плечи, а непробудная тишина, полная оторванность отъ всего міра, подъ стать туману, заволакиваетъ мысль и желаніе. Нѣтъ силъ бороться со сномъ, охватившимъ тайгу... и двое изъ сидящихъ у костра мало-по-малу засыпаютъ, прикурнувъ головою къ мшистымъ стволамъ. Не

спитъ Афанасій, старообрядческій архіерей, пострадавшій за истую вѣру и бѣжавшій изъ N—ской тюрьмы. Не спитъ и спутникъ его— Никита Иволга, бѣжавшій съ нимъ вмѣстѣ, дважды судившійся за убійства, рыжій парень, молодой, смѣлый, какъ голодный волкъ, и тощій, юркій, что ласка. Только кабы не Иволга, сидѣть бы Афанасію и теперь за замками тяжелыми, сидѣть и сопрѣть ему въ одинокой кельѣ. Афанасій, даромъ, что выдавалъ себя за архіерея, былъ не очень-то высокаго званія, просто-на-просто проворовавшійся бѣглый солдатъ, только семьи онъ былъ старообрядческой и сызмала „начетчикъ" въ старинныхъ кожаныхъ книгахъ.

Бѣжалъ изъ полка Афанасій не на родину въ Сибирь, а прямо въ самое ядро древляго благочестія, въ Бѣлую-Криницу, въ „Фонтану Альба", близь буковицкаго города Серета, въ раскольничью слободу Климоуцы. Онъ родился и выросъ на стихахъ о Бѣлой Криницѣ. Сызмала стремился туда душою Афанасій. Качая его въ зыбкѣ, мать, суровая старовѣрка, пѣла:

Только есть одна надежда—
Моя вѣра во Христа.
Сія вѣра и надежда
Много грѣшниковъ спасла,
Въ покаяньѣ, во спасеньѣ
Въ Бѣлу Криницу свела.
Возвѣщаетъ намъ писанье,
Гдѣ прекрасныя мѣста
Бѣлой Криницы доброту
Всеблаженнаго рая *).

*) Отрывокъ этотъ записанъ мною дословно изъ подлиннаго пѣснопѣнія старообрядцевъ Иркутской губерніи.

Смышленный, но непокорный сибирякъ, родившiйся и выросшiй среди вольныхъ лѣсовъ, страстный охотникъ-бродяга, Афанасiй не выдержалъ солдатской дисциплины, а тутъ еще подвернулся соблазнъ: какой-то бого[illegible]ькiй новобранецъ-единовѣрецъ отдалъ ему н[illegible]ненiе нѣсколько сотенъ рублей. Присвоивъ се[illegible]ъ, Афанасiй бѣжалъ. Бѣжалъ въ Бѣлую [illegible]ицу, въ страну „Всеблаженнаго рая“.

Гдѣ Христовымъ именемъ, гдѣ какою работишкой, гдѣ съ помощью старовѣровъ, Афанасiй смѣло шелъ въ Австрiю. Дорогой, добылъ себѣ купеческiй паспортъ, съ которымъ перебрался черезъ границу, добрелъ до Тульчи, оттуда въ Вѣну, сподобился достигнуть Бѣлой Криницы, а тамъ и раскольничьяго селенiя Миттака-Драгомирна или Сокольницы, близъ Сучивы, на границѣ Буковины съ Галицiей. Тутъ пошло ему житье привольное. Сюда въ монастыри и въ кельи митрополита и братiи стекались богатые и щедрые дары отъ раскольниковъ всей матушки-Руси. Найдя себѣ вѣрный прiютъ, сытный кусокъ хлѣба и даже почетъ, какъ вѣрный сынъ своей церкви, бѣжавшiй изъ сатанинскаго стада отъ блуда и скверны.

Съ мѣсяцъ или болѣе Афанасiй зорко приглядывался къ жизни монастырской, пока „наблошнился“ въ старинныхъ книгахъ и смекнулъ въ чемъ состоитъ тайна раскольничьяго благосостоянiя; полюбился онъ тогдашнему митрополиту Акинфiю и добился своего посвященiя въ попы. Настало великое для Афанасiя воскресенье, сварилъ митрополитъ Акинфiй соборное муро и на большой литургiи посвятилъ его въ санъ священника.

Вечеромъ того же дня, снаряжая новаго попа въ путь и посылая его на уловъ душъ заблудшихъ и на поддержаніе истой вѣры въ селеніяхъ и городахъ старообрядческихъ, далъ ему митрополитъ пять сотенныхъ и такое напутствіе:

— Есть двѣ правды на землѣ, сынъ мой. Одна правда—признаніе, другая правда—молчаніе. Какъ если, чадо любезное, изловятъ тя волки хищные, псы смердящіе, себя православными чтущіе, искупи ложь, что будутъ уста твои произносить, тою свѣтлою правдою, что будетъ душа твоя сознавать и на каждое слово ложное, громко тобою сказанное, трижды въ душѣ воскликни: виновенъ, виновенъ бо есмь и лжу изрекаю ради спасенія тѣла моего, на вѣрное служеніе обреченное, и будетъ тебѣ, прощенъ грѣхъ твой.

Изъ всего этого понялъ Афанасій одно: скверная штука, когда гдѣ „втискаешься", а вотъ ремесло поповское хорошее, наживное дѣло, коли шаромъ покатишься, справлять его изъ города въ городъ, отъ села въ село, изъ дому въ домъ, по богатымъ, да темнымъ старообрядцамъ.

Побывалъ новопоставленный попъ Афанасій на Москвѣ, проникъ въ дома милліонщиковъ, правилъ у нихъ службу по тайнымъ молельнямъ; представился мѣстному „насиженному" бѣглому архіерею и понравился ему своею начитанностью, да вѣрной памятью, а главное громовою проповѣдью своею противъ свѣтскаго образованія.

— Растетъ, растетъ нечестіе,—громилъ попъ Афанасій,—и течетъ оно изъ „имназій" и „ниверситетовъ", куда на позоръ и соблазнъ стали купцы своихъ сыновей отдавать, коли это зло не

искоренится промежъ купцовъ, богатѣевъ нашихъ, станутъ ихъ дѣти издѣваться надъ вѣрою отцовъ своихъ и, ровно пожарище огненное, проникнетъ сомнѣніе въ дома древлева благочестія. Всякому бо человѣку и тати, и разбойнику, и блуднику, и сластолюбцу прощенье будетъ, а внесшему сомнѣніе въ семью праведную нѣсть бо прощенія.

Слыша слова эти, богатыя дебелыя купчихи творили передъ нимъ метанія и дважды, по уставу, припадали къ стопамъ его, прося благословенья и „прощи“ отъ честнаго отца.

Прокатилъ попъ Афанасій по Волгѣ, посѣтилъ Ростовъ и много губерній, ладилъ со всѣми, даромъ что иногда встрѣчалъ столько же новыхъ людей, сколько и новыхъ толковъ. Что клубень перекати поле, что комъ снѣжный, росъ и богатѣлъ Афанасій, липли къ нему денежки, какъ липли къ нему стройному, здоровому мужику молоденькія скитницы и сами мать-матушки, съ которыми бесѣдовалъ онъ по монастырямъ раскольничьихъ о дѣлахъ и о томъ какъ постомъ, молитвою и покаяніемъ каждый совершенный грѣхъ очищается и какъ замоленный и раскаянный — еще во славу человѣку служитъ. И все-таки какъ ни хитеръ, какъ ни остороженъ былъ попъ Афанасій, а „втискался“ таки онъ въ самые когти вражескіе.

Силенъ врагъ рода человѣческаго—горами качаетъ. Раскачалъ онъ, „расхвилилъ“ онъ и Афанасія, долго державшагося на высотѣ своего новаго призванія. Сталъ онъ виномъ баловаться и большое тяготѣніе возымѣлъ къ женскому полу. Заѣхалъ онъ какъ-то въ большое раскольничье

село и сталъ называть себя тамъ уже архіереемъ; сталъ править архіерейское служеніе, подробно разсказывать о своемъ посвященіи въ Бѣлой-Криницѣ и сталъ по книгѣ, скрѣпленной своею рукою и припечатанной, выкраденной имъ архіерейской печатью, сборъ дѣлать на подкупъ яко бы православнаго правительства, ожесточенно тѣснившаго дальніе скиты. Большія пожертвованія стекались къ нему. Обрадовался Афанасій и закурилъ. Заигрался со скитницами, залюбовался на черныя манатейки ихъ, на сарафаны китайчатые съ крупными пуговицами и пошло по кельямъ пригороднаго общежитія веселье безпробудное, житье раздольное. Всякую опаску забылъ Афанасій и должно великъ былъ соблазнъ по всему селу, коли нашлись доносчики, шепнули слово становому и налетѣлъ тотъ съ приспѣшниками своими, да только какъ не былъ пьянъ Афанасій, а успѣлъ улизнуть ползкомъ по трубѣ, прорытой подъ дворомъ скитскимъ, и вышелъ черезъ западню въ лѣсъ, а оттуда пробрался на ближайшую станцію. Да только не на такаго становаго напалъ онъ. Молодой тотъ былъ, да вновѣ поставленный: ни на подкупъ, ни на ласку женскую не пошелъ становой, а ровно ищейка какая, выслѣдилъ таки Афанасія и накрылъ его въ тотъ часъ, какъ тотъ, переодѣвшись купцомъ, собирался сѣсть въ бричку и катить на новое „поповствованіе“. Скрутили раба Божія, раздѣли, разули и нашли на немъ антиминсъ, зашитый въ полу кафтана, а въ повозкѣ потайно зарытыя дароносицу, чашу, лжицу и копіе. И заключили бѣглаго попа Афанасья въ острогъ.

И въ Сибири люди живутъ и [illegible]зъ острога люди бѣгутъ.

Сталъ Афанасій въ кельѣ своей [illegible] распѣвать стихи раскольничьи, сталъ на прогулк[illegible]ъ разсказывать о Бѣлой Криницѣ о Китеж[illegible]ородѣ и спознался съ двумя-тремя такими ж[illegible]ъ и онъ раскольниками. Повѣрили тѣ въ его [illegible]рейство и мѣщанинъ Крутиковъ, отбывшій [illegible]ремя и покидавшій острогъ, взялся оповѣстить ко[illegible] участи пастыря богатыхъ мѣстныхъ раско[illegible]. Помощь не замедлила явиться. Въ одну изъ субботъ, когда арестантамъ раздавали подаяніе, дежурный староста, не глядя на него, сунулъ ему въ руки калачъ, поразившій его своею тяжестью. Сотворилъ Афанасій молитву, принесъ въ свою келью поданную ему милостыню и ночью взломалъ калачъ, состоявшій изъ одной корки. Въ немъ запечены были двадцать аршинъ толстой проволоки, аглицкая пилка стальная и сторублевая бумажка. Стакнулся онъ тогда съ Никитой Иволгой, парнемъ убійцей, молодымъ и ловкимъ, давно открывшемся ему въ желаніи бѣжать. Выбрали они ночь темную, распилили кандалы, встрѣтились въ ретирадѣ, спустились въ яму по проволокѣ и видно великъ былъ ихъ опытъ, да и крѣпка была жажда свободы, коли оба они не задохлись, выбрались еще за свѣтло на свѣтъ Божій и убѣжали въ тайгу-матушку, гдѣ теперь у костра и поджидали разсвѣта въ сообществѣ набредшихъ на нихъ еще двухъ бѣглыхъ варнаковъ.

— Чего не спишь, отецъ честной?—осклабился рыжій Иволга, подбросивъ сухихъ вѣтвей въ костеръ и примащиваясь поближе къ огню. — Аль

страхи таежные берутъ? Небось все еще ласковый зыкъ исправничій слышится? Не трусь, отче, скорѣе черная немочь *) изъ тумана шастнетъ, чѣмъ человѣкъ набредетъ. Спика-съ. На утро махнемъ черезъ рѣчку; я проберусь въ „поскотину" **), тамъ у меня знакомъ-человѣкъ изъ „нашихъ". Слышь, и я теперь „сталовѣровъ" нашими зову!—разсмѣялся Иволга.—Я за твоею поповской спиной, какъ за стѣной Адамантовою стою. Примутъ насъ съ почестію, обуютъ отогрѣютъ и въ путь дорогу снарядятъ. Ужъ теперь я всюду за тобою!

Иволга снова захохоталъ и такъ потянулся что захрустѣли его тощія кости.

— Пра, спи, попъ, лучше будетъ.

— И то впрямь уснуть!—отвѣчалъ Афанасій и, поручивъ себя святымъ угодникамъ, уткнулся головой въ теплый пепелъ и задремалъ.

На кустахъ густо разросшейся смороды висѣли крупныя грозди. Спѣлая ягода осыпалась и ровно бусъ ***) кровавый падала на землю. Пропадомъ шелъ даръ Божій и ни одна рука не тянулась къ нему, ни одни уста не освѣжались имъ, то былъ отдѣльный заповѣдный „кусъ сада", принадлежавшій Устиньѣ Евграфовнѣ.

Отъ самаго угла „оплота" бѣжала частая, высокая загородочка изъ зеленыхъ брусьевъ, захватывала въ свой кругъ одиноко стоявшую баньку

*) Такъ зовутъ въ Сибири медвѣдя.

**) Загонъ для молодыхъ лошадей и скота.

***) Дождь.

и снова упиралась въ оплотъ. Посреди, въ притыкъ къ средней садовой дорожкѣ, въ загородку были вдѣланы затѣйныя воротца съ голосомъ *) на петляхъ, точно докладывавшія о каждомъ входившемъ. Никакаго замка не висѣло на воротцахъ, какъ и вообще никакой тайны, казалось, не было ни въ этомъ садикѣ, ни въ чистой, свѣтлой банькѣ, только и всего, что мылась тамъ одна лебедь—бѣлая мать-матушка Устинья Евграфовна. Для остальныхъ членовъ семьи была другая просторная, свѣтлая баня въ противоположномъ концѣ сада, да еще и третья, общая для людей служащихъ, стояла на окраинѣ большаго двора.

Солнышко только проглянуло на небѣ, а ужъ банька Устиньи Евграфовны курилась бѣлымъ дымкомъ и Фенюшка шныряла у калитки, очевидно поджидая молодую хозяйку.

Кубовый сарафанъ туго обтягивалъ ея дѣвичій упругій станъ, круглыя пуговицы едва сдерживали напоръ молодой груди, изъ-подъ низко спущеннаго батистоваго платка, чернаго съ бѣлой кращиной, зорко глядѣли на дорожку веселые, сѣрые глаза. Круглый вздернутый носъ, алыя щеки, большой ротъ съ красными губами, крѣпкіе ровные зубы не вязались съ монашескимъ скромнымъ одѣяніемъ Фенюшки, руки, по привычкѣ сложенныя крестомъ на груди, потупленные глаза придавали только условный, монастырскій видъ здоровой дѣвушкѣ. Фенюшка была скитская дѣвица изъ Иргизскаго монастыря, живала она и въ Кер-

*) Скрипучія.

женскомъ и въ Чернораменскомъ скитахъ, словомъ, коротокъ былъ ея вѣкъ дѣвичій, а она ужъ хоть свой свѣтъ, да повидала. Чья она была дочка—не вѣдала она, сколько себя помнитъ все она ластилась кругъ „матерей", да то съ той, то съ другой по скитамъ разъѣзжала. „Матери" воспитывали ее безхитростно, любовью да лаской учили, не помнила она ни угрозъ, ни окриковъ; къ семи годамъ читалка - каноница выучила ее полу-уставу и такъ какъ она оказалась способна и рачительна къ ученью, и какъ по ея сиротской долѣ готовили ее къ „манатьи", то и стали ее учить дальше, да больше, а къ 18-ти годамъ голосъ объявился у нее высокій, да переб̲ористый и вышла изъ Фенюшки „клирошанка".

Стали посылать ее по купцамъ богатѣямъ помогать по молельнямъ службу править; такъ попала Фенюшка къ Устиньѣ Евграфовнѣ, да и прижилась тутъ, благо пришлась она ко двору Ситковскому. Полюбила сироту Устинья Евграфовна допустила ее къ своей особѣ, а затѣмъ, мало-по малу, посвятила ее и въ дѣла свои разныя. Больше всѣхъ, горячѣе всѣхъ относился къ красивой черничкѣ Степочка, да коротки руки у него были и заячьимъ пугомъ пугала сердце его одна мысль о непогрѣшимой сестрицѣ Устинькѣ.

Поднялось солнышко, брызнуло алыми лучами и розовымъ пологомъ стало затягивать всю окр... неба, „радошно" просыпался садъ „духовит...", звенѣли птичьи голоса, легкій воздухъ, еще полный ночной свѣжести, нагрѣвался. Фенюшка подняла глаза кверху, улыбнулась и подернула плечами, больно хорошо въ груди ея

стало, оторваться бы теперь отъ этой калитки, крикнуть бы голосомъ полнымъ, да бѣжать, бѣжать по саду душистому, бѣжать, что на крыльяхъ нестись по зеленому вспо́лью, по сочной росистой травѣ, бѣжать рѣзвоного, радошно, хваля Господа за утро, за солнышко, за силу и мощь свою молодую... а тутъ стой, карауль калитку и молитву твори ради отогнанія „сряща́го бѣса утренняго“, что съ первымъ дыханіемъ солнечнымъ уже по землѣ рыщетъ и людей съ грѣховнымъ помысломъ подкарауливаетъ.

— Фенюшка, а Фенюшка! зорька алая, рыбка золо́тная, ясынька бѣлогрудая!—вдругъ слышитъ Фенюшка въ кустахъ позади себя, слышитъ и знаетъ чей шопотъ ласковый доноситъ ей утренникъ *).

Полымемъ вспыхнули ланиты чернички, лукавымъ огонькомъ загорѣлись глаза, а сама стоитъ не шелохнется и все такъ же сторожитъ длинно-бѣгущую садовую дорожку.

— Фенюшка, аль не слышишь? Старица скитская Манефа въ флигерѣ помираетъ, Устинью Евграфовну къ себѣ потребовала, не выйдетъ теперь она раньше часу времени, отступись, Фенюшка, за ограду, прикрой калитку, зайди за кусты.

Слышитъ Феня и сердце ровно птица-вѣщунъ тѣ слова въ груди ея повторяетъ: „Не придетъ раньше часу времени, отступись за калитку, зайди за кусты высокіе“ и сила потайная, сила молодости, власть утра лѣтняго, призывъ пѣсни

*) Ранній вѣтеръ.

страстной, что со всякой вѣтки по саду несется, тянутъ дѣвушку; оторвались отъ калитки руки бѣлыя, скрипнула голосистая дверь и шагнула Фенюшка за кусты высокіе, два черные влажные глаза жадно смотрятъ на красоту дѣвичью, а въ отвѣтъ имъ сверкаютъ ласковой истомой сѣрыя очи; двѣ сильныя руки охватили станъ упругій и въ прохладной тѣни, на сочную траву опустилась Фенюшка. Сбился платокъ съ головы, русыя тяжелыя пряди на лобъ выбились, открылись уста пурпурныя и, прижавъ къ своей груди красавицу-дѣвушку, цѣлуетъ ее Степочка, цѣлуетъ, милуетъ... да не на такую дѣвку напалъ. Одинъ смѣлый порывъ его, одно дерзкое движеніе и дѣвушка, что птица, вспорхнула, сильнымъ ударомъ руки отбросила льнувшаго къ ней парня и со смѣхомъ, не громкимъ, переливчатымъ, что голубкино воркованье, мигомъ снова стала за оградою и трепетными руками поправила сбившійся крапчатый платокъ. Любъ былъ черничкѣ Степочка, да голова была у ней на плечахъ, не хотѣлось ей усугубить сиротскую долю свою позоромъ непокрытымъ. Коли любить, въ жены возьметъ, думала дѣвушка, а коль баловаться, такъ не ушло еще время мое, да и подъ ярый гнѣвъ матушки Устиніи Евграфовны верзиться незачѣмъ. Не спѣшно, плавно, что лебедь шагаетъ по дорожкѣ Устинья Евграфовна и, поровнявшись со стерегущей ее Фенюшкой, ласково здоровается съ нею, трижды цѣлуется со щеки на щеку. Велика это честь молодой черничкѣ, да знаетъ Устинья Евграфовна кого и чѣмъ привязать къ себѣ.

— Все готово?—спрашиваетъ она.

— Все приготовлено, пожалуйте,—съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ дѣвушка и, пропустивъ впередъ мать-матушку, накрѣпко припираетъ скрипучую калитку и идетъ она глазъ не поднимая, скрещеныхъ рукъ отъ груди не отрывая, очами ведетъ въ ту сторону, гдѣ шевельнулись за ними кусты высокіе и оттуда ползкомъ теперь пробирается Степочка, чтобъ и духу своего не оставить въ углу заповѣднаго сада, гдѣ теперь находится сестра его.

Открылись и закрылись двери свѣтлой баньки, куда вступили обѣ дѣвушки. Предбанная комната получала свѣтъ свой изъ двухъ высокихъ оконъ, что подъ самымъ потолкомъ продѣланы были, по чисто струганному полу лежала полоса рядна; рядномъ же сплошь покрыты были и стоявшія кругомъ лавки. По приступочкамъ стояли тазы, ведра, ковши, мѣдные, луженые и дубовые, чистые въ токарной отдѣлкѣ. Вторая комната съ печью и полкомъ для паренья была тоже по всѣмъ приступочкамъ затянута рядномъ, единственное высоко пробитое окно ея было плотно занавѣшено бѣлою сторкой! Фенюшка, заперевъ на защелку входную дверь, осталась сидѣть возлѣ нея, а Устинья Евграфовна, скинувъ только съ головы бѣлый платокъ-шаль, прошла во вторую комнату, нагнулась, у самаго полка нащупала въ полу скрытую петлю и ловкимъ, сильнымъ движеніемъ руки отодвинула подвижную половицу, подъ которою открылась крутая лѣстница. Смѣлымъ, привычнымъ шагомъ спустилась по ней Устинья Евграфовна, у послѣдней сту-

становилась, нащупала рукою, стояв-
а наготовѣ, фонарь, достала изъ кар-
ички, вздула огонь, нашла нужную
кже спокойно отодвинула новую поло-
агибаясь, прошла низкимъ, узенькимъ
ь банное подполье.
ое, но низкое помѣщеніе освѣщалось
рядомъ лампадъ, зажженныхъ въ правомъ
ѣ толстыя восковыя свѣчи горѣли на
тяжелыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. За
придвинувшись къ огню, сидѣла жен-
ройная фигура и шила какое-то руко-

зашуршала дверь подполья, сидѣвшая
ой подняла голову и встала. Минуту обѣ
стояли одна противъ другой.
равствуй Наталья Прохоровна!—сказала
я.
дравствуй Устинья Евграфовна!—твердо
твѣчала вставшая и отложила въ сто-
которую еще машинально держала
боту,
ъ.
живешь-поживаешь, небось денно-
къ свою тюремщицу, клянешь.
еня,
икого не кляну я. Наталья Прохоровна.
хорошо дѣлаешь, всѣмъ хватитъ и на
емъ свѣтѣ мѣста лечь, только сама ты
ть гдѣ твоей тѣни
ькой судьбу свою содѣлала.
ья Евграфовна подошла къ лампадамъ и
а передъ иконами трехкратное земное
Звѣздой горѣли камни сибирскихъ тя-
украшавшихъ убрусъ на серебро-
овъ,

золоченой ризѣ Пречистыя Богородицы Казан-
скія: жемчугомъ низанная, кровянымъ р...
усыпанная блестѣла справа риза препо...
Захарія и Елизаветы, тускло поблескивала
матовая золоченая риза трехъ св... ...
Самона и Авива; подъ ... святителей
... подъ ними на полочкѣ л...
пукъ желтыхъ катанокъ*), лестовки и тя...
священныя книги въ толстыхъ „лосныхъ“ к...
ныхъ переплетахъ.

Въ подпольѣ пахло ладаномъ и смолой отъ обтесанныхъ сосновыхъ бревенчатыхъ стѣнъ. ...стыя лавки, стулья съ кожаными подушками, д... стола, поставецъ съ посудою и высокая кровать съ горою бѣлыхъ, чистыхъ подушекъ составляли все убранство. Полъ былъ сплошь устланъ сѣрою толстой кошмой. Устинья Евграфовна опустилась на стулъ.

— Сядемъ, потолкуемъ.

Наталья Дмитріевна молча сѣла противъ нея.

— Вотъ и разсуди, не думала я и не гадала судьею твоимъ быти и въ умѣ, въ помыслахъ не держала въ твою жизненную путину вступаться. Знавала я тебя дѣвочкой, учила тебя грамотѣ, уставу церковному, знавала кроткою нѣжною отроковицей, когда умерла маменька твоя Елизавета Захарьевна и папенька твой отвезъ тебя въ Москву къ теткѣ. Вернулась теперь ты дѣвкой взрослой, казалась смиренною, тихою, и кроткой, и вдругъ, накось, какое срамное, нехорошее дѣло задумала— уходомъ изъ отцовскаго дому ушла, въ чужой

*) Свѣчи пчелинаго желтаго воску, катанныя руками.

церкви и съ чужаниномъ повѣнчалась и мужемъ себѣ назвала ворога отцовскаго.

— Чѣмъ же Василій Степановичъ ворогомъ папенькинымъ себя проявилъ?

— А тѣмъ, неразумная моя, что не пошелъ онъ честью и правдой просить руки твоей, а обманомъ, облыжно выкралъ тебя изъ честнаго дома —

Папенька такъ не отдалъ бы меня.

— А не отдалъ бы такъ, тѣмъ паче дѣвку красть не приходится. Теперь распалился отецъ твой гнѣвомъ, силой напалъ ночною порою на чужой домъ, отнялъ тебя и съ вѣрными людьми переслалъ ко мнѣ. А мнѣ, скажи, что теперь дѣлать? Передъ судомъ отвѣчать, какъ тать и плѣнницу въ подпольѣ держать тебя? Али противу Божьяго, противу совѣсти, противу закона отца твоего, сообщницей твоею стать—вернуть тебя къ тому, кого ты мужемъ имянуешь?

Наталья Прохоровна молчала. Замолчала и Устинья Евграфовна и въ упоръ смотрѣла на дѣвушку. Бѣлокурая, съ густой трубчатой косой, съ голубыми, ясными твердыми глазами, надъ которыми нѣжной дугой лежали темныя брови, съ прямымъ носомъ и съ плотно сжатыми губами, небольшаго роста, дѣвушка показалась ей рѣшительной и смѣлой.

— Сколько годковъ-то тебѣ, Наталья Прохоровна?—спросила она невольно, какъ бы повѣряя свою мысль.

— Двадцать первый минулъ, совершеннолѣтняя, усмѣхнулась спрошенная, а Устинья Евграфовна все смотрѣла на бѣлый низкій лобъ, на

продольную черточку, легшую между бровей, на обострившійся подбородокъ и мало-по-малу, по своей привычкѣ анализировать и душу разбирать подъ наружнымъ покровомъ людскимъ, начинала понимать, что передъ ней не ребенокъ несмышленный, а женщина со сложившимся, опредѣленнымъ характеромъ.

„Угрюмовское отродье", подумала она, „...слетышей не слѣдъ отпускать изъ-подъ кров... дительскаго въ чужія, подъ начало къ чуж... людямъ, коли потомъ не хочешь дать имъ сво... волею жить, своей дорогой идти".

— Какой ты вѣры, Наталья Прохоровна? е... спросила она.

— Вѣры? должно христіанской, а вотъ толку какаго не знаю! Какъ жила я у папеньки, одни были молитвы и обряды, какъ отдали меня въ Москву, къ тетенькѣ. такъ заначалили меня, что и вовсе съ толку сбили, а какъ послѣ ея смерти отдали въ пансіонъ московскій, крѣпко было заказано мнѣ къ попу православному не ходить, съ щепотницами не ѣсть и не пить, и не водиться, и не принуждали тамъ меня ко всему этому. Такъ держалась я съ годъ и, почитай, ничему не училась, а тамъ надоѣло мнѣ особнякомъ стоять, надоѣло издѣвки подружекъ слышать, и стала я какъ и всѣ и къ попу на урокъ ходила, и отъ одного куска съ подругами-товарками ѣла, изъ одной кружки пила и въ церковь православную по воскреснымъ днямъ хаживала.

Устинья Евграфовна глянула на образа и, творя тихую молитву, истово перекрестилась нѣсколько разъ.

— Не твой грѣхъ, трудно одной идти по стезѣ праведной. Скончалась мать твоя рано, отецъ вѣчно по ярмаркамъ, по торговымъ дѣламъ, не могъ съ тобою тенькаться, вотъ и отдалъ тебя въ [illegible] дому, а ужъ какой клятвой клялись ему въ пансіонѣ ничѣмъ тебя не нудить.

— И не нудили! кабы нудили, стала бы и супротивничать, отпоръ давать, крѣпчѣе прежняго завѣта держаться, а вотъ какъ оставили на полной волѣ и обмякла.

— Не нудили да и не пасли проклятики. Вѣрно, проклятики не уберегли душу ребенка. Что же ты теперь думаешь дѣлать, сударыня Наталья Прохоровна?

— Я? Угрюмова встала и выпрямила свой нѣжный, но высокій, крѣпкій станъ.—Вотъ что, Устинья Евграфовна, передайте вы папенькѣ: ушла изъ дому отцовскаго потому, что открылась я раньше, какъ домой вернулась, что любитъ меня человѣкъ хорошій, молодой и не бѣдный, брать одной пансіонской подруги моей, и что люблю его. Громомъ разразился папенька, думать и мыслить запретилъ и заперъ въ свѣтлицѣ, словно преступницу какую. Вотъ почему я ухо[illegible]мъ ушла и теперь повѣнчанная мужняя жена.

— Отецъ твой въ отвѣтѣ не будетъ, справлялись ужъ о тебѣ и исправникъ и власти, далъ отецъ твой отвѣтъ, что не отнималъ онъ тебя, не укрывалъ, вѣдь, что честь-честью пріѣхалъ онъ послѣ вѣнца къ [illegible] что напустилъ онъ себя только [illegible] взятію въ домъ, что строгость за увозъ тай[illegible] и ты со [illegible] видимую [illegible] ховъ видно бѣжала и гдѣ те-

перь скрываешься, не вѣдаеть, онъ и самъ тебя розыскиваетъ.

— Это-то вѣра ваша!?—вспыхнула Угрюмова. Вся-то она на обманѣ и на насиліи держится, не грѣхъ вамъ облыжно передъ судомъ показывать-то?

— Не грѣхъ! — зазвенѣлъ отвѣтъ.—Ибо погибъ тотъ пастухъ, который не побѣжитъ за волкомъ, похитившемъ ягну изъ стада его, и силой ли, приманкой, иль капканомъ не отберетъ отъ похитителя ягну свою.

— Передайте еще папенькѣ, Устинья Евграфовна, что есть такая сила во мнѣ, что не боится ни глада, ни хлада, ни темницы, ни мукъ, такая сила, что все мнѣ въ радость творитъ и до послѣдняго издыханія надежду даетъ мнѣ.

— Какая же такая сила въ тебѣ?

Наталья Прохоровна подошла къ иконамъ.

— Вотъ видите, Устинья Евграфовна, святыхъ Елизавету и Захарія; знаю, что образъ этотъ переслалъ сюда папенька изъ своей молельни, маменькинъ, онъ въ честь ея ангела, имъ благословила она меня умираючи, такъ вотъ, передъ ликомъ, какъ бы покойницы, поклялась я вѣрностью и любовью мужу моему, Василью Семеновичу.

— Не мужъ онъ тебѣ! Не могла ты стыдъ и срамъ пріять на свою голову до вѣнца, а послѣ вѣнца исхитилъ тебя изъ рукъ его отецъ твой.

Лицо молодой женщины вспыхнуло, но ясно и гордо уставила она свои глаза въ глаза допрощицы.

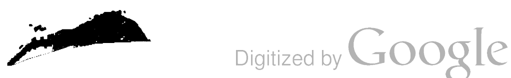
— То не подлежитъ вамъ вѣдать, Устинья Евграфовна, то-есть дѣло души моей, а только что вѣнчанная жена принадлежитъ одному своему супругу и сила во мнѣ великая та,—что люблю я его

Шагнула впередъ Устинья Евграфовна и властно схватила за руку Угрюмову, черныя орлиныя очи ея горѣли дивнымъ огнемъ.

— Много способовъ у дьявола къ совращенью и пагубѣ душъ непорочныхъ и самый вѣрный — это пробудить въ нихъ плотскую пагубную страсть, что люди богохульно любовью зовутъ. Нѣтъ счастья отъ любви такой, сладко волнуетъ она кровь, туманитъ голову, сулитъ наслажденія, но грѣховно, не чисто, омерзительно наслажденіе то, и влечетъ оно за собою горе, несчастье и стыдъ вѣчный. Любовь такая — ложь и творится она отцомъ лжи — дьяволомъ. Идетъ время, разсѣевается туманъ плотскаго наслажденія, пресыщеніе ведетъ къ отвращенію, затѣмъ возникаетъ въ душѣ печаль и отчаяніе. Придутъ болѣзни, налягутъ морщины на ликъ цвѣтущій, мужчина, привыкшій къ ублаженію плоти своей, пойдетъ въ сторону искать себѣ новыхъ утѣхъ, новыхъ любовныхъ радостей, а женщина станетъ терпѣть муки ревности и зависти, муки безконечныя, какъ безконечны пламень и муки адовы... Не такое чувство любовью зовется.

Наталья молчала.

— Есть другая любовь, — голосъ Устиньи Евграфовны смягчился, потеплѣли черныя очи, — любовь небесная, святая, чистая, непорочная, нетлѣнная, не тѣлесная. Взгляни на меня, я сохранила дѣвственность, ни одинъ мужчина не прикасался ко мнѣ и дѣвственность — сила моя. Не стану я искушать Господа и просить чуда у него, но въ груди моей лежатъ силы громадныя, какъ громадна вѣра моя, и если бы я погибала здѣсь, если-бы воздуху не было дышать мнѣ, вѣрю я, воскликнула-бы душа

моя: разверзись земля! и разверзлась-бы она надъ головою моею и вышла-бы я изъ этого подземелья. Дѣвственность сближаетъ женщину съ ангелами и съ самимъ Богомъ. Уши мои разверсты, я слышу полетъ ангеловъ, уста мои раскрыты для славословія и роса небесная не разъ въ сонномъ видѣніи освѣжала ихъ. Дѣвственность есть врата райскія, а любовь людская съ похотью плотской равняетъ человѣка со скотомъ безсловеснымъ.

— Вѣрю я тебѣ, почитаю я тебя, благо такой, какъ ты, Устинья Евграфовна, ибо ты такая и есть, какъ говоришь; да только,—усмѣхнулась Наталья Прохоровна,—говоришь ты такъ потому, что гордыня обуяла сердце твое, и какъ слѣпой объ солнце, такъ ты говоришь о любви земной. Вотъ, дай твою руку,—она взяла руку Устиньки и приложила ее къ своему сердцу,—гляди въ глаза мнѣ и читай въ нихъ то, что я скажу тебѣ. Кабы не хотѣлъ Господь Богъ, чтобы люди любили, не далъ бы Онъ имъ того сладкаго боя сердечнаго, что всю грудь наполняетъ, не далъ-бы Онъ имъ той слезы благодатной, что отъ сладкой любовной боли въ глазахъ моихъ стоитъ. Брошена я была у тетки сварливой, молившейся съ лестовкой и бившей меня тою-же лестовкой, брошена я была въ пансіонѣ, гдѣ ничему меня не учили, только съ пути сбивали науками разными и встрѣтила я его, заговорилъ онъ со мной и приласкалъ меня и предложилъ мнѣ горькой сиротинушкѣ прильнуть къ груди его мужской, честной, опереться на руку его сильную и идти съ нимъ въ жизнь, дѣлить горе и радость, и я проснулась, заговорила грудь моя, открылись очи, разверзлись уши. Ты ангеловъ по-

летъ слышишь, а я весь міръ понимаю, весь міръ въ одномъ объятіи къ груди прижму. И солнце для меня мать, и звѣзды мои братья, и воздухъ, что вкругъ меня вѣетъ, родной мнѣ и нѣтъ для меня чужевѣрца, каждый человѣкъ мнѣ близокъ, больна рана чужая, скорбна скорбь посторонняя, и какъ стану на молитву передъ иконами, ни лестовки мнѣ не надо, ни книгъ вашихъ, сердце свое прижму руками и каждое біеніе его славословитъ Господа, и каждое дыханіе поетъ аллилуія Ему. Ты вѣришь, что земля по слову твоему разверзнется надъ тобою, а я вѣрю, что ни гладъ, ни моръ, ни темница не измѣнятъ, не сокрушатъ силы моей любви, что найду я мужа моего, найду Василія Семеновича, снова прижмусь къ груди его, снова о руку его обопрусь, и будемъ мы съ нимъ тѣмъ мужемъ и женой, что Богъ зоветъ плотью отъ плоти, кровью отъ крови, и благословитъ Богъ чрево мое и будутъ дѣти у насъ, и примемъ мы смерть одинъ около другаго—вотъ что люди зовутъ любовью, Устинья Евграфовна, одного мы съ тобой корня да разныхъ вѣтвей и разныя намъ съ тобою дороги.

И обѣ женщины, молча, рука въ руку, стояли передъ теплившимися лампадами и обѣ твердо глядѣли на суровые лики святыхъ. Одна страстно взывала къ нимъ, какъ къ единственному оплоту противъ страстей людскихъ, другая искала въ нихъ освященія и очищенія земной страсти, данной въ удѣлъ человѣчеству. Одна искала подвиговъ, другая жаждала материнства.

Вздрогнула, какъ бы очнувшись, Устинья Евграфовна и отдернула руку свою.

— Обольстилъ тебя врагъ людской и обуяли тебя страсти земныя, вижу я, что рано еще вносить просвѣтленіе въ душу твою, не насталъ твой часъ.—Прощай, Наталья Прохоровна, сегодня же отпишу отцу твоему, что отправляю тебя по его желанію сею ночью въ дальній скитъ, къ теткѣ твоей Таисіи; хочетъ онъ, чтобы ты, какъ на покаяніи за своевольный бракъ свой, пожила у ней, пытаетъ онъ мыслить, что какъ побудешь ты снова въ средѣ древлева благочестія, сама захочешь расторгнуть бракъ сей и скоротать жизнь свою въ монастырѣ, ну, а коли не благоугодно то будетъ тебѣ, вернешься ты по времени снова къ тому, кого мужемъ своимъ величаешь. Не тиранъ отецъ твой и не злодѣй, не губить тебя хочетъ, а малость одуматься душѣ твоей время даетъ. Да и его надѣется уломать, капиталъ онъ ему предложить, чтобъ отступился онъ отъ тебя на-вѣки и уѣхалъ изъ краевъ нашихъ.

— Грѣхъ вамъ въ соблазнъ и подкупъ людей вводить,—вздохнула Угрюмова,—а только все это понапрасну, какъ сходились мы съ нимъ, такъ на все это готовы были. Куда хотите поѣду и буду ждать своего освобожденія.

Помолчала Устинька, поглядѣла на тонкую, высокую дѣвушку и ломнуло у ней въ груди: на чьей сторонѣ правда? да тутъ же проснулась и гордость, и долгъ. Окстись! окстись! вскрикнулъ внутренній голосъ и выпрямилась „мать-матушка“.

— Скажи, Наталья Прохоровна, слово мнѣ и я повѣрю тебѣ; добромъ поѣдешь, не положишь сраму на домъ мой, такъ стану отправлять тебя сею ночью спокойно, какъ гостью отъѣзжачую, или будешь къ

взывать, смуту порождать и заставишь сн-
:рыть“ тебя?
альцемъ не шевельну. Противъ отца вой-
пойду, самъ пойметъ, у самаго совѣсть за-
Клянете вы тѣхъ, кто васъ тѣснитъ. что-
го силою гнетете чужую душу.
[рости, Наталья Прохоровна.
[рости, Устинья Евграфовна.
а зашуршала дверь подполья, отодвинулась
›инулась половица секретная, и когда за-
паги, прильнула грудью къ столу Угрюмова
я и стономъ вырвалась наболѣвшая грусть-
ія.
успѣла выйти изъ баньки Устинья Евгра-
съ Феничкой, какъ звонко скрипнула калитка
лхавшись, утицей переваливаясь, заковыляла
ıвстрѣчу Матрена Никитишна, поровнялась
, дочерью и едва проговорила отъ волненія:
лъ! пріѣхалъ бѣло-криницкій архіерей Афа-

.лнце еще не взошло, а ужъ туманъ, окутавшій
ıь весь лѣсъ сплошной молочной пеленою,
:ался, заползалъ и разорванными бѣлыми
ями полѣзъ вверхъ. Утренникъ, заночевав-
цѣ-то въ чащѣ лѣсной, проснулся, пробѣжалъ
ѣтвямъ и вершинамъ деревъ, подхватилъ
;ки тумана и, играя, развѣялъ его какъ лег-
ымокъ. Въ свѣтлѣвшемъ небѣ одна за дру-
гасли яркія звѣздочки. Проснулись птицы,
ъ лѣсъ и тихо, какъ бы съ просонья, зале-
[ъ листьями, осыпанными росой.

Въ тайгѣ, гдѣ пріютились четверо ночныхъ гостей, еле курится потухающій костеръ, двое бродягъ, прикурнувъ къ мшистымъ стволамъ, спятъ какъ мертвые.

Спитъ Афанасій Бѣлокриницкій архіерей, спитъ рядомъ съ нимъ и безшабашный Никита Иволга, уткнувшись головою въ остывшій пепелъ. Изъ-подъ густого пихтарника выскочилъ заяцъ и, успокоенный полной неподвижностью спящихъ, усѣлся на заднія лапки у самой головы Афанасія и началъ передними умываться и охорашиваться. А надъ самой головой Иволги какая-то птица принялась свистѣть такъ пронзительно, что онъ проснулся и открылъ глаза; заяцъ стрекнулъ въ кусты, а рыжій парень приподнялся на локтѣ и глядѣлъ на розовѣвшія маковки деревъ и на висѣвшій среди нихъ голубой клочекъ неба, уже залитый утреннимъ свѣтомъ.

— Вставай, попъ! Эй, твое священство, проснись что-ль!—будилъ Иволга Афанасія.

Афанасій открылъ глаза и сталъ креститься.

— Крестись, крестись, попъ! надъ тобой ужъ „ушанъ“ *) обѣдню правилъ, я зеньки **) продралъ, а онъ у самой твоей головы сидитъ и такъ-то тебя обѣими лапами благословляетъ...

— Звонишь, звонишь, а лба не перекрестишь,—не поворачивая къ нему голову проворчалъ Афанасій, продолжая креститься и шептать молитву.

Иволга вскочилъ на ноги.

*) Заяцъ.
**) Глаза.

— И-и, благодать какая! Теплынь Богъ посылаетъ, это по нашему сиротству да по нашимъ ризамъ убогимъ! Эй, вы, мореные, вставайте што-ль, самоваръ ставить пора, ишь углей сколько!—хохоталъ Иволга, расталкивая заспавшихся кругомъ потухшаго костра варнаковъ.—Гдѣ у васъ чай, да сахаръ, хлѣбъ горячій!

— О, чтобъ те лопнуть!—ворчалъ громаднаго роста черный дѣтина, сидя на землѣ и почесывая спину о стволъ сосны.—Съ голоду животъ подтянуло, хоть бы хлѣба кроху!

— А ты дубину-то въ руки и на большую тра[illegible]у, тамъ хлѣбъ-то въ полушубкѣ на тройкѣ катитъ.

Лицо чернаго дѣтины потемнѣло, узко прорѣзанные, косоватые глаза вспыхнули.

— И пойду, тебѣ что за забота? Тебя не [illegible], потому съ тебя ровно съ червя ни шкуры, ни мяса не добудешь; что-жъ намъ здѣсь, что-ль, съ голоду пухнуть? А кто насъ, варнаковъ, къ себѣ приметъ, не попы мы бѣглые!

— Ладно... ладно... а работать не хошь, на любой заводъ эдакаго медвѣдищу поставятъ и паспорту спрашивать не станутъ.

— Работать?—варнакъ вдругъ двинулся къ Иволгѣ съ поднятой дубиной.—Не стану работать, убью, коль работой корить станешь! Работалъ я на своемъ вѣку,—во какъ работалъ,—семь шкуръ потомъ сопрѣло, да не та мнѣ линія вышла, все перевернуло... обиды не снесъ... деревню спалилъ... и на каторгу.

— А оттуда съ дубиной въ лѣса родимые?

— Не твово рыжаго рыла то дѣло, въ лѣсъ

такъ въ лѣсъ. Эй, Ермило, справляйся, не рука намъ здѣсь съ ихъ священствомъ валандаться, неравно всю обѣдню имъ испоганимъ.

Ермило, здоровенный парень, глупо ухмыльнулся, передернулъ плечами и поплелся впередъ.

— Наше вамъ, господа, таежные дворяне, родителямъ поклонъ!—кричалъ Иволга вслѣдъ уходившимъ варнакамъ.

— Чего взъѣлся, непутевый, аль тѣсно стало?

— Ты помалкивай, ваше преподобіе, намъ не рука эти случайные гости, при нихъ ни слово сказать, ни куска съѣсть нельзя, вотъ я ихъ и спровадилъ, а теперь, отче, давай ѣсть, а потомъ махнемъ черезъ рѣчку, тамъ знаю я мѣсто, гдѣ у охотниковъ, что на лыжахъ зимой за краснымъ звѣремъ бѣгаютъ, зимница стоитъ, туда я проведу тебя, ты подождешь, а я тѣмъ часомъ въ поскотину проберусь, повидаю кого надыть, а тамъ за тобой доспѣю и всѣ мы дѣла обдѣлаемъ, черезъ недѣльку гляди въ какомъ ни на есть богатѣющимъ купецкомъ домѣ будемъ съ тобою обѣдню править!

— Что ѣсть-то будемъ? Шишки еловыя, аль хвою жевать?

— Сказано помалкивай, даромъ я что-ль вечеръ по лѣсу рыскалъ? Иволга скрылся за кусты и снова вернулся съ берестовымъ туесомъ и холщевымъ пещуромъ, въ туесѣ оказался квасъ, въ пещурѣ сырой картофель, соль и краюха хлѣба.

— Господи Іисусе! Гдѣ ты такое добро раздобылъ?

— Верстъ за шесть, коль не меньше, смахалъ, тамъ мужики бревна тешутъ, у нихъ изъ-подъ

сытаго брюха сгребъ, пожрали, да спать полегли, ну я остатки и сцапалъ.

— Небось хватятся?

— Ахъ ты, свѣтлая душа, ну и хватятся, намъ-то што, имъ вездѣ ходъ, одно слово, работники, въ каждомъ селѣ хлѣба дадутъ, а намъ куда двинуться? Ну, да ладно, помоги, отче, костеръ развести, будемъ „гулену“ печь *).

Афанасій набралъ вѣтвей, наложилъ еловыхъ лапъ, и костеръ, весело потрескивая, запылалъ снова; въ горячую золу зарыли картофель и, сидя на корточкахъ около огня, Афанасій и Иволга жадно жевали хлѣбъ, круто посыпая его солью и захлебывая квасомъ.

— Попъ, а попъ! какой я тебѣ скажу, сонъ видѣлъ — бядовой такой!

— А какой?

— А вотъ я загану тебѣ загадку, коль разгадаешь и сонъ скажу. Скажи, что эвто такое: лается — а не песъ, грѣетъ — да не печь, пилитъ — да не пила, коли имѣешь — къ чорту посылаешь, а коли нѣтъ — чорту продашься, чтобы имѣть.

Афанасій жевалъ хлѣбъ и почти не слыхалъ загадки, думы его были далеко. Далеко отъ ароматнаго лѣса, отъ ярко свѣтившагося солнца, отъ безшабашнаго говора рыжаго парня.

Съ самой поимки его и острога сталъ Афанасій ясно чувствовать на себѣ перстъ Божій; залитая виномъ, забалованная безнаказаннымъ разгуломъ совѣсть проснулась, въ груди родилось присущее русскому человѣку чувство душевнаго

*) Картофель.

отрезвленія. Побѣгъ изъ тюрьмы, страхъ задохнуться при спускѣ въ ужасную яму, близость отвратительной смерти и захватывающая радость свѣта, жизни и свободы повліяли на душу и умъ Афанасія, уже затронутые свѣтомъ, пролитымъ на него чтеніемъ Евангелія и священныхъ книгъ. Теперь, какъ на ладони, онъ ясно видѣлъ всю свою жизненную путину. Отъ солдатчины до Бѣлой Криницы, какъ бы до высокой горы, куда вдругъ вознесла его судьба и пролила на него благодать. Тогда онъ не понялъ благости Господней и не нашелъ пути правильнаго, намѣченнаго рукою Всевышняго, напротивъ, взыгралъ онъ строптивымъ духомъ, отдался во власть дьявола смутителя и ринулся въ бездну наживы неправедной и тѣшилъ похоть свою, пока не низринула его снова въ тьму кромѣшную карающая десница Божія. И очнулся Афанасій, не собираясь на побѣгъ, но, встрѣтившись лицомъ къ лицу со смертью, тогда воззвалъ къ Господу и за спасеніе души своей далъ себѣ зарокъ, клятву клятвенную произнесъ: коли не умретъ въ одночасье безъ покаянія, слугою Господа быть. Услышанъ былъ на небесахъ гласъ его покаянный, снова увидѣлъ онъ и солнце, и лѣсъ, и снова жизнь лежитъ передъ нимъ. Куда теперь? какъ теперь? Знаетъ онъ одно, что отнынѣ пойдетъ онъ въ путяхъ правыхъ, по стопамъ древлева благочестія, не посрамитъ больше сана священническаго, что на немъ лежитъ, и коли надо пострадать, то и пострадать за вины свои мерзостныя. Сидитъ о. Афанасій, глядитъ кругомъ въ лѣсъ и думаетъ: сколько въ этихъ самыхъ лѣсныхъ дебряхъ людей скрывается, сколько „сход-

цевъ", сколько старцевъ подъ скрытіемъ здѣсь въ сокровенныхъ лѣсахъ доживаетъ вѣкъ свой, славословя Господа, ревниво оберегая себя отъ соблазна мірскаго. Одно солнце красное, одинъ вѣтеръ разгульный видитъ и знаетъ ихъ, а только крѣпка вѣра, видно, велика въ человѣкѣ потребность чистоты, коли люди такой жизни ищутъ и не прельщаются никакимъ мірскимъ соблазномъ.

— Ты что-жъ, отче, опять духомъ упалъ? Ума не приложу, чего ты ровно во сняхъ ходишь? Вотъ ты какой „удатный", съ какаго мѣста мы ноги унесли, и живы остались, ну слава те Господи, пора и отряхнуться, я тебѣ загадку насчетъ бабы давалъ, а ты и не слухаешь.

Афанасій открестился.

— Не говори ты мнѣ про бабъ, Христа ради, въ нихъ вся погибель людская лежитъ.

— Въ бабѣ? Не попъ, не соглаственъ. Лучше балуйной бабы ничего на свѣтѣ не сыщешь. Я, братъ, сегодня въ ночи, во снѣ дѣвку видѣлъ, гнался я за ней, да она, чтобъ ее розорвало, убѣгла, я за ней, да въ лѣсъ, да какъ хряснусь о пень, и проснулся. О пень-то я хряснулся, а дѣвки пымать не могъ. Глянь, „гулена" готова, мягко спеклась. Иволга разрылъ золу, досталъ оттуда картошку и началъ перекидывать ее съ ладони на ладонь. Снова оба замолчали, какъ бы прислушиваясь къ чарующей тишинѣ лѣса. Гдѣто далеко звонко куковала кукушка, въ небѣ показался треугольникъ журавлей и съ жалобнымъ клекотомъ снова пропалъ въ лазурной синевѣ. Афанасій сосредоточивался все больше и больше, Иволга невольно перенялся его думою, тоже за-

молкъ и невольно перенесся мыслями за многіе годы, въ бѣдную деревушку, откуда онъ былъ родомъ. Передъ нимъ развернулась кривая и грязная улица родной деревни и крайняя изба съ выгона, его отца съ матерью. Охъ, бѣдно и сѣро жилось тамъ! А сердце у парня было горячее, глаза завидущіе, на умѣ гульба, да пѣсни, игры да любовь, а въ избѣ хлѣба искать погодить. У сосѣда богача Кондрата дочь дѣвка Татьяна, коса тяжелая, свѣтлая, что колосъ хлѣбный, очи звѣздчатыя, брови соболиныя, сама круглая что рѣпа, зубастая что щука, гордая что индюшка корилеиая, на парней глядѣть не хочетъ, на ихъ затѣйныя рѣчи улыбки не оборонитъ, а какъ Никиту увидитъ, полымемъ займется, да гдѣ такому хахалишкѣ *) эдакую кралю раздобыть, гдѣ такому захребетнику сватовъ заслать къ гордецу-богатѣю деревенскому, а кровь молодая играетъ; встрѣтился Никита съ Татьяной потайной ночушкой въ рощѣ ближней, разступились кусты ракитовые, скрылся мѣсяцъ средь тучъ, укрыла трава высокая стыдъ дѣвичій, удаль молодцовскую. И мѣсяцъ не видѣлъ, и кусты не слыхали, и вѣтеръ до людскихъ ушей не донесъ и скороталн такъ парень съ дѣвкой не одну и не пять ночей; сиживали до румяной зари, до послѣдняго зова деревенскихъ кочетовъ и все шло хорошо, да понесла дѣвка и матери во всемъ повинилась, узналъ отецъ, узнали братья, не смирились, не захотѣли породниться съ деревенской голытьбой, а въ злой дракѣ напали на Никиту. Защищался парень, да

*) Хахалишка—захребетникъ—голышъ.

и угодилъ коломъ въ башку старшому брату Татьянину. На мѣстѣ уложилъ ворога и, не дождавшись суда людскаго, бѣжалъ.

А куда убѣжишь, коли отъ людей скрываешься? Въ лѣсъ густой. А въ лѣсу что ростетъ? Одна дубина суковатая. А какой человѣкъ въ лѣсу повстрѣчаться можетъ? Одинъ придорожникъ. Вотъ и наткнулся Никита на такихъ молодцовъ и повелъ дружбу съ ними. Лѣтомъ, значитъ, въ оврагѣ, при большой дорогѣ, самъ-другъ съ дубиной, ну, а зимой больше по острогамъ сиживалъ. Какъ впервой его схватили, не съ руки ему было сознаваться въ невольномъ убійствѣ, и сталъ съ тѣхъ поръ Никита Иваномъ непомнящимъ родства, а по прозвищу отъ товарищей—Иволгой, за свистъ свой птичій.

Много наслоилось на душѣ Иволги всякой мерзости, и рукой онъ давно махнулъ на все, что люди совѣстью зовутъ. Да вотъ на-поди, тихое солнечное утро, костеръ потухающій, да скорбная дума попа Афанасія разбередили сердце его и черезъ сколько лѣтъ вспомнилъ онъ и мать, и отца, и любу свою, защемило сердце, рѣзнуло глаза, быть, небывалая слеза нажалась на нихъ.

— Въ путь пора, отче, разморилъ ты меня думой своей; айда!—всталъ Иволга, потянулся и засмѣялся.—А знаешь ли, батька, что кабы теперь да утекъ я отъ тебя, тутъ бы тебѣ въ лѣсу и погибать, безъ креста, безъ савана. Этимъ лѣсомъ незнакомому человѣку переть — лучше лечь да помереть. Кто его знаетъ, какъ я, кто въ немъ и тонулъ и висѣлъ, чьими ногами онъ вдоль и поперекъ исхоженъ, только тотъ и выведетъ тебя

изъ него. Ужъ ты меня потомъ не покинь, какъ въ люди выйдешь, а теперь я поводырь твой.

Всталъ Афанасій отъ костра, опять молитву всѣмъ сердцемъ творитъ. Иволга только головой помоталъ; „молись", молъ, „это твоя часть", а самъ тѣмъ временемъ въ пещуръ остатки хлѣба и соли сложилъ, буракъ изъ-подъ квасу и „гулену" спеченую, что не пріѣли: не ровенъ часъ, опять пригодиться можетъ.

— Идемъ, батька!

Двинулись въ дорогу. Лѣсъ шелъ безъ тропинокъ, цѣлиною, мѣстами лежали груды гніющаго валежника, мѣстами зеленой, бархатной гладью стояли болота, съ своими страшными „окнами" и „чарусами". Иволга зналъ всѣ тропочки и шелъ увѣренно впередъ, посвистывая и поглядывая по сторонамъ. Афанасій слѣдовалъ за нимъ въ ногу, со страхомъ наблюдая бездонную топь, покрытую изумрудно-яркимъ мхомъ, надъ которымъ возвышались богунъ, лютикъ и другія болотныя легко-корныя травы.

— Вотъ гляди, отче, „окно". Скрозь его сатана на человѣка смотритъ.

Перекрестился Афанасій и покосился на свѣтящуюся среди болота полынью, блестѣвшую какъ стекло въ рамѣ.

— Окно что! Его рази пьяный не доглядитъ, а вотъ глянь,—Иволга показалъ вправо,—вонъ она смерть-то гдѣ—„чаруса", какъ лѣсовики зовутъ. Ты думаешь, что это? Лугъ цвѣтистый, поляна раздольная... Ишь, красота какая! Такъ и манитъ на ту луговину, а не токмо человѣка, ушана затянетъ—не простреканетъ косой, только

куликъ долгоносый, да кроншнепъ тонконогій тутъ перепархиваютъ, мурашей да мотыльковъ ловятъ.

Глядитъ Афанасій и крестится. Вправо отъ нихъ, среди краснокорыхъ сосенъ разостлалась поляна, гладко густо поросла она роскошной сочной травой. Какъ глаза голубые смотрятъ изъ нее незабудки; качаясь на тонкихъ ножкахъ, кланяются во всѣ стороны бѣлые колокольчики.

— Въ этой чарусѣ, отче, живетъ дѣвка-утопка, болотница. По ночамъ здѣсь проклятое мѣсто; бѣда приходить человѣку, коли особливо на немъ креста нѣту. Сидитъ болотница на цвѣтахъ голубыхъ, быть, утопленница изъ воды вынырнула и какъ увидитъ человѣка, учнетъ манить его руками голыми, зачнетъ грудь свою бѣлую-пышную показывать и голосомъ тонкимъ, „робячимъ" станетъ молить его протянуть ей хоть вершу, помочь ей, вишь, на берегъ выбраться. Да не только возжаться съ ней, а лишь шагъ ступить, такъ ужъ пропалъ человѣкъ. Затянетъ его тина чарусная, учнетъ онъ медленно погружаться, всасываться, а дѣвка-утопка хохотать станетъ, а нѣтъ, на плечи ему прыгнетъ, да вмѣстѣ съ нимъ ко дну и пойдетъ. Что крестишься-то, видно съ этими лѣсами мало знакомъ, какъ же сибирякомъ сказывался?

— Я не изъ этихъ мѣстъ. Сибирь Сибири рознь, у насъ гористо, болотъ мало, да и сказокъ такихъ не слыхалъ я.

— Не сказки сказываю. Сказка что? Сонъ, мечтаніе, а я тебѣ говорю то, во что дѣды и прадѣды вѣрили, значитъ правду. А ты вотъ слыхалъ ли что про львиный день?

— Нѣтъ, по нашей Сибири нѣтъ такаго дня, да и святаго Льва не чтимъ мы, то латынскій святой.

— Знаю, что латынскій. Папа такая у нихъ была, только не объ томъ рѣчь. По нашимъ мѣстамъ, откуда я родомъ, всѣ знаютъ, что день этотъ приходится на зиму, 16-го февраля, когда царь лѣсной, левъ, что въ Африкѣ живетъ, свои имянины правитъ. Изъ уваженія къ нему, на то число волки свадьбы свои играютъ и на полянахъ, на выгонахъ, въ лѣсахъ у всѣхъ звѣрей плясы и забавы идутъ. А коли человѣкъ какой да подглядитъ—найдутъ его и разорвутъ безпремѣнно. Стой... вотъ и дошли. Глянь, зимница! Въ ней по недѣлямъ зимой охотники живутъ, что на лыжахъ въ лѣсъ за пушнымъ звѣремъ ходятъ. Ты, отецъ честный, подожди меня здѣсь, теперь я одинъ махну дальше и ужъ все тебѣ дѣло обтяпаю. Путники подошли къ строенію, возвышавшемуся надъ землею всего на пять, шесть вѣнцовъ грубо отесанныхъ бревенъ, остальная часть сруба была опущена прямо въ землю; единственное отверстіе съ аршинъ вышиною, со створками, замѣняло и дверь, и окно, и дымовую трубу.

Осмотрѣвъ хорошенько, насколько то позволялъ свѣтъ, нѣтъ ли въ зимницѣ звѣря, аль гада какаго, Афанасій, нагнувшись, нырнулъ туда, а за нимъ и Иволга. Тамъ на крѣпко убитомъ глиняномъ полу стоялъ грубо сколоченный столъ и двѣ скамьи, прикрѣпленныя къ стѣнамъ; Афанасій опустился на одну изъ нихъ, подперъ руками голову и снова задумался. Посмотрѣлъ на него Иволга и головой покачалъ.

— Слушай, отецъ, я здѣсь возлѣ тебя пещуръ положу, ты не сумлѣвайся, хоть бродяга я, а душа во мнѣ христіанская, и коли мы вмѣстѣ съ тобой „глонули“ горя, такъ ужъ такъ его до конца пить и будемъ, коль живъ буду, вернусь и тебя вызволю, смотри проголодаешься, поѣшь, тамъ еще припасовъ есть, пить захочешь, выйди и послухай, тутъ прямо за зимницей ручеенко бѣжитъ, только далѣе его не ходи, а коль ѣсть не будешь, пещуръ мы здѣсь покинемъ, мѣсто это у насъ завѣтное, лѣтомъ сюда за топью никто не отважится, а изъ „нашихъ“ кой кто и сумѣетъ пробраться сюда, такъ вотъ и хорошо, коль перекусъ какой найдетъ. Ну, инъ, прощай, попъ!

— Прощай, Никитушка, храни тебя Богъ.

Иволга вылѣзъ изъ зимницы и скоро громкій пронзительный свистъ его оборвался и замеръ вдали. Афанасій снова почувствовалъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ всего міра, онъ всталъ въ уголъ, на колѣни и началъ молиться.

Дошлый парень былъ Иволга, одно слово, въ правое ухо влѣзетъ—умоется, изъ лѣваго вылѣзетъ—утрется; все какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ. Доползъ овражкомъ до поскотины, свистомъ вызвалъ кого было надо и все устроилъ, какъ по писанному. Приняли Афанасія въ домъ богатаго крестьянина, жившаго по древлему благочестію. Тамъ отдохнулъ онъ, окрѣпъ, а затѣмъ снабдили его „лопатиной“ всякой, деньжонками, паспорту справили ему самую настоящую купеческую и черезъ нѣсколько дней катилъ Аѳанасій по большому тракту на парѣ перекладныхъ, какъ купецъ, торгующій саломъ, а съ нимъ и Никита Ивановичъ

Иволгинъ, какъ приказчикъ-молодецъ по той же части. Путь они держали въ городъ К—скъ къ тамошнимъ купцамъ благодѣтелямъ и вѣрнымъ людямъ, Ситниковымъ.

Въ Ситниковскомъ флигелечкѣ помирала скитская старица Манеѳа, не то, чтобъ къ безвременью приключилась ей смерть, а все-таки помереть она никакъ не могла. Зубоскалка-Фенюшка увѣряла, что душа ея отъ старости ослѣпла и никакъ выхода изъ тѣла найти не можетъ.

Дѣло въ томъ, что Манеѳѣ перевалило за девяносто и по ея расчету какъ бы и совсѣмъ выходило время помирать. Передъ людьми зазорно стало, три раза она ужъ и подъ иконы ложилась, посмертную одежу одѣвала, три раза всѣ упокойныя молитвы надъ нею прочли, послѣдній разъ сама мать-матушка Устинья Евграфовна ей и свѣчу смертную въ руки дала, ну, совсѣмъ, совсѣмъ помирать Манеѳа стала, да заснула, лукавый сманилъ ее, такъ она смерть и прокараулила. Проснулась, глядитъ—жива, полежала, ѣсть запросила. Срамота! Вотъ и нынче опять за матушкой спосылала, а потомъ со всѣми распростилась и снова легла подъ иконы. Каноница весь обрядъ по ней справила, ну, словомъ, одно осталось—помирать, а Манеѳа лежитъ жива. Громко надъ ней Евстолія канонъ читаетъ, а Манеѳа лежитъ безъ словъ, безъ молитвъ и потухшими глазами глядитъ на входную дверь, дрема клонитъ ее, да нѣтъ, на этотъ разъ не поддастся она на козни дьявольскія, не дастъ смертному ангелу мимо пройти,

увидитъ она его и умолитъ взять съ собою. Тихо, тихо въ горенкѣ, гдѣ лежитъ старица; мѣрно, гнусливо читаетъ канонница, читаетъ да потянетъ слово, или зѣвнетъ про себя. Слипаются старческія очи Манееы, не слышитъ она больше молитвы и снится ей: на окнѣ муха желтая жужжитъ, надрывается, а ее со смѣхомъ тонкими пальчиками ловитъ Манееа, да не старица Манееа, а Мофочка, дѣвочка шустрая, веселая дочь деревенскаго лавочника; наскучило ей въ своей горенкѣ отца ждать, а пообѣщалъ онъ дочери взять ее съ собой въ скитъ, хочется ей скитскаго пѣнья послушать, на лѣпоту ихъ служенія посмотрѣть; играетъ она съ мухой желтой, а сама все на дверь оглядывается, ждетъ не дождется, когда отецъ въ нихъ появится; сердце такъ и стучитъ отъ нетерпѣнія. Чу! Шаги!

Дверь старицы Манееы вдругъ съ шумомъ распахнулась и въ нее влетѣла Фенюшка.

— Пріѣхалъ!—сообщила она зычнымъ шепотомъ.

Канонница поперхнулась на словѣ и потеряла строку. Заснувшая было Манееа вскинулась, свѣтъ изъ растворенной двери рѣзнулъ ей глаза. Фенюшка, въ черномъ платкѣ на головѣ, приняла передъ нею ликъ ангела смерти и лепеча: „Пріѣхалъ... пріѣхалъ... разрѣшилъ меня грѣшную... разрѣш...“ Манееа упала на подушки. На этотъ разъ душа ея нашла выходъ и покинула ветхое тѣло.

— Никакъ кончается!—съ испугомъ воскликнула канонница, не поймала упущенную строку, перескочила и, духъ не переводя, стала читать

отходную, чтобъ молитвой нагнать уходившую душу. Фенюшка схватила приготовленную смертную свѣчу и, придерживая ее въ холодѣвшей рукѣ умирающей, повторяла слова молитвы. Прошло нѣсколько минутъ и старица Манеѳа, благообразно по всѣмъ обряднымъ правиламъ, отошла въ вѣчность.

— Пойтить доложить матушкѣ!—встала съ колѣнъ Фенюшка, прилѣпляя свѣчу къ аналою.

— Кто пріѣхалъ-то? Кто разрѣшилъ ейную душу-то?—спросила шепотомъ канонница.

— Архіерей Афанасій пріѣхалъ и въ „лѣтникѣ“ остановился.

— Во-истину онъ архіерей, поставленный самимъ Богомъ, коли власть имѣлъ разрѣшить ея душу. 5 лѣтъ вѣдь помирала и все отойтить не могла, слышала? „разрѣшилъ“, говоритъ, и померла.

— Слышала! шепотомъ отвѣтила Фенюшка и вышла изъ горницы, а канонница, сотворивъ трехкратное метаніе, принялась снова читать.

Черезъ малое время весь дворъ Ситниковыхъ отъ мала до велика зналъ, что о. Афанасій, едва коснувшись пядью земли ихъ, уже совершилъ чудо—разрѣшилъ душу старицы Манеѳы.

Въ большомъ Ситниковскомъ домѣ много было комнатъ, закоулковъ и законурокъ. Очевидно, домъ строился не сразу, а сообразно прибавленію членовъ семьи и увеличенію ихъ достатковъ. Одинъ пристраивалъ боковушку, другой чуланчикъ, а третій—такъ думную для успокоенія мыслей, четвертый спаленку съ дѣтской, и такимъ образомъ, домъ утратилъ вовсе свою первоначальную фор-

му и весь въ перекрышахъ и навѣсахъ, напоминалъ монастырскую „стаю“, когда нѣсколько отдѣльныхъ домовъ подгоняли подъ одну крышу. Только сами хозяева хорошо знали свои горницы и уюты, всякій другой человѣкъ спутался бы тамъ какъ въ лабиринтѣ, но одинъ планъ преслѣдовался очевидно каждымъ строителемъ: это чтобы изъ всякой комнаты, изъ кажиннаго уголочка былъ свой явный или тайный выходъ. Каждый имѣлъ, казалось, въ умѣ одну мысль—удрать коли кто ловить или преслѣдовать его будетъ. Были въ этомъ домѣ зимнія комнаты, съ громадными печами и лежанками, были и лѣтники, комнаты по количеству оконъ напоминавшія оранжереи, и не имѣвшія вовсе печей; тамъ зимой сохранялись провизія, припасы, а лѣтомъ окна сплошь заставлялись цвѣтами, а любимая сибиряками ясеневая мебель придавала помѣщенію веселый видъ.

Въ одномъ изъ такихъ лѣтниковъ теперь расположился новоприбывшій архіерей Афанасій и пріѣхавшій съ нимъ Никита Иволгинъ.

Посреди комнаты на разостланномъ для дорогаго гостя роскошномъ персидскомъ коврѣ стоитъ о. Афанасій въ полукафтаньи чернаго атласа, въ камилавкѣ и съ лестовкой въ лѣвой рукѣ, передъ нимъ у стѣнки, сложивъ руки, какъ бы на монастырскій манеръ, стоитъ Иволга въ суконномъ кофтырѣ, какъ смиренный послушникъ съ широкимъ чернымъ „усменнымъ“ *) поясомъ. Веселое лицо его благообразно вымыто, курчавые рыжіе

*) Усма—выдѣланная кожа

волосы жирно смазаны масломъ и расчесаны на проборъ, сѣрые большіе глаза его, которые онъ не выучился еще потуплять, такъ и прыгаютъ отъ удовольствія и веселья.

Иволга сталъ теперь „крестомъ“ для о. Афанасія, но онъ свято помнилъ, что безъ Иволги не видать бы ему свѣта Божьяго, да и изъ тайги глубокой не выбраться бы ему одному никогда, либо звѣрь лютый, либо лихой человѣкъ покончилъ бы съ нимъ, либо чаруса затянула бы въ свою топь; вотъ почему Афанасій не только мирился съ присутствіемъ Никиты, но даже пытался смягчить цинично-грубый нравъ нечаяннаго товарища и направить его на стезю добродѣтели.

— Хо-о-рошій домъ, обстоятельный домъ, докладывалъ ему Никита, стоя у стѣны,—кормятъ засыто и не норовятъ тебѣ подсунуть какую тухлядь, аль залежное, одинъ смакъ... А какую я, отче, дѣвку видѣлъ, страсть! Упырь-дѣвка... Глазищи, во! Иванъ сложилъ кулакъ.—Черничка, Фенюшкой звать... Хороша!

Афанасій вздохнулъ и покачалъ головой.

— Повремени ты, непутевый, дай осмотрѣться, пережди хоть день съ твоимъ глупствомъ.

— Осматривайся, осматривайся, отецъ; чтожъ, я тебѣ не мѣшаю. Только не сумлѣвайся, въ самое значитъ, ядро мы попали. Про тебя ужъ говорятъ, что ты чудо сотворилъ. Какая-то завалящая старушонка померетъ не умѣла, а какъ узнала, что ты пріѣхалъ, такъ съ радости аль съ испугу тутъ же и померла. Говорю, „удатный“ ты!

— Ладно, буде, сиди здѣсь и нишкни, покель вернусь, тамъ виднѣе будетъ...

— Господи Іисусе Христе, послышалось за дверями.

— Аминь, отвѣчалъ Афанасій.

Дверь открылась, вошла старая женщина въ черномъ платкѣ на головѣ и, перейдя порогъ, дважды сотворила земное метаніе и встала.

— Матушка Устинья Евграфовна спослала. Неравно проводить до нея?

— Добро, добро, вновѣ-то заплутаешься въ вашихъ хороминахъ.

Афанасій перекрестился и вышелъ, а черезъ минуту изъ лѣтника юркнулъ и Иволга. Молча шла по переходамъ и горницамъ старая женщина, молча за нею сворачивалъ направо и налѣво отецъ Афанасій, пока, наконецъ, провожатая съ молитвою постучалась въ одну дверь и вслѣдъ за отповѣдью открыла ее и пропустила гостя.

Въ большомъ какъ бы кабинетѣ самаго Евграфа Силыча собралась вся семья. Въ широчайшемъ креслѣ, какъ опара, перешедшаи края горшка, сидѣла Матрена Ильинична и сопѣла, не смѣя заснуть подъ строгимъ взглядомъ Устиньки. Рядомъ съ нею, на стулѣ, обитомъ темной волосяной матеріей, сидѣлъ, нервно постукивая пальцами о бортъ письменнаго стола, Евграфъ Силычъ. Чинно, спокойно сложивъ руки на груди, въ другомъ креслѣ по ту сторону сидѣла Устинька. Степочка, позванный ради торжественности и поученія, сидѣлъ тутъ-же, на такомъ же стулѣ какъ отецъ и, поджавъ ноги, со своей напомаженной головой и опущенными глазами казался воплощеніемъ смиренства, а дума у Степочки была одна: удрать бы теперь, да подкараулить Фенюшку. Вѣдь

вотъ, поди, затянутъ они теперь душеспасительную бесѣду часа на два... Разчудесное было бы дѣло... Мысли были до того увлекательны, что Степочка ёрзнулъ на стулѣ, поднялъ голову и совершенно неожиданно для самаго себя выпалилъ: „Я, папенька, уйду"...

Строгіе, изумленные глаза Устиньки впились въ него и до того смутили малаго, что тотъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ.

— Ты чего, опалѣлъ?—началъ Ситниковъ, но его перебила старуха.

— Да отпустите ребенка, коли ему выдтить надо, чего насѣлись?

— Аминь, — вдругъ произнесъ торжественно Ситниковъ, услышавъ за дверью обычное молитвенное привѣтствіе.

Съ порога открывшейся двери, стоя на которомъ Афанасій истово осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, глаза его въ упоръ встрѣтились съ пытливымъ взглядомъ Устиньки, и онъ какъ-бы весь нравственно подобрался. Какъ ни толста была Ситникова, но и она со всей семьей сотворила уставное метанье и даже припала къ ногамъ Афанасія съ молитвою: „Прости и благослови, отче, домъ нашъ!"

Прошелъ часъ, прошелъ второй, пропала надежда у Степочки застать въ густомъ саду Фенюшку, а Ситниковы все еще наслаждались бесѣдою со своимъ пастыремъ. Сладкогласно и велерѣчиво говорилъ о. Афанасій и даже Устинька склонилась къ нему привѣтнымъ ухомъ.

— Давно, давно ужъ писали намъ изъ Москвы и изъ Казани,—говорила она,—что и къ намъ въ

наши далекія окраины прибудетъ архіерей изъ новопоставленныхъ въ Австріи. Всѣ „наши" австрійское духовенство пріяли.

— Охъ, только не обливанецъ-ли ты, до смерти боюсь я!—вдругъ, какъ во снѣ, подозрительно и жалобно проговорила Ситникова.

Евграфъ Силычъ въ отчаяніи только замахалъ руками.

— Ставилъ меня въ санъ священный митрополитъ Акинфій въ самой митрополіи своей Бѣлой-Криницѣ, — сдержанно отвѣчалъ Афанасій уже сладко храпѣвшей старухѣ.

Снова потекла бесѣда о раскольникахъ иркутскихъ, саратовскихъ, о Бѣлой-Криницѣ, святомъ митрополитѣ Акинфіи, о разныхъ скитскихъ нуждахъ и бѣдахъ. Текла бесѣда, да не на пользу Степочки, угрюмо глядѣлъ онъ въ окно, гдѣ вѣтка густолистой липы, шелестя, какъ-бы поддразнивала его и манила въ садъ.

А въ саду тѣмъ временемъ, что трясогусочка вихлявая, шла Фенюшка, оглядываясь во всѣ стороны, шла до густыхъ кустовъ красной смородины, что цѣлую стѣнку бани собой прикрывали, нагнулась подъ нихъ, вынула оттуда корзину плетеную съ припасами, обошла кругомъ и вдругъ юркнула въ баньку, подумала замкнуть за собою двери, да руки были заняты, лягнула только ногой, чтобы она притворилась и прошла во вторую комнату, отодвинула половицу и стала спускаться по лѣсенкѣ; ужъ одна головушка по верху осталась! какъ вдругъ услышала она надъ собой голосъ:—куда хоронишься, красна дѣвица?

Кубаремъ-бы скатилась Фенюшка съ лѣстницы

и корзину съ провизіей выронила-бы изъ рукъ, кабы не замерла отъ ужаса, какъ Лотова жена. Не могла она повѣрить, что то былъ надъ нею живой человѣческій голосъ.

— Спущайся, аль поднимайся дѣвица, куда ты, туда и я, мнѣ все единственно! И Иволга крѣпко держалъ половицу, чтобъ Фенюшка не захлопнула ее за собою.

Для Иволги заповѣднаго въ жизни не существовало и изъ всѣхъ заповѣдей онъ только зналъ одну одиннадцатую—„не зѣвай“. Съ первыхъ шаговъ въ Ситниковскомъ домѣ, парень подглядѣлъ Фенюшку и сразу стало ему мерекаться, что это и есть та самая дѣвка, за которой онъ такъ усердно гнался во снѣ. Прослѣдить ее и выслѣдить для него не составляло никакаго труда, но теперь онъ былъ озадаченъ и рѣшилъ узнать, куда и кому неслась пища.

— Да открой-же глаза, ягодка, аль ножки приросли! Коль сама не вернешься, за плечики вздыну.

Дѣвушка открыла глаза, мигомъ выбралась назадъ изъ подполья и такъ ловко шарахнула половицей, что у Никиты только въ ушахъ стукнуло, въ глазахъ мелькнуло и ни отпора, ни запора разглядѣть не успѣлъ онъ.

— Тебѣ что? чего за хвостомъ бѣгаешь? Разглядѣвъ и узнавъ Никиту, дѣвушка сразу инстинктомъ поняла, что передъ нею одинъ изъ воздыхателей по ея красотѣ, да не изъ робкихъ была и Фенюшка.—Чего присталъ? Ни нашихъ порядковъ, ни нашихъ обычаевъ не знаешь. Вѣдаешь ли ты, что ты въ заповѣдномъ саду мать-матушки Устиньи

Евграфовны и что коли тебя здѣсь да пымаютъ, такъ наши работники тебѣ всѣ кости перещупаютъ.

— Ну это, братъ, еще на двое! Шкура-то у меня не про вашихъ дураковъ припасена, да и орать я „мастакъ", меня лучше не трошь! да при томъ я съ отцомъ архіереемъ.

— Слушай, парень, уйди ты, Христа ради, отсюда, уйди ты только за дверь и ни кому я не скажу, что я тебя здѣсь видѣла.

— О, воръ же ты, дѣвка! Да какъ же я тебя теперь изъ рукъ-то выпущу, да можетъ я и не часъ, и не два тебя караулю и теперь сдохнуть мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли я не узнаю, куда и къ кому ты шла. Иванъ спокойно взялъ изъ рукъ дѣвушки корзину и открылъ ее.

— Вотъ вкусъ-то, Господи! онъ вытащилъ кусокъ пирога съ нельмой и сразу отхватилъ отъ него два громадныхъ куска; у Фенюшки даже слезы навернулись на глазахъ.

— Бестыжій ты! окаянный! чтобъ те лопнуть!

— Какъ звать-то тебя по батюшкѣ?

— Шатунъ! Разбойникъ! Агевна я по батюшкѣ; ну, сожралъ пирогъ уйди, Христомъ Богомъ прошу.

— Никуда не уйду, день здѣсь пробуду, ночь пролежу, схоронюсь здѣсь на полкѣ и ждать буду, кто входить иль выходить будетъ.

— Эй, народъ кликну!

— Кликай, кликай, что-жъ! я такъ и скажу: сама дѣвка меня сюда зазвала и заѣдокъ принесла. Эхъ, никакъ и бутылочка есть на днѣ.

— Не трошь! крикнула Фенюшка.

Иволга поставилъ корзинку на скамью и вдругъ охватилъ дѣвушку.

Вотъ что, Федосья Агевна! Вотъ что, разлапушка моя, коли останешься ты, значитъ, здѣсь со мной въ этой банькѣ хоть часочекъ одинъ, клятву даю, не стану я допытываться, ни куда ты шла, ни къ кому корзинку несла. Какъ могила молчать буду... Вотъ, хошь—покупай меня, не хошь—давай воевать!..

Фенюшка потупила глаза, она поняла, что силой и окрикомъ тутъ ничего не возьмешь, ну, да у бабы семьдесятъ семь перевертокъ, а у хорошей дѣвки и того больше—Фенюшка рѣшилась хитрить.

— Тебя какъ звать-то наѣзжій человѣкъ?

— Меня?—да ноньче... Иваномъ зови, свѣтъ Ванюшкой!

— Чтожъ те ноньче Иваномъ, а завтра Сидоромъ, не ловко быдто.

— А не зовусь я никакъ!—да вотъ что, дѣвушка, Иволга поблѣднѣлъ и глаза его загорѣлись недобрымъ огнемъ,—не виляй,—не хитри,—время не тяни. Онъ ловко сталъ между Феней и дверью и не успѣла дѣвушка ахнуть, какъ онъ щелкнулъ ключемъ, и вынувъ его, спряталъ въ карманъ. Не выдти тебѣ отсюда, безъ моей воли.—Не лаской, такъ силой возьму! И, схвативъ, дѣвушку на руки сжалъ ее крѣпко въ объятіяхъ и какъ добычу унесъ ее во вторую комнату.

Сила животной, но искренней страсти, сѣрые потемнѣвшіе глаза, побѣлѣвшія дрожащія губы, прижавшіяся къ ея раскрытымъ губамъ—затуманили голову дѣвушки, все выскочило изъ душеньки и здоровая нетронутая натура ея вдругъ откликнулась на страсть, похолодѣло въ груди, а потомъ

сразу загорѣлось, сильныя руки ея закинулись на шею парня и съ тихимъ, страннымъ смѣхомъ она только проговорила: „свѣтъ Ванюшка“.

Кончили Ситниковы благочестивую бесѣду съ о. Афанасіемъ и повели его закусывать, да показывать ему молельню, въ которой на сегодняшнюю ночь назначено было большое служеніе.

Хватилась Устинья Евграфовна Фенюшки, велѣла ее кликнуть до себя. Пришла Фенюшка блѣдная и глаза, быть, заплаканы.

— Ты чего?—спросила ее матушка.

— Въ подполицу спущалась, очинно споткнулась... зашиблась.

— Чего-жъ плакать-то, впервые что ли?

Фенюшка помолчала...

— Должно впервые такъ угораздило, коли плачу.

— Ой, дѣвка, вертишь чего-то! У Натальи была?

— Какже, обѣдъ снесла; на сегодня ждетъ отправки.

— Ну смотри, Феня, схорони ты мнѣ тайну эту, дай только руки мнѣ развязать,—ужъ я награжу тебя.

Ушла Фенюшка и вздохнула. Охъ, дорого заплатила она за чужую тайну.

Когда Устинья Евграфовна вступила въ тихую и разумную бесѣду съ новоприбывшимъ архіереемъ Афанасіемъ, Евграфъ Силычъ улучилъ минутку, проскользнулъ въ двери и повернулъ въ комнатку направо. Тамъ на длинномъ узкомъ ларѣ сидѣлъ мальчикъ Васятка „спосылокъ“ *),

*) Сокращеніе отъ «на посылкахъ».

лѣтъ десяти. Такихъ мальчиковъ было нѣсколько въ домѣ Ситниковыхъ, всѣ грамотные, сироты, они набирались отъ 7 лѣтъ и до 10-ти; вся ихъ работа и служба заключалась въ послушаніи, зоркости и сметкѣ. День-деньской мальчики „спосылки" сидѣли въ разныхъ уголкахъ дома на лавкахъ, болтали ногами, давили мухъ или читали священныя книги, наблюдая, чтобы никакой нежданный или нежеланный гость не пробрался невзначай во внутреннія комнаты. Пока одинъ шелъ проводить, двое другихъ, съ разныхъ концовъ дома, успѣли бы предупредить о пришедшемъ хозяевъ.

Посланный Евграфъ Силычемъ Васятка мигомъ слеталъ за караульнымъ татариномъ Чамкой.

Черномазый Чамка, держа въ рукѣ всклокоченную мѣховую шапченку, скаля отъ удовольствія свои ослѣпительно-бѣлые зубы, появился передъ хозяиномъ.

— Берика-сь расхожую лошадку, да только не Чалаго...

Глаза Чамки блеснули.

— Слышь, не Чалаго! — наставительно прибавилъ Евграфъ Силычъ.—И поѣзжай въ городъ по всѣмъ „нашимъ". Понимаешь?

— Понялъ, бачка, понялъ, какъ не понять!

— Кланяйся и скажи, молъ, Евграфъ Силычъ и Матрена Ильинична просятъ сегодня вечеромъ къ чайному столу. Ну, живо! Пустяковъ не болтай, что надо знать, сами знаютъ.

— Ладно, ладно, бачка, зачѣмъ болтать.

И Чамка, бормоча про себя увѣренія въ своей понятливости, заковылялъ короткими, кривоватыми

ногами, а Евграфъ Силычъ, тихо ступая, торопливо направился обратно въ свой кабинетъ.

Въ Ситниковскомъ дворѣ были два заклятые врага: Чалый и Чамка. Чалый, громадная розоватая лошадь, куплена была Степочкой въ Ирбитѣ только потому, что онъ видѣлъ разъ губернатора на точно такой лошади. Только Степочка не узналъ, взлягивала ли губернаторская лошадь такъ, чтобъ вдребезги ломать передки саней и коробковъ, и становилась ли она свѣчкой подъ верховымъ. У купленнаго имъ Чалаго всѣ эти добродѣтели оказались въ избыткѣ, но кривоногій Чамка поклялся бородой Магомета исправить Чалаго. Чѣмъ поклялся конь не поддаваться, осталось, конечно, тайной, но только исправленіе еще не начиналось, и Чалый съ особеннымъ наслажденіемъ, именно надъ Чамкой, продѣлывалъ всѣ свои мерзостныя штуки.

Враги эти въ то же время были и самыми лучшими друзьями. Въ мирное время, т. е. когда не замышлялось никакой ѣзды, Чамка кормилъ Чалаго, цѣловалъ его въ морду, чистилъ его, подлѣзая ему подъ брюхо, при чемъ конь гостепріимно растопыривалъ всѣ свои четыре ноги, и оба отъ удовольствія скалили другъ на друга зубы. Скалить зубы была особенность Чалки и татаринъ былъ убѣжденъ, что скотина прямо смѣялась, когда—ему, а когда—надъ нимъ. Теперь, несмотря на запретъ хозяина, Чамка немедленно бросился въ конюшню и именно въ стойло Чалаго. Тотъ, въ пересыть наѣвшись овса и сѣна, стоялъ по брюхо въ чистой соломѣ и весело заржалъ, услыхавъ голосъ вошедшаго.

— Чаво гогочешь, а? Узналъ что ли, что поѣдемъ на чай звать гостей. Чамка подошелъ къ самой мордѣ лошади и оба, уставившись глаза въ глаза, дружелюбно оскалили зубы. — У-у, страшнóй какой!—потрясъ головой татаринъ.—Да ужъ ладно, поѣдемъ съ тобой, слы-ышь лютóй, поѣду на тебѣ, такъ-то...—и похлопывая дружелюбно по самымъ ноздрямъ фыркавшую лошадь, Чамка „обороталъ" *) и выпятилъ ее изъ конюшни.

Почувствовавъ себя на воздухѣ, конь взыгралъ, взмахнулъ, какъ султаномъ, своимъ длиннымъ, густымъ хвостомъ и сталъ выплясывать на переднихъ ногахъ, взлягивая задними; какъ ни упирался Чамка кривыми ногами въ землю, а не могъ удержать за одну веревку недоуздка здоровую лошадь и, ругаясь, плясалъ вмѣстѣ съ нею.

— Якимъ, Якимъ, Яки-и-имъ! — оралъ Чамка на помощь работника.

— Чаво? Бѣгу! О, будь ты проклятъ! Никакъ опять съ Чалымъ возжаешься!

— Хозяинъ-бачка приказалъ. Бери Чалаго, говоритъ, и на немъ гостей къ чаю скликай.

— Хозяинъ? Не врешь, проклятикъ?

— Чего врать, воръ лошадь, какой шайтанъ ѣхать на немъ станетъ, а хозяинъ грозитъ, бери Чалаго!

— Н-ноо! Язви тебя! Стой что-ль! Якимъ перехватилъ изъ рукъ татарина недоуздокъ.—Утресь бочку на клепки растрясъ. Годи, такъ ли дьяволить станешь въ рукахъ у цыгана! Нонѣ торговать пыталъ одинъ, черезъ часъ, сказывалъ зайдетъ.

*) Надѣлъ недоуздокъ—«обротьку».

Чамка тревожно подошелъ къ Якиму.

— Цыганъ торговалъ? Черезъ часъ зайдетъ? Не надо.

— Слыхалъ, гость какой къ намъ наѣхалъ?

— Слыхалъ, сказывали.

— Бачка не велѣлъ три дня, ни-ни, чужой душѣ на дворѣ не дышать! Ворота на запоръ, своихъ званыхъ впустишь, а цыгана не пускай, слышь? Не пускай!

— Ладно, не пущу. Не наказывалъ мнѣ хозяинъ о запорѣ-то.

— Говорилъ, говорилъ, мнѣ говорилъ бачка. Три дня ни-ни чужаго. Пропуститъ, говоритъ, кого Якимъ, со двора сгоню!

— Ладно, не пропустимъ.

— То-то! Держи голову Чалаго вправо, ведро вынесу, лѣвой рукой недоуздокъ держи, а ведро ему подъ морду подставь.

Чалый осторожно пилъ холодную воду, чутко прислушиваясь настороженными ушами; по гладкой, лосной шерсти его зыбью пробѣгала мелкая дрожь, лѣвый глазъ косилъ и отъ попавшаго въ него луча солнца горѣлъ кровавой звѣздочкой.

Чамка подкрался къ нему справа и только размахнулся накинуть сѣдло, какъ конь гулко ударилъ задними копытами по деревянной, дворовой настилкѣ, мотнулъ головой и, обдавъ все широкое лицо Якима струею воды, метнулся вправо и замоталъ здоровеннымъ Якимомъ, какъ пустымъ огороднымъ пугаломъ. Сдержался Якимъ за недоуздокъ, а ведро, плеснувъ ему на ноги, покатилось, подпрыгивая по двору.

— Дьяволъ! чтобъ-те треснуть! Брось, Чамка, говорю, убьетъ онъ тебя разомъ.

Но Чамка, воспользовавшись переполохомъ, прошмыгнулъ подъ брюхомъ бѣсившагося Чалаго и накинулъ-таки ему на спину сѣдло. Лошадь, какъ всегда, почувствовавъ его на себѣ, стихла и, уже только вздрагивая и фыркая, дала засѣдлать себя; но затѣмъ началась новая потѣха, конь не давалъ Чамкѣ сѣсть, татаринъ, какъ ловкая разъяренная обезьяна, прыгалъ и метался во всѣ стороны, Чалый задавалъ отчаяннаго козла то задомъ, то передомъ, ржалъ и, очевидно, злобно *игралъ* своимъ другомъ-врагомъ, и все-таки не углядѣлъ. Налетѣлъ на него Чамка, чуть не съ головы, уцѣпился за гриву и таки сѣлъ въ сѣдло. Чалый всталъ свѣчею и заляскалъ передними ногами. Не помогло! Тогда онъ нагнулъ голову до земли, вытянувъ шею, и высоко взлягнулъ задомъ. Татаринъ, зажавъ его своими мускулистыми кривыми ногами, сидѣлъ на немъ, какъ влитой. Якимъ отворилъ ворота и Чалка, вылетѣвъ вихремъ, какъ безумный помчался по пыльной улицѣ и дальше по всполью, мимо мельницы, туда, къ далекимъ татарскимъ юртамъ, и только измученный, весь покрытый бѣлою пѣной, избывъ въ бѣшеной скачкѣ свою степную злость, пошелъ тихою рысью, покорно останавливаясь у тѣхъ воротъ, гдѣ Чамка передавалъ сторожевому татарину приглашеніе для его хозяевъ на вечерній чай, неизбѣжно сообщая всюду, что къ нимъ пріѣхалъ т а к о й гость, о которомъ бачка-хозяинъ не велѣлъ и сказывать никому.

Слѣзать, конечно, Чамка не рисковалъ нигдѣ,

и даже изъ туеса съ мятнымъ квасомъ, который выносили ему за ворота изъ жалости къ его изнуренному виду, онъ пилъ, не выпуская повода изъ лѣвой руки.

Красное лицо Чамки, покрытое грязнымъ потомъ, сіяло, когда онъ торжественно въѣзжалъ на Чаломъ въ Ситниковскій дворъ. Старательно выводивъ лошадь, онъ снялъ съ нее сѣдло, вытеръ ей спину и ноги, кускомъ грубаго сукна, и, затѣмъ, дружелюбно подошелъ къ коню и оба, оскаливъ зубы, глядѣли другъ на друга добрыми, веселыми глазами. Чамка поцѣловалъ Чалку въ самыя теплыя ноздри и отвелъ его въ стойло до новой воинственной стычки.

То-есть, кабы его воля, ни въ жисть, ни за какія деньги не разстался бы Чамка съ такимъ сокровищемъ.

Какъ только свечерѣло, всѣ окна Ситниковскаго дома плотно прикрылись внутренними ставнями, у на-глухо запертыхъ воротъ караульные татары защелкали колотушками. Въ заднемъ дворѣ, подъ длиннымъ навѣсомъ, стояли короба и линейки наѣхавшихъ гостей. Смирные кони свободно жевали подвязанное имъ сѣно, лютые—стояли на привязи у ввинченныхъ въ стѣну колецъ. Кучера и работники, засѣвъ въ стряпущую, угощались брагой, шаньгами и вели бесѣду съ дворней Ситниковыхъ.

У всякой входной двери въ домѣ караулилъ „спосылокъ“, а внутри ярко освѣщенныхъ комнатъ набралось много гостей, все лучшее купечество города съ дочерьми и сыновьями. Женщины

въ темныхъ, добротныхъ, шелковыхъ платьяхъ, въ темныхъ платочкахъ на гладко причесанныхъ головахъ. Устинья Евграфовна, подкрѣпленная душеспасительной бесѣдой, оживленная, повадистая, степенно веселая занимала почетныхъ гостей. Матрена Ильинична больше молчала и какъ сама налегала на легкое предъужинное угощеніе, всюду разставленное на столахъ, такъ и другихъ нудила: не обезсудить, а прикусить да пригубить.

Всѣ глядѣли на о. Афанасія, бывшаго тутъ же, всѣ жаждали услышать назидательную бесѣду. Среди собравшихся гостей было нѣсколько старцевъ учительныхъ, начитанныхъ св. Писаніи, истыхъ столповъ древлева благочестія; старше всѣхъ изъ нихъ былъ богатѣй лѣсопромышленникъ Иларіонъ Ивановичъ Берестовъ, пользовавшійся во всемъ городѣ уваженіемъ за правдивость свою и строгость жизни.

Родъ свой Берестовъ велъ изъ Керженца, изъ той колыбели старообрядчества, откуда всѣ они и получили прозваніе „кержаковъ". Тамъ на его родинѣ, на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ, и до сихъ поръ стоитъ невидимый для грѣховнаго ока св. градъ Китежъ, со стѣнами зубчатыми, какъ въ Московскомъ Кремлѣ, съ золотоверхими маковками церквей, съ монастырями и скитами, съ княжескими теремами и домами вѣрныхъ христіанъ. Скрылся градъ тотъ отъ глазъ людскихъ, опустился въ нѣдра земныя, а надъ нимъ выступили воды и разлились широкимъ свѣтлымъ озеромъ. Случилось то по Божьему слову, когда проклятый язычникъ Батый съ нечистью своею татарской полонилъ всю Русь Суздальскую и пошелъ войною на Русь Ки-

тежскую, но Господь пожалѣлъ своихъ вѣрныхъ сыновъ, не отдалъ ихъ на избіеніе, а женъ и дщерей ихъ на поруганіе. 10 дней и 10 ночей искали бусурмане града богатаго и не нашли его, отвелъ Господь глаза ихъ, а въ скрытомъ градѣ, подъ хрустальнымъ пологомъ водъ шла по прежнему тихая жизнь благочестивыхъ людей, идетъ она и по нынѣ, но развратились люди кругомъ на землѣ и не хочетъ Господь пустить овецъ своихъ излюбленныхъ въ среду хищныхъ волковъ и поганыхъ козлищъ. Въ канунъ Пасхи, подъ Благовѣщенье и подъ Успенье нѣкоторые странники и мнихи честные видятъ сквозь воду верхи золотые храмовъ и теремовъ и слышатъ звонъ колоколовъ монастырскихъ, а какъ наступитъ послѣдній день, затрубитъ въ трубу сзывную ангелъ жизни и смерти, откроется и городъ тотъ для людскихъ очей. Вотъ откуда родомъ были Берестовы, прадѣдамъ его удалось пострадать за истую вѣру и не совсѣмъ-то своею охотою въ Сибири они очутились, да давно это было, съ тѣхъ поръ снова стали Берестовы людьми торговыми, вольными и, обосновавшись въ чуждой имъ странѣ, по прежнему, какъ и въ родимыхъ заволжскихъ лѣсахъ, лѣснымъ промысломъ занимались и разными древесными дѣлами орудовали. Самъ старикъ Иларіонъ Ивановичъ никуда изъ своей новой родины не выѣзжалъ, молился въ своей молельнѣ, какъ дѣды его молились, но скорбѣлъ по священству и всѣмъ сердцемъ возрадовался, когда дошла до него вѣсть, что отнынѣ своихъ ставленниковъ имѣть они будутъ. Жена его померла давно, единственная дочь была замужемъ въ чужомъ городѣ; у Ситниковыхъ

онъ былъ рѣдкимъ, но всегда почетнымъ гостемъ, сегодня же его тамъ ждали съ особымъ чувствомъ страха и волненія, такъ какъ надѣялись насладиться бесѣдою его съ новоприбывшимъ архіереемъ.

— Побесѣдуйте отцы честные, Иларіонъ Ивановичъ, преподобный о. Афанасій, васъ просимъ, усладите души наши!—обратилась къ Берестову и о. Афанасію Устинья Евграфовна, ласково, низко кланяясь обоимъ. Берестовъ молча поклонился ей, расправилъ свою длинную, сѣдую бороду и обратился къ пріѣзжему гостю:

— Двѣсти лѣтъ не смѣли христіане наши мыслить о своей священной іерархіи, а нонѣ довелось воочію зрѣть одного изъ поставленныхъ. Воистину, изъ Бѣлой Криницы свѣтъ пролился на насъ, обрѣли мы святителей и кланяюсь я тебѣ, отче преподобный, отъ имени всѣхъ насъ и отъ душъ предковъ нашихъ, что во гробахъ своихъ за насъ радуются.

„Гребтѣло" *) сердце Афанасія, срамно ему стало выдавать себя за архіерея, когда былъ онъ только рукою владыки Криницкаго поставленъ въ попы, да какъ улита, прилѣпившаяся къ раковинѣ своей, не можетъ покинуть ее, такъ и онъ теперь не воленъ былъ выдти изъ лжи своей, ибо въ письмахъ и грамоткахъ, что изъ разныхъ мѣстъ сюда слали, всюду величали его новопоставленнымъ архіереемъ, а нонѣ какъ „пострадалъ" онъ, да неизреченной милостью вызволился изъ узъ, кто и сомнѣвался еще, всякій сталъ его за архіерея держать.

---

*) Гребтить—болѣетъ.

Охъ, зазорно было Афанасію, одна надежда поддерживала его на Божеское всепрощеніе.

— Радуется сердце мое слышать слова ваши,— отвѣчалъ онъ, кланяясь всему собранію, а самъ поглядѣлъ на Устинью Евграфовну, на ея твердые, ясные глаза, и подумалъ: вотъ вѣдь женскаго полу, а въ путяхъ правильныхъ обрѣтается и видимо не собьется съ нихъ.

— Вотъ что спрошу я васъ, отцы честные,— начала Устинья Евграфовна,—скажите вы въ поученье намъ женщинамъ, что стоитъ выше: дѣвство или супружество?—Сказала, и легкая краска, что заря пробѣжала по смуглому лицу ея, вспомнился ей послѣдній разговоръ ея съ Натальей Угрюмовой, вспомнились ей страстныя рѣчи ея о плотской любви, запавшія глубоко въ сердце и помимо воли смутившія, взволновавшія ее.

Афанасій, наслушавшійся, начитавшійся въ Бѣлой Криницѣ проповѣдей по всѣмъ таинствамъ и по всѣмъ заповѣдямъ, сосредоточился въ мысляхъ своихъ, а самъ тѣмъ временемъ обратился къ Берестову.

— Смиренный я рабъ Божій и Господомъ вознесенъ превыше достоинствъ своихъ, не велики годы, не велика и начитанность моя, радъ я слышать отвѣтъ твой, Иларіонъ Ивановичъ, а потомъ будетъ и мое слово.

Подумалъ Берестовъ, погладилъ сѣдую бороду и покачалъ головою.

— Трудное слово сказала ты, Устинья Евграфовна, и не намъ рѣшать тотъ вопросъ, о коемъ людишки вѣками бьются, за кои иные на муки и смерть идутъ! Знаю я, сказано въ Еван-

геліи, что „дѣвство выше супружества“, но только тотъ можетъ вмѣстить дѣвство, кто духомъ и плотью такъ крѣпокъ, что недопуститъ до себя даже сонное искушеніе. Кто-же только гордынею на себя дѣвство налагаетъ, а воздержаться плотью не можетъ, пусть вступаетъ въ бракъ, ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться на запретное. Св. апостолъ говоритъ: „Хорошо человѣку не касаться женщины, хорошо и женщинѣ уклоняться отъ мужчины. Но во избѣжаніе прелюбодѣянія даже въ мысляхъ вашихъ, пусть каждый имѣетъ свою жену, пусть каждая имѣетъ своего мужа“. Вотъ и все, что могу сказать, добавилъ старикъ.

Съ гордымъ и твердымъ вопросомъ въ глазахъ воззрилась теперь Устинья Евграфовна на о. Афанасія.

Глянулъ и Афанасій глубоко ей въ очи. Гордыня обуяла ее, иль дьяволъ смущать сталъ, подумалъ онъ.

— И я скажу тебѣ, честная и достохвальная мать-матушка паствы нашей, мудреный ты вопросъ задала и неподлежащій людскому обсужденію.

Укоромъ показались Устинькѣ слова тѣ, гуще краска выступила на ея лицѣ, еще выше подняла она голову, еще яснѣе и громче сказала:

— Я, особь статья, ни клятвъ, ни обѣтовъ не давала, а иду въ дѣвствѣ потому, что возжаждала того душа моя, а тутъ кругомъ насъ много юныхъ черничекъ и бѣличекъ, что въ манатейныя готовятся, для нихъ бесѣду клоню.

Еще разъ поглядѣлъ на нее Афанасій: разумна—

а горда, охъ, какъ горда, матушка! и продолжалъ:

— Христосъ сказалъ: „Могій вмѣстити, да вмѣститъ" и этимъ самымъ выяснилъ людямъ весь путь. Нѣсть отъ Господа понужденія людямъ на дѣвство, нѣсть и запрета, только никто не бери на себя тяготы превыше силъ своихъ, а разъ прiялъ ихъ, не гордись, а неси со смиреніемъ до конца дней своихъ. Нужны молитвенники людямъ грѣшнымъ, нужны руководители, учители, а у дѣвственника душа выше, силы окриленнѣе, взглядъ чище, слово убѣдительнѣй. Земная любовь съ ея скорбями и наслажденіями вяжетъ человѣка, затемняетъ разумъ и сердце его и не можетъ онъ весь оторваться отъ семьи своей и весь уйти на служеніе Богу и людямъ-братьямъ. Да, какъ пастырь, какъ пророкъ и охранитель вѣры, дѣвственникъ выше сочетавшагося, если только не возгордится онъ чистотою своею. Три тверди создалъ Господь: твердь земную, небесную и связывающую ихъ твердь воздушную. Единъ въ трехъ лицахъ Господь и три подобія лица своего сотворилъ Онъ: человѣка на землѣ, ангела на небеси и дѣвственника, связывающаго небо и землю молитвами своими.

„— Но и брачное сожительство установлено самимъ Богомъ. Въ земномъ раю, сказалъ Господь: не хорошо быть человѣку въ одиночествѣ, Я сотворю помощника соотвѣтствующаго ему, и сотворилъ Богъ изъ ребра его женщину и привелъ къ человѣку, благословилъ ихъ и сказалъ: плодитесь и множитесь, и поялъ Адамъ Еву, и познаиъ ее какъ мужъ жену свою, и не наруши-

лась тѣмъ гармонія жизни райской, не оскорбило Господа Бога плотское единеніе первыхъ людей, не умалилась отъ того ни сила, ни чистота ихъ, такъ-же благоухала для нихъ земля и осыпала ихъ своими дарами, такъ-же лежали у ногъ ихъ и ластились къ нимъ лютые звѣри, такъ-же невинно не сознавали люди наготы своей. Честный, въ Бозѣ заключенный брачный союзъ ихъ не былъ въ глазахъ Господа ниже чистоты Адамовой, пока былъ онъ одинъ.

„— Но какъ только змій сталъ прельщать Еву, и допустила она его взглянуть на себя окомъ похотливымъ и раздѣлила похоть его въ мысляхъ своихъ, такъ прелюбодѣйствовала она. Ибо сказалъ Господь: „Аще кто пожелаетъ жену ближняго своего, тотъ прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. Познавъ похоть, Ева съ плотскимъ вожделѣніемъ отдалась мужу своему Адаму, сталъ бракъ ихъ блудомъ, восчувствовалъ Адамъ срамоту ихъ соитія, устыдился онъ наготы своея и спрятался отъ Господа.

„— Изгналъ Господь прелюбодѣевъ изъ рая земнаго. Проклялъ ихъ и землю носившую ихъ. Трудъ и горе, болѣзнь и смерть стали удѣломъ человѣка. Скоро земля вмѣсто дождя напоилась кровью людскою и съ тѣхъ поръ познала засуху и безплодіе.

„— Не любовь взаимная, связующая мужчину и женщину, не бракъ, соединяющій плоть ихъ, изгналъ ихъ изъ рая земнаго, а блудъ. И нѣтъ выше грѣха, какъ блудъ въ бракѣ. Говорю вамъ— Афанасій обвелъ взоромъ все собраніе, напряженно слушавшее его,—страшное, святое дѣло бракъ,

если люди разумѣютъ его по Господу, и проклятъ тотъ, кто нарушаетъ чистоту его. Если болѣзнь или убожество, или старость, или иная какая причина, отъ человѣка независящая, дѣлаетъ одного неспособнымъ къ плотскому сожительству, то другой ради святости брака долженъ обуздать плоть свою, освѣтлить помыслы свои и будетъ невольная чистота его угоднѣе Богу, чѣмъ отъ рожденія сохраненная дѣвственность".

Еще разъ обвелъ Афанасій строгимъ, проницательнымъ взоромъ всѣхъ собравшихся.

— Говорю вамъ, жены, и вамъ, мужья, и вамъ, юноши и юницы, коимъ предстоятъ брачныя узы— помните, что трудный подвигъ берете на себя, что супружество есть тернистый путь для человѣка, ходящаго въ Богѣ, и превыше всякаго грѣха земнаго бойтесь блуда въ бракѣ.

„— Если мужъ не бережетъ жену свою, а дурно обращается съ нею, поноситъ или же бьетъ ее— не жена она ему, а раба, не съ любовью, а со страхомъ и тайной ненавистью идетъ она на ложе супружеское и будетъ то не брачное сожительство, а прелюбодѣяніе.

„— Если жена тяготится мужемъ своимъ, допускаетъ себѣ сравнивать его съ чужимъ, если укоряетъ она его въ душѣ своей за что нибудь и несетъ она на ложе его остудное сердце, мысли другимъ занятыя, прелюбодѣйствуетъ она, если даже и не нарушила она плотскую вѣрность.

„— Если оба они, не обуздывая страсти свои, ищутъ соитія не ради влеченія душевнаго, не потребности ради здоровья и свѣжести силъ, не во имя заповѣди Божіей: плодитесь и размно-

жайтесь, а тѣша похоть свою, и развращая мысли свои, прелюбодѣйствуютъ оба. И тяжекъ грѣхъ ихъ передъ Господомъ!

„— Мужья, любите женъ вашихъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, денно и нощно храните и блюдите ихъ, да не единымъ пятномъ или порокомъ не затемнится душа ихъ. Будьте первыми помощниками, друзьями и наставниками, не налагайте на женъ вашихъ лишней тяготы, вливайте миръ и веселіе въ души ихъ.

„— Жены, будьте покорны и вѣрны мужьямъ вашимъ не токмо плотію, но каждою мыслью и дыханіемъ своимъ. Не судите мужей вашихъ, не ищите ихъ винъ и пороковъ, ибо нѣсть заслуги въ томъ, что любить вы будете лучшаго, совершеннѣйшаго человѣка, а любите его такимъ, какимъ познали въ бракѣ его и сознавая всѣ недостатки его, съ покорностью и любовью несите тяготы брачныя“.

Помолчалъ Афанасій и мысленно возвалъ къ Господу: „Господи, сподоби раба твоего устами своими грѣшными выяснить пути твои неисповѣдимые“, и затѣмъ снова обратился къ Устиньѣ Евграфовнѣ.

— Такъ-то, Устинья Евграфовна, для тебя, какъ съ измальства постигла ты волю Господню и стала во главѣ стада его, цѣломудріе и дѣвство стоитъ превыше всего, оно даетъ тебѣ тайную силу проникновенія въ сердца и умъ человѣческій, оно даетъ даръ молитвѣ твоей и дѣлаетъ пріятными Господу дѣла рукъ твоихъ. Но кто въ свѣтѣ остался, тотъ долженъ пріять вѣнецъ брачный и всѣ брачныя тяготы, что подъ нимъ скрываются.

Коли всѣ не брачущіеся будутъ сохранять чистоту цѣломудрія, а мужья и жены въ бракѣ будутъ ходить путями Господа и зорко оберегаться отъ вторженія блуда подъ брачный покровъ, наступитъ на землѣ любовь всеобщая христіанская, а съ нею и рай земной и пребудетъ на людяхъ благословеніе Божіе.

„— Еще скажу вамъ слово. Если который изъ мужчинъ познаетъ дѣвицу до брака, обязанъ поять ее въ жены себѣ, ибо скотамъ безсловеснымъ уподобляются тѣ, что плоть свою тѣшатъ, похоти предаются, а брачныя тяготы нести не хотятъ. Нѣтъ на такихъ блудней и блудницъ благословенія Божьяго“.

Замолкъ Афанасій, плачутъ жены и дѣвы, стоятъ мужья и юноши понуря головы, вдумчиво смотритъ на образъ Устинья Евграфовна, а Фенюшка, что за стуломъ мать-матушки стояла, побѣлѣла какъ платъ, руками впилась въ спинку стула, очами со скорбью и страхомъ впилась въ Степочку: „Кабы зналъ онъ про то, какъ она въ банькѣ чужую тайну хоронила“. А Степочка сидитъ бокъ-о-бокъ съ грузной, бѣлотѣлой пожилой купеческой вдовой богачихой Черемухиной, что не разъ его изъ разныхъ ярмарочныхъ невзгодъ выручала. Сидитъ онъ, сложивъ молитвенно руки на груди, голова елеемъ смазана, на проборъ разобрана, бородка расчесана, глаза долу опущены. Въ манерахъ благоустроенъ, собой красовитъ, одеждою лѣпенъ, что картинка писаная, хоть въ рамку вставляй! Вскинулъ онъ глаза на Фенюшку, встрѣтился съ нею взглядомъ, снова потупился и въ мысляхъ раскинулся. „Такъ я и зналъ, что попъ этотъ

какую ни на есть пакость сотворитъ мнѣ. Теперь поди достань Фенюшку безъ вѣнца послѣ такой отповѣди. А какъ вѣнчаться-то будешь, коли окромя пышности тѣлесной, гроша ломанаго за душею нѣтъ? Дѣвка „уросливая" *), мотнись-ка теперь за ней!., Нѣтъ, ужъ лучше вдовьяго расположенія держаться... Да оно должно быть и можно, потому про вдовъ не сказалъ онъ ни слова". И Степочка такъ заигралъ своими черными, масляными глазами, что толстую Черемухину даже въ жаръ ударило.

— Не благословишь ли, преосвященный отче, въ моленную идти! сказала Устинья Евграфовна, отрываясь отъ думъ своихъ сокровенныхъ.

— И время настало, заторопился Евграфъ Силычъ.

На вечернее служеніе преосвященнаго архіерея Афанасія, молельня Ситниковыхъ пріобрѣла совсѣмъ особый торжественный видъ, внутри ее раскинулась какъ бы походная бѣлая шелковая палатка; задняя сторона ея была вся уставлена въ три тябла разныхъ размѣровъ иконами древняго письма, въ богатыхъ „сканыхъ", литыхъ и низанныхъ жемчугомъ ризахъ. Подъ нижнимъ рядомъ иконъ висѣли богато шитыя, бархатныя, парчевыя и канвовыя пелены съ позументными крестами; яркимъ свѣтомъ горѣлъ цѣлый рядъ лампадъ серебряныхъ, золотыхъ и граненыхъ цвѣтныхъ хрусталей, посреди съ потолка спускалось большое паникадило, уставленное рядами зажженныхъ

---

*) Упрямая.

свѣчъ желтаго воску, въ большихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ горѣли „ослопныя“ свѣчи, синеватый дымъ ладана носился по всей молельнѣ, подъ паникадиломъ стоялъ аналой, покрытый до самаго пола бѣлымъ атласомъ съ нашитыми на каждой сторонѣ осьмиконечными крестами алаго шелка. О. Афанасій взволнованнымъ голосомъ правилъ службу. Звонко пѣли гостившія пѣвички и клирошанки, помѣстившіяся отдѣльно направо, какъ бы на клиросѣ. Дрожали руки самопоставленнаго архіерея, когда онъ въ митрѣ, низанной жемчугомъ и камнями, поднесенной ему по пріѣздѣ отъ христіанъ всего города К—ска, осѣнялъ народъ двукиріями и трикиріями. Чинно и благоговѣйно шла служба, умиляя присутствовавшихъ. Афанасій, до сердца котораго коснулось раскаяніе, молился истово, припадая устами и сердцемъ къ престолу Всевышняго, увлекая за собою сердца молящихся. Слеза прошибла благочестиваго старика Берестова и мысленно онъ повторялъ: „вотъ служба, такъ служба Господня. Эко благолѣпіе, хоть съ Рогожскимъ такъ сравнять можно. За эдакое служеніе никакихъ денегъ не жаль въ помощь Ситниковымъ, коли дѣла ихъ похвильнутся“. И не онъ одинъ, а и другіе богатѣи думали тоже, съ умиленіемъ глядя на Устинью Евграфовну, всю предавшуюся богослуженію.

Въ людской стряпущей тоже шла бесѣда. Кучера и работники не допили брагу, не доѣли шаньги, сидѣли рты разинувъ и слушали красно-

бая Иволгу. Работницы, стряпки *), мытницы **), горницкія дѣвушки, всѣ плакали въ помирущую, закрывая головы передникомъ и утирая слезы рукавами. Иволга повѣствовалъ о томъ, какъ „они" съ о. Афанасіемъ за вѣру терпѣли, какъ въ темницу къ нимъ съ воли птицы прилетали и утѣшали ихъ голосомъ человѣчьимъ. Такъ-то пѣли, что каждую пѣсню разумѣть было можно; какъ чудомъ чудеснымъ усыпилъ Господь сторожей всѣхъ и вызволились они изъ темницы; какъ въ лѣсу шли они тайгой непролазной, гдѣ не ступала нога человѣческая, а передъ о. преподобнымъ кусты расплетались, къ землѣ прилегали и давали дорогу, какъ по „мшавамъ" ***) и „вадьямъ" ****) тропа сохла и тамъ, гдѣ не простреконетъ ушанъ легконогій, шли они твердою стопою, а звѣри лѣсные выходили имъ на встрѣчу, шли по пятамъ ихъ и волкъ, и рысь, и лиса, и заяцъ, всѣ идутъ, одинъ другаго не трогаютъ, а когда попалась имъ въ лѣсу охотничья „зимница" и о. Аѳанасій зашелъ въ нее помолиться, то нашли они туесъ съ квасомъ сыченымъ, и пещуръ съ вареной гуленой и хлѣбомъ, кѣмъ приготовленной для нихъ, одинъ Господь знаетъ! А когда сталъ о. Аѳанасій сладкимъ голосомъ молитвы пѣть, вошла въ зимницу волчиха и привела двухъ волченятъ; накормилъ преподобный ихъ изъ своихъ рукъ хлѣбомъ и картофелемъ.

Женщины такъ и ахнули, мужчины сочувствен-

*) Кухарки.
**) Прачки
***) Болотамъ.
****) Круглая открытая полынья, гораздо больше «окна».

но закачали головами, только одинъ Васятка — спосылокъ, смѣнившійся у дверей, фыркнулъ.

— Эка, „втора“ *)! Дяденька Сидоръ, твой праздникъ, волки картовъ жрать стали.

На Васяткино слово фыркнулъ еще кто-то изъ молодыхъ, но старикъ пастухъ Сидоръ, съ наслажденіемъ слушавшій чудесные разсказы, разсердился не на шутку.

— Ахъ, чтобъ тя „шиликунъ“ **) уволокъ! Разсказывай, добрый человѣкъ, разсказывай Бога для.

— А волченята лизали руки, а волчица... никакъ прибѣгла!—совсѣмъ другимъ голосомъ вскрикнулъ Иволга, вскочилъ съ мѣста и исчезъ изъ избы.

— Святые угодники, Кирикъ и Улита ***), — всплеснулъ руками старый пастухъ. — Да неужто она сюда окаянная прибёгла за преподобнымъ?

Присутствующіе заволновались, бабы бросились къ окнамъ, но тамъ было все обыденно тихо и благоустроенно. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко и серебрилъ чистыя доски дворовой настилки, крыша амбара ложилась рѣзко черной полосой и подъ нею не видно было притаившагося въ углу Иволгу. По двору, не спѣша, шла Фенюшка, оглядываясь и, очевидно, разыскивая кого-то. Мытница Ненила спустила окно. Господи, Іисусе Христе, кого ищешь, Федосья Агѣевна?

— Спаси тя Христосъ, Ненилушка, скажи стряпкамъ и горничкамъ, пусть въ бѣлую стряпущую идутъ, сейчасъ ужинать станутъ.

*) Втора—любимое восклицаніе.
**) Шиликунъ—веселый чортъ.
***) Покровители пастуховъ.

И Фенюшка, привѣтливо махнувъ рукой, направилась къ конюшнямъ.

— Оченно просто, что и волчица сюда прибѣгла!—ораторствовалъ Тихонъ, изъ россейскихъ ссыльныхъ, кучеръ Черемухиной. — У насъ, въ Ярославской губерніи, прорва такихъ оборотней по деревнямъ шляются.

— Какй-такй оборотни, по нашимъ мѣстамъ не слыхать, сказывай скорѣй, некогда! — Ненила и стряпки, собиравшіяся бѣжать, любопытной кучкой остановились въ дверяхъ.

— Извѣстно какой оборотень! дѣвку гулящую, съ ёйными пощенками обернулъ какой пустынникъ, аль колдунъ, въ волчицу, ну и ищетъ она святаго человѣка, чтобъ, то-нсь, назадъ ей въ бабье естество..

— О, что-бъ тя розорвало! Пужаетъ къ ночи— бабы съ хохотомъ выбѣжали, но парни захватили веселую Ненилу обратно и заставили ее налить себѣ еще бражки и вынуть изъ „закутка“ теплыхъ шанегъ.

Фенюшка остановилась въ дверяхъ конюшни. Большой жестяной фонарь, хитро прорѣзанный звѣздочками, горѣлъ, подвѣшанный на шестѣ въ среднемъ стойлѣ, прихотливые зигзаги огня освѣщали большую, казавшуюся совсѣмъ розовой, голову лошади. Почуявъ присутствіе чужаго человѣка, конь прянулъ ушами и тихонько заржалъ, отъ заднихъ копытъ его приподнялся Чамка и сталъ вглядываться въ темноту.

— Ты, что ли, Чамка?

— А и то я, кто кличетъ-то?

— Чего ты опять съ Чалымъ возишься?

— Чего мнѣ съ нимъ не возжаться, конь доб-ротъ, доброту любитъ, вотъ я ему, того, копытки-то и обчищаю. Федосья Агевна, что приказы-вать будешь? узналъ Чамка дѣвушку и вылѣзъ къ ней изъ стойла.

— Вотъ что, Чамка, слушай, что Евграфъ Си-лычъ приказываетъ: запряги ты въ казанскій ма-лый коробокъ рыжаго Пѣтушка и стань съ нимъ около садоваго забора, гдѣ банька матушкина вы-ходитъ, какъ станутъ гостямъ лошадей подавать, выйдемъ изъ баньки съ одной гостьей, сядемъ мы въ коробокъ, а ты тогда въ ряды со всѣми дру-гими вмѣшайся и вмѣстѣ изъ воротъ выѣзжай, а тамъ бери вправо и гони прямо на юрты, дальше скажу куда ѣхать. Понялъ?

— Какъ не понять! Ладно, ладно, только за-чѣмъ Пѣтушка, и что за лошадь Пѣтушокъ? Вотъ бы Чалаго, вотъ-то конь!

— Слушай, Чамка, коли Чалаго запряжешь, спаси-те Христосъ, завтра на базарѣ его продадутъ какую ни на есть цѣну, а тебя со двора до-лой. Вѣрно мое слово.

— Да я чего-жъ, я что-жъ! Воля хозяйская, Пѣтушка, такъ Пѣтушка, а только, говорю, дрянь лошадь, вотъ Чалый...

Фенюшка побѣжала обратно въ домъ, а Чамка, ворча и вздыхая, снова полѣзъ въ стойло къ Ча-лому.

Не замѣтила Фенюшка, назадъ бѣжавши, какъ глядѣли на нее хищные глаза Иволгины, не по-чуяло сердце ея, что притулившись за конюшен-ной дверью, стоялъ онъ и все слышалъ.

Въ подпольѣ, подъ банькой, гдѣ сидѣла На-

талья Угрюмова, было тихо, какъ въ гробу. За желѣзными рѣшеточками глубоко стояли толстыя стекла двухъ оконцевъ, почти закрытыя вѣтвями красной смороды. Днемъ сквозь нихъ съ трудомъ попробивался мутный свѣтъ, вечеромъ изрѣдка поблескивалъ огонь, когда за живою изгородью сада проходили съ фонаремъ кучера и рабочіе.

Сегодня огоньки мелькали часто и быстро и наблюдавшая за ними узница сообразила, что близится отъѣздъ званыхъ гостей, а значитъ—и часъ обѣщаннаго ей освобожденія. Забилось сердце ея и грудь невольно расширилась глубокимъ вздохомъ. Поклялась она не противиться, не поднимать бунта противъ отца.

А куда повезутъ ее? Въ монастырь, къ теткѣ Таисіи? А не принудятъ ли ее тамъ и остаться—манатью надѣть? Господи, помилуй!—Отъ одной этой мысли румянецъ залилъ щеки ея, станъ невольно выпрямился.

Непочатый уголъ силъ чувствовала она въ себѣ, а жажда счастья, вѣра въ человѣка, которому отдала свою руку, поддерживали въ ней энергію. Нѣтъ, безъ борьбы не отдамся! проговорила она громко и, вставъ съ мѣста, начала ходить по комнатѣ.

Мѣрно и равнодушно, какъ само время, чикали въ подпольѣ стѣнные часы. Тускло, за недостаткомъ воздуха, красноватымъ пламенемъ горѣли восковыя свѣчи у иконъ, трепетно поблескивали ряды огоньковъ въ цвѣтныхъ лампадахъ. Молодая женщина не думаетъ, не соображаетъ, ходитъ машинально изъ угла въ уголъ и, прижавъ руки къ груди, всѣмъ своимъ оскорбленнымъ сердцемъ

[illegible]да окончится это постыдное, тяжелое [illegible] въ подпольѣ чужаго дома. Несправед[illegible] насиліе вызвали дремавшія въ ея серд[illegible] дали толчокъ ея уму, она стала думать, [illegible]лизировать и дѣлать выводы. Чувственная склон[illegible] молодому, красивому и ловкому земле[illegible]чаровавшему ее прежде всего пылкими [illegible]и и ласковыми рѣчами, теперь превратил[illegible] сознательную привязанность, въ увѣрен[illegible]о только его любовь, его покровитель[illegible]утъ спасти и защитить ее. Грубо растор[illegible]ракъ, въ ея глазахъ, былъ святою, не[illegible]ю связью, за защиту которой она готова [illegible]мереть. И то, что окружающіе ее люди лучшимъ средствомъ, чтобы заставить ее [illegible]ться и вернуться къ старому, открыло без[illegible] пропасть между ея прошлымъ и будущимъ. [illegible] два дня своего заключенія Наталья хо[illegible] по подполью какъ безумная, слезы давили [illegible] ея силы, въ минуты отчаянія она готова [illegible]бы наложить на себя руки; потомъ насту[illegible] реакція, она лежала безъ движенія, не при[illegible] пищи, не желая даже ночью, подъ покро[illegible]вительствомъ Устиньи Евграфовны, войти въ садъ, [illegible] тѣмъ Угрюмовская кровь сказалась въ ней, [illegible] опомнилась, начала ѣсть, думать, и въ ней, [illegible]ѣтно для себя самой, изъ плохо воспитан[illegible] мало образованнаго ребенка сталъ выясняться [illegible] женщины съ характеромъ и волей. Въ раз[illegible]рѣ съ Устиньей Евграфовной она высказала [illegible] не подготовленныя заранѣе, не обдуман[illegible] а какъ-бы помимо воли накопившіяся и вы[illegible]іяся изъ ея сердца.

искоренится пром...
станутъ ихъ дѣти ...
своихъ и, равно пом...
сомнѣніе въ дома древ...
бо человѣку и тати, и ...
сластолюбцу прощенье ...
мнѣніе въ семью правед...

Слыша слова эти, б...
творили передъ нимъ метан...
припадали къ стопамъ ...
и „прощи“ отъ честнаго ...

Прокатилъ попъ Афанас...
Ростовъ и много губерній, ...
ромъ что иногда встрѣчалъ ...
людей, сколько и новыхъ ...
перекати поле, что комъ ...
гатѣлъ Афанасій, липли къ ...
липли къ нему стройному, здоро...
лоденькія скитницы и сами ...
торыми бесѣдовалъ онъ по ...
раскольничьихъ и о томъ какъ ...
и покаяніемъ каждый соверш...
щается и какъ замоленный и ...
во славу человѣку служитъ. И ...
хитеръ, какъ ни остороженъ бы...
сій, а „втискался“ таки онъ въ ...
жескіе.

Силенъ врагъ рода человѣческ...
чаетъ. Раскачалъ онъ, „расхвилил...
насія, долго державшагося на выс...
ваго призванія. Сталъ онъ вино...
большое тяготѣніе возымѣлъ къ ...
Заѣхалъ онъ какъ-то въ большое ...

мыслей; — аль обманетъ? Да
ковская!
Наталья по подполью и снова
малѣйшему шороху.

іе, круто обернулся на облучкѣ
исправника Лобова, молодцовато
въ казанскомъ коробкѣ.
чортъ, чуть бабу не зада-
ему вмѣсто отвѣта очнувшійся

розорвало! Язви тебя лѣшій!
въ сторону и снимая съ
ведрами.
шка, налетѣвъ на нее, ткнула
полное воды, повернула на
и окатила бабѣ ноги, обутыя
подолъ ситцевой юбки, за-

-родіе, баба любитъ, чтобъ
выругаться. А я насчетъ,
скаго бала.
исправникъ подался впередъ.
нныхъ военныхъ, сосланный
только любимымъ куче-
и дѣятельнымъ его клев-

кой балъ?
у Берестовыхъ былъ нонѣ,
пріѣзжалъ татаринъ Чамка,
иона Ивановича звать, такъ
сегодня будетъ, такой-молъ

Ходитъ Наталья Прохоровна вдоль своего подполья, останавливается передъ образами, и ясно, твердо, съ скорбнымъ вопросомъ глядитъ въ лики святыхъ угодниковъ.

Ребенкомъ оторванная отъ своей среды, сбитая съ шатко привитыхъ ей религіозныхъ воззрѣній отца, Угрюмова легко смотрѣла на свой бракъ „уходомъ“ и искренно вѣрила, что отцу легче согласиться съ совершеннымъ поступкомъ, простить дочь за „самокрутку“, нежели принять сватовство человѣка, чуждаго какъ ему самому, такъ и всему складу ихъ жизни. Но того, въ какую драму разыграется ея свадьба, какъ глубоко оскорбитъ отецъ ея мужа, какъ жестоко поступитъ съ нею, она не предвидѣла и теперь сердце ея горѣло, горькая обида заполняла всю грудь, ей больно было разочароваться въ отцѣ и въ религіозныхъ взглядахъ окружавшей ее среды.

Гдѣ-же уваженіе къ церкви, къ браку? Вѣдь Богъ-то единъ для всѣхъ? Какъ-же идти противъ того, что Онъ благословилъ? Какъ-же разрушать то, что Имъ связано? Какъ-же во имя совѣсти насиловать чужую совѣсть?

Гдѣ стойкость? Гдѣ нравственность,—на ея-ли сторонѣ,—такъ какъ передъ алтаремъ поклялась она въ любви и вѣрности своему мужу,—на ихъ-ли, когда они, во имя той-же стойкости убѣжденій и вѣры, хотятъ расторгнуть этотъ бракъ? И сталъ казаться ей ея отецъ и Устинька, и всѣ родные ея, слѣпотствующими, не просвѣщенными изувѣрами.

— Быть пора сдержать слово Устиньи Евграфовнѣ,—снова громко проговорила Наталья, отры-

ваясь отъ своихъ ...
нѣтъ, кажись, не ...
И снова ходитъ ...
прислушивается к ...

— Ваше вск-р...
Филиппъ, кучеръ ...
сидѣвшаго въ сво...
— Бери лѣвѣ...
вилъ! — крикнулъ ...
исправникъ.
— Ахъ, чтобъ-...
орала баба, отско...
плеча коромысло ...
Пристяжная ис...
мордой въ ведро ...
плечѣ ея коромыс...
въ кожаные коты, ...
ткнутой за поясъ.
— Ничего, ваш...
было, значитъ, за ...
собственно, ситни...
— Какаго бала ...
Филиппъ, изъ ...
на поселеніе, бы...
ромъ ... исправника, ...
ретомъ.
— Чего врешь ...
— А я во дво...
ваше вск-родіе, ...
а чай самого ...
сказывалъ балъ у ...

...своихъ мыслей; — аль обманетъ? Да ...ись, не таковская!

...а ходитъ Наталья по подполью и снова ...слу...вается къ малѣйшему шороху.

— Ва...ше вск-родіе, круто обернулся на облучкѣ ..., кучеръ исправника Лобова, молодцовато ...го въ своемъ казанскомъ коробкѣ.

— Б... ...ри лѣвѣй, чортъ, чуть бабу не зада... — крикнулъ ему вмѣсто отвѣта очнувшійся ...къ.

— А... ...ъ, чтобъ-те розорвало! Язви тебя лѣшій! ...ча баба, отскочивъ въ сторону и снимая съ ...коромысло съ ведрами.

Ири... ...пристяжная исправника, налетѣвъ на нее, ткнула ...дой въ ведро, полное воды, повернула на ...чѣ ея коромысло и окатила бабѣ ноги, обутыя ...въ кожаные коты, и подолъ ситцевой юбки, за...утой за поясъ.

— Ничего, ваше вск-родіе, баба любитъ, чтобъ ...ю, значитъ, за что выругаться. А я насчетъ ...ственно, ситниковскаго бала.

— Какаго бала? — исправникъ подался впередъ.

...и...ишь, изъ отставныхъ военныхъ, сосланный ...поселеніе, былъ не только любимымъ кучеромъ исправника, но и дѣятельнымъ его клевретомъ.

— Чего врешь, какой балъ?

— А я во дворѣ у Берестовыхъ былъ нонѣ, вск-родіе, когда пріѣзжалъ татаринъ Чамка, ...чай самого Иларіона Ивановича звать, такъ ...зывалъ балъ у нихъ сегодня будетъ, такой-молъ

гость пріѣхалъ, что хозяинъ не велѣлъ и сказывать, полгорода созвали, все своихъ староверовъ.

— Такъ, знаю я про гостя этого, слыхалъ, а про Угрюмову разузналъ что?

— Доподлинно—ничего, а только у нихъ она, ваше вск-родіе; душу прозакладаю, что у нихъ.

Филиппъ снова оглянулся на исправника, тотъ, сдвинувъ брови, глядѣлъ въ сторону, очевидно, соображая сказанное.

— Ваше вск-родіе, Иванъ Ивановичъ!—снова окликнулъ его кучеръ.

— А, что? Ну, что еще тебѣ? Гляди на коней, раздавишь.

— Богъ милостивъ, да и дорога пуста, а только дозвольте сказать: садъ, да баньку заднюю ситниковскую, сдается мнѣ, поворошить надо, не найдемъ-ли тамъ Угрюмиху?

— Не люблю я въ ихъ дѣла вклепываться, коли молятся — пусть молятся, много смуты натворимъ, коли именно сегодня подымемъ обыскъ... А только Угрюмова хотѣлось-бы мнѣ проучить за его безобразія.

— Ваше вск-родіе, дыхнулъ мнѣ одинъ человѣкъ, что сегодня стеречь надо, что ни есть творится у Ситниковыхъ.

— Ну, ладно, примемъ мѣры! Разузнай, коли что, а тамъ и нагрянемъ. Погоняй.

Филиппъ хлопнулъ возжей по сытому крупу рыжаго коренника, тотъ вытянулся и наддалъ ходу, пристяжная подобралась, закруглилась и, дробно перебирая ногами, заскакала рядомъ.

...никовской моленьѣ служба отошла. Ар-
...анасій прочелъ „прощу", благословилъ
...ками молящихся и осѣнилъ ихъ трики-
...иръ пропѣлъ послѣдніе стихи и всѣ при-
...ствующіе тихо и мѣрно, въ размягченномъ со-
...ній отъ „своей" архіерейской службы, съ бла-
...тью обратились къ старику Ситникову.

— Животъ положимъ за вѣру отцовъ! — отвѣ-
...всѣмъ.

— Благолѣпіе-то! Благолѣпіе-то! — шептали
...и пробранными платочками утирали ло-
...я отъ пота лица. Размякшая отъ жары и
...какъ пареная рѣпа, старуха Ситникова,
...рочая языкомъ, просила милыхъ гостей не
...ть и пожаловать въ столовую. Устинья
...вна, блѣдная, съ горящими глазами, ту-
...ма свѣчи у образовъ, Фенюшка пробра-
...къ ней сквозь толпу и, обирая у нее на
...догорѣвшіе остатки свѣчей, прошептала:
...дью распорядилась, мнѣ, что-ль, накажешь
...съ Натальей Прохоровной? И куда везти
...Не далеко-ль будетъ цѣлиной до
...ловишь?
...Таисію...

— Доѣдешь за юртами до старицы Соломоніи,
...своемъ домочкѣ въ Зырянкѣ живетъ, тамъ
...те, лошадь назадъ вышли, а старица упре-
...справитъ какъ надо.

— И какая сласть въ такомъ лѣпномъ служеніи:
...стоишь — устали не видишь! говорила Чере-
...Степочкѣ, подвернувшемуся къ ней при
...изъ моленьни,
...епочка снова поглядѣлъ только на нее и вдругъ,

какъ бы тѣснимый толпою, прижался къ пышному боку нѣжной вдовицы.

Отецъ Афанасій, снова предшествуемый „спосылкомъ“, пробирался въ свой „лѣтникъ“, чтобы переодѣться и явиться благословить трапезу. У входа въ свою комнату онъ встрѣтилъ Иволгу, который и закрылъ за нимъ дверь.

— Ты что же, спросилъ его Афанасій,—такъ и не выходилъ отсюда?

— Не выходилъ! со вздохомъ, смиренно отвѣчалъ Иволга:—за то теперь, отче, какъ пойдешь ты трапезничать, отпусти ты меня хоть воздухомъ дыхнуть, оморокомъ голову ошибаетъ.

— Ладно, ступай; да всю ночь не шатайся. О-охъ, какую осторожность соблюдать намъ должно! Гребтитъ мое сердце, Иванъ, ровно бѣду вѣщаетъ.

— Эхъ, отче! Нудишь ты себя черезъ мѣру, вѣдь съ утра у тебя, поди, маковой росины не было! Кабы мнѣ да твою науку,—семерымъ бы попамъ за мной не угоняться, а ужъ бабамъ такого-бъ трезвону проповѣдями задалъ...

— Ладно, пустаго не болтай. Запри горницу, да ступай, а черезъ часочекъ навѣдайся.

И Афанасій, переодѣвшись, снова вышелъ изъ комнаты, за дверями которой его ждалъ тотъ же „спосылокъ“, чтобы проводить въ столовую.

Дворъ Ситниковыхъ ожилъ, изъ-подъ экипажнаго навѣса неслись окрики, понуканья, перемѣшанные съ характерной сибирской руганью. Тамъ суетились кучера и конюхи, взнуздывая лошадей и выдвигая коробки.

Чамка расчесалъ Чалому гриву, заплелъ ему челку въ короткую толстую косу и вдругъ до того

надѣлъ на коня оголовокъ и взнуздалъ
лый, не предполагавшій никакой ночной
не успѣлъ очнуться и выказать хоть
сопротивленіе. Довольный своимъ хитрымъ
омъ, Чамка выбѣжалъ въ завозню, рысью
ыдвинулъ оттуда коробокъ, поставилъ
аго открытаго стойла и, ловко впятивъ
ъ оглобли, запрегъ его и, вскочивъ на
торжественно и спокойно выѣхалъ на
туда на улицу, обогнулъ садъ и сталъ
ьней баньки. Такой блестящей побѣды
да не одерживалъ Чамка, онъ едва вѣрилъ
акъ бы боясь оскорбить побѣжденнаго
кимъ-нибудь словомъ, только широко
, сидя на козлахъ, и подмигивалъ тонкому,
мѣсяцу, выплывшему изъ-за тучъ. Чалый
прнехонько, злобно прижавъ къ головѣ
гливо косясь на кусты смороды, лѣзшіе
зъ садовой изгороди. Охъ, подозрительны
Чалому эти вѣтви, шевелившіяся безъ
тра, чуялось ему тамъ присутствіе чело-
, рылъ землю копытомъ, тянулъ воздухъ
злобно храпѣлъ. А въ кустахъ, при-
еле дыша, сидѣлъ Иволга и глазъ не
коробка, на козлахъ котораго тор-
озсѣдалъ татаринъ.

а Наталья Прохоровна и, какъ вко-
новилась среди подполья; слышитъ
лзетъ кто-то, шуршитъ; вотъ стукнула
ловища и передъ нею стоитъ знако-
а Фенюшки.

— Не спишь, Наталья Прохоровна?

— Гдѣ спать, заждалась, Фенюшка!

— Аль недужится? заботливо спросила черничка, подходя ближе и примѣчая бѣлое, какъ плать, лицо Угрюмовой, озаренное теперь мягкимъ свѣтомъ теплящихся лампадъ.

— Здорова я, здорова, истомилась только. Что же, ѣдемъ, что-ль?

— Ѣдемъ, одѣвайся, Наталья Прохоровна, да здѣсь все потушимъ, окромя неугасимой. Собери, коли что, значитъ, съ собой, тутъ, за изгородью, и лошадь надежная для насъ.

— Что собирать-то, Фенюшка?! Бѣлье и то въ перемѣну Устиньи Евграфовны носила. Вотъ материнское благословеніе возьму, да платокъ накину—и готово.

Фенюшка стала тушить лампады. Какъ звѣздочки въ предразсвѣтномъ небѣ, тухнутъ одинъ за другимъ огоньки; одна большая, неугасимая, осталась предъ иконой Божіей Матери и загадочные, полные грусти глаза иконы смотрятъ въ глубину темнѣющаго подполья.

— Фенюшка!—Угрюмова, вся дрожа, схватила черничку за руку.—Скажи ты мнѣ толкомъ, Христомъ-Богомъ молю, куда мы ѣдемъ и кто везетъ меня?

Фенюшка нервно разсмѣялась.

— Спаси тя Христосъ, Наталья Прохоровна, чего мыслишь-то, не душегубы мы, не замышляемъ твою погибель; поѣду съ тобой я, да нашъ сторожевой татаринъ, мигомъ домчимъ тебя до Зырянки и тамъ заночуемъ у старицы Соломоніи, чать знаешь? А оттуда, утречкомъ, да по холодку, и до

тетки Таисіи до
воздухѣ—не нар
Угрюмова молч
— Вотъ, Нат
дѣлаешь, опаску и
на твое слово. М
нельзя—во флиге
гость великій. Та
— Слову не из
дворамъ срамить
Привычною рук
противоположной
Сухо щелкнула д
открылось неболь
котораго пахнуло в
воздухомъ.
— Ступай за мно
въ западню.

Не успѣли ворота
за выѣхавшимъ Ча
исправникъ съ Фил
клевретъ сидѣлъ
полицейскій солдат
— Отворяй воро
ходу выскакивая
Старикъ Евлампі
вившійся Ситников
„особыхъ“ собраній
но вмѣсто отвѣта,
къ пріѣхавшимъ
крутилъ въ воздух

доберемся; теплынь-то стоитъ въ
нарадуешься.

Наталья Прохоровна, ты спроску показываешь, а у насъ вся надежда... Мать-матушкѣ отлучиться никакъ... итерь Манефа скончалась, на дому— великій. Такъ ты какъ?

Слову не измѣню; отцову честь по чужимъ ...ть срамить не приходится.

...вычною рукой Фенюшка нащупала теперь съ ...оположной стороны подполья задвижку. ...щелкнула деревянная ставенька, за ней ...юсь небо... квадратное отверстіе, изъ ...го пахну... о въ подполье свѣжимъ вечернимъ ...омъ.

Ступай за... ...мной, сказала Фенюшка и нырнула ...адню.

...спѣли вор... ...та Ситниковскаго дома закрыться ...хавшимъ ...чамкой, какъ къ нимъ подкатилъ ...никъ съ ...Филиппомъ; только на этотъ разъ ...тъ сидѣл... рядомъ, а за кучера правилъ ...йскій сол...датъ.

Отворяй в...рота! — крикнулъ Филиппъ, на...ыскакивая изъ коробка.

...никъ Евла...мпій, довѣренный дворовый, ста...ся Ситниковыми у воротъ во время всякихъ ...хъ" собраній, сразу призналъ исправника, ...сто отвѣта на окрикъ повернулся спиной ...ѣхавшимъ и два раза съ разстановкой про...ь въ воздухѣ деревянную трещетку. Сухой,

отрывистый трескъ громко отозвался во дворѣ. Васятка-спосылокъ, карауливший по ту сторону воротъ, вскинулся и стрѣлою понесся по двору въ домъ—доложить Устиньѣ Евграфовнѣ о нежданномъ гостѣ.

— Оглохъ, что-ли, караульный!—крикнулъ еще разъ Филиппъ.

Евлампій, не спѣша, повернулся на голосъ и подошелъ къ самой мордѣ лошади.

— Меня, што-ль, кличешь, добрый человѣкъ? Охъ, старъ, плохо слышу.—Да вы чьихъ будете?

— Да ты что, очумѣлъ что ли, не видишь ихъ высокородіе, г. исправникъ пожаловалъ къ вамъ!—обозленно наступилъ на него Филиппъ.

Евлампій вдругъ улыбнулся во всю ширину своего беззубаго рта, стащилъ съ головы мѣховую, свалявшуюся какъ войлокъ шапку, и сталъ дурковато, униженно кланяться.

— Батюшка, Иванъ Ивановичъ, и то не призналъ, быть туманомъ обвело: ни лошадь, ни людей не призналъ. Не ждали хозяева-то, чать балъ прикрыли, небось разгонъ гостямъ учнется. Никакъ коней къ крыльцу подавать стали, ишь топочутъ, проклятики.

Молча исправникъ вылѣзъ изъ коробка и, отстранивъ бросившагося помогать ему караульнаго, шагнулъ къ калиткѣ.

— Отворяй!

Евлампій бросилъ трещетку, снова щелкнувшую сухо, коротко и схватилъ себя за бока.

— Калитку? Мать-те Пресвятая Богородица, да ключъ-то гдѣ? гдѣ ключу быть? Ахъ, что-бъ тя пристрѣлило! Ключъ-то отъ калитки и не вдо-

мекъ мнѣ припасти, быть не къ чему:—все ворота, да ворота отворялъ, а калитку, что-бъ ей „схизнуть“, и въ умъ не взялъ.

Исправникъ, крутя усъ и насмѣшливо поблескивая глазами, глядѣлъ на Филиппа; старый воронъ хорошо понималъ, что на этотъ разъ дѣло проиграно, что за переговорами ушло время и теперь—что входи, что не входи въ домъ — ничего не найдешь, никого не накроешь.

Филиппъ горѣлъ съ досады; онъ тоже понималъ, что не такъ дѣйствовалъ исправникъ, когда хотѣлъ добиться своего, и жалѣлъ, зачѣмъ не придумалъ какой хитрости — попасть инымъ путемъ въ Ситниковскій домъ.

Гости ситниковскіе, собравшись въ столовой, разбились на кучки и, въ ожиданіи появленія о. Афанасія, громко, оживленно толковали, искоса поглядывая на обильную закуску.

Противъ своего обыкновенія, Берестовъ разговорился—за сердце взяло его сегодняшнее богослуженіе.

— Татары и тѣ имѣютъ свою узаконенную іерархію, а ужъ чего—немочь поганая, какъ же теперь намъ не блюсти своего стада, какъ не имѣть своего духовенства? не можно то, и быть не должно! Чужую вѣру, языцкую, терпимъ, такъ какъ же не дозволить намъ охранять чистоту древлева дѣдовскаго благочестія?

— Ты, Господи, устроишь, ими же вѣси путями,—закончилъ рѣчь его старикъ Ситниковъ и вдругъ весь встрепенулся, прислушиваясь къ бы-

строму, легкому бѣгу, остановившемуся за дверями, въ дверь раздались три перебойные удара, Евграфъ Силычъ поблѣднѣлъ и быстро открылъ дверь, на порогѣ стоялъ спосылокъ. Мальчикъ шагнулъ къ нему и быстро шепнулъ:

— Исправникъ. Матушку упредили...

Не успѣлъ онъ докончить, какъ за его спиной появился уже другой мальчикъ, доложившій, что исправникъ уже вступилъ во дворъ.

— Всѣ на мѣстахъ?—спросилъ Ситниковъ.

— Всѣ, Евграфъ Силычъ,—отвѣтилъ старшій и, зорко глядя въ глаза хозяина, прибавилъ: — какъ вести?

— Черезъ парадное.

Оба спосылка скрылись, а Ситниковъ дрожащимъ голосомъ обратился къ гостямъ:

— Преподобный отецъ усталъ и не выйдетъ изъ своей горницы, а можетъ, — онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ и обвелъ глазами гостей:— можетъ, и немедленно въ путь отправится.

Никто не сказалъ ни слова, всѣ только сурово потупились и отвели глаза отъ хозяина.

— Гость къ намъ пожаловалъ, — исправникъ, Иванъ Иванычъ; прошу всѣхъ къ закускѣ.

Робко переглядывались между собою женщины, а мужчины, безъ дальнихъ словъ, понимая, что надо дѣлать, окружили закуску. Кто-то завелъ общій разговоръ о нижегородской ярмаркѣ, и когда Васятка открылъ настежъ въ столовую дверь, исправникъ съ порога встрѣтилъ веселыя лица, услышалъ шумныя привѣтствія и не подмѣтилъ ни малѣйшаго смущенія на лицѣ хозяина, спѣшившаго къ нему навстрѣчу.

свѣчи и лампады, приведя, съ по-[illegible]ницъ и пѣвичекъ, въ обычный видъ, Устинья Евграфовна, съ тихой думой, [illegible] направленію лѣтника. Хотѣлось ей, [illegible] столовой, безъ свидѣтелей, сказать [illegible]лько словъ о. Афанасію; хотѣлось ей [illegible], насколько было непредвидѣнна-[illegible] въ немъ, въ рѣчахъ его и во всей про-[illegible]го или намѣреннаго [illegible]. Впервой заботилась она о мнѣніи о себѣ чужаго человѣка, впервой шибко билось сердце ея и, вмѣсто опредѣленныхъ, разъ установленныхъ правилъ и взглядовъ, въ умѣ ея рождались сомнѣнія и вопросы.

„Быть я [illegible], быть въ чужой лѣсъ [illegible]брела и въ [illegible] тропу потеряла, заплуталась, объяс[illegible] она сама [illegible] извилинахъ его душевное состояніе. — И у препо[illegible] себѣ свое [illegible] сердце, ой, не ладно [illegible] думушкахъ [illegible]обнаго гребтитъ его, заботишка одолѣла, двоится [illegible]ще его, разспадается умъ. Охъ, шатокъ, ша[illegible] человѣкъ [illegible] и до самой-то смерти не знаетъ сегодня, какою стезею пойдетъ завтра!“

Въ смежной комнатѣ раздались шаги, Устинья Евграфовна машинально отошла къ шкафу и при[illegible]лась за нимъ. О. Афанасій вошелъ въ большую комнату. Теперь, когда самопоставленный [illegible] сознавалъ себя однимъ, вся напускная [illegible]й и степенство исчезли не только съ лица [illegible] и изъ походки. Большая стѣнная лампа, [illegible] разъ у противоположной двери, [illegible] какъ его утомленное, блѣдное лицо съ [illegible] потухшими глазами. Высокій станъ его [illegible] грудь впала, плечи сдвинулись впередъ, [illegible] медленно, устало, во всей фигурѣ было

столько чего-то подавленнаго, грустнаго, чт
ка, сдѣлавшая было движеніе къ нему,
лась и молча со сдвинутыми бровями н
за нимъ. Дойдя до двери, о. Афанасій ост
и вдругъ, инстинктивно, какъ человѣкъ ч
щій на себѣ чужой взглядъ, обернулся и
въ упоръ встрѣтились съ жгучимъ взглядо
шихъ, черныхъ глазъ Устиньки. Оба вдру
гнули и секунду безмолвно глядѣли другъ н

— Выслѣживаешь, Устинья Евграфовн
силъ низкимъ голосомъ Афанасій, подходя

Густой румянецъ залилъ все смуглое л
вушки. Гордо поднявъ голову, она тоже
нѣсколько шаговъ впередъ.

— Чуетъ, что-ли, твое преподобіе, нев
какую за собою, аль такъ язва съ языка
лась? рѣзко-звенящимъ голосомъ проговор
и, не получивъ отвѣта, продолжала:—Не той
роды, чтобы тайностью людей выслѣживать
ихъ сокровенныя подкарауливать и, видить
не затѣмъ ждала тебя, а коль ты съ высока
зума не умѣешь распознать человѣка и дру
недруга отличить не въ силахъ, то прощай, р
и гордо съ поднятымъ суровымъ лицомъ о
тѣла пройти мимо, но Афанасій загородил
дорогу.

— Прости, Устинья Евграфовна, больно с
гребтитъ, вотъ ровно звѣрь лютый въ ко
грудь держитъ, а мысли—что совы ночныя—
но да такъ ли тяжко въ головѣ рѣютъ, спу
ты меня... взглядъ у тебя пронзительный, быт
душу идетъ и безъ слова отвѣтственнаго все
читаетъ... Убоялся я тебя...

остановилась, молча отвернула отъ
и установилась въ окно. Афанасій
стройную, полную шею дѣвушки, на
ю косу, обвивавшую маленькую го-
правильный профиль съ упрямой линіей
и твердымъ изгибомъ брови. „Нѣтъ,
съ, такая женщина не грѣшила, и ни-
какая кривая дорога ей не по нраву", и то, что
такъ наболѣло въ немъ, то, что такъ хотѣлось ему
сказать ей, снова осторожно спряталось, и онъ
только неопредѣленно махнулъ рукой и глубоко
вздохнулъ.

— Всяком свой крестъ даденъ, снова загово-
рила Устин
одинъ наро — да не всякій нести его хочетъ;
другой так на чужія рамена возложить его,
на жизненн хоть съ себя его сбросить спѣшитъ
пути, а тебѣ, отче преподобный,
и вовсе не подобаетъ отчаяніе...

— А кол не по силамъ?

— Что не по силамъ! Что не по силамъ-то?
Не по силам и жизни не бываетъ, а коль тя-
жела она, значитъ Господу видно, что и снесть
е ты долженъ. Слушай, о. преподобный, недоб-
ую скорбь видѣла я въ лицѣ твоемъ, какъ шелъ
и теперь, не уста твои роптали, а весь ты былъ
лонъ малодушнаго отчаянія. Не знаю я, что
ушитъ тебя, и знать не хочу; тайна твоя на
ія Богомъ наложена. Во всемъ рука Всевышняго
даже, когда кажется человѣку, что самъ онъ
ралъ себѣ путь, самъ то или другое содѣлалъ,—
огда выходитъ, что ведомъ онъ былъ внутрен-
силой, данной ему.

Афанасій молчалъ, но Устинька чутко уловила

вниманіе въ лицѣ его, она подвинулась къ нему и положила на его рукавъ свою руку.

— Отче! — голосъ ея смягчился, — отче, не въ томъ сила, чтобы малодушно каяться, вопить, искать кругомъ уши, чтобы высказаться имъ, руки, чтобы опереться на нихъ, — нѣтъ, отче, сила въ томъ, чтобы въ горѣ, несчастьѣ... въ позорѣ... даже съумѣть снизойти въ глубь себя, сознать свой поступокъ, сердцемъ измѣрить всю глубину своего паденія, безъ малодушнаго стыда и... простить себѣ. Да такъ простить, чтобы и памяти о немъ не было, но впредь во всемъ себя урѣзать, сковать и смѣло идти впередъ уже стезею правды и чистоты! „Нѣсть бо грѣха, аще не смоетъ его покаяніе".—Не осуди, отче,—можетъ, не то сказала, вдругъ смутилась она,—можетъ скорбь о другихъ, суровость на наши малыя достоинства были твоею заботою...

— Не тревожься, Устинья Евграфовна, угадала ты: скорбь точитъ меня и малодушество обуяло, ты указала мнѣ на дорогу, а я еще недавно въ душѣ обвинялъ тебя за гордыню.

— Гордыню?—снова жаръ залилъ лицо Устиньи Евграфовны, помолчала она минуту. — Оставимъ, отче, меня, о тебѣ хотѣла я говорить, неученая я, а только женскимъ сердцемъ своимъ чувствую я, лежитъ горе-камень на душѣ твоей и давитъ ее, и вотъ скажу тебѣ прямо: противно духу моему слезливое, малодушное покаяніе словами; не назадъ, долженъ глядѣть человѣкъ, а впередъ, не разсказывать грѣхъ свой, а сознать его.

— Выходитъ, по твоему, сознай грѣхъ свой— и забудь, не легко-ль это?

это не все, отче,—сознай и прости, не брось его, а иди съ нимъ рядомъ, иди впередъ, блюди себя; пройдешь и поймешь, что осилилъ грѣхъ свой, и вновь свершить его не могъ бы. Нѣтъ больше грѣха, отче, какъ уныніе. Уныніе обозначаетъ, что маловѣренъ ты во всепрощеніи Божьемъ, да и въ силахъ своихъ усумнился ты... Охъ, отче, не останавливайся на избранномъ пути, не оглядывайся, впередъ иди, отче, впередъ гляди— и надѣйся на Бога.

Афанасій поднялъ голову и глядѣлъ въ самые глаза Устиньи Евграфовны, а въ этихъ большихъ черныхъ очахъ пропала обыденная суровость, изъ нихъ глядѣла на него дѣвственная душа, изъятая всякой страсти земной, но какъ бы размягченная прикосновеніемъ къ чужому горю и страстямъ; обаятельной чистотой вѣяло на него отъ словъ и помысловъ дѣвушки, не было въ ней празднаго любопытства, не выспрашивала она его, не жаждала излить женскихъ праздныхъ утѣшеній, а бодрила его, поднимала духъ въ немъ и указывала ему впередъ.

— Устинья Евграфовна, Господь поставилъ тебя на пути моемъ...

За спиною о. Афанасія быстро отворилась дверь, и Васятка, едва переводя духъ, кинулся къ Устиньѣ Евграфовнѣ и на ухо сообщилъ ей о пріѣздѣ исправника.

— Ступай на мѣсто! по видимости спокойно сказала ему дѣвушка, и не успѣлъ мальчикъ выбѣжать изъ комнаты, какъ она схватила архіерея

за руку и быстро пошла съ нимъ въ обратную сторону.

— Вотъ что, отче, власти ищутъ тебя, но не на то Господь вызволилъ тебя изъ темницы, чтобы предаться въ ихъ руки.

— Устинья Евграфовна! остановилъ ее Афанасій,—не постыдно-ль бѣжать мнѣ? Не лучше-ль покориться волѣ Господней, сказываю тебѣ: тяжко мнѣ во лжи ходить.

Дѣвушка обернулась къ нему и еще крѣпче сжала его руку.

— Отче, не малодушествуй, не о тебѣ одномъ идетъ рѣчь, а о домѣ нашемъ и о всей паствѣ твоей, слѣдуй за мной!

Быстро, почти бѣгомъ, миновали они длинный корридоръ, въ концѣ котораго Устинья Евграфовна открыла дверь. На нихъ пахнуло ароматомъ заснувшаго сада. Держась кудрявыхъ, нѣжныхъ кустовъ, бросавшихъ на дорожку, освѣщенную луною, узорчатую трепетную тѣнь, они добѣжали до бесѣдки. Войдя въ нее, Устинья Евграфовна заперла за собою дверь на ключъ. Сильной рукою отодвинула она французскій диванчикъ, подъ нимъ на широкой половицѣ она отсчитала одиннадцатый квадратъ, нарисованный масляной краской, нажала его, половица дрогнула, подалась и открыла за собою довольно большое четырехугольное пространство.

— Иди впередъ, отче, да не спѣши, считай двѣнадцать ступеней.

Дѣвушка нащупала привычной рукой фонарь и спички, зажгла его и спустилась сама, захлопнувъ за собою отверстіе въ полу бесѣдки. За двѣ-

надцатою ступенью начался узкій, но настолько высокій корридоръ, что оба они шли не сгибая головы. Корридоръ велъ подъ баню, тамъ, поворачивая направо, снова новый трапъ и оба вошли въ большое подполье, гдѣ еще нѣсколько часовъ назадъ проживала Наталья Угрюмова.

Тихо, пусто было въ подпольѣ. Съ недоумѣніемъ и тревогой осмотрѣлся кругомъ отецъ Аѳанасій и вздрогнулъ. Освѣщеныя огнемъ большой лампады строго и пристально глядѣли на него большія очи. Невольно сдѣлалъ онъ шагъ впередъ и разсмотрѣлъ потемнѣвшій ликъ Богородицы на старинной иконѣ.

— Оставайся тутъ, отче, пока я не вернусь; если-же до утра не будетъ меня, смотри, вотъ какъ открывается тутъ западня.

Дѣвушка показала ему отверстіе, черезъ которое часъ тому назадъ вышли Фенюшка съ Натальей.

— Отсюда ты выйдешь въ пустырь, за банькой, а тамъ, за кустами смороды, овражкомъ близехонько, черезъ дорогу лѣсъ; держись тропы, что у высокихъ сосенъ, примѣчай кресты, что вырѣзаны на корѣ,—по тѣмъ крестамъ придешь ты въ пасѣку старца Миронія, а тотъ сокроетъ тебя отъ всякаго глаза... прощай пока... Господь надъ тобою!

— Прощай, благостная моя, прощай, Устинья Евграфовна, и коли что... коли... задрожалъ голосъ о. Афанасія, сжалось сердце его,—коли не суждено больше встрѣтиться намъ на этомъ свѣтѣ, помяни въ молитвахъ раба Афанасія, а я вѣкъ и памятью, и молитвой не забуду тебя.

— Прощай, коли такъ! поклонилась ему земно Устинья.

— Прощай! поклонился ей Афанасій, и опустившись на тотъ самый стулъ, на которомъ сидѣла Наталья Угрюмова, оперся локтями на столъ и въ злой, щемящей тоскѣ закрылъ лицо руками.

Устинья Евграфовна какъ во снѣ шла привычной, подземной дорогой; потерялся изъ мыслей ея исправникъ, наѣхавшій, по всей вѣроятности, съ обыскомъ, исчезла забота о Натальѣ Угрюмовой, забылся холодный, обдуманный расчетъ, обыкновенно руководившій всѣми ея поступками, и только одна дума заполонила ее.

„Гордыня"—вотъ то слово, которое она искала, вотъ исходная точка пережитой ею борьбы и сердечной боли. Гордынею былъ тотъ столбъ, на которомъ зиждилась вся жизнь ея, и эту-то опору расшатала въ ней рѣчами своими Наталья Угрюмова. Ея страстная защита правъ женщины на любовь и материнство проникли въ безстрастную душу дѣвушки, а вопросами своими выдала она сердечную смуту свою о. Афанасію, а тотъ проникъ ея думы своей скорбной душою и ясно узрѣлъ въ ней гордыню. „Поколебалась я, вотъ откуда шаткость моя, вотъ съ чего и тропу потеряла... не въ мѣру сурова была я къ людямъ, падка на обвиненія ихъ, гнѣвомъ палима на чужія страсти. Охъ, рано быть мнѣ судьею ближняго, не гнѣваться, а молиться за падшаго надо, не корить, а лечить убогаго". И тутъ же, поставивъ на землю фонарь, въ полной тишинѣ и темнотѣ тайнаго хода, Устинька стала на колѣни и горячая молитва вылилась изъ переполненнаго сердца. „О, Господи Владыко, слѣпотствую я, судьбы ближнихъ вершу, грѣхамъ отпускъ даю, именемъ Тво-

имъ судъ творю—и все отъ гордыни... прости, Господи, научи, охрани!“ и замолкла. Молчало и все кругомъ, спертый воздухъ давилъ грудь. Съ ужасающей правдоподобностью въ умѣ ея вдругъ представилась картина смерти и могилы, здоровая натура ея запротестовала, и, схвативъ фонарь, дѣвушка инстинктивно бросилась впередъ; снова въ бесѣдкѣ хлопнула западня и, приведя къ порядокъ французскій диванчикъ, Устинья Евграфовна отперла бесѣдку и поспѣшно направилась къ дому, чтобы самолично показаться исправнику.

— Не спѣши, Наталья Прохоровна, время не перегонишь, всюду доспѣемъ, говорила Фенюшка, останавливая за руку рвавшуюся впередъ Угрюмову. Обѣ онѣ такъ близко прошли около кустовъ, за которыми хоронился Иволга, что Фенюшкино платье чуть не задѣло его по лицу.

— Тише, тише, Наталья Прохоровна, опять остановила черничка громко разговаривавшую Угрюмову:—тише, Бога для, не диви ты, кого не надо, говоромъ нашимъ... вотъ и ограда, спускайся въ ложокъ, не круто тутъ, а вотъ гляди... Передъ шедшими, какъ бы вынырнувъ изъ-за оврага, на сѣроватомъ фонѣ лѣтней ночи, обрисовалась лошадь, коробокъ и сидѣвшій на козлахъ татаринъ.

— Ну, садись, Наталья Прохоровна, да крестись, чтобы, значитъ, съ Божьей помощью.

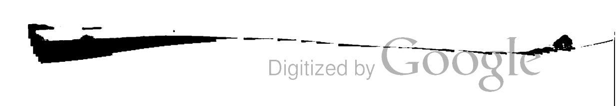
Угрюмова, ухватясь за желѣзную скобку козелъ, вскочила на высокую подножку и сѣла въ коробокъ, за нею Фенюшка; но не успѣла она опуститься рядомъ, какъ черезъ тотъ-же логъ перепрыгнула черная тѣнь человѣка, и Иволга, вспрыгнувъ въ коробокъ, пошатнулся и упалъ на ноги

дѣвушекъ. Чалый, испуганный мелькнувшей тѣнью и неожиданнымъ толчкомъ, рванулъ и понесъ, какъ безумный, не давъ даже Чамкѣ время собрать вожжи. Филиппъ, нетерпѣливо сторожившій все время у воротъ, услыша бѣшеный скокъ лошади, выбѣжалъ на дорогу и узналъ пролетавшаго мимо него соловаго коня Ситниковыхъ, а въ коробкѣ тонкій силуэтъ Фенюшки. Мигомъ онъ вскочилъ въ коробокъ исправника и, выхвативъ изъ рукъ оторопѣвшаго кучера возжи, погнался слѣдомъ. Чалый, услыхавъ за собою погоню, наддалъ ходу и широко выкидывая передними ногами, вихремъ понесся впередъ по широкой, пустынной дорогѣ.

Узнавъ вскочившаго въ коробокъ, Фенюшка глухо вскрикнула и затаенная ненависть снова охватила ея сердце. Здоровая дѣвушка, разморенная жаркимъ лѣтомъ и страстной игрой въ любовь со Степочкой, безсознательно поддалась чувственному очарованію, тамъ, въ банькѣ, гдѣ засталъ ее Иволга, но, едва выйдя оттуда, стыдъ и злость охватили ее всецѣло.

Цѣлый день ходила она какъ одурманенная, сердце въ ней болѣло и трепетало какъ надорванное, а вечеромъ проповѣдь отца Афанасія окончательно добила ее. Она ходила, распоряжалась, шутила какъ всегда, но едва оставалась на единѣ,—страдала до стона, какъ пришибленное животное. И вотъ онъ, этотъ постылый, чужой человѣкъ, насильникъ охальный, снова здѣсь какъ хозяинъ и властелинъ. „Еще чего надо?“ думалось ей, но языкъ не поворачивался спросить.

— Ахти, страсти! взвизгнула она вдругъ, рас-

[illegible] то въ коробкѣ былъ запряженъ не Пѣ- [illegible] Чалый. [illegible] соб[illegible]равъ возжи, натянулъ ихъ и Чалый [illegible] далъ ходу; но въ это время Филиппъ, [illegible] коробокъ, неистово крикнулъ: „стой!“ [illegible] нагоняв[illegible] Чалый [illegible] рванулъ и зачесалъ въ перебой, легкій коробокъ, какъ челнокъ въ бурю, стало бросать изъ стороны въ сторону. Иволга, понявъ по своему значеніе погони, обезумѣлъ. Въ мигъ перелѣзъ онъ на козлы и перехватилъ возжи изъ рукъ татарина; тотъ не отдавалъ, и между ними завязалась короткая борьба. Воспользовавшись косогоромъ, въ которомъ наклонъ былъ на сторону Чамки, Иволга неожиданно ударилъ его въ бокъ, и татаринъ, взмахнувъ ногами, вылетѣлъ изъ коробка далеко въ сторону. Чалый, почувствовавъ толчекъ и услыхавъ крикъ татарина, лягнулъ задомъ, Иволга выхватилъ торчавшій изъ-подъ сидѣнья кнутъ.

— Бога для, не бей! — крикнула Фенюшка, замѣтившая его движеніе, но Иволга уже ударилъ кнутомъ Чалаго, конь, не привыкшій къ такому обращенію, сталъ бить задомъ.

— Выскакивай, Наталья Прохоровна! — крикнула побѣлѣвшими губами Фенюшка, и перекрестившись, бросилась изъ коробка. Какимъ-то чудомъ дѣвушка вскочила прямо на ноги, не удержалась и, два раза перевернувшись вокругъ себя, откатилась въ сторону. Крестясь, обезумѣвъ отъ страха, бросилась за ней и Угрюмова и безъ движеній упала недалеко отъ нея. Конь еще разъ высоко взмахнулъ задомъ и перекинулъ одну ногу черезъ оглоблю. Съ перекошеннымъ отъ злости

лицомъ, Иволга тоже соскочилъ съ козелъ, но въ ту минуту, какъ онъ уже касался земли, Чалый круто повернулъ коробокъ; хряснула оглобля, Иволга, зажатый между коробкомъ и бѣсившейся лошадью, крикнулъ и замолкъ, смятый, разбитый копытами Чалаго. Налетѣвшій было на нихъ Филиппъ едва успѣлъ своротить въ сторону; привычный, послушный конь исправника остановился какъ вкопанный, вздрагивая и косясь на бѣсившуюся лошадь, и Филиппъ и кучеръ выскочили изъ своего коробка. Едва они распутали Чалаго и выпрягли изъ поломанныхъ оглобель, какъ тотъ вырвался изъ рукъ чужихъ ему людей и вихремъ понесся обратно по знакомой дорогѣ.

Иволга былъ убитъ. Лицо его представляло одну сплошную кровавую массу, кровь смочила рыжіе кудри, и смѣлый, веселый парень, за минуту полный отваги и жизни, лежалъ на дорогѣ, какъ никому не нужная падаль. Оставивъ его, Филиппъ и кучеръ бросились къ женщинамъ.

Угрюмова первая пришла въ чувство и привстала.

Молодая женщина отдѣлалась только испугомъ и ушибомъ. Фенюшка лежала какъ пластъ, глаза сжаты и по нимъ сочилась тоненькая струйка крови.

— Ради Христа, подымите ее, свеземъ ее назадъ, что ли, Устинья Евграфовна хорошая лекарка, можетъ что и сдѣлаетъ.

— Стойте, тутъ ключъ не подалеку, мигомъ спохватился кучеръ и бросился въ сторону.

Филиппъ жадно смотрѣлъ на Угрюмову: вся драма, разыгравшаяся передъ нимъ, исчезла въ его

желаніи доказать свои способности сыскать пропавшую безъ вѣсти женщину.

— Наталья Прохоровна, вдругъ сказалъ онъ, глядя въ лицо ей.

— Не во мнѣ дѣло, — отвѣчала она, махнувъ рукой, и снова бросилась къ лежавшей дѣвушкѣ.

— Фенюшка, золото ясное, открой глазки...— Припавъ на колѣни, она трясла дѣвушку за руку, приподымала ей голову.

Прибѣжавшій кучеръ принесъ шапку, полную студеной воды. Угрюмова, захвативъ ее, пригоршнями стала лить на голову и мочить лицо. Вѣки Фенюшки дрогнули, чуть-чуть замѣтный румянецъ появился на ея губахъ, она вздохнула и открыла глаза.

— Фенюшка, ясынька, ластовка, жива, что-ль? Угрюмова еще и еще лила на нее воду. Фенюшка пришла въ себя и, шатаясь ровно пьяная, встала на ноги. Только тутъ замѣтили всѣ сцарапанную кожу за ухомъ, изъ которой и сочилась кровь, растекавшаяся по лицу,—ни ушибовъ, ни переломовъ у ней тоже не было.

— Ну, и легки-жъ бабы падать, что кошки, дивился Филиппъ.—Думалъ костей не соберутъ, а онѣ, вотъ те на, что встрепанныя!

— А лошадь гдѣ! дивилась Фенюшка, а... и замолкла, увидя распростертый трупъ Иволги. Странное чувство тянуло ее поглядѣть въ лицо убитаго парня, странная смѣсь облегченія и жалости сжала ей сердце. Ближе подошла она, нагнулась еще, дотронулась рукой до рыжихъ кудрей, смоченныхъ кровью, поднесла руку къ самому

лицу своему и, увидѣвъ на ней кровавые слѣды, разсмѣялась и вдругъ, бросившись бѣжать отъ трупа, надрывисто, страшно зарыдала припавъ къ плечу Угрюмовой. Снова пришлось отпаивать холодной водой обезумѣвшую дѣвушку. Филиппъ тѣмъ временемъ, вынувъ изъ коробка коверъ, прикрылъ имъ трупъ Иволги. Когда пришедшихъ въ себя Фенюшку и Угрюмову усадили въ коробокъ исправника, Филиппъ сѣлъ съ ними, приказавъ кучеру остаться на мѣстѣ.

— Нашелъ-таки тебя, Наталья Прохоровна! не скрывая своей радости, вдругъ выговорилъ Филиппъ повертываясь къ ней съ козелъ.

— А что за радость такая тебѣ искать ее было? спросила его настороживлшаяся Фенюшка и взглянула въ лицо Угрюмовой.

— Зналъ я, хвастливо разболтался Филиппъ,— что въ какой бы ни было тайности ни хоронили тебя у Ситниковыхъ, а найду я тебя. Тебя ради сегодня и исправникъ пожаловалъ. Пируетъ Иванъ Ивановичъ, небось и не чуетъ, что все теперь ясно стало.

— Да что ясно-то, въ толкъ не возьму! степенно и холодно заговорила Угрюмова.

— А то и ясно, что теперь и отецъ твой, и Ситниковы попали, значитъ, подъ крышку. Нѣтъ, такихъ дѣлъ не скроешь, изъ православнаго храма, жену повѣнчанную, да отъ законнаго мужа отнять, да и схоронить! Хитро дѣло, да и Филиппъ не дуракъ, разыскалъ.

Филиппъ расхохотался.

Фенюшка, блѣдная, не спускала глазъ съ Угрю-

Натальи Прохоровны гнѣвно сдвинулись понять мнѣ твоихъ рѣчей! Никто не никого кругъ меня и виноватыхъ-то измышленіе твое.

нѣтъ, Филиппъ оборвалъ смѣхъ и съ полнымъ изумленіемъ снова обернулся къ говорившей.

— А какъ же жалоба, что мужъ твой исправнику принесъ?

— А то дѣло особо, онъ принесъ, онъ и обратно возьметъ ее, коли проститъ меня, а только между мужемъ и женой плохой судъ, сами разберемся.

— Да ты теперь-то откуль явилась? оторопѣлъ Филиппъ.

Фенюшка плотно прижалась къ Угрюмовой, чуяла она въ ней силу и защиту.

— Откуда? протянула Наталья,—а изъ Зырянокъ, отъ тетки Таисіи, къ ней сбѣжала я сама, какъ батюшкинаго гнѣва испугалась, а ньньче тайностью сама вернулась къ Устиньи Евграфовнѣ—просить ее заступу за меня передъ батюшкой имѣть; она и научила меня, что молвить, она и въ провожатыя дала мнѣ Федосью Агеевну, да и лошадку свою.

— Да куда-жъ вы ѣхали?

— А къ батюшкѣ, на поклонъ.

— Такъ. А упокойникъ-то этотъ кто-жъ будетъ?

Фенюшка побѣлѣла что платъ и рада бы что-нибудь отвѣтить, да грудь сдавило, зубы сжались и слово вымолвить не въ силахъ.

— Съ него-то и горе все приключилось, чужой онъ намъ, не знамый человѣкъ, лиходѣй, аль безумный... Не успѣли со двора выѣхать, вскочилъ

онъ къ намъ въ коробокъ, возжи вырвалъ и татарина нашего съ козелъ сбросилъ, а тамъ дальше самъ видѣлъ, что было.

— И ты, Федосья Агеевна, человѣка не знаешь?

— Не знамый онъ мнѣ, хрипло отвѣтила дѣвушка глядя въ сторону.

— Да не хитришь ли? Не самъ ли своего соглядатая на насъ наслалъ? Откуда бы ему такому взяться середь дороги? продолжала Угрюмова.

— Ой, бабы, ума рѣшили, только и могъ воскликнуть Филиппъ и угрюмо отвернулся отъ женщинъ. Понялъ онъ, что проиграно дѣло его, что вклеился онъ какъ слѣпой въ пчелиный улей, и что не проститъ ему исправникъ переполоха въ честномъ домѣ, загнанной лошади, да теперь еще смерти никому невѣдомаго человѣка.

— Тпру, стой, стой! крикнулъ онъ на своего гнѣдаго, вдругъ съ храпомъ рванувшагося въ сторону.

Изъ-за густаго куста виднѣлся крупъ Чалаго и слышалось его тихое, какъ бы жалобное ржаніе.

— Подержи, что-ль, возжи, Наталья Прохоровна, конь не вашъ, смирный, не разнесетъ.

Выскочивъ изъ коробка, Филиппъ направился къ лошади.

Чалый стоялъ опустивъ голову, водя ноздрями по посинѣвшему лицу распростертаго передъ нимъ татарина Чамки. Глубоко ушло въ высокую траву тѣло вылетѣвшаго изъ коробка кучера. Голова его ударилась о пень, громадная лужа крови стояла кругомъ и ѣдкій запахъ ея пугалъ дрожавшаго всѣмъ тѣломъ коня. Лицо мертваго Чамки было повернуто вверхъ, полураскрытые глаза и оска-

...ые зубы сохраняли то самое лукаво-ласковое выраженіе, съ какимъ онъ глядѣлъ на своего четвероногаго любимца.

Сбылось ли предсказаніе Якима и прямо-ли, косвенно ли, а нашелъ онъ свою смерть отъ Чалаго.

— Ну, не дешево обошлась погоня за тобой, Наталья Прохоровна: еще упокойникъ!

— Еще, прошептали обѣ женщины, и уже до самаго возвращенія не проронили ни слова.

Когда Филиппъ осадилъ исправничью лошадь у воротъ Ситниковскаго дома, Угрюмова отвела въ сторонку Фенюшку.

— Поди, оповѣсти Устинью Евграфовну, чтобъ встрѣчала она меня, какъ гостью, и весь мой разговоръ съ этимъ (кивнула она на Филиппа) передай ей. Видно, и для меня просвѣтъ наступилъ, теперь ужъ своя воля, такъ нечего намъ и свары варить...

Глубоко вздохнувъ, просвѣтлѣвшимъ лицомъ, ясными, твердыми глазами оглянулась она кругомъ.

Еще не взошло солнышко, чуть-чуть порѣдѣла мгла ночи, потянулась роса, робко, въ одиночку послышался въ вѣтвяхъ щебетъ просыпавшихся птицъ,—по лѣсу шелъ отецъ Афанасій, вдыхая всей грудью свѣжій, смолистый запахъ лѣса.

Примѣчая осьмиконечные кресты, вырѣзанные на краснокорыхъ соснахъ, онъ направился къ пасѣкѣ старика Мирона. Ясно, спокойно было у него на душѣ, самопоставленный архіерей покончилъ съ мучившимъ его вопросомъ; онъ снова былъ только Афанасій,—человѣкъ, ума и сердца

котораго коснулась рука Всевышняго; отпала отъ него гордыня, ложь, и страстно хотѣлось ему отстрадать и очиститься. Отнынѣ возьметъ онъ посохъ въ руки, пещуръ надѣнетъ на рамена, и какъ странникъ пойдетъ въ широкій міръ Божій, „вѣру пытать“, искать, гдѣ истина, гдѣ правда Божія. Голодомъ, холодомъ, страстной проповѣдью слова Божьяго смоетъ онъ грѣхъ свой.